

ВЕСТНИК

АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОЙ АССОЦИАЦИИ
ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

№ 2-3

ВЛАДИВОСТОК
2011

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Стародумова Е.А., д.ф.н., профессор

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Прияткина А.Ф., д.ф.н., профессор

Богданова О.В., д.ф.н., профессор

Крапивник Л.Ф., д.ф.н., профессор

Чаплыгина И.Д., д.ф.н., профессор

Шестопалова В.И., к.ф.н., профессор

Первушина Е.А., к.ф.н., профессор

Рублёва О.Л., к.ф.н., профессор

Соколова И.В., к.ф.н., доцент

Милянчук Н.С., к.ф.н., доцент

Издание подготовлено
при финансовой поддержке
фонда «Русский мир»

На обложке:

Торжественный приём участников IV-й международной научно-практической конференции «Русский язык и русская культура в диалоге стран АТР» на учебном судне Морского государственного университета им. адм. Г.И. Невельского «Надежда»

СОДЕРЖАНИЕ

Русский мир в странах АТР

Во Куок Доан

Русский мир во Вьетнаме 11

Е.В. Щербина

Оценка интереса к изучению русского языка в Таиланде на примере провинции Пхукет 18

Т.Д. Лавриненко

Формирование образа России в сознании иностранных учащихся 23

Этнокультурное сознание – язык – коммуникация

Ю.О. Коновалова, Моу Фансяо

Некоторые особенности зоонаименований человека в русском и китайском языках 28

Чжан Лэй

Языковые особенности русских и китайских загадок 33

Цзу Сюэцин

Концепт ЗИМА в русской и китайской картинах мира 39

Тянь Цзюнь

Антонимические связи соматических фразеологизмов русского и китайского языков в сопоставительном аспекте 44

И.О. Яськов

Речевая стратегия конфликта в политическом и социокультурном дискурсе 48

В.А. Шульгинов

Гипертекст и концепт 52

Е.Г. Петрова

Концептуализация понятия «душа» в русском поэтическом сознании 57

Актуальные проблемы лингвистической науки

С.О. Савчук

Национальный корпус русского языка: перспективы использования в лингвистических исследованиях и в преподавании 62

Г.Н. Сергеева

Активизация свободных синтаксических форм существительного модели $без+N_2$ в современном русском языке 68

И.Н. Токарчук

Частица *просто* в художественном тексте: стилистический аспект (на материале рассказов и повестей Л. Петрушевской) 74

А.Г. Сергеева

Слова *в заключение, в завершение, в довершение* в текстах разных функциональных стилей 79

Н.С. Милянчук

Внутренняя дифференциация системы средств выражения некатегоричности высказывания в научном стиле современного русского языка 82

К.А. Перцева

Роль частицы *даже* в осложнённом предложении (при полупредикативных отношениях) 86

И.Ф. Бурундукова

Способы выражения временных отношений в русском языке 91

Проблемы региональной лингвистики

О.Л. Рублёва

Топонимические варианты Приморья 95

Ю.А. Гунько, О.В. Лыс

«Рыба & хлеб», или малые города Приморского края в зеркале текстов малых письменных жанров 103

Т.И. Петрова, В.И. Петрова

Особенности речи русских студентов в условиях языковой стажировки в Китае 106

М.Ю. Стрельцова

Прозвищные именованья средств передвижения 110

И.П. Шемякина

Коммуникативные стратегии и тактики в ситуациях купли-продажи (на материале автомобильного рынка г. Владивостока) 115

Н.В. Михайлюкова

Малые письменные жанры в городском транспорте (на материале г. Владивостока) 119

Теория и практика преподавания русского языка как иностранного на современном этапе

Л.Ф. Крапивник

Подготовка иностранных студентов-филологов, обучающихся в вузах России, к итоговой аттестации 123

<i>Н.А. Сабурова</i>	
Методологическая основа формирования профессиональных компетенций лингвиста-инофона в процессе подготовки ВКР	127
<i>И.Б. Череповская</i>	
Общение на уроке русского языка как иностранного: факторы стимулирования коммуникативного взаимодействия	132
<i>Н.Н. Скидан, Н.В. Фролова</i>	
Интерактивное страноведение	137
Мировой литературный процесс: Запад – Россия – Восток	
<i>Е.А. Первушина</i>	
Переводческая рецепция как феномен межкультурной коммуникации	142
<i>И.В. Григорай</i>	
Организация драматического действия в пьесе М. Булгакова «Батум» как причина ее запрещения	148
<i>Ю.А. Яроцкая</i>	
Топос и этнос: художественная рефлексия (тетралогия В.К. Арсеньева и «Корни японского солнца» Б. Пильняка)	152
<i>Е.О. Кириллова</i>	
Эпоха дальневосточного декадентства: поэтика драматического конца	157
<i>М.С. Хроменко</i>	
Языческие и христианские представления о земле в фольклоре Дальнего Востока	164
<i>Л.А. Блинова</i>	
«Чужие» идеи в понимании категории свободы в творчестве А.С. Пушкина 1810-х годов	169
<i>А.Ю. Петухова</i>	
Композиционная роль главы «Золотые ворота» в книге П. Вайля «Гений места»	174
<i>Е.Е. Кобесова</i>	
Пьесы А. Володина в восприятии критики и театра	179
<i>В.И. Стародумова</i>	
Мотив смерти как циклообразующий в альбоме «Вечный пост» А. Башлачёва	184
<i>Е.Д. Джозла</i>	
Выбор действующих лиц в пьесе А. Платонова «Ученик лицея»	189
<i>В.В. Грекова</i>	
«Миттельшпиль» духа и материи (анализ одного рассказа В. Пелевина)	194

Национальные культурные ценности в региональном пространстве

<i>И.В. Поздеева</i>	
Книжные традиции, национальная идентификация и взаимодействие культур	199
<i>Т.А. Арташкина</i>	
Проблема трансформации отечественных культурных ценностей в условиях информационной революции	206
<i>Е.С. Бабкина</i>	
Предпринимательство и рекламная деятельность российских эмигрантов как явление интеграции в социально-экономическое пространство Северо-Восточной Азии 1920-1940-х гг. (на примере анализа рекламных объявлений в детском журнале «Ласточка»)	212
<i>В.А. Королёва</i>	
Искусство музыки и театра корейцев как феномен региональной художественной культуры Дальнего Востока России 1860-1930-х гг.	217
<i>П.Ю. Самойленко</i>	
Проблемы ввоза-вывоза культурных ценностей с территории Приморского края в страны АТР	223
<i>С.А. Баубекова</i>	
Народные чтения в Приморской области в конце XIX – начале XX в.	226

Рецензии

<i>З.Г. Прошина, Г.Р. Романова</i>	
К вопросу о достоверности научной критики (рецензия на монографию Е.А. Первушиной «Сонеты Шекспира в России: переводческая рецепция XIX–XXI вв.»)	232

События

<i>Н.С. Милянчук</i>	
Во Владивостоке прошла IV-я международная научно-практическая конференция «Русский язык и русская культура в диалоге стран АТР»	237

TABLE OF CONTENTS

The Russian world in the Asia Pacific countries

Vo Kuok Doan

The Russian world in Vietnam 11

E.V. Shcherbina

Assessment of interest in studying the Russian language in Thailand, the Phuket province 18

T.D. Lavrinenko

Building the image of Russia among foreign students 23

Ethnocultural consciousness – language – communication

Yu.O. Konovalova, Mou Fansyao

Some features of animal nominations of human beings in the Russian and Chinese languages 28

Zhang Lei

Language features of the Russian and Chinese riddles (head scratchers) 33

Zu Xueqing

Concept *ZIMA* (WINTER) in the Russian and Chinese world pictures 39

Tian Jun

Antonymic connections of somatic idioms in the Russian and Chinese languages in a comparative aspect 44

I.O. Yaskov

The conflict speech strategy in the political and sociocultural discourse 48

V.A. Shulginov

Hypertext and concept 52

E.G. Petrova

The «soul» notion conceptualization in the Russian poetic consciousness 57

The topical problems of the linguistics studies

S.O. Savchuk

The Russian national corpus: perspectives of its use as a tool for researching and language teaching 62

G.N. Sergeeva

The activation of free syntactic forms of the noun in the model $\text{без}+N_2$ in the modern Russian language 68

I.N. Tokarchuk

The particle *просто* in a literature text: the stylistic aspect (in the texts of the stories by I. Petrushevskaya) 74

A.G. Sergeeva

The words *в заключение, в завершение, в довершение* (in conclusion) in texts of different functional styles 79

N.S. Milyanchuk

The internal differentiation of the statement non categoriality expression means system in the scientific style of the modern Russian language 82

K.A. Pertsevaya

The role of the particle *даже* in complicated sentences (with semi predicative relations) 86

I.F. Burundukova

Ways of expressing temporal relations in the Russian language 91

Regional linguistics problems

O.L. Rublyova

Toponymical variants in Primorye 95

Yu.A. Gunko, O.V. Lys

«Fish & bread» or small towns of Primorskiy region in the mirror of small written genres texts 103

T.I. Petrova, V.I. Petrova

The speech peculiarities of the Russian students in a situation of language training practice in China 106

M.Yu. Streltsova

Nicknaming of transportation vehicles 110

I.P. Shemyakina

The communicative strategies and tactics in sales situations (based on Vladivostok city automobile market) 115

N.V. Mikhaylyukova

The small written genres in transport vehicles as a special kind of urban communication (on materials of Vladivostok city) 119

Theory and practice of teaching the Russian language as a foreign language at present day

L.F. Krapivnik

The final certification examination training of foreign philology students studying at the universities of the Russian Federation 123

<i>N.A. Saburova</i>	The methodological basis for professional competences formation process of a foreign language linguist in a degree paper writing process	127	<i>V.V. Grekova</i>	Mittelshpil of spirit and material (analysis of one story by V. Pelevin)	194
<i>I.B. Cherepovskaya</i>	Communication at the Russian language as a foreign language classes: communicative interaction stimulation factors	132	National cultural values in regional surroundings		
<i>N.N. Skidan, N.V. Frolova</i>	Interactive country studies	137	<i>I.V. Pozdeeva</i>	The book traditions, national identification and interaction of cultures	199
The world literature process: West – Russia – East			<i>T.A. Artashkina</i>	The problem of the authentic cultural values transformations in the information revolution situation	206
<i>E.A. Pervushina</i>	Translators' reception as a phenomenon of crosscultural communication	142	<i>E.S. Babkina</i>	Business and advertising activities of the Russian immigrants as an integration phenomenon in the social and economic spheres of North-East Asia during the 1920-1940 years (based on the advertisement analysis example from the children's magazine titled «Swallow»)	212
<i>I.V. Grigoray</i>	Dramatic action organization in “Batumi” play by M. Bulgakov as a reason of its prohibition	148	<i>V.A. Korolyova</i>	The music and theatre arts of the Koreans as a phenomenon of the regional artistic culture of the Russian Far East in 1860-1930 years	217
<i>Yu.A. Yarotskaya</i>	Topos and ethnos: imaginative reflection (V. Arsenev tetralogy and “Roots of the Japanese Sun” by B. Pilnyak)	152	<i>P.Yu. Samoylenko</i>	The problems of the cultural values import/export to/from Primorye territory to the Asia-Pacific countries	223
<i>E.O. Kirillova</i>	The epoch of the Far East decadence: the poetics of the drama end	157	<i>S.A. Baubekova</i>	The public readings in Primorskaya oblast in the end of the 19-th century – in the beginning of the 20-th century	226
<i>M.S. Khromenko</i>	The pagan and Christian ideas about the earth in the Far East folklore	164	Reviews		
<i>L.A. Blinova</i>	The ideas borrowed from the western world and comprehension of a freedom category in Pushkin's poetry in 1910 years	169	<i>Z.G. Proshina, G.R. Romanova</i>	On the issue of scientific criticism credibility (the review of monography by E.A. Pervushina “William Shakespeare sonnets in Russia: translation reception of the 19-21 centuries”)	232
<i>A.Yu. Petukhova</i>	The compositional role of the chapter titled «Golden Gates» in the book titled «Genius Loci» by Peter Vail	174	Events		
<i>E.E. Kobesova</i>	Plays by A. Volodin in perception of criticism and in the director's interpretation	179	<i>N.S. Milyanchuk</i>	The Russian language and the Russian culture in the Asia Pacific countries dialogue. The 4-th international scientific and practical conference took place in Vladivostok city	237
<i>V.I. Starodumova</i>	The death motif as a cycle forming motif in the album titled «Eternal Fast» by A. Bashlachyov	184			
<i>E.D. Dzhola</i>	The choice of actors in Platonov's play “Student of Lyceum”	189			

Сведения об авторах

- Во Куок Доан** – кандидат филологических наук, зав. кафедрой практического русского языка Ханойского университета, г. Ханой, Вьетнам. moonviet@yandex.ru
- Щербина Елена Викторовна** – директор Русского культурно-образовательного центра «Дом живого слова», г. Пхукет, Таиланд. eshcherbina@gmail.com
- Лавриненко Татьяна Дмитриевна** – кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории и методики профессионального образования Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия. dir007@mail.ru
- Коновалова Юлия Олеговна** – кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой русского языка Института иностранных языков Владивостокского государственного университета экономики и сервиса, г. Владивосток, Россия. Write_ole@mail.ru
- Моу Фансяо** – бакалавр лингвистики, выпускница Института иностранных языков Владивостокского государственного университета экономики и сервиса, г. Владивосток, Россия. sweet.315@163.com
- Чжан Лэй** – магистр филологии, выпускница Института русского языка и литературы Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия. rki_iryal@mail.ru
- Цзу Сюецин** – кандидат филологических наук, доцент Хэйлунцзянского университета, г. Харбин, Китай. xq_zu@hotmail.com
- Тянь Цзюнь** – кандидат филологических наук, доцент Цзилиньского университета, г. Чанчунь, Китай. tianjun423@yandex.ru
- Яськов Илья Олегович** – аспирант кафедры русского языка как иностранного Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия. iyaskov@gmail.com
- Шульгинов Валерий Александрович** – старший преподаватель кафедры русского языка как иностранного Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия. prostovalera@yandex.ru
- Петрова Елена Георгиевна** – старший преподаватель кафедры русского языка и литературы Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия. renakun@yandex.ru
- Савчук Светлана Олеговна** – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдела корпусной лингвистики и лингвистической поэтики Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН, г. Москва, Россия. savsvetlana@mail.ru
- Сергеева Галина Николаевна** – кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и литературы Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия. dvgu-kaf-rus@yandex.ru
- Токарчук Ирина Николаевна** – кандидат филологических наук, докторант кафедры русского языка и литературы Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия. tockarchuck.ira@yandex.ru
- Сергеева Анжелика Геннадьевна** – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Благовещенского государственного педагогического университета, г. Благовещенск, Россия. sonchka@amur.ru

Милянчук Наталья Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия. mlnchk@mail.ru

Перцевая Ксения Александровна – старший преподаватель кафедры русского языка и литературы Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия. medusy@mail.ru

Бурундукова Ирина Фёдоровна – аспирант кафедры русского языка и литературы Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия. burundukova_i@mail.ru

Рублёва Ольга Львовна – кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и литературы Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия. olrubleva@mail.ru

Гунько Юлия Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия. gunko_juliya@mail.ru

Петрова Татьяна Ивановна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия. petrova27@mail.ru

Петрова Василиса Игоревна – студентка Восточного института Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия. petrova27@mail.ru

Стрельцова Марина Юрьевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка Института иностранных языков Владивостокского государственного университета экономики и сервиса, г. Владивосток, Россия. evs1955@mail.ru

Шемякина Ирина Петровна – аспирант кафедры русского языка как иностранного Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия. irenity@mail.ru

Михайлюкова Наталья Владимировна – аспирант кафедры русского языка как иностранного Дальневосточного федерального университета, ассистент кафедры русского языка Института иностранных языков Владивостокского государственного университета экономики и сервиса, г. Владивосток, Россия. belon_63@mail.ru

Крапивник Людмила Федоровна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русской филологии Тихоокеанского государственного университета, г. Хабаровск, Россия. lf@mail.khstu.ru

Сабурова Наталья Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии Тихоокеанского государственного университета, г. Хабаровск, Россия. nsaburova@mail.ru

Череповская Ирина Борисовна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия. plenkova@mail.ru

Скидан Наталья Николаевна – старший преподаватель кафедры русского языка как иностранного Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия. nskidan@mail.ru

Фролова Надежда Владимировна – старший преподаватель кафедры русского языка как иностранного Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия. nvfroloff@mail.ru

- Первушина Елена Александровна** – кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка как иностранного Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия. pervushelena@yandex.ru
- Григорай Ирина Викторовна** – кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и литературы Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия. ruslit20vek@mail.ru
- Яроцкая Юлия Александровна** – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия. ulita6@yandex.ru
- Кириллова Елена Олеговна** – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия. sevia@rambler.ru
- Хроменко Мария Сергеевна** – ассистент кафедры русского языка и литературы Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия. lasic@list.ru
- Блинова Линда Александровна** – аспирант кафедры русского языка и литературы Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия. linda.blinova@gmail.com
- Петухова Александра Юрьевна** – старший преподаватель кафедры русского языка как иностранного Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия. al_petuhova@inbox.ru
- Кобесова Есения Евгеньевна** – аспирант кафедры русского языка и литературы Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия. kobesova@mail.ru
- Стародумова Вероника Ильинична** – ассистент кафедры русского языка и литературы Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия. veryachok@yandex.ru
- Джола Елена Дмитриевна** – старший преподаватель кафедры русского языка как иностранного Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия. dzhola@mail.ru
- Грекова Валерия Владимировна** – аспирант кафедры русского языка и литературы Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия. Shika911@gmail.com
- Поздеева Ирина Васильевна** – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Археографической лаборатории Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия. archlab@mail.ru
- Арташкина Тамара Андреевна** – доктор философских наук, кандидат педагогических наук, доцент, профессор кафедры культурологии и искусствоведения Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия. tam.artand@gmail.com
- Бабкина Екатерина Сергеевна** – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии Тихоокеанского государственного университета, г. Хабаровск, Россия. gussinda@yandex.ru
- Королёва Валентина Алексеевна** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, доцент кафедры корееведения Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия. koroleva_val@mail.ru

Самойленко Пётр Юрьевич – кандидат политических наук, доцент, руководитель Приморского территориального управления Росохранкультуры, г. Владивосток, Россия. primhrancultura@mail.ru

Баубекова Светлана Альбертовна – главный библиотекарь Центра российской и зарубежной книги Института научной информации – Фундаментальной библиотеки Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия. nbibl@dvgu.ru

Прошина Зоя Григорьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры теории преподавания иностранных языков Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия. uliana_p@mail.ru

Романова Галина Романовна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и литературы Амурского гуманитарно-педагогического государственного университета, г. Комсомольск-на-Амуре, Россия. galinar2005@mail.ru

РУССКИЙ МИР В СТРАНАХ АТР

THE RUSSIAN WORLD IN THE ASIA PACIFIC COUNTRIES

УДК 808.2+809.527

Во Куок Доан
Ханойский университет
г. Ханой, Вьетнам

Vo Kuok Doan
Hanoi University,
Hanoi City, Vietnam

РУССКИЙ МИР ВО ВЬЕТНАМЕ

THE RUSSIAN WORLD IN VIETNAM

Автор подвергает критическому анализу состояние изучения и преподавания русского языка и литературы во Вьетнаме, ставит вопрос о необходимости преодоления этой ситуации и выдвигает комплекс неординарных мер, направленных на возрождение мотивации граждан Вьетнама и других стран Юго-Восточной Азии к изучению русского языка, которые могли бы стать залогом формирования настоящего Русского мира в регионе.

Ключевые слова: *Вьетнам, Интернациональный университет Русского мира, идеологическая и социально-культурная значимость Русского мира в ЮВА, «макросоциум и всеобщий мозг» Русского мира.*

The author of the present article analyses critically the processes of teaching and learning the Russian language and the Russian literature in Vietnam, raises the issue on necessity in eliminating the current situation and proposes taking some extraordinary measures aiming at motivating the Vietnamese citizens and other South-East Asia countries peoples to learn the Russian language. It might become a key point in the real Russian world formation in this region.

The key words: *Vietnam, The Russian World International University, ideological, social and cultural importance of the Russian World in the South-East Asia countries, macrosociety and global mind of the Russian World.*

Понятие «Русский мир во Вьетнаме» можно рассматривать в широком и узком смысле. В широком смысле «Русский мир во Вьетнаме» – это более 60 лет российско-вьетнамских отношений, которым Президент РФ Дмитрий Медведев на торжественной церемонии в Большом Кремлёвском дворце по случаю вручения теперь уже бывшему генеральному секретарю

ЦК Компартии Вьетнама Нонг Дык Маню медали им. А.С. Пушкина дал такую оценку: «Вьетнам и Россию связывают 60 лет крепкой дружбы, сотрудничества в самых разных областях, во многом благодаря этому в Вашей стране хорошо знают и ценят русскую литературу, искусство, знают русский язык». В настоящее время приоритетными в отношениях Вьетнама и России являются такие направления, как оборона и безопасность, энергетика, машиностроение, транспорт и инфраструктура, инвестиции, образование, туризм [3]. В узком смысле «Русский мир» во Вьетнаме – это деятельность фонда, который был создан в 2007 году по указу Президента России В.В. Путина и во второй половине 2010 г. и начале 2011 г. открыл два русских центра в Международном институте при Вьетнамском государственном университете в Ханое и в Государственном педагогическом университете в Хошимине, а также два кабинета русского языка в Ханойском филиале Института русского языка им. А.С. Пушкина и в Институте социальных и гуманитарных наук при Хошиминском национальном университете.

А как перевести на вьетнамский язык словосочетание «Русский мир»? Всем известно, что в русском языке эти слова охватывают, как заметил исполнительный директор фонда В. Никонов, «множество понятий и очень сложное содержание. А с точки зрения политического наполнения тоже могут звучать очень по-разному... Русский мир – это цивилизация, и как цивилизация шире этносов и наций, территорий, религий, политических систем и идеологических пристрастий» [1: 5]. Для отражения столь разнообразных семантических компонентов, кажется, во вьетнамском языке невозможно найти эквивалентный перевод, который мог бы иметь форму словосочетания. До сих пор у вьетнамских русистов нет единого мнения о том, насколько корректен вьетнамский переводной вариант названия знаменитого романа Льва Толстого «Война и мир». Ведь если «мир» Толстого понимается не (или не только) как отсутствие войны (хотя существуют и иные мнения и аргументы), то вариант перевода на вьетнамский язык «*Hoà bình*» (Хоабинь) придётся изменить. Поскольку во вьетнамском языке «Хоабинь» имеет

исключительно значение «время, положение либо состояние без войны, вражды и конфликта». Но если по поводу этого понятия, сформулированного ещё в XIX веке, ещё можно спорить, то «мир» в сегодняшнем словосочетании «Русский мир» уж точно никак не может ограничиваться семой «отсутствие войны».

Вернёмся к тому, какой вариант перевода на вьетнамский язык будет приемлем для многозначной концепции Русского мира. Если соглашаемся с определением В. Никонова, приведенным выше, то вьетнамский вариант перевода должен быть обозначен сложным словосочетанием расширенного характера “*Thế giới – cộng đồng – hoà bình – văn minh – nhân loại Nga*”. Растолкуем: *Thế giới* – это Вселенная во всей её совокупности, вся жизнь в бесконечности, всё, что есть во Вселенной; *Cộng đồng* – община, содружество; *Hoà bình* – это мир без войны, вражды и конфликта; *Văn minh* – это цивилизация, а *Nhân loại* – это люди, человечество. И все эти семы должны быть включены в одно понятие – одно целое, впитывающее в себя «русский характер», что традиционно обозначается по-вьетнамски как “*Nga*”. Хотя с точки зрения достоверности при переводе географических названий и имён собственных на вьетнамский язык мы бы придерживались способа транслитерации: «Русский» во вьетнамской орфографии – “*Russkyi*”. В соответствии с грамматическими и стилистическими нормами вьетнамского языка, перевод на вьетнамский язык словосочетания «Русский мир», по нашему мнению, пока должен быть оформлен в двух вариантах – “*Thế giới Nga*” (Тхэзой Нга) и “*Thế giới Russkyi*” (Тхэзой Русский).

На протяжении более 60 лет крепкой дружбы и сотрудничества между Россией и Вьетнамом для многих поколений вьетнамцев, и старых и молодых, в том числе для меня, Россия и русский язык являются предметом профессионального интереса и частью жизни. Мы радуемся и переживаем, гордимся успехами России и российского народа и расстраиваемся в связи с неудачами. Мы чувствуем себя причастными к России и российской культуре и поэтому, наверное, мы тоже можем включать себя в Русский мир. Тем более что в этом мире мы чувствуем себя удобно и комфортно. Все люди разные, у каждого есть своя жизненная

позиция и собственное мнение. Мы относимся к категории людей, которые всегда с надеждой и энтузиазмом смотрят в будущее, хорошо зная, что происходило и происходит в стране и в мире. Сегодня мы хотели бы высказать своё мнение и наше видение процесса формирования во Вьетнаме, а в перспективе и во всей Юго-Восточной Азии, концепции Русского мира.

Сегодня просто необходимы восстановление интереса к изучению русского языка и его популяризация во Вьетнаме и других странах Юго-Восточной Азии. Конечно, решение этого вопроса во многом и зависит от той политики, которую проводит Россия в отношении отдельно взятой страны, а также от репутации Российского государства на международной арене. Если говорить о прошлом, то всем нам известно, какую роль играл Советский Союз в мировом масштабе, какой политический курс он проводил в отношении многих зарубежных государств и, наконец, насколько был силён и важен русский язык в мировом языковом пространстве. Конечно, приятно об этом вспоминать, и многие из моих коллег предпочитают говорить, что о таком нам сейчас остаётся только мечтать. С этим мнением нельзя не согласиться. Тем не менее, мы думаем, что общими усилиями мы можем и должны переломить сегодняшнюю ситуацию, когда русский язык теряет свои позиции на мировой арене и в регионе, а большинство преподавателей, работающих за пределами России, констатируют его малопривлекательность для зарубежных учащихся.

Если до 1990-х годов количество вьетнамцев, изучающих русский язык на разных формах обучения, составляло примерно 600 000 человек в год, то в постсоветском Вьетнаме – порядка 10 000-12 000 человек, то есть это количество уменьшилось в 50-60 раз. Конечно, эти цифры заставляют нас задуматься. Но не менее серьёзная проблема заключается в весьма низком уровне обучения русскому языку практически во всех спецвузах Вьетнама, а также в оставшихся 12 спецшколах, где преподаётся русский язык. Отсутствие современной технологии и опыта преподавания русского языка как иностранного, отсутствие преподавателей – носителей русского языка (если в

каких-то вузах они есть, то это единичные случаи, их можно пересчитать по пальцам, да и не все из них профессионалы). Русская языковая компетенция у большинства вьетнамских преподавателей оставляет желать лучшего. Большинство из них учились в вузах России 20-30 лет тому назад, и с тех пор успели изрядно «вьетнамизировать» свой русскоязычный багаж, который и в те времена был далёк от идеала. На занятиях по русскому языку во вьетнамских вузах преподаватели и студенты говорят либо на вьетнамском языке, либо на ломаном, неестественном русском языке. Студенты сплошь допускают орфоэпические и лексико-синтаксические ошибки, а преподаватели не в состоянии их исправлять. Устарелость методов преподавания, отсутствие национально ориентированных пособий, учебных материалов и оборудованных компьютерных классов и лингафонных кабинетов – вот далеко не весь перечень наболевших вопросов. Что ещё очень важно, во вьетнамских вузах практически нет притока свежих сил, а если где-то ещё есть энтузиасты, они не в состоянии расшевелить своё «болото», которому свойственна психология массы, тяготеющая к усреднённости и малоподвижности.

Всё это приводит к тому, что вьетнамские выпускники, получившие степень бакалавра русского языка, не могут сформулировать даже самые простые русские фразы, у них отсутствуют навыки восприятия и порождения естественной русской речи. Поэтому нет ничего удивительного в том, что после окончания вуза они либо устраиваются работать по другой специальности, либо вообще не могут найти работу с их вьетнамизированным русским языком. Это если говорить только об элементарном уровне владения практическим русским языком у выпускников вьетнамских специализированных вузов. Что касается их знаний о русской и мировой литературе, то здесь дело обстоит ещё хуже. Может показаться странным, но это действительно так: за весь четырёхлетний период обучения русскому языку и литературе вьетнамские студенты практически не брали в руки ни одной русской художественной книги! Имена А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского они знают только понаслышке, и зачастую даже

неправильно их произносят. Свой родной вьетнамский язык они также знают недостаточно хорошо, говорят на нём с провинциальным акцентом и орфоэпическими ошибками, потому что за последние годы на отделение русского языка поступают в основном абитуриенты из глубинки, которые не смогли поступить на другие факультеты иностранных языков – таких как английский, китайский, немецкий, японский, французский. Даже корейский язык на сегодняшний день у вьетнамских абитуриентов престижнее, чем русский. Проблем у нас предостаточно, поскольку процесс обучения и преподавания в значительной степени зависит от запроса рыночной экономики и осуществляется порой в коррумпированном мире. Наши студенты часто задают вопросы: зачем мне учиться русскому языку, что я буду иметь от этого, смогу ли я найти хорошо оплачиваемую работу, связанную с русским языком.

Вернёмся к необходимости восстановления интереса к изучению русского языка и дальнейшей его популяризации во Вьетнаме – стране с населением почти 90 миллионов человек, имеющей центральное геополитическое значение в блоке стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН). Дело нужное и благородное, и осуществлять его необходимо целенаправленно и последовательно, и не только теми способами, которые были применимы в прошлом веке. Современная геополитическая обстановка – это уже иная данность, и в новых условиях должны быть выработаны другие подходы. Этот вопрос нужно решать на уровне Президента и высшего руководства России, и в его решении фонд «Русский мир» может играть важнейшую роль, оказывая нам неоценимую помощь. На встрече с вьетнамскими выпускниками советских и российских вузов, организованной во время официального визита Дмитрия Медведева во Вьетнам в конце 2010 года, Президент России высказал пожелание и серьёзные намерения российского правительства и руководства страны распространять и популяризировать русский язык во всём мире, выделяя на это значительные средства. Казалось бы, решена важнейшая часть проблемы, но, по нашему мнению, другая, не менее важная его сторона продолжает вызывать сомнения и

споры. Речь идёт о выработке грамотной концепции «Русского мира» и её менеджменте, ведь нам нужно не просто приобрести какой-то товар, а осуществить масштабный процесс распространения и укоренения русского языка и культуры России в других мирах, отличных от русского по многим параметрам: идейно-философским, религиозно-политическим, социально-культурным. «Русский мир» должен обеспечить эффективный менеджмент процесса реализации благородной инициативы российского правительства и руководства России, чтобы деньги были потрачены целесообразно и адресно и чтобы в этом процессе не нашлось места всякого рода злоупотреблениям.

Следует заметить, что в постсоветское время во Вьетнаме распространением и популяризацией русского языка продолжает заниматься исключительно Министерство образования и подготовки кадров СРВ (МОПК), которое реализует планы и проекты через свои ведомства и подведомственные вузы. Его прямым партнёром в России является Департамент международного сотрудничества Министерства образования и науки РФ. Согласно данным Управления международного образования МОПК СРВ, в конце декабря 2010 г., во время состоявшихся в Департаменте международного сотрудничества Министерства образования и науки РФ переговоров, помимо обсуждения вопросов, касающихся ежегодной подготовки по гослинии вьетнамских русистов в российских вузах и порядка регулирования задолженности в 2010 г., обе стороны договорились о дополнительном выделении российской стороной квот для обучения вьетнамских граждан в российских вузах (до 500 мест в год по гослинии), приёме вьетнамских преподавателей русского языка на трёхмесячную стажировку в России, совместной подготовке вьетнамских бакалавров, магистрантов и аспирантов по направлению или специальности «русский язык» в стенах вьетнамских и российских специализированных вузов по схеме «2 года во Вьетнаме + 2 года в России» или «2 года во Вьетнаме + 3 года в России», а также об оказании российской стороной содействия в составлении новой программы обучения русскому языку и создании пособий и учебных материалов для вьетнамских вузов, в которых изучается русский

язык. Восстановлением интереса к русскому языку и его популяризацией во Вьетнаме активно занимаются и Центр русского языка Российского центра науки и культуры (РЦНК) при Россотрудничестве и Филиал Института имени Пушкина в Ханое. «Центр русского языка РЦНК в Ханое в настоящий момент находится в поиске путей оптимизации и интенсификации обучения РКИ, которое ведётся в двух направлениях – в компьютеризации процесса обучения и в создании национально ориентированных учебников и учебных пособий» [2: 12].

Таким образом, суммируя всё вышесказанное, определим собственную позицию. Значимость «Русского мира» во всём мире, в частности во Вьетнаме, трудно переоценить, потому что одной из основных задач «Русского мира» является популяризация русского языка и культуры, поддержка программ изучения русского языка в зарубежных странах. Однако если деятельность «Русского мира» будет ограничиваться только открытием русских центров и кабинетов русского языка в разных странах, предоставлением грантов и образовательных программ иностранным гражданам, желающим изучать русский язык и литературу, организацией и проведением научно-методических симпозиумов и конференций преподавателей русского языка и т.п., то, на наш взгляд, это не будет в полной мере соответствовать грандиозной идее создания настоящего Русского мира в международном сообществе и его неоспоримой ценности в будущем нового мирового устройства. Такой деятельностью занимаются российские и зарубежные министерства и государственные ведомства, в том числе и структуры Россотрудничества. В этом направлении, как нам представляется, «Русский мир» должен играть только вспомогательную роль и оказывать этим госструктурам необходимую материальную поддержку, либо совместно с ними осуществлять целевые проекты. В зарубежных странах особо не различают, какие российские структуры организуют те или иные конференции, предоставляют квоты или гранты. В этом нет особой необходимости. Достаточно знать, что это делают русские, а не американцы, французы или китайцы. Хотелось бы, чтобы то, что делают русские, отличалось от

того, что делают другие, высоким качеством и уникальностью, свойственной русской ментальности.

К сожалению, в настоящее время во Вьетнаме ещё бывают случаи, когда не набирается достаточное количество желающих поехать учиться в Россию по выделенным квотам по гослинии, для победителей олимпиад по русскому языку, на стажировку и курсы повышения квалификации. Посещаемость занятий по русскому языку в российских центрах, читальных залов РЦНК и Филиала Института имени Пушкина оставляет желать лучшего. Вызывает большую тревогу и зачастую очень низкая посещаемость занятий по русскому языку в специализированных вьетнамских вузах. Научно-методические конференции, организуемые РЦНК или какими-нибудь вузами, посещают очень немногие преподаватели русского языка, а явка студентов обеспечивается в добровольно-принудительном порядке для создания видимости массовости. Унизительной и прискорбной можно считать практику материального стимулирования посещения собраний, когда при регистрации участников практически каждой научной конференции во Вьетнаме им дают конверты с деньгами! В этой обстановке открытие нескольких кабинетов «Русского мира» во Вьетнаме вряд ли серьёзно изменит ситуацию.

Нам намного приятнее и интереснее видеть Русский мир в некоем образе общего идейно-духовного, социально-культурного и единого информационного пространства, в котором каждый хочет и может считать себя «гражданином Русского мира», не ощущая какого-либо ущерба в отношении своих национальных и патриотических чувств, и мыслит, выражаясь словами Д.С. Лихачёва, категориями макросоциума – независимо от того, в каком полушарии и стране он живёт, какого цвета его кожа и какого он вероисповедания. Нам нужен именно такой Русский мир, такая метацивилизация, такой «всеобщий мозг», в котором концентрируется не только «богатейшее культурное наследие России», но и всё самое лучшее из накопленного малыми и большими народами мира. Дело это, конечно, очень непростое, для создания такого мира понадобятся ещё многие годы. Тем не менее, настало время глобальной

демократизации и интеграции, социализации и деполитизации человеческих обществ и культур, поэтому на первых этапах своей деятельности Русский мир должен формироваться так, чтобы его русское пространство стало более свободным и доступным каждому желающему проникнуть в него, менее уязвимым и зависимым от разных политических соображений, – такая концепция должна быть присуща Русскому миру не только во Вьетнаме, но и во всех уголках Земного шара. Ведь если бы во время существования такой супердержавы, как СССР, русский язык и культура России распространялись и укоренялись бы не только сверху, но и снизу, то, может быть, положение русского языка в мире не было бы таким катастрофическим, как после распада Советского Союза. Ошибки прошлого – уроки будущего. Все мы учимся на своих и чужих ошибках. Бесспорно то, что нужно выработать другую, отличную от применявшейся во времена Советского Союза, концепцию упрочения позиций русского языка и его популяризации во всём мире.

Мы убеждены, что с учётом сегодняшних реальных (малоутешительных) перспектив распространения русского языка во Вьетнаме от Русского мира потребуется комплекс целенаправленных и последовательных действий, которые могли бы способствовать возрождению интереса к русскому языку и культуре России в разных слоях вьетнамского общества, и этот комплекс действий вполне может служить примером для организации подобной деятельности в других странах и уголках земного шара. В рамках данной статьи обозначим только самые ключевые направления этой деятельности, а именно:

1. Создание в столице Вьетнама Интернационального университета Русского мира со статусом негосударственного вуза и платным обучением. В университете Русского мира занятия по научно-техническим и социально-гуманитарным специальностям и направлениям должны вестись на русском языке. Учебно-материальная база университета должна быть развитой, соответствующей всем международным стандартам. Программы обучения должны строиться по российским стандартам с учётом региональных и

национальных особенностей. В стенах университета должен быть собран колоссальный интеллектуальный потенциал: блистательные теоретики, экспериментаторы, педагоги. Если такой университет Русского мира будет создан в Ханое, по нашему глубокому убеждению, будет решён очень широкий комплекс ключевых вопросов, касающихся не только позиции русского языка в регионе, но и имиджа России в Юго-Восточной Азии. Русский мир будет закреплён в регионе в социально-гуманитарном отношении, а не только в политическом и военном аспектах.

Понятно, что для создания такого престижного интернационального университета потребуются большие материальные и человеческие затраты. Но всё это обязательно окупится, причём за короткий срок, потому что в современных условиях, когда Вьетнам и другие страны ЮВА испытывают большие проблемы в области образования и подготовки квалифицированных кадров, в университете на платной основе будут обучаться не тысячи, а десятки тысяч студентов, которые потом будут применять полученные знания во всех сферах народного хозяйства, а значит, «русский дух и характер» пустит корни здесь на долгие годы – независимо от того, какие политические силы будут определять стратегию развития этого региона.

2. Поддержка, а при необходимости спонсирование различных проектов российского малого и среднего бизнеса в регионе ЮВА, включая совместные проекты с местными коммерческими структурами. Благоприятная для развития малого и среднего российского бизнеса среда будет способствовать решению проблемы трудоустройства выпускников университета Русского мира, что будет стимулировать массовую мотивацию серьёзного изучения русского языка и литературы.

3. Спонсирование программ на русском языке, транслирующихся главными телеканалами местного радио и телевидения, сотрудничество с местными и региональными средствами массовой информации, распространяющими и пропагандирующими российские культурные ценности, и их всесторонняя поддержка.

4. Спонсирование программ культурного обмена, особенно организация гастролей в различных городах Вьетнама российских балетных, музыкальных коллективов, исполнителей современной эстрадной и традиционной народной музыки.

5. Строительство русской православной церкви в регионе, участие в различных местных и региональных благотворительных акциях.

Совсем недавно в Ханое вьетнамским школьникам и студентам на олимпиаде по русскому языку было предложено написать сочинение на тему «Русский язык – первый в космосе». Хотелось бы, чтобы русский язык не только был бы первым в космосе, но и занял бы лидирующие позиции в нашем глобальном мире!

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Никонов В. Не воспоминание о прошлом, а мечта о будущем. Статья 1. Вестник Русского мира. – М., 2010.
2. Скаяева Е.В., Фунг Чонг Тоан. Русский язык в современном Вьетнаме. Статья 1. Вестник Филиала Института им. Пушкина в Ханое. – Ханой, 2009.
3. Информационная служба фонда «Русский мир».

Е.В. Щербина

Русский образовательно-культурный центр

«Дом Живого Слова»

г. Пхукет, Таиланд

E.V. Shcherbina

Russian Educational and Cultural Centre

Alive Word House (Dom Zhivogo Slova)

Phuket, Thailand

ОЦЕНКА ИНТЕРЕСА К ИЗУЧЕНИЮ РУССКОГО ЯЗЫКА В ТАИЛАНДЕ НА ПРИМЕРЕ ПРОВИНЦИИ ПХУКЕТ

ASSESSMENT OF INTEREST IN STUDYING THE RUSSIAN LANGUAGE IN THAILAND, THE PHUKET PROVINCE

В статье дана оценка интереса к русскому языку в Таиланде, представлено современное состояние его преподавания в провинции Пхукет, отражена специфика этого процесса и основные проблемы. Автор делает вывод о необходимости разработки национально ориентированной методики преподавания русского языка, адресованной именно тайской аудитории, объединяющей носителей своеобразных культурных традиций и менталитета.

Ключевые слова: *Таиланд, Пхукет, Дом Живого Слова, международная школа, русский язык, сервис, туризм.*

The report focuses on assessing interest in studying the Russian language. The article describes a current state of teaching the Russian language in Phuket educational institutions, target groups, looks at the specifics of the audience and the complexity of this working process. The author makes the conclusion on the importance of an individual approach to the audience who are the representatives of the specific culture and traditions.

The key words: *Thailand, Phuket, Living Word House (Dom Zhivogo Slova), international school, the russian language, services, tourism.*

Русский образовательно-культурный центр «Дом Живого Слова» – первый русский культурный центр на Пхукете и единственное учреждение профессиональной психологической помощи на русском языке в Таиланде. Официально действует в Таиланде с 15 мая 2009 года.

Наша миссия:

Сохранение и развитие русского языка и русской культуры в сознании детей и взрослых, длительное время проживающих за рубежом.

Обеспечение эффективной интеграции в иноязычную и инокультурную среду при сохранении русской этнокультурной идентичности.

Предоставление услуг в области образования, педагогики, психологии, психотерапии и консультирования на высоком профессиональном уровне.

Направления деятельности:

- русский язык для детей всех возрастов из русских и смешанных семей;

- русский язык для иностранцев (РКИ);
- помощь в освоении школьной программы;
- логопедия и дефектология;
- иностранные языки (английский, испанский, китайский);
- психологическое консультирование и психотерапия;
- программы адаптации детей и взрослых к англоязычной культурной среде, в частности к школьному обучению на английском языке;
- культурно-эстетическое воспитание;
- тренинги, семинары, культурно-просветительские занятия;
- предложения для бизнеса.

Русский образовательно-культурный центр «Дом Живого Слова» располагает профессионально оборудованными классами для преподавания, кабинетом логопеда-дефектолога,

психолого-терапевтическим кабинетом, арт-классом, хореографическим залом.

Образование на Пхукете. Пхукет – самый большой остров Королевства Таиланд, располагается на юго-западе страны, в бассейне Андаманского моря Индийского океана. В соответствии с административным делением является провинцией Таиланда. Население Пхукета в основном состоит из этнических тайцев и малайцев, также здесь проживает большая община этнических китайцев. Испытавший на себе влияние различных культур на протяжении многих столетий, получивший в свое время интенсивное развитие и влияние в тайском обществе за счет добычи олова, современный Пхукет приобрел репутацию элитарного международного курорта. Сейчас наиболее активно развивающимися направлениями экономики этой провинции являются туризм и сервис туристской отрасли, большое значение имеет сектор недвижимости, другие же сферы экономики, такие как сельское хозяйство, внешняя торговля, производство, уступают этим отраслям. Тем не менее Пхукет несомненно обладает высоким экономическим потенциалом и широкими перспективами развития.

В сфере образования Пхукет следует тайландской государственной политике и за последнее десятилетие прошел значительный путь в развитии этой отрасли. Современный Таиланд переживает «ускорение темпов промышленного роста, становление новых отраслей промышленности, трансформацию традиционной структуры национального хозяйства, преобразования в социальной и политической сферах. Любые изменения в экономике, политике и социальных отношениях влияют на развитие системы образования. По своему значению и воздействию на другие сферы политической, экономической, социальной и культурной жизни современная система образования выступает одним из наиболее важных и приоритетных направлений национального развития» [1].

Частные и государственные учебные заведения. Образование в Таиланде является обязательным для детей в возрасте от 6 до 15 лет, остальные, в первую очередь молодежь, получают его по желанию – если планируют поступать в высшие учебные заведения страны. По завершении обязательной шестилетки только небольшой процент учеников

продолжает свое образование, чтобы окончить среднюю школу, лишь половина из них получает аттестат о среднем образовании.

Не так давно правительство объявило о своем намерении увеличить число обязательных классов до девяти. Конечно, данная система обязательного образования учитывает интересы в первую очередь простых тайцев, дети которых получают образование в национальных школах за символическую плату и только по основным предметам. К слову сказать, уровень грамотности в Таиланде составляет 94%¹, что выше, чем в большинстве сопредельных стран Юго-Восточной Азии.

Состоятельные граждане Таиланда способны дать своим детям образование в тайских школах другого рода. Как правило, это **частные школы**, где обучение ведется по программам, близким к международному образцу, на двух языках (тайском и английском). На Пхукете таких школ несколько: Darasamuth Phuket School, Kajonkietsuksa School, Wittaya Sathid School.

Следующий качественный уровень начального и среднего образования – **международные школы**, обучающие по учебным программам Великобритании или США. В них преподавание ведется на английском языке, тайский язык изучается как второй язык. Как правило, численный состав тайских учеников колеблется в районе одной трети от общего числа учащихся, остальные школьники – дети из иностранных и смешанных семей, в том числе и русские дети. Выпускники школы имеют право быть зачисленными в университеты и колледжи Оксфорда и Кембриджа, или в Лигу плюща, на общих основаниях с выпускниками британских или американских школ. Конечно, выпускники могут быть нацелены на другие колледжи и университеты мира по своему выбору и возможностям. Почти все из них покидают Пхукет, чтобы продолжить обучение в других местах. В настоящее время на острове действуют такие международные школы, как British International School, HeadStart International School Phuket, Phuket International Academy (PIADS), QSI International School of Phuket.

Высшие учебные заведения провинции Пхукет представлены двумя государственными университетами, такими как Prince of Songkhla University и Rajabhat University. На

¹ По материалам сайта www.phuket.com

Пхукете также есть ряд колледжей технической и профессиональной подготовки (Phuket Polytechnic College, Phuket Technical College, Phuket Thalang Technical College и Phuket Vocational Education College).

С особой гордостью Prince of Songkhla University представляет возможность пройти обучение по международным программам управления гостиничным бизнесом и бизнесом в сфере туризма, по программе международного бизнеса в Китае с изучением китайского языка, а также по англоязычным программам MBA.

Удивительно, но все представленное многообразие образовательных учреждений Пхукета – результат последних 10-15 лет, что как нельзя лучше иллюстрирует стремительный рост отрасли образования во всей стране.

Выбираемые иностранные языки. Образовательный процесс и в школах, и в вузах, предполагает изучение одного или двух иностранных языков по выбору учащегося. Следует подчеркнуть особое положение тайского языка, который, не всегда являясь *lingua franca* учебного процесса, тем не менее подлежит обязательному изучению всеми студентами, в минимальном или большем объеме. Таким образом, если учащемуся предоставляется выбор второго иностранного языка, то фактически для многих студентов и школьников это третий иностранный язык. На выбор ученика влияет множество факторов, но, как правило, это выбор рациональный. Поэтому он делается либо в пользу родного языка, который иностранные учащиеся могут изучать с известным преимуществом, либо в пользу языка, считающегося «престижным», «деловым», «популярным». С учетом этих факторов представляется интересным взглянуть, какие языки входят в программу международных школ в качестве второго иностранного: английский, китайский, немецкий, испанский, французский, корейский. В последнее время в международных школах появились дети из русских семей. Возможно, вскоре в список языков для выбора учащегося будет добавлен и русский язык. Хотя совершенно очевидно, что для этого должна быть проделана немалая работа.

Преподавание русского языка на Пхукете. Интересно, что в обоих университетах Пхукета (Prince of Songkhla University и Rajabhat University) предпринимались попытки начать обучение русскому языку. Но постепенно эти

попытки сошли на нет. Причины такого печального явления можно искать и в организации учебного процесса, и в недостаточной материальной базе – анализ этих причин должен стать целью отдельного исследования.

В международных школах также есть примеры преподавания русского языка. В British International School факультативно преподается курс родной литературы на русском языке. В прошлом году Русским образовательно-культурным Центром на Пхукете в British International School читался факультативный курс «Погружение в русскую культуру», адресованный русским детям, обучающимся в школе. В этом году в HeadStart International School Phuket предложено сформировать факультатив для обучения школьников русскому языку как иностранному.

Русский образовательно-культурный Центр предлагает обучение РКИ для тайцев и других иностранцев. Опыт, полученный в этом направлении, на наш взгляд, очень интересен. Обучение русскому языку тайской аудитории – интересный и познавательный процесс, как для студента, так и для преподавателя. Безусловно, здесь есть место исследовательской деятельности, результатом которой может стать методика, адресованная именно тайской учебной аудитории.

Целевые группы. В современном Таиланде выделяются три базовые группы, заинтересованные в изучении русского языка.

- сервис и туризм (главным образом, чтобы создать условия для привлечения русскоязычной публики);
- бизнес (в этой сфере русские рассматриваются в первую очередь как клиенты, потребители услуг и лишь в небольшом проценте случаев как деловые партнеры);
- русскоязычное меньшинство (не для всех русских, проживающих за рубежом, очевидна необходимость сохранять русский язык и поддерживать русскую культуру. Осознание важности изучения и сохранения родного языка приходит со временем).

Специфика обучения тайцев русскому языку. Как ни парадоксально, главным камнем преткновения на пути освоения русского языка у тайцев стоит их культура. Как справедливо написано в популярной книге «Thailand Forever»: «Вы должны понять полную картину того, где вы находитесь и что нужно сделать...

В частности, Вы должны перепроверить свои Западные ценности перед тайской дверью». Отношение тайцев к жизни базируется на трех главных ценностях: «санук», «сабай» и «суай». Каждая из этих ценностей надежно покоится на традициях буддизма и национальной нравственности. В первом приближении эти ценности можно раскрыть следующим образом. Санук – все в жизни тайца должно быть легким и веселым, любые трудности или усилия являются признаками того, что жизнь пошла неправильно. Сабай – все должно протекать в расслабленной атмосфере, напряжение и усердие – проявление низкого порядка. Суай – все должно быть красивым, привлекательным и гармоничным, если в процессе обучения нарушается гармония, нужно отказаться от того, что гармонию нарушило, например, от обучения. Как известно, залогом успешного изучения иностранного языка, во всяком случае в нашей традиции и культуре, является усердный труд, много часов кропотливой индивидуальной работы и полная сосредоточенность на длительном процессе обучения.

Можно принять во внимание и тот факт, что пятнадцать лет назад на Пхукете были заложены принципиально новые стандарты образования, в результате формируется новый слой тайской молодежи, ориентированной на обучение и способной выдерживать в этом процессе интенсивные нагрузки. Это делает перспективы преподавания таких трудоемких дисциплин, как русский язык, весьма обнадеживающими уже в недалеком будущем.

Согласно учебным программам, содержащимся в современных учебниках РКИ, **продолжительность обучения** русскому языку, например на элементарном уровне, составляет не меньше 4-х месяцев (в зависимости от успеваемости ученика или группы). Режим занятий предполагает 2-4 академических/астрономических часа в неделю с интервалом в два дня. Тайской аудитории выдерживать такой график обучения нелегко, и для достижения результата нужна сильная мотивация.

Мотивы к изучению русского языка. Современный тайский студент смотрит на обучение русскому языку через призму своих интересов. Приоритеты могут оказаться неожиданными.

Общение. Общительные от природы, тайцы видят настоящую ценность в обмене

новостями, мнениями, репликами или отдельными словами с иностранцем. Изучение языка продолжает оставаться интересным, пока общение приносит радость и не напоминает о трудах и заботах.

Интерес к культуре России и к русским людям в частности. Русские, а к ним относят всех русскоговорящих, поражают тайцев своими манерами, вариативностью стилей общения, неординарностью действий и поступков, бесконечными различиями. В тайском статусном, пронизанном светскими законами обществе поведение русских людей вызывает неподдельный интерес. Через язык тайцы пытаются постичь феномен русских и найти наилучшие пути взаимодействия с этим загадочным народом.

Коммерческая выгода. Часто в качестве мотива к изучению языка выступает желание получить коммерческий эффект. Бытует мнение, что общение на языке клиента создает условия для получения больших чаевых, формирования у клиента привычки возвращаться (т.е. привязанности к месту оказания услуги), привлечения новых клиентов данной этнической группы. Иными словами, преследуется цель сформировать столь желанную лояльность со стороны клиентского окружения. Этот мотив имеет свои плюсы и минусы. К плюсам можно отнести то, что тайцы под влиянием этого мотива стремятся к самостоятельному накоплению русскоязычного лексического запаса, старательно собирая простой набор, как правило, коротких повседневных реплик или отдельных слов. К отрицательным сторонам относится то, что в данном случае дело не движется дальше элементарного общения.

ВЫВОДЫ

Современный Таиланд, и Пхукет в частности, потенциально открыты для практики РКИ. Интерес к русскому языку здесь, несомненно, будет укрепляться через возрастание интереса к русскому человеку, русскому обществу, русскому бизнесу. В этой связи чрезвычайно важно повышать авторитет всего русского в глазах тайцев, и, как это ни парадоксально, путь в современную тайскую действительность всего самого положительного, что есть в русской культуре, лежит через нравственно-эстетические убеждения тайцев и их собственное культурное пространство.

Сегодня на Пхукете изучение русского языка получает распространение в первую очередь в туристском секторе экономики и в сфере услуг. Ситуация будет оставаться таковой до тех пор, пока не появятся другие сферы с участием русскоговорящего контингента, привлекаемые для прагматичных тайцев.

Необходимо создать методику изучения РКИ, ориентированную на тайцев и их менталитет. Разумеется, эта работа потребует погружения в тайскую социокультурную среду и интенсивных исследований. Но именно здесь лежит путь к формированию устойчивого интереса со стороны тайцев к русским исследователям и преподавателям, к русскому языку и российской культуре.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баранова Т.В. Развитие народного образования и его роль в социально-политической модернизации тайландского общества 1980-1990-х гг.: Дисс. ... канд. ист. наук : 07.00.03 Москва, 2005, 272 с. РГБ ОД, 61:05-7/613.

Т.Д. Лавриненко
 Дальневосточный федеральный университет
 г. Владивосток, Россия

T.D. Lavrinenko
 Far Eastern Federal University
 Vladivostok City, Russia

ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА РОССИИ В СОЗНАНИИ ИНОСТРАННЫХ УЧАЩИХСЯ

BUILDING THE IMAGE OF RUSSIA AMONG FOREIGN STUDENTS

В статье представлен опыт работы учебно-методического центра Института международного образования ДВФУ по формированию в сознании иностранных учащихся образа России как страны с уникальной историей, своеобразной культурой, удивительным народом. Этот опыт включает не только разработку учебных страноведческих курсов и создание соответствующих пособий, но и систему внеаудиторных мероприятий, участие в которых позволяет иностранным учащимся глубже познать страну изучаемого языка.

Ключевые слова: *культурные акции, аккультурация, поликультурное сообщество, межкультурная коммуникация, интеграция, внеаудиторная работа.*

The submitted article presents the wide experience at the Far Eastern Federal University International Education Institute Methodology Centre in forming the image of Russia in foreign students' minds, the image of Russia as a county of the unique history, culture and outstanding people. The above mentioned experience includes not only developing the Country Studies Course and the corresponding course books but also developing the extracurricular activities letting the foreign students of the Russian language understand deeper the country of the learned language.

The key words: *cultural actions, acculturation, multicultural community, cross cultural communication, integration, extracurricular activities.*

Выход России на новый уровень международного сотрудничества в области политики, экономики, культуры вызвал повышенный интерес к нашей стране со стороны не только политиков, бизнесменов, но и простых людей, студенческой молодежи разных стран, связывающих свое будущее с Россией. В связи с этим в последние годы возрос интерес к изучению русского языка именно в нашей стране.

Однако, приехав в Россию, иностранные учащиеся обычно испытывают культурный шок, вызванный определенным разрывом между привычной им и новой культурами [2: 62]. Начав изучать русский язык, обучающиеся убеждаются в том, что нужно усваивать не только лингвистические правила, но и правила, нормы, традиции русской культуры, знание которых позволяет правильно воспринимать поведение людей, но главное, создает целост-

ный образ России как неповторимой страны со своим прошлым, настоящим и будущим.

Проблема формирования образа России в сознании иностранных учащихся особенно важна в свете стремления России к расширению международного сотрудничества в политической, экономической и культурной сферах, её динамичного развития во взаимодействии со странами мира и, в частности, странами Азиатско-Тихоокеанского региона. В соответствии с этим углубляется педагогическая миссия преподавателей русского языка как иностранного: «...учащиеся должны хорошо себе представлять реалии и процессы, происходящие в современной России, своеобразии страны, осознавая исторические тенденции и развитие отношений» [3].

Именно педагоги должны отчётливо представлять себе, какой будет видеть Россию молодое поколение иностранцев, наших настоящих

и будущих студентов, которые пока еще сидят за школьной партой.

Опыт такой работы по формированию образа России, включающей знакомство с российской культурой, русским менталитетом, особенностями быта русского человека, его национального сознания, раскрытие иностранным учащимся сущности российской истории и современной действительности на основе изучения русского языка сложился в педагогическом коллективе Института международного образования (ИМО) ДВФУ.

Учебно-методический центр разрабатывает программы, учебные пособия, позволяющие студентам изучать практический русский язык от элементарного до продвинутого уровня на основе познания русской культуры, литературы, истории. Например, на начальном уровне студентам предлагаются программы: «Практический русский фольклор», «Музыкальная фонетика. Русское песенное искусство», «Русские народные инструменты», «Основы изобразительной грамоты»; на базовом уровне – «Русская культура», «Русская национальная кухня», «История России XX века»; на первом и продвинутом уровне – «Факты о России. История и современность», «История Приморья», «Правовое положение иностранных граждан в России», «Музыка. Театр. Кино», «Русская классическая литература», «Русская философская мысль», «Женщины в российской истории» и другие [1: 171-172].

Спектр этих программ, их логическая взаимозависимость, содержательная насыщенность, мастерство педагогов способствуют формированию в сознании иностранного студента целостного образа России, без чего, собственно, невозможно психологическое восприятие самого русского языка.

Социокультурная модель обучения русскому языку в ИМО ДВФУ, выстроенная на основе перечисленных программ, интегрирует и внеаудиторную работу, важным аспектом которой также является формирование образа России в сознании иностранных студентов.

Мы осуществляем это через вовлечение иностранных учащихся в различные культурные акции, мероприятия культурно-массового характера: традиционные для России и стран

АТР праздники – католическое и православное Рождество, Новый год, Масленица, Пасха и др.

Вместе с преподавателями наши студенты принимают активное участие в подготовке этих праздников: разучивают песни, стихи, танцы, ставят сказки, изучают обряды, выпускают праздничный «Календарь». Знакомство с традициями русской культуры предваряется беседами на уроках практического русского языка, которые готовят учащихся к восприятию новых для них реалий. В процессе этого сотворчества студенты получают интересные знания о России, соприкасаются с богатейшей российской культурой, её истоками и изучают некоторые элементы русской истории в тесной взаимосвязи с мировой историей.

Поэтому основной задачей руководителей и педагогического коллектива ИМО ДВФУ, работающего с поликультурным сообществом студентов, является психолого-педагогическое сопровождение процессов аккультурации иностранных учащихся, обеспечение толерантного сосуществования представителей различных культур при доминировании русской культуры в едином коммуникативном пространстве.

Формированию образа России способствует деятельность клуба «Диалог культур», представляющий не только культуру и традиции стран, из которых приехали изучающие русский язык студенты, но и культуру России во всём её многообразии.

В нашем институте на протяжении многих лет работают «Русский клуб», «Японский клуб», «Американский клуб», «Корейский клуб», «Китайский клуб». Клубные встречи превращаются в красочные национальные праздники, представляющие полноценную мозаику восточных и европейских культур. Они демонстрируют одну из форм межкультурной коммуникации как совокупности творческих отношений и общения представителей разных национальностей на языке русского народа. В этом особенность учебно-методической модели нашего образовательного учреждения, в основу которой заложен не только страноведческий и коммуникативный принципы обучения, но и гуманистические подходы в поддержании интереса к русско-

му языку, к России, толерантное отношение к культурам иных народов.

Формированию целостного образа России за счёт погружения в русскую культуру помогает фольклорный ансамбль Дальневосточного университета «Криница», который представляет «Русский клуб». Артисты ансамбля разучивают с иностранными студентами русские народные игры, песни, пляски, учат их игре на национальных музыкальных инструментах. Несколько поколений японских, китайских, корейских студентов стали участниками ансамбля ложкарей, демонстрировавших свое искусство на межинститутских и университетских конкурсах.

Различные аспекты культуры России, её истории, быта охватывает тематика заседаний клуба «Хочу всё знать!». Она представлена в литературно-музыкальных композициях, лекциях, беседах по различным областям знаний: «Правители России», «История русских фразеологизмов», «Славянская мифология», «История славянской письменности», «65-летию Победы в Великой Отечественной войне посвящается», «Православные праздники в России», литературно-музыкальная композиция к 115-летию со дня рождения Сергея Есенина, ежегодный Пушкинский праздник, посвященный дню рождения поэта.

Об этом празднике стоит сказать особо. Студенты и преподаватели к нему готовятся заранее, с особой тщательностью разрабатывается сценарий. Без России не было бы Пушкина и без Пушкина не было бы целостного восприятия России. Поэтому так важно для педагогов помочь каждому студенту открыть своего Пушкина. На этом празднике звучат стихи и романсы в исполнении студентов и преподавателей, ставятся инсценировки по произведениям великого русского поэта – таким образом познается великая русская культура, и образ России, как родины Александра Сергеевича Пушкина, становится благодаря ему понятным и близким.

Владивосток – это форпост России. И представление иностранных учащихся о нашей стране без знаний о городе, в котором они сейчас живут и изучают русский язык, конечно, было бы неполным. Поэтому подготовка к заседанию клуба «Хочу всё знать!», посвященному

150-летию Владивостока, была задумана как страноведческий марафон и началась задолго до юбилейной даты. Студенты выбирали маршруты экскурсий, изучали лексику, чтобы можно было достаточно полно рассказать о том, что увидели и узнали, готовили презентации своих выступлений в различной форме. Одна из групп с помощью преподавателя сняла фильм «Миллионка», который не только приятно удивил как творческая находка студентов, но прежде всего поразил уровнем осознания ими политического, экономического и культурного значения Владивостока для России как в прошлом, так и в современности.

Организация единого коммуникативного пространства, включающего иностранных учащихся в культурную и языковую среду России через учебные и обзорные экскурсии, участие в культурных мероприятиях вуза и города, посещение театров, музеев, филармонии также расширяет их представления о России, которая обладает значительными культурными ценностями.

Экскурсии (как учебные, так и познавательные) – важная часть программы ИМО по включению иностранцев в русскую культурную среду. Учащиеся под руководством инструктора, владеющего иностранным языком, посещают почту, магазины, рынок, культурные учреждения города, что помогает им преодолеть культурный шок, научившись использовать точную адресную консультативную помощь, позволяет разобраться в повседневной жизни России и адаптироваться в ней.

Представление о России у иностранных учащихся не будет полным, если у них отсутствует понятие о жизненных целях и ценностях нового поколения россиян, строящих Россию будущего. Поэтому руководство ИМО старается как можно чаще устраивать встречи русских и иностранных студентов. К этому стремятся и русские студенты из центра «Толерантность», одной из интересных акций которого стал проект «Друг», включающий в себя психологический тренинг на сплочение коллектива, интеллектуальный марафон, игру, тематический фотоконкурс. Для наших студентов ребята проводят мастер-классы по изготовлению новогодних игрушек, масок, пасхальных яиц, вместе наряжают новогоднюю елку. В процессе

живого сотворчества, радостного общения, узнавания друг друга происходит дружеское единение, постепенно снимаются языковые и психологические барьеры, минимизируются последствия культурного шока, углубляется опыт межкультурной коммуникации в поликультурной среде сообщества иностранных и русских студентов.

Наши студенты активно участвуют и в культурной жизни университета, города, страны. Осознавая свою причастность к студенческой жизни, в день Знаний, в день рождения ДВФУ они принимают участие в традиционных праздничных шествиях. Более того, группа студентов нашего института в 2004 и 2006 годах представляла тогда ещё ДВГУ на Фестивале русской речи иностранных студентов в г. Воронеже.

Один из любимых студенческих праздников – ежегодная спартакиада «Золотая осень», предоставляющая возможность полноценного отдыха на природе с завтраком и обедом, спортивными состязаниями, играми, перетягиванием каната, завоеванием призовых мест и получением наград и подарков. Спортивный азарт, веселый задор, дух соревнования – это та атмосфера, которая сближает студентов и преподавателей и также помогает постичь дух русского народа.

Культурным событием стала газета «Мы в России» (печатная и электронная версии), основанная 5 лет назад в связи с необходимостью освещать жизнь Русской школы ДВГУ для иностранных граждан. Рубрики газеты: «Колонка редактора», «Сегодня на уроке», «Календарь», «Известные люди России» – рассказывают студентам о культуре, истории, известных людях страны изучаемого языка; на страницах газеты студенты также знакомятся с преподавателями, получают информацию об образовательных программах и спецкурсах. Сами студенты пишут в газету для рубрик «После уроков», «Я хочу рассказать» о своём участии в акциях института, обо всём, что их интересует. В рубрике «Собкор сообщает» помещают свои заметки те, кто окончил учёбу в нашем институте, но продолжает сотрудничество с нами. Кроме того, газета организует Международный конкурс сочинений «Мой путь к успеху – русский язык».

Это ещё одна уникальная культурная акция нашего института, проводимая совместно с Азиатско-Тихоокеанской ассоциацией преподавателей русского языка и литературы (АТАПРЯЛ) при финансовой поддержке Фонда «Русский мир». В этом году прошёл уже V Международный конкурс «Мой путь к успеху – русский язык», на который прислали свои сочинения о России, ее людях, традициях, культуре студенты из разных стран мира. По итогам конкурса выпускаются сборники лучших работ, содержание этих сборников («Мой путь к успеху – русский язык», 2009 год – 63 сочинения; «Друг мой – русский язык», 2010 год – 80 сочинений) свидетельствует не только о глубоком интересе, но и о любви к нашей стране и её людям. Об этом очень убедительно говорят строчки из сочинений иностранных студентов: «русские только внешне кажутся холодными, как сибирский мороз, но сердца у них горячие, как русская печь. Всё это я поняла позже и всем сердцем полюбила и эту страну, и этих людей» (Бён Су Ёнг (Южная Корея) [4: 5-6]; «Россия – это часть моей жизни, это моя вторая родина, которую я от всей души люблю, для меня она красивая и добрая» (Ван Юе (Китай) [4: 6-10].; «Я узнала, что Россия – красивая и культурная страна. Россия стала частью моей жизни. Она пробудила во мне интерес к другим странам... Незаметно для себя я полюбила Россию... и надеюсь, что дружба между Россией и Вьетнамом с каждым днём будет укрепляться» (Чан Ньы Тхуи (Вьетнам) [4: 18-20].

В 2010 г. Институт международного образования провел VII Фестиваль иностранных студентов вузов Дальнего Востока и Сибири, в котором приняло участие около 400 студентов из вузов Владивостока, Уссурийска, Хабаровска, Комсомольска-на-Амуре, Благовещенска, Читы.

Фестиваль ежегодно расширяет свою географию, завоёвывая всё большую популярность в студенческой среде, реализуя важнейшие глобальные долгосрочные цели углубления межкультурного взаимодействия, формирования зоны толерантности на Дальнем Востоке России.

На протяжении двух фестивальных дней студенты получают множество положительных эмоций, делятся впечатлениями со своими

близкими, друзьями. Поэтому, когда к нам приезжают новые студенты из Кореи, Японии, Китая, они уже знают о Фестивале и непременно хотят в нём участвовать.

Таким образом, многообразие форм внеаудиторной работы с иностранными студентами, её методически обусловленная интеграция в учебный процесс позволяет нашим студентам приобщиться к духовному богатству культуры русского народа, воплощённому в самых разных произведениях фольклора, литературы, искусства, интериоризировать её ценности, понять и принять Россию как особенную страну с богатой историей и самобытной культурой, неповторимым национальным колоритом и удивительным народом.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Изучение русского языка и русской культуры в странах АТР. Материалы 1-й Международной научно-практической конференции. Доклады и тезисы. – Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 1999. – 516 с.
2. Дмитриев Г.Д. Многокультурное образование. М.: Народное образование, 1999. – 208 с.
3. Lehrplan. Russisch. Gymnasialer Bildungsgang (Jahrgangsstufen 9 bis 13). Hessisches Kultusministerium. Цит. по <http://lernarchiv.bildung.hessen.de/archiv/lhrplaene/gymnasium/russisch/LPGymRussisch.pdf>
4. Друг мой – русский язык. V Международный конкурс русского языка: сборник сочинений студентов зарубежных стран / Под общей редакцией А.Я. Соколовского. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2010. – 140 с.

**ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ СОЗНАНИЕ –
ЯЗЫК – КОММУНИКАЦИЯ**

**ETHNOCULTURAL CONSCIOUSNESS –
LANGUAGE – COMMUNICATION**

УДК 808.2+809.51

Ю.О. Коновалова, Моу Фансяо

*Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
г. Владивосток, Россия*

Yu.O. Konovalova, Mou Fansyao

*Vladivostok State University of Economics and Service
Vladivostok City, Russia*

**НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЗООНАИМЕНОВАНИЙ ЧЕЛОВЕКА
В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ**

**SOME FEATURES OF ANIMAL NOMINATIONS OF HUMAN BEINGS IN THE
RUSSIAN AND CHINESE LANGUAGES**

Статья посвящена описанию лингвокультурных различий в значении зоонаименований человека в русском и китайском языках, а также психолингвистических особенностей восприятия зоонаименований человека носителями русского и китайского языков, выявленных в результате ассоциативного эксперимента.

Ключевые слова: зоонаименования человека, ассоциативный эксперимент, русский язык, китайский язык.

The article is devoted to description of language and culture differences in the words semantics – animal nominations of human beings in the Russian and Chinese languages, the psycholinguistic specific features received during the associative experiment for the words perception (animal nominations of the Russians and the Chinese people).

The key words: *animal nominations of human beings, associative experiment, the Russian language, the Chinese language.*

Одна из наиболее популярных в современной науке о языке отраслей – этнопсихолингвистика, исследующая взаимосвязь языковых явлений и особенностей национальной культуры определенного этноса. В эпоху стирания

границ между народами, взаимопроникновения и взаимовлияния языков и культур особенно актуально изучать национальное своеобразие и богатство языков. Как одно из возможных направлений этнопсихолингвистических

исследований представляет интерес сопоставительное изучение процессов развития лексических систем сравниваемых языков с целью выявления лингвистических универсалий. Наиболее показательным в этом плане сопоставлением являются неродственные языки, какими являются русский и китайский. Относящиеся к разным языковым семьям, имеющие разный грамматический строй и различные фонетические законы, различные системы письменной фиксации речи, являющиеся принадлежностью совершенно различных культур Запада и Востока, в то же время русский и китайский языки обнаруживают значительные сходства в том, как используют средства языка рядовые его носители.

Цель данной работы – сравнить восприятие зоонаименований (зоонимов) человека носителями русского и китайского языков. По мнению А.П.Василевича, ссылающегося на работу Р.М.Фрумкиной, наиболее «интересно описывать те лексические группы, которые представимы как системы» [1, 4]. С точки зрения исследователей, «по настоящему структурированной оказывается лишь незначительная часть лексики – как правило, множества слов и словосочетаний, выделенные по «семантическому» принципу, точнее, по тому куску действительности, который они призваны описывать» [там же]. Выбор материала для нашего исследования обусловлен тем, что группа зоонаименований является достаточно ограниченной по количеству элементов, что позволяет провести относительно законченное самостоятельное исследование.

Для достижения поставленной цели требуется решить ряд задач: обнаружить сходства и различия в русских и китайских зоонаименованиях; описать некоторые особенности восприятия зоонаименований носителями русского и китайского языков.

Объект исследования – зоонаименования человека в русском и китайском языках. Предмет – сходства и различия в восприятии зоонаименований русскими и китайцами.

Актуальность работы обусловлена выбранным аспектом исследования. Этнопсихолингвистический анализ языкового материала позволяет не только описать языковые особенности выбранных слов, но и, как уже было сказано выше, выявить этнокультурную специфи-

ку их восприятия, национально-культурные различия, зафиксированные в языке.

Этнопсихолингвистика, возникшая в 1970-х годах 20 века и сформировавшаяся как самостоятельная научная дисциплина, изучает различные вопросы: соотношение языка и культуры, национально-культурную специфику слов, особенности общения людей разных национальностей. По словам И.Н. Горелова и К.Ф. Седова, этнопсихолингвистика исследует различия в речевом поведении представителей разных культур, влияние национальной принадлежности на формирование языкового сознания, суть этнических отличий между языковыми личностями [2, 123].

Один из путей обнаружить этнические различия в языке – проанализировать зоонаименования человека. Метафорические переносы названий животного на человека наглядно отражают различное отношение разных народов к животным. Зоосравнения, или зоонаименования, в разных языках оказываются похожими, если народы живут по соседству и имеют похожую культуру, мифологию, традиции, и оказываются различными, если «национальные культуры отличаются значительно» [2, 124]. В случае нашего исследования налицо два противоречащих фактора: живущие по соседству народы (русские на Дальнем Востоке России и китайцы) имеют непохожую культуру, различную мифологию и традиции.

Для того чтобы описать значение зоонаименований человека, было проанализировано 30 китайских и 20 русских единиц о животных: пословиц, поговорок, фразеологизмов [3; 4; 5]. В результате анализа сформулированы следующие выводы.

В китайской культуре *рыба*, применительно к человеку, может обозначать красоту (Очень красивая девушка). *Журавль* обозначает старость (Седой старик с молодежавым лицом). *Лиса* (*лис*) обозначает хитрого, но трусливого человека (Лис тем и грозен; что царь зверей с ним; бесчинствовать; прикрываясь именем сильных мира сего). *Тигр*, в соответствии с традиционной китайской культурой, имеет такие черты: властный, серьёзный, сильный, успешный, голодный (Жаркая схватка двух равносильных противников; ожесточённая борьба двух правноравных противников; достойная манера императора; внешне прочный, внутри слабый; тигру да придать крылья; словно крылья

выросли у тигра; преисполниться новых сил, с новыми силами; голодный тигр набрасывается на пищу). *Дракон* – знак силы, таланта (Лелеять надежду на то, что сын станет талантом (знаменитостью); Е-гун – любитель драконов лишь на словах; ненастоящий любитель). Образ *лошади (коня)* связан с быстротой, опытом, небрежностью (Невпопад; не к месту; ни к селу ни к городу; вырваться вперёд; быть впереди; застрельщик; идти в авангарде; смотреть поверхностно; старый конь борозды не испортит – человек опытный). *Курица* символизирует мелочность, нечестность (заниматься мелкой кражей; красть мелочи; ловкий трюк; тонкое мошенничество). *Собака* в традиционной китайской культуре обозначает бесстыдного человека, склонного к ссорам (Собачья грызня; грызутся, как собаки).

В русских пословицах и поговорках встречаются образы таких животных: заяц, рыба, волк, овца, свинья, ворона, бык, змея, лошадь. *Заяц* обычно трусливый (Трусливый заяц). *Рыба* обозначает что-то плохое или молчаливого человека (Ни рыба ни мясо; молчать, как рыба; немой (нем), как рыба). *Волк* в русской культуре злой, коварный, опытный (Как волка ни корми, всё в лес смотрит; волк в овечьей шкуре; морской волк). *Овца* – символ простоты (Молодец против овец, а против молодца и сам овца). *Свинья* обозначает глупость, грязь (Как свинья в апельсинах разбираться; Свинья грязь найдёт). *Ворона* обозначает неискреннего или отличного от других, особенного человека (Ворона в павлиньих перьях; белая ворона). *Бык* обычно здоровый, упрямый. (Здоров, как бык; упёрся, как бык). *Змея* неблагодарна, коварна (Змею на груди отогреть). *Лошадь* обозначает трудолюбие, тяжелый труд (Работать, как лошадь; ломовая лошадь), а также опытность, профессионализм (старый конь борозды не испортит). Образ *собаки* для русских также обозначает склонность к ссорам (Собачья грызня; грызутся, как собаки).

Интересно, что большинство проанализированных пословиц, поговорок и фразеологизмов в двух языках не имеют параллельных образов: в русском и в китайском языках в пословицах, поговорках и фразеологизмах встречаются образы разных животных, хотя сходства также имеются (ср. образы лошади и собаки).

Для того чтобы подтвердить результаты анализа, был проведен ассоциативный

эксперимент с целью выявить значение зоонаименований человека в сознании современных носителей русского и китайского языков. Всего было опрошено 100 человек, из них 50 русских и 50 китайских студентов. Всем респондентам был задан вопрос: *Если человека сравнивают с каким-то животным, то какой он?* Были предложены названия таких животных: волк, лиса, медведь, слон, рыба, жаба, змея, обезьяна, лошадь, свинья.

Ответы информантов распределились следующим образом.

Большинство русских информантов считают волка злым (52%), меньшее количество респондентов приписывают ему такие качества: голодный (28%), одинокий (8%), суровый (6%), мудрый (2%), дикий (2%), серьёзный (2%). Китайские информанты считают, что волк злой (70%), суровый (20%), сильный (10%). Одинаковыми для русских и китайских людей частотными ассоциациями являются следующие: злой, суровый. Разные ассоциации: сильный, голодный, одинокий, мудрый, дикий, серьёзный. Русские и китайские информанты приписывают волку отрицательную оценку.

Большинство русских (98%) и китайских (90%) информантов считают лису хитрой, меньшее количество респондентов называют ее пронырливой (2% и 10 % соответственно). Одинаковыми для русских и китайцев ассоциациями являются ассоциации: хитрый, пронырливый. Разных ассоциаций нет. Русские и китайские информанты дают лисе отрицательную оценку.

Медведь для большинства русских (48%) и китайских (64%) информантов сильный. Другие качества, по мнению русских респондентов: неуклюжий (32%), большой (12%), злой (4%), грозный (2%), жирный (2%). Китайские информанты считают медведя неуклюжим (20%), тяжёлым (14%), милым (2%). Одинаковыми для носителей русского и китайского языков являются ассоциации: сильный, неуклюжий. Разные ассоциации: тяжёлый, милый, большой, злой, грозный, жирный. Русские информанты приписывают медведю отрицательную оценку, а китайцы дают медведю не только отрицательную, но и положительную оценку.

Большинство русских информантов считают слона большим (40%), меньшее количество респондентов считают его огромным (12%),

тяжёлым (10%), неуклюжим (10%), толстым (10%), неповоротливым (8%). Китайские информанты считают, что слон неповоротливый (62%), неуклюжий (17%), тяжелый (8%), загадочный (5%), добрый (5%), большой (3%). Одинаковыми для русских и китайских людей ассоциациями являются следующие: неповоротливый, неуклюжий, тяжёлый. Разные ассоциации: добрый, загадочный, большой, огромный, толстый. Русские и китайские информанты дают слону положительную оценку.

Большинству русских информантов *рыба* представляется молчаливой (68%) или скользкой (30%), некоторые респонденты считают ее юркой (2%). Китайские информанты считают, что рыба свободная (76%), юркая (12%), весёлая (12%). Одинаковой, хотя и достаточно редкой, для русских и китайских информантов является ассоциация «юркий». Разные ассоциации: свободный, весёлый, молчаливый, скользкий. Русские информанты приписывают рыбе отрицательную оценку, а китайцы дают рыбе положительную оценку, вероятно, потому что в китайской культуре рыба символизирует богатство и счастье.

Жаба для русских информантов противная (58%), страшная (16%), мерзкая (14%), жадная (12%). Китайские информанты считают, что жаба гадкая (40%), противная (32%), жадная (20%), уродливая (8%). Одинаковыми ассоциациями являются следующие: противный, жадный. Разные ассоциации: гадкий, уродливый, страшный, мерзкий. Русские и китайские информанты приписывают жабе отрицательную оценку.

Большинство русских информантов считают *змею* изворотливой (38%), гадкой (12%), мудрой (12%), скользкой (12%), подлой (8%). Китайские информанты считают, что змея злая (40%), озлобленная (30%), пронырливая (16%), коварная (10%), хладнокровная (4%). Одинаковыми для русских и китайских респондентов ассоциациями являются следующие: хладнокровный, злой, коварный. Разные ассоциации: озлобленный, пронырливый, изворотливый, гадкий, мудрый. И русские, и китайские информанты дают змее отрицательную оценку.

Для русских информантов *обезьяна* ловкая (56%), смешная (22%), глупая (8%), забавная (4%), проворная (4%), весёлая (2%), угодливая (2%), активная (2%). Китайские информанты считают обезьяну ловкой (36%), весёлой

(20%), смешной (14%), умной (10%), забавной (10%). Одинаковыми для русских и китайцев ассоциации: ловкий, смешной, активный, проворный, весёлый. Разные ассоциации: умный, милый, глупый, забавный, угодливый. Китайцы дают обезьяне только положительную оценку, в то время как у русских информантов присутствуют также ассоциации с отрицательной оценочностью.

Большинство русских информантов считают *лошадь* быстрой (76%), меньшее количество респондентов называют ее грациозной (8%), сильной (8%), трудолюбивой (4%), весёлой (2%), умной (2%). Китайские информанты считают лошадь быстрой (40%), трудолюбивой (30%), верной (30%). Одинаковыми для русских и китайцев ассоциациями являются такие: быстрый, трудолюбивый. Разные ассоциации: верный, грациозный, сильный, весёлый, умный. Русские и китайские информанты дают лошади положительную оценку.

Большинство русских информантов считают, что *свинья* грязная (60%), ненасытная (24%), толстая (16%). Китайские информанты считают свинью ленивой (60%), ненасытной (32%), пассивной (6%), хитрой (2%). Одинаковой для русских и китайцев ассоциацией является достаточно частотная ассоциация: ненасытный. Разные ассоциации: ленивый, пассивный, хитрый, грязный, толстый. Русские и китайские информанты дают свинье отрицательную оценку.

Итак, результаты анализа пословиц, поговорок, фразеологизмов о животных и проведенного ассоциативного эксперимента показали, что образы животных вызывают в сознании носителей русского и китайского языков как сходные, так и различные ассоциации.

По данным анализа пословиц, поговорок, фразеологизмов в носители китайского языка дают положительную оценку таким животным: *рыба*, *бык*, *дракон*, и отрицательную оценку таким животным: *журавль*, *лиса*, *курица*, *змея*, *собака*. Особенности восприятия образов данных животных происходят от старинных сказок и китайской традиционной культуры.

В русской традиционной культуре образы животных, упоминающиеся в пословицах, поговорках, фразеологизмах, обычно имеют отрицательную оценочность. Возможно, это связано с тем, что само по себе сравнение человека

с животным заключает в себе элемент негативного отношения. Так, в русских пословицах, поговорках, фразеологизмах образы *зайца, рыбы, волка, овцы, свиньи, змеи* содержат отрицательные коннотации, и поэтому сравнение человека с этими животными безусловно негативно окрашены.

Даже в том случае, если образ животного связан с положительным к нему отношением (например, лошадь – животное трудолюбивое, *и это хорошо*), то зоосравнение все равно имеет отрицательное значение: фразеологические сочетания *работать как лошадь, ломовая лошадь* обычно применяются по отношению к человеку, который *слишком* много работает, *и это плохо*.

Отметим, что образ *быка* по данным русских фразеологизмов содержит в себе как положительно, так и отрицательно окрашенный компонент значения: ср. *здоровый*, как бык (*это хорошо*), *упрямый*, как бык (*это плохо*).

В китайских пословицах, поговорках, фразеологизмах отрицательный образ имеют *лиса, курица, собака*. Сравнение человека с *журавлем* неоднозначно: *журавль* символизирует старость и в то же время молодость – то есть внешнюю привлекательность (*что хорошо*) при внутреннем разрушении, упадке (*что плохо*). *Лошадь* для китайцев символизирует быстроту и опыт (*что хорошо*) или небрежность (*что плохо*). В отличие от русских фразеологизмов, в китайских пословицах и фразеологизмах существуют образы животных с явной положительной оценочностью: связанные с фольклорной традицией образы *тигра, дракона и рыбы*.

В ходе анализа результатов ассоциативного эксперимента, целью которого являлось выявить мотивы зоосравнений и заключенную в них оценочность, мы обнаружили, что к *волку, лисе, жабе, змее, свинье* у носителей русского и китайского языков имеется отрицательное отношение. Отношение русских и китайцев к *лошади* положительное. Мотивы зоосравнений в русском и китайском языке чаще всего разные, хотя имеются и сходные ассоциации русских и китайских респондентов. Наибольшее сходство обнаружилось при восприятии образов *лисы, волка, медведя, обезьяны, лошади*. Для большинства опрошенных *лиса*

хитрая, волк злой, медведь сильный, обезьяна ловкая, лошадь быстрая. Наибольшая разница восприятия связана с образами *рыбы и свиньи*: для русских *рыба* молчаливая и скользкая (*и это плохо*, т.е. прослеживается отрицательное отношение), для китайцев *рыба* свободная (*и это хорошо* – проявление положительного отношения); *свинья* для русских грязная (отрицательное отношение), для китайцев – ленивая (отрицательное отношение). Сравнение человека с *обезьяной* в русской культуре может быть истолковано и позитивно, и негативно (чаще), а китайскими информантами *обезьяна* оценивается всегда положительно. Для сравнения человека с *медведем, слоном, жабой, змеей* в русском и в китайском языках имеются как сходные, так и различные основания.

Отметим, что приведенный анализ пословиц, поговорок, фразеологизмов, а также результатов ассоциативного эксперимента носит достаточно общий, обзорный характер. В перспективе исследования представляется целесообразным выполнить более детальный анализ сходств и различий зоосравнений человека в русском и китайском языках и объяснить причины сходного или различного восприятия образов животных носителями русского и китайского языков.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Василевич А.П., Кузнецова С.Н., Мищенко С.Н. Цвет и названия цвета в русском языке [Текст]: Монография. / Под общ. ред. А.П. Василевича. Изд. 2-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 216 с.
2. Горелов И.Н., Седов К.Ф. Основы психолингвистики [Текст]: Учебное пособие. / И.Н. Горелов. – М.: Лабиринт, 2001. – 304 с.
3. Китайский фразеологический словарь/ Составитель Чжо Бинь. – Пекин, 2006. – С.89-949.
4. Жуков В. П. Словарь русских пословиц и поговорок [Текст] : [около 1200 рус. пословиц и поговорок : толкование значений, описание ситуаций употребления: примеры из худ. лит.] / В. П. Жуков. – 12-е изд., стереотип. – М. : Рус. яз. – Медиа, 2005. – 537 с.
5. Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов: свыше 25000 слов и словосочетаний / Л. П. Крысин ; Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова РАН. – М.: Эксмо, 2009. – 944 с.

Чжан Лэй
Хэйлунцзянский университет
г. Харбин, КНР

Zhang Lei
Heilongjiang University
Harbin, People's Republic of China

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ РУССКИХ И КИТАЙСКИХ ЗАГАДОК

LANGUAGE FEATURES OF THE RUSSIAN AND CHINESE RIDDLES (HEAD SCRATCHERS)

Автор проводит сопоставительный анализ русских и китайских загадок, демонстрируя их стилистические особенности, типичные для них лексические, морфологические и синтаксические средства и показывая, какое отражение находят в загадках культурные и языковые традиции русского и китайского народов.

Ключевые слова: *загадка, фольклор, жанр, рифма, синтаксический параллелизм, метафора, национальная картина мира.*

The author of the submitted article carries out a comparative analysis of the Russian and Chinese riddles, demonstrates their stylistic features, typical morphological, lexical and syntactic peculiarities, showing the traces of the culture and language traditions of the Russian and Chinese nations.

The key words: *riddle, folklore, genre, rhyme, syntactic parallelism, metaphor, national world picture.*

Загадки, как и все жанры фольклора, создаются на основе живого разговорного языка. Язык загадок, как язык всех фольклорных жанров, отличается точностью, красочностью и выразительностью. Однако поэтический стиль загадок имеет и свою ярко выраженную жанровую специфику. У русских и китайцев существуют свои культурные особенности, и они также отражаются в загадках. Кроме того, и русские, и китайские загадки имеют свои языковые особенности.

Мы рассмотрим фонетические, словообразовательные, лексические и грамматические особенности русских и китайских загадок.

Русская загадка не знает метрического или силлабического стиха с правильным чередованием слогов, ее ритм – это ритм рифмованной речи, ритм прибаутки. По своей ритмической организации загадки напоминают пословицы. Они создаются в форме ритмизованной прозы.

В двустрочных загадках строки могут рифмоваться. Например:

Белая **кошка**
лезет в **окошко** (лучи солнца).

Как и в пословицах, в загадке очень широко употребляется парная рифма. В результате многие загадки имеют форму стиха. Например:

Голубой **платок**,
Красный **колобок**,
По платку **катается**,
Людам **усмехается** (небо и солнце).

В многострочных загадках рифмовка разнообразна. Например, встречается смежная рифма:

Вырос в поле **дом**,
Полон дом **зерном**,
Стены **позолочены**,
Ставни **заколочены**;
Ходит дом **ходуном**
На столбе **золотом** (рожь).

Специфика «хитрого жанра» в том, что иногда в нем рифма загадки подсказывает рифму отгадки. Например:

Что в избе за **сват**? (ухват).
Что в избе **Самсон**? (заслон).

Как отмечает В.В. Митрофанова, в ритмическом строе русских загадок наиболее широко

распространены созвучия окончаний глаголов, прилагательных и существительных:

Летит, урчит,
На землю падет, землю дерет (жук).
За леском, леском кипит гора с песком
(муравейник).

Бежит свинка, золотая спинка,
Носочек стальной, а хвосточек льняной
(иголка с ниткой) [4: 126].

Нередко используется созвучие, определенный ритмический рисунок, обусловленный синтаксическим параллелизмом:

Бежать, бежать – не добежать,
Лететь, лететь – не долететь (горизонт).

Два брата – видаки, два – слышаки, два – бегуна, два – ухваты (глаза, уши, ноги, руки).

Многие варианты построены на параллелизме грамматических конструкций, однородных по грамматической функции, звучанию, расположению ударных слогов, но противоположных по смыслу:

Два братца рядом стоят:

Вместе не сойдутся, врозь не разойдутся (дверные притолоки) [2: 121-132].

В русских загадках встречается звуковой повтор и помимо рифмы:

(1) Узловат Кузьма –
развязать нельзя (цепь).

(2) Маленький Данилка
в петельке удавился (пуговица в петле).

(3) Два Егорки живут возле горки,
живут дружно,
а друг на друга не глядят (глаза).

Наблюдается повтор [з] и [з'] в (1), [л] и [л'] в (2), [р] в (3). Благодаря звуковому эффекту тексты загадок получают дополнительную связность; так же можно объяснить и выбор имени собственного в них: наблюдается фонетическое соответствие имени и остального текста, т.е. звуковой состав имени собственного поддерживает звуковой состав остального текста. Говорить о наличии звукописи, на наш взгляд, в данных примерах нельзя. Звукопись наблюдается в следующем случае:

По-га-ту, по-та-ты, та-ка-ту, та-ка-ты, а яички
верхом несутся (молотья цепями).

Звукоподражание передает стук цепов при
молотье.

Иногда звукоподражание оформляется в отдельные единицы текста загадки. Например:

Пошел я по тух-тух-ту,

Взял с собой таф-таф-ту
И нашел храп-тах-ту,
Кабы да не таф-таф-ту,
Меня съела бы храп-тах-та
(охота, собака, медведь).

В загадке даны звукоподражательные окказионализмы: *тух-тух-та* (охота), имитирующий звук выстрелов; *таф-таф-та* (собака), имитирующий собачий лай; *храп-тах-та* (медведица), имитирующий рык медведицы.

Рассмотрим в фонетическом аспекте китайские загадки. Как и народные песни, они имеют ритм, поэтому в них отмечаются звуковые повторы и созвучия. Очень часто загадки имеют стихотворную рифму.

Обычно китайская загадка имеет текстовую форму, включающую четыре фразы. Каждая фраза включает пять или семь иероглифов. Вторая и четвертая фраза рифмованы. Чаще всего первая фраза рифмуется со второй и четвертой одинаковым созвучием. Но перевести их с сохранением созвучий на русский язык вряд ли возможно. Это связано с особенностями китайского языка [7: 85]. Например:

头戴尖角帽, 身穿黄皮袄; 做工出大力, 从不怕疲劳。 (牛)	Тоу дай цзянь цзяц мао, Шэнь чуань хуан пи ао; Цзо гун чу ва ли, Цун бу па пи лао (нинь).	На голове шапка с острыми концами, На теле желтая шуба; Работает изо всех сил, Никогда не жалуется на усталость (бык).
---	---	--

Во многих китайских загадках, как и в русских, используются словесные повторы. Например:

青石板, 板石青, 青石板上钉洋 钉。 (夜空)	Цин ши бань, Бань ши цин, Цин ши бань шан дин ян дин (е кун).	Синяя каменная плита, Каменная плита синяя, К синей каменной плите прибили гвозди (ночное небо). ¹
--------------------------------------	---	---

В китайских загадках также встречается звукоподражание в рифме, когда загадка рифмуется с отгадкой, тем самым подсказывая её. Например:

大眼睛, 阔嘴巴, 说起话来呱呱, 会捉害虫人人夸。 (青蛙)	Да янь цинь, ко цзуй ба, шо ци хуа лай гуа-гуа-гуа, хуй чжо хай чун жэн жэн куа (цин ва).	Большие глаза, большой рот, говорит ква-ква- ква, умеет ловить вредных насекомых, все люди хвалят ее (лягушка).
--	---	---

¹ Перевод выполнен автором статьи.

Таким образом, с точки зрения просодической организации русские и китайские загадки имеют сходство – они создаются в ритмической форме и имеют рифму. Но вряд ли возможен адекватный перевод загадок с сохранением звуковой организации, так как ритм и рифма обусловлены спецификой каждого языка.

В русских загадках в соответствии с их назначением и поэтическим содержанием широко употребляются уменьшительно-ласкательные или, наоборот, увеличительные и уничижительные суффиксы.

Часто встречаются уменьшительно-ласкательные суффиксы. Например:

Маленький, удаленький –
Сквозь землю прошел,
Красну шапочку нашел (гриб).

Увеличительные суффиксы также регулярно употребляются в русских загадках. Например:

Стоит бычище –
проклёваны бочища (изба).

Уничижительные суффиксы встречаются в русских загадках редко. Например:

Мальчишка в сером армячишке
по дворам шныряет,
крохи подбирает,
по полям ночует,
коноплю ворует (воробей).

В китайских загадках также используются языковые средства, с помощью которых выражается отношение говорящих к предметам и явлениям. Но китайский язык и русский язык имеют разные языковые системы, в китайских загадках (и в языке вообще) уменьшительно-ласкательное, увеличительное и уничижительное значения выражаются иными грамматическими средствами: добавлением других слов (на письме – иероглифов).

В китайских загадках часто употребляются прилагательные 小 сяо (маленький), 大 да (большой), с помощью которых выражается соответственно уменьшительное и увеличительное значение. Например:

一条小小虫, 自己做灯笼, 躲在灯笼里, 变个飞仙女。 (蚕)	И тяо сяо сяо цун, Цзы цзи цзо дэн лун, До цзай дэн лун ли, Бянь гэ фэй сянь нюй (цань).	Один маленький-маленький червь Сам сделал фонарь, Спрятался в фонаре, Превратился в волшебную девушку (шелкопряд).
---	--	--

Пример загадки с использованием увеличительного значения:

一个大红球, 形状圆溜溜, 夜里看不见, 白天时时有。 (太阳)	И гэ да хун цю, Син чжуан юань лю лю, Е ли кань бу цзянь, Бай тянь ши ши ю (тай ян).	Один большой красный мяч Круглой формы Ночью не виден никому, А днем всегда бывает (солнце).
--	--	---

Иногда с помощью слов 儿 (эр) или 子 (цзы) (они происходят от слова со значением «ребенок») выражается значение с дополнительным оттенком уменьшительности или ласкательности [5: 186-188]. Например:

绿的叶儿, 绿的枝儿, 白马下个绿马驹儿, 秋天变成红马驹儿。 (辣椒)	Люй дэ е эр, Люй дэ чжи эр, Бай ма ся гэ люй ма цзюй эр, Цю тянь бянь гэ хун ма цзюй эр (ла цзяо).	Зеленые листья, Зеленые ветки, Белая лошадь родит зеленого жеребенка, Осенью он становится красным жеребенком (перец).
--	--	---

Для выражения ласкательного значения в китайских загадках употребляется повтор существительного или прилагательного [8: 200]. Например:

绿叶叶, 红蔓蔓, 地下有窝红蛋蛋。 (红薯)	Люй е е, хун мань мань, ди ся ю во хун дань дань (хун шу).	Зеленые листочки, красные плети, под землей красные яйца (батат).
-------------------------------	--	---

В русских загадках нередко употребляются собственные имена в качестве нарицательных. Например:

- (1) Дарья с Марьей видятся, да не сходятся (пол и потолок).
- (2) Стоит Чурило, замазано рыло (светец).
- (3) Сидит Арина, рот разиня (труба).
- (4) Выгляну в окошко – лежит долгий Антошка (дорога).

В первой загадке имена *Марья* и *Дарья* использованы, вероятно, в силу своей распространенности и фонетического сходства (пол и потолок сходны: это плоскости, есть и звуковой повтор в этих словах). В загадках 2, 3, 4 имена (языческое имя *Чурило* и христианские *Арина*, *Антошка* (Антон)) использованы для создания рифмы.

Рассмотрим еще одну загадку:

Ходит Кагатан Кагатанович,
Летит Колыван Колыванович:
– Здравствуй, Кагатан Кагатанович!

– Здорово, **Колыван Колыванович!**
– Где твоя, **Кагатам Кагатамович**, сила?
– Моя сила в стряпун город ушла. (ястреб и курица).

В этой загадке загадываемые объекты обозначены как *Кагатам Кагатамович* и *Колыван Колыванович*. Это не просто имена, а обозначения курицы и ястреба. Возможно, *Кагатам* образовано по созвучию со словом *коготь*.

В китайских загадках также употребляются собственные имена. Приведем такие примеры:

Она и он любят друг друга,
Сейчас никак не возможно их разлучить.
Они воскресшие **Лян Шанбо** и **Жу Интай**,
Между цветами они летают вдвоем (бабочка).

Ярко-красный, сладкий,
Подарим его богине **Ван Му**,
Поздравим ее с днем рождения,
Желаем ей долгой жизни (персик).

В персиковом саду три человека стали хорошими друзьями,

Чжан Фэй в животе,
Отняли **Гуань Юньчан**,
И знали **Лю Бэй** (личжи).

Надо сказать, что имена, которые употребляются в китайских загадках, необычны, не являются распространенными, они чаще всего взяты из истории, из легенд, мифов, даже из литературных произведений. Например, *Лян Шанбо* и *Жу Интай*, юноша и девушка, герои романтической трагической истории о любви. Они не могли жить вместе и после смерти превратились в две бабочки; *Ван Му* – это образ из китайской мифологии, жена небесного царя, и ее связь с персиком описана в книге «Путешествие на Запад» (персики преподносили ей в день рождения); *Чжан Фэй*, *Гуань Юньчан*, *Лю Бэй* – главные герои классической книги «Троецарствие». У *Чжан Фэй* черное лицо, у *Гуань Юньчан* красное, у *Лю Бэй* белое, за счет этого характеризуется внешний вид личжи. В загадке не просто используются эти имена, но также передаются действия, характеристики этих людей.

Сопоставление показывает, что в русских загадках употребляются обычные, как правило, распространенные имена людей, а в китайских загадках чаще всего употребляются имена реальных известных людей, а также мифологических персонажей, которые знает весь народ. Поэтому восприятие загадок невозможно без знания национальной культуры.

Для русской и китайской загадки характерна высокая степень метафоричности, метафора пронизывает решительно все ее стилистические средства. Посредством метафоризации реальный мир в загадках выступает более ярким, выразительным, значительным.

Метафора – перенос названия с одного предмета (явления, действия, признака) на другой на основе их сходства. Приведем примеры метафор в русских загадках: *голубое поле* (небо), *красное яблочко по тарелочке катается* (солнце); в китайских загадках: *голубой платок* (небо); *один дедушка ранним утром идет на работу* (солнце).

В подавляющем большинстве случаев в загадках предметы неживого мира метафорически соотносятся с живыми существами и, наоборот, живые существа – с предметами и явлениями быта и природы. Это обусловлено прежде всего стремлением загадки сделать ее отгадывание как можно более затруднительным. В загадках предметы неживого мира сравниваются с живыми существами, очень часто – с человеком, и тогда мы имеем дело с приемом олицетворения.

Олицетворения, оживляя и одухотворяя неживой мир, приближают его к человеку, придают загадке особую поэтичность, создают яркие образы и картины. Приведем примеры олицетворения в русской загадке: *Сидит Пахом на коне верхом, книги читает, а грамоты не знает* (очки); в китайской загадке: *В жилище с неровной стеной, с красным пологом спят белые толстяки* (арахис).

Представляя загадываемый предмет в виде какого-то похожего на него предмета, загадка всегда укрупняет план изображения, усиливает тот или иной признак предмета, делает его более выпуклым и значительным. Так, например, чтобы обратить внимание на то, что светлячок ночью светится, загадка сравнивает его (в отрицательной форме) с солнцем: *Не солнце, не огонь, а светит*. С этой же целью специального подчеркивания, усиления признака, качества или действия предмета копание в земле жука сравнивается в загадке с энергичной работой воина, роющего окоп, а маленькие рожки жука – с рогами быка: *Идет воин, землю роет, на ногах без копыт, есть рога, да не бык*. Желая подчеркнуть тяжесть крестьянской работы, загадка сравнивает плечи человека с горами, а ведра – с морями: *Два моря, два горя*

на крутых горах на дуге висят (ведра на коромысле) [3: 91].

В китайской загадке *Красный петух с зеленым хвостом заходит в землю* говорится о петухе, но имеется в виду редька. Сходство между ними в том, что их корпус – красноватого цвета, а хвост (листва) – зеленого. *Голубая доска, доска голубая, на ней прибиты серебристые гвозди* – в этой загадке говорится о предмете, на самом же деле имеются в виду природные объекты – небо и звезды. *Чуть виден огонек, и струйка дыма, гром грохочет, зарница сверкает* – здесь говорится о природном явлении, а имеется в виду явление обыденной жизни – курение [6: 124].

Итак, метафора играет важную роль в русских и китайских загадках. Хотя в русских и китайских загадках используются аналогичные стилистические средства, они имеют разное содержательное и языковое наполнение, что связано с несовпадением национальных картин мира.

Мы рассмотрели грамматические особенности загадок и заметили, что особую роль в русских загадках играет категория рода, которая семантически актуализируется: грамматические формы рода в загадке соответствуют роду слова-отгадки. Например: *Маленький, удаленький – сквозь землю прошёл, красну шапочку нашёл* (гриб) – в этой загадке употребляются формы мужского рода, потому что слово-отгадка – «гриб» – относится к мужскому роду. Такое явление очень характерно для русских загадок. В китайском языке грамматическая категория рода отсутствует, поэтому отнесенность предмета к женскому или мужскому роду в китайских загадках никак не выражается.

Каждая загадка – это отдельное художественное произведение со своими поэтическими особенностями. Загадка может содержать одно или несколько предложений, при этом она имеет специфическую синтаксическую структуру.

Часто загадка – это своеобразный диалог: один загадывает, другой отгадывает. Многие загадки в первой части не содержат прямого вопроса: в них дается замысловатое описание предмета, по которому надо отгадать, о чем идет речь. При этом первая часть обязательно предполагает ответ. Например, в русской загадке:

Без рук, без ног,
а ворота открывает (ветер).

Китайские загадки также имеют свои синтаксические особенности. В загадках часто встречаются повествовательные предложения, которые дают характеристику предметов или явлений и в которых народ выражает свои взгляды на окружающий мир. Например:

Листья острые и длинные,
ветки тонкие и длинные, и падают,
часто ее сажают около реки (ива).

Иногда загадки построены в виде прямого вопроса. Например, в русской загадке: *Что за тварь людей питает, в церкви освещает? (пчела)*. В китайской загадке: *Кто с острым и длинным ртом, с железными костями, куснет – шаг шагнет? (ножницы)*.

В русских и китайских загадках часто встречаются отрицательные предложения, в которых отгадываемый предмет описан за счёт указаний на его несоответствие каким-то объектам или на отсутствие у него каких-либо признаков. Русская загадка:

Кругла, а не месяц,
желта, а не масло,
с хвостиком, а не мышь (репа).

Китайская загадка:

С головой, но нет шеи,
с глазами, но нет бровей,
без ног, но может ходить,
с крыльями, но не может летать (рыба).

В русских загадках широко используется именное сказуемое, выраженное:

1) качественным или относительным прилагательным:

Мать толста,
дочь красна,
сын кудреват,
отец горбоват (печь, огонь, дым, кочерга).
Пол железный,
половик нетканый (блины).

2) именем существительным в именительном или каком-либо косвенном падеже с предлогом:

Мать голодуха,
дочь краснуха,
а сын кучерявый (печь, огонь, дым).
Наш порхан по всем торгам порхал,
кафтан без пол,
сапоги без носков (снег) [1: 89-91].

Весьма частотно в загадках явление синтаксического параллелизма – синтаксического тождества строения двух и более смежных

отрезков текста. Оно наблюдается в приведенных выше загадках, а также в следующих примерах.

Русская загадка:

Зимой – нет теплей,
летом – нет холодней (погреб).

Китайская загадка:

Далеко смотреть – он похож на звезду,
Близко смотреть – он похож на фонарь
(светлячок).

В загадках часто встречается эллипсис, когда пропускаются какие-либо члены предложения. Например: *Барышня в избе, а рукавички на дворе* (матица).

Мы рассмотрели русские и китайские загадки как отражение национальной картины мира. В загадках находит выражение мир русской и китайской природы, животных, растений, жизнь, быт, труд и стремление к счастливой жизни народа. В них часто встречаются окружающие нас обычные предметы и явления, которые тесно связаны с жизнью человека. С одной стороны, загадки свидетельствуют о сходстве мышления у представителей разных народов, с другой стороны, они демонстрируют различие культур, разное отношение народов к окружающему миру, национально-культурную специфику.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Доля Г.Г. Язык жанров русского фольклора. Межвузовский научный сборник. – Петрозаводск, 1979. – 160 с.
2. Зуева Т.В., Кирдан Б.П. Русский фольклор. Учебник для высших учебных заведений. – М.: Флинта, 2001. – 398 с.
3. Кравцов Н.Н., Лазутин Н.Т. Русское устное народное творчество. – М.: Высшая школа, 1977. – 374 с.
4. Митрофанова В.В. Русские народные загадки. – Л.: Наука: Ленинградское отделение, 1978. – 178 с.
5. Хаматова А.А. Словообразование современного китайского языка. – М.: Муравей, 2003. – 224 с.
6. Ли Юенань, У Цао. Избранное издание статей про китайский фольклор (1949-1979). Ч. 2. – Шанхай, 1980.
7. Лю Дали. Сборник китайских практических загадок. – Харбин, 2007. – 328 с.
8. Лю Юехуа. Практическая современная китайская грамматика. – Пекин, 2001. – 1005 с.

Цзу Сюэцин
Хэйлунцзянский университет
г. Харбин, КНР

Zu Xueqing
Heilongjiang University
Harbin, People's Republic of China

КОНЦЕПТ ЗИМА В РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ КАРТИНАХ МИРА

CONCEPT ZIMA (WINTER) IN THE RUSSIAN AND CHINESE WORLD PICTURES

В статье представлена семантическая структура концепта ЗИМА в русском и китайском языковом сознании, отражены культурные коннотации, обогащающие содержание концепта. Выявление семантических компонентов, составляющих это содержание, проведено на основе анализа лексической сочетаемости слова *зима* и однокоренных слов, фиксируемой в фольклоре и художественной литературе.

Ключевые слова: *русская языковая картина мира, китайская языковая картина мира, концепт, национально-культурная семантика, фольклор, литература, паремия, эпитет.*

The submitted article presents the semantic structure of the ZIMA concept in the Russian and Chinese language consciousness, demonstrates the cultural connotations enriching the concept contents. Figuring out the semantic components forming its contents is based on the analysis of the lexical collocation of the word *zima* (winter) and of the words of the same root fixed in the folklore and in the literature of the belles lettres style.

The key words: *the Russian language world picture, the Chinese language world picture, concept, national and cultural semantics, folklore, literature, paroemia (proverb, saying), epithet.*

Как в русском, так и в китайском языке слово *зима* – *dong* (冬-Дун) обозначает время года, следующее за осенью и предшествующее весне. Это его основное значение. Кроме того, это слово имеет и культурологическое содержание. У разных народов и наций существует разное отношение к зиме. Как природный и культурный феномен, это понятие, отражающееся в сознании носителей языка, в литературных произведениях, во фразеологизмах, представляет интерес для исследователей. Любой культурный феномен, как и культурные традиции, складывается исторически, передается из поколения в поколение, проникает в глубь психологии человека.

Русский человек назвал зиму заветным словом – *матушка*. Не *весну-красну*, не *лето ясное*, не *осень сытную*, а именно зиму – с её снегами, холодами и метелями. Ведь, словно родная мать, зима заботливо укрывает теплым пуховым одеялом всё, что нуждается в защите от лютых морозов. В народе говорят: *Три года зима по лету, три года лето по зиме, три года*

само по себе, то есть времена года, перемежаясь, влияют друг на друга. Или: *Семь годов зима по лету, а семь годов лето по зиме*, но *Живет и такой год, что на день семь погод* [1].

Для сопоставительного анализа концепта ЗИМА в русской и китайской картинах мира сначала обратимся к соответствующим словарным статьям. По данным этимологического словаря русского языка [9], слово *зима* — общеславянское, индоевропейского характера, в значении — «время дождей», «время снега». По определениям разных толковых словарей русского языка [4; 6; 5; 7], зима – «самое холодное время года, наступающее вслед за осенью и сменяющееся весной».

Прилагательное *зимний* обозначает «относящийся к зиме; свойственный зиме; такой, который бывает зимой» (*зимний день, зимние каникулы*). Наречия: *по-зимнему* – «так, как бывает зимой» (*по-зимнему одеться*) и *зимой* – «в зимнее время».

Итак, согласно словарным определениям, для слова *зима* основными компонентами

значения являются: «время года», «самое холодное» и «между осенью и весной». Компонент значения, отличающий зиму от других времен года, – второй. *Зима* в русском языке – это название именно холодного времени года. Третий компонент, указывающий на промежуточное положение зимы («между осенью и весной»), не является отличительным признаком этого понятия в России, что объясняется спецификой климатических условий.

Все указанные компоненты составляют основное содержание концепта ЗИМА. Они не только дают исторически сложившееся представление об этом времени года, но и обогащают национально-культурный смысл этого концепта. Проанализируем содержание национально-культурного концепта ЗИМА, исходя из указанных компонентов значения слова и на основании анализа языкового материала.

ЗИМА как время года имеет ряд отличительных признаков, которые проявляются в непосредственной сочетаемости слов *зима*, *зимний*, а также в более широком контексте (они могут быть выделены в содержательной структуре концепта ЗИМА как потенциальные).

В словаре эпитетов [3] в словарной статье «Зима» выделяются три рубрики: «о времени наступления и продолжительности зимы: *бесконечная, глубокая, глухая, длинная, долгая, запоздалая, затяжная* и т.п.»; «о характере погоды зимы, о наличии снега и метели зимой: *белая, бесснежная, вихревая, влажная* и т.п.»; «о впечатлении, психологическом восприятии, о тяжелой, неблагоприятной для человека зиме: *голодная, грозная, губительная, осадная, сердитая* и т.п.». Эти признаки регулярно проявляются в русском языке и русской литературе, и зима часто награждается этими эпитетами, например: *Еще на взгорьях, где грустят березы, Где липы старые тоскуют в тишине, Глухой зимы неожиданные угрозы меня томили в темном полусне* (Саянов); *...У них и зим нет вихревых* (Прокофьев); *Этот голос на сердце ложится, И, такой безысходно-земной, Мне туманную осень снится, Не смолкает заносной зимой* (Сидоренко); *Такого места просто нету, в краю метельных русских зим* (Смеляков); *Но пришла зима сердитая и, как уголь вся черна, на морозе, беззащитная, сиротой стоит она (черемуха)* (Никитин).

Поскольку иллюстрациями употребленные слова в речи часто служат фрагменты

художественного текста, сразу отметим, что в художественной литературе восприятие зимы отражает не только общеязыковое, но и сугубо индивидуальное, авторское представление, тем самым создаются разные словесные образы зимы.

Используя собственный репертуар языковых средств, тот или иной поэт рисует свой портрет зимы, похожий и непохожий на другие. Ср.: *И редкий солнца луч, и первые морозы, / И отдаленные седой зимы угрозы* (Пушкин); *А подвижная эта пытка, / Которую зовут кибитка, / А изобрел наш зимний ад* (Вяземский); *Взбесилась ведьма злая, / И, снегу захватя, / Пустила, убегая, / В прекрасное дитя...* (Тютчев); *А там – волшебница седая / Лежит на высоте холмов* (Державин) и т.п.

Нельзя познать сам по себе язык, не выйдя за его пределы, не обратившись к его носителю, пользователю и его национально-культурной специфике, даже если это касается самого обычного явления природы. Поэтому, чтобы прокомментировать национально-культурную семантику культурного знака ЗИМА, мы должны вскрыть корень её культурного фонового знания и раскрыть причину этого явления. Источниками национально-культурных компонентов являются паремии, приметы, ритуалы, обряды, фольклор и т.д.

Сравним, как определяется ЗИМА в качестве времени года в России и в Китае.

Жизненный уклад земледельца изначально определялся в первую очередь сменой времен года, поворотными сроками солнечного календаря. Особо выделялись четыре момента: зимний и летний солнцевороты, весеннее и осеннее равноденствия. В русском аграрном календаре им соответствовали зимние святки (конец декабря – начало января), день Ивана Купала – 24 июня, март и сентябрь. Важность четырех указанных сроков подтверждается тем, что каждый из них у разных народов в разное время мог служить и действительно служил днем, с которого исчислялся Новый год.

В настоящее время ЗИМА обычно воспринимается как время года, наступающее за осенью и сменяющееся весной, которое включает три месяца: декабрь – январь – февраль. В русской культуре год был разделен на месяцы в связи с постоянно повторяющимися фазами луны: её рождением и прибыванием. И древние названия месяцев на Руси были тесно связаны с

природой. В русском языке эти три месяца имели соответствующие народные синонимичные названия: декабрь – *студень, студный, стужайло, холодень*; январь – *просинец, перелом зимы, перезимье*; февраль – *снежень, бокогрей, широкие (кривые) дороги* [4].

Национально-культурная семантика языка важна и интересна вне зависимости от конкретного языка и присутствует на всех его уровнях. Наиболее полно и ярко она проявляется в таких единицах языка, как пословицы и поговорки. К числу наиболее распространенных относятся пословицы и поговорки о временах года, в том числе о зиме.

Как и во все другие времена года, повторяемость зимней погоды и замечаемые рубежи в ее смене естественно порождали сопряжение наблюдений и хронологических дат. Обнаруженная народом связь между ними выражена в пословицах-приметах: *Зима без снега – лето без хлеба, Мороз и железо рвет, и на лету птицу бьет, Холодная зима – жаркое лето, Будет зима – будет и лето, Коли поле зимой гладко, и в сусеке будет сладко* и т.п.

В определении сроков и продолжительности времен года крестьянин целиком исходил из реальных климатических условий, которые регулировали его трудовую деятельность и хозяйственный быт. Для большинства районов России самым длинным сезоном всегда была зима. По народным представлениям, две половины года взаимно влияют и обуславливают друг друга, отчего в пословицах, приметах, загадках много сравнений зимы с летом, осени с весной. Например: *Готовь зимой телегу, а летом сани, Лето идет вприпрыжку, а зима вразвалочку, Что летом родится, то зимой пригодится, Лето припасиха, зима прибериха* и т.п.

Принятие христианства повлекло за собой овладение церковным календарем и почитание святых, каждому из которых посвящался какой-либо день (или несколько дней) в году. Святые оказались нужны аграрному календарю, они помогли превратить свод знаний земледельца в стройную и удобную систему времяисчисления. Святцы послужили канвой. Поэтому многие русские пословицы и поговорки носят отчетливо религиозный характер, например, такие выражения, касающиеся зимы: *Трещит Варюха (17 декабря) – береги нос и ухо!, Никола Зимний лошадь на двор загонит, Никола Вешний лошадь откормит, На*

Рождество Христово метель – пчелы хорошо роиться будут и т.п.

Такое явление отражается не только во фразеологических единицах, но и в названиях праздников, например: *Рождество* – один из главных христианских церковных праздников, установленный в честь рождения Иисуса Христа (отмечается православными верующими 7 января по новому стилю): *На Рождество иней – к урожаю на хлеб (прим.)*; *Святки* – праздничные дни от православного Рождества до Крещения, сопровождающиеся пением колядок, гаданиями, молодежными гуляниями и т.п.: *Темные Святки – молочные коровы; светлые Святки – ноские куры, А дело в Святки было, здешние ребята по ночам баловали; Татьянанин день* – народное название 25 января; традиционный в России праздник студенчества: *Если на Татьяну идет снег – лето будет дождливое (прим.)*, *На Татьяну проглянет солнышко рано – к раннему прилёту птиц (прим.)*; *Тимофей-Полузимник* – народное название 4 февраля, приметного дня в середине зимы: *Чем больше снега на Тимофея выпадет, тем выше урожай зерновых (прим.)* [1].

Большой объем национально-культурной информации несут также фольклорные номинации. Например: *Дед Мороз, Снегурочка, Морозко* и др.

Любимые русские фольклорные персонажи – Дед Мороз и Снегурочка. Русские вспоминают Деда Мороза и обращаются к нему, когда говорят о новогодних подарках, так как Мороз встречается в русских сказках и в обрядах, связанных в первую очередь с зимними праздниками. Данное представление нашло отражение в произведениях русских писателей (например, в поэме Н.А. Некрасова «Мороз Красный нос»: *Не ветер бушует над бором, Не с гор побежали ручьи, Мороз-воевода дозором обходит владенья свои. Глядит, хорошо ли метели Лесные тропы занесли, И нет ли где трещины, щели, И нет ли где голой земли, Идет – по деревьям шагает, Трещит по замерзлой воде, И яркое солнце играет в косматой его бороде*). Современные русские могут обращаться к образу Деда Мороза как при характеристике человека, внешность которого напоминает этого персонажа, так и при характеристике человека, делающего многим людям неожиданные приятные подарки, особенно в новогодний период.

Снегурочка – один из самых известных персонажей русского фольклора, хотя встречается всего лишь в нескольких сказках. Это история вылепленной из снега и потом ожившей девочки, любившей только зиму и грустившей летом, – история с печальным концом: *пошла Снегурочка летом с подружками в лес, стала с ними через костер прыгать и растаяла, как тает снег под лучами солнца*. В сказке и образе Снегурочки отражены многие русские традиционные обряды и забавы (игра в снежки и лепка снеговика зимой, прыганье через костер и вождение хороводов летом, на праздник Ивана Купалы и др.). Снегурочка – мифопоэтическое олицетворение снежной девы, облака, вообще круговорота воды в природе (в одном из вариантов сказки Снегурочка обещает вернуться весной). Образ Снегурочки был воссоздан в одноименной пьесе-сказке А.Н.Островского, героиня которой – дочь Весны и Мороза – чужая людям, не ведающая человеческого тепла, любви. В отличие от народной сказки, Снегурочка в пьесе растаяла от сладких чувств любви, подаренных ей матерью-Весной. Современные русские могут обращаться к персонажам сказки и к ситуациям, в ней описанным: *Помню, вышла я как-то выгуливать собаку. И вдруг на пятом этаже останавливается лифт, и входит молодой человек, тоже с собакой, с фокстерьером. И я, как Снегурочка, влюбилась в первого встречного. Не знала, сколько ему лет, не знала, где живет, – ничего не знала»*[3].

В китайском языке особых отличий в значении и сочетаемости слова *зима* (Дун) нет. Однако в Китае времена года определяются по-своему, и это тоже опирается на традиции земледелия, которые тесно связаны со сменой периодов высева семян и сбора урожая. В Китае времена года разделены на 24 сезона по лунному календарю сельскохозяйственного года. Сейчас во всем мире используется григорианский календарь (Ян Ли), а китайцы предпочитают вести счет времени по «лунному календарю» (Нун Ли, или Ся Ли, или, по контрасту с Ян Ли, Инь Ли). В основе этой концепции лежит древнее китайское философское учение Инь/Ян, т.е. дуалистическая натурфилософская школа, рассматривающая все явления с точки зрения единства и противоборства космогонических сил Инь и Ян. Астрономы древнего Китая, определяя «весеннее равноденствие», «летнее солнцестояние», «осеннее равноденствие»

и «зимнее солнцестояние» по орбите солнца на эклиптике, разделяли целый год на 24 одинаковые части, каждая из которых имела свое название. Имея те или иные особенности погоды, 24 сезона представляют собой результат наблюдений народа за небесными, метеорологическими и фенологическими явлениями и оказывают значительное влияние на земледелие. По лунному календарю зима подразделена на «начало зимы» (立冬), «малые снега» (小雪), «большие снега» (大雪), «зимнее солнцестояние» (冬至), «малые холода» (小寒) и «большие холода» (大寒).

В Китае после «начала зимы» (с 7-9 ноября) зима вступает в силу и через определенное время завершается «большими холодами» (20-21 января). Зима также представлена тремя месяцами: ноябрем, декабром, январем (по лунному календарю), что соответствует декабрю, январю, февралю (по европейскому календарю).

Концепт ЗИМА вербализуется в китайском языке с помощью достаточно широкой группы лексических единиц. В словаре синонимов древнего китайского языка перечислено множество синонимических слов, с разных сторон характеризующих зиму: (1) по значению времени года (冬日 *dong ri* – зима+день(зимний день)); (2) по характеру погоды (冰月 *bing yue* – лёд+месяц, 穷冬 *qiong dong* – конец+зима); (3) по чувствам человека (泰冬 *tai dong* – спокойствие+зима(зимний покой)); (4) по специфике зимы (九冬 *jiu dong* – девять+ зима, 三冬 *san dong* – три+зима); (5) по происхождению зимы (北陆 *bei lu* – север+земля) (в древнем Китае, по философской теории Усин, считали, что зима происходит с севера); (6) по цвету зимы (玄冬 *xuan dong* – черный+зима) (в древнем Китае считали, что зима находится на севере, а цвет севера (зимы) – черный); (7) по мифу о зиме (玄冥 *xuan ming* – царь зимы) (Ли Юн).

Китайские писатели также много пишут о зиме. Например, Чжан Хэньшуй (张恨水) в своем романе «Ван Лян Ши Цзе» (《鸹鸹世界》) даёт такое описание: *Хотя наступило начало зимы, путанные репы на изгороди и никогда не увядающие вьюнки всё-таки расцветали сиреневыми цветками на зелёных травах..* Если начало зимы приносит совсем немного холода (человек считает это даже немного приятным), то первый снег вызывает уже другое ощущение: *Первый снег внезапно выпал на свет, принося власть царя Зимы, а старый и уставший*

царь Осени в борьбе с грозным царем Зимы был уже не в силах сопротивляться и сдался... Золотую осень совсем покорила серебряная зима, в древнем лесу с утра до ночи звучали одни звякающие звуки треска сосулек – это последнее дыхание царя Осени, это печальные погребальные песни (刘鹏越 Лю Пен Юе «Ин Юе Ши Ця» 《音乐世家》). Известный китайский писатель Мао Дун в «Конце зимы» использовал такую метафору: *Все село как будто бы мертвое, Всё село, смотрю, серое, как мертвое...* (в авторском переводе). В произведениях китайских поэтов встречается много и других подобных образов.

Зиме также посвящено много китайских поговорок и пословиц, в которых отражены особенности народного быта, например: *Много снега – много хлеба* (то же, что в русском языке), *Зимний снег – одеяло, весенний снег – нож, Зима без снега – земля без плодов, Укрепись зимой, будешь здоров весной, Старикам хорошо пережить зиму – к долголетней жизни, Зимой не бережешь здоровье – весной заболеешь* и т.п.

В национальной культуре отражена ещё одна важная сторона аграрного цикла – праздники. Праздник всегда выполняет важные общественные функции и имеет глубокий смысл, в нем человек наиболее остро ощущает себя одновременно личностью и членом коллектива, внутри праздника осуществляется свободное общение, без которого невозможна нормальная жизнедеятельность человека. Праздник – это проявление всех форм и видов культуры данного народа. Для китайцев самое ощутимое время года – это именно зима, так как самый торжественный праздник – праздник Весны – отмечается зимой. Он обычно проходит 30 декабря по лунному календарю (примерно в середине февраля по европейскому календарю). В этот день обычно собирается вся семья (даже находящиеся в других городах или странах родные тоже стараются приехать домой): все собираются за столом, смотрят новогодний концерт по телевизору, ночью устраивают фейерверки, на дверь наклеивают новогодние надписи с добрыми пожеланиями (в знак проводов старого года и встречи нового года и нового счастья). Праздник Весны в Китае известен своей длительностью (он продолжается 15 дней). После этого праздника китайцами осознается постепенное наступление весны.

Таким образом, ЗИМА в русской и китайской культурах имеет общее значение – это значение времени празднования, времени проводов старого года и встречи нового года и счастья. В целом, мировидение русского и китайского народов по исследуемой тематике сходно, в пословицах очень много общего. Сходным является понимание влияния зимы как природного явления на земледелие и метеорологию. Но если в русских пословицах больше сравнений зимы с летом, то в китайских пословицах зима чаще сравнивается с весной, что объясняется различием климатических условий в России и в Китае). В китайской картине мира зиме придается философский смысл, это непосредственно связано с тысячелетними философскими размышлениями о жизни. В конфуцианском представлении о мироздании человек равен небу и земле, живя между ними, он составляет с ними триаду: небо – земля – человек. Поэтому через природные явления в языке и человеческом сознании отражаются нравственные и этические категории. А в русской картине мира ярче, чем в китайской, выражено религиозное сознание. Все это нашло свое отражение в фольклоре и текстах художественной литературы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреева И.В., Баско Н.В. Русская деревня – XX век.: Культурологический словарь. – М.: Флинта: Наука, 2003.
2. Андреева М.Ф. Круглый год. Народный календарь. – СПб.: Агропромиздат: ООО «Диамант», 1999. – 560 с.
3. Горбаевич К.С. Словарь эпитетов русского литературного языка. – Л.: Наука, 1979.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х т. – М.: Эксмо, 2001.
5. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь. – СПб.: Норинт, 1998.
6. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1995. – 928 с.
7. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка. – М.: Вече, 2001.
8. Чичеров В.И. Зимний период русского земледельческого календаря XVI-XIX веков. Очерки из истории народных верований. – М., 1957. – С. 29.
9. Шанский Н.М. Этимологический словарь русского языка. – М., 1994.

Тянь Цзюнь

Цзилиньский университет

г. Чанчунь, КНР

Tian Jun

Jilin University

Changchun, People's Republic of China

АНТОНИМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ СОМАТИЧЕСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ РУССКОГО И КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ

ANTONYMIC CONNECTIONS OF SOMATIC IDIOMS IN THE RUSSIAN AND CHINESE LANGUAGES IN A COMPARATIVE ASPECT

В работе рассматривается одно из универсальных языковых явлений – антонимические связи в лексике. В результате сопоставления антонимических пар и антонимико-синонимических рядов, выражающих одни и те же концепты в русском и китайском языках, автор приходит к выводу об отсутствии между ними точной эквивалентности, приводит безэквивалентные антонимы и антонимические аналогии с различающимися структурными и семантическими признаками.

Ключевые слова: *соматический фразеологизм, антоним, сопоставление, русский язык, китайский язык.*

Antonymic and semantic connections are known to be linguistic universals. As a result of a comparative analysis of antonymic pairs and the antonym-synonym lines representing the same concepts in the Russian and in the Chinese languages, we have come to the conclusion that there is no exact equivalence between them. Comparing the languages, we find none-corresponding antonyms and antonym analogues with different structural and semantic characteristics.

The key words: *somatic idiom, antonyms, comparisons, the Russian language, the Chinese language.*

Фразеологическая антонимия, несомненно, явление более сложное, чем антонимия лексическая. Это объясняется тем, что фразеологическая единица (далее – ФЕ), как устойчивый словесный комплекс, обладающий особым характером значения, представляет собой единицу более высокого уровня языка [5: 171].

В русском и китайском языках фразеологическая антонимия недостаточно изучена: отсутствует единое определение антонима, не разработаны критерии антонимии. Фразеологическая антонимия не рассматривалась ещё с должной полнотой ни в теоретическом, ни в практическом планах. Содержатся лишь некоторые замечания на этот счёт в нескольких статьях, а ссылки на фразеологические антонимы в пояснениях к отдельным фразеологизмам в нескольких фразеологических словарях отнюдь не раскрывают всех аспектов этого явления.

Антонимия, как правило, является одним из видов семантических связей, конструирующих лексическую систему. Основой фразеологической антонимии служит принцип противопоставления фразеологических значений. Однако для того, чтобы признать ФЕ антонимическими, недостаточно наличия у них противоположных фразеологических значений. “Фразеологические антонимы должны иметь одинаковые категориальные значения” [1: 317-318]. Например, русские соматические фразеологические единицы (далее – СФЕ) (*не мочь, не уметь*) *двух слов связать* – «(не мочь, не уметь) свободно, гладко говорить» и *язык хорошо подвешен* – «кто-либо умеет свободно, гладко говорить» по смыслу противоположны, но не антонимичны, так как они имеют разное категориальное содержание: первая – глагольная ФЕ, а вторая – предикативная. СФЕ *язык хорошо подвешен* и *язык плохо подвешен* –

«кто-либо не умеет свободно, гладко говорить», связанные между собой отношениями полярности, имея одинаковое категориальное значение, могут называться фразеологическими антонимами. Таким образом, под фразеологическими антонимами понимаются однопорядковые по денотативной отнесённости ФЕ с полярными значениями [1: 317]. Из этого, на наш взгляд, можно сделать вывод о том, что фразеологические антонимы выражают две противоположные стороны одного и того же концепта.

Во «Фразеологическом словаре русского языка» мы нашли только 13 пар СФЕ-антонимов, а во «Фразеологическом словаре китайского языка» – 185 СФЕ-антонимов. Это объясняется различными критериями определения антонимичности фразеологизма.

Во «Фразеологическом словаре русского языка» предлагается принцип тождественности компонентного состава СФЕ, за исключением одного компонента в каждой из них. Эти СФЕ включают в свой состав в одной и той же позиции противоположные по значению компоненты; знаменательные или служебные. Например, СФЕ с противоположными знаменательными компонентами: *с тяжёлым сердцем* – «в подавленном состоянии, в беспокойстве, предчувствуя недоброе» и *с лёгким сердцем* – «без всякой тревоги, без каких-либо опасений» и др. СФЕ с противоположными служебными компонентами: *с царём в голове* – «очень умён, смышлён, сообразителен» и *без царя в голове* – «очень глуп, недалёк» и др. Подобные СФЕ действительно антонимичны, но не являются единственным типом фразеологических антонимов. СФЕ-антонимы этого типа можно назвать лексико-фразеологическими, т.е. антонимичность целиком определяется и поддерживается отдельными компонентами, которые восходят к словам-антонимам (М.И. Сидоренко). Очевидно, такие СФЕ-антонимы характеризуются общей структурно-грамматической моделью организации и противоположными несоматическими компонентами (ср.: слова-антонимы вышеуказанных СФЕ: *тяжёлый* – *лёгкий*, *с* – *без*).

Лексико-фразеологические антонимы содержатся и во «Фразеологическом словаре китайского языка». Ср.: *ben zui zhuo she* [бэнь цзуй чжо шэ] – (букв. “неуклюжий рот, неловкий язык”) – «не может связать пары слов» и *ling ya li chi* [лин я ли чи] – (букв. “сметливые зубы,

сметливые зубы”) – «красноречив» и т.д. Кроме такой разновидности во «Фразеологическом словаре китайского языка» фиксируется и другой тип фразеологических антонимов, которые называются собственно фразеологическими, т.е. их антонимичность определяется целиком и полностью смысловым содержанием единиц (М.И. Сидоренко). К ним относятся структурно однотипные фразеологические антонимы с разными компонентами. Ср.: *xue zu shi lu* [сюэ цзу ши люй] – (букв. “подрезать ноги, чтобы подогнать их к туфлям”) – «действовать не в соответствии с действительной обстановкой, насильно подгонять под готовую схему (под трафарет)» и *liang ti cai yi* [лян ти цай и] – (букв. “мерить тело, готовить одежду”) – «действовать, исходя из реальной действительности; действовать в соответствии с действительной обстановкой» и т.д. К собственно фразеологическим антонимам относятся и структурно разнотипные ФЕ-антонимы. Ср.: китайскую антонимичную пару *kou shi xin fei* [коу ши синь фэй] – (букв. “во рту одно, на сердце другое”) – «лицемерный, фальшивый» и *xin kou ru yi* [синь коу жу и] – (букв. “что-либо во рту и что-либо на сердце одинаковое”) – «честный, правдивый». Очевидно, что эти ФЕ образуют антонимические отношения не в результате противоположных по значению компонентов ФЕ, а в результате противопоставления всего смыслового содержания ФЕ. Фразеологические антонимы этого типа чаще всего встречаются во «Фразеологическом словаре китайского языка». Именно поэтому фразеологических антонимов во «Фразеологическом словаре китайского языка» гораздо больше, чем во «Фразеологическом словаре русского языка».

Однако отсутствие собственно фразеологических антонимов во «Фразеологическом словаре русского языка» не значит, что они вообще отсутствуют в русском языке. Ср.: *повесить голову* – «приуныть, потерять бодрость» и *воспрянуть духом* – «обрести бодрость, оживиться»; *рукой подать* – «очень близко» и *у чёрта на куличиках* – «очень далеко» и др. Если бы авторы «Фразеологического словаря русского языка» такие пары квалифицировали как антонимические, то количество ФЕ-антонимов в этом словаре было бы намного больше.

Фразеологическая антонимия тесно связана с фразеологической синонимией. Это объясняется тем, что для ФЕ, вступающих в

синонимические и антонимические отношения, характерен сходный семный состав. Разница лишь в том, что при фразеологической синонимии наблюдается предельное сближение семантических признаков, а антонимия строится на полной противопоставленности, расхождении тех же смысловых признаков [3: 188]. На наш взгляд, фразеологические синонимы и фразеологические антонимы могут выражать общий концепт. Различие состоит в том, что фразеологические синонимы выражают сходные стороны концепта, а фразеологические антонимы – полярные. Так возникает антонимико-синонимический ряд ФЕ разной протяженности. Антонимико-синонимическим рядом называется группа ФЕ, объединённая параллельными антонимическими и синонимическими отношениями [4: 103]. Например, СФЕ *голова соломой набита* – «кто-либо глуп, бестолков, несообразителен», с одной стороны, антонимична СФЕ *голова на плечах* – «кто-либо умён, толков, сообразителен и т.п.», а с другой стороны, синонимична СФЕ *пустая голова (башка), солома в голове*. Следовательно, каждый член этого синонимического ряда предстает как антоним СФЕ *голова на плечах* (если А равно Б и противоположно В, то Б также противоположно В). Они образуют антонимико-синонимический ряд, выражающий концепт «оценить кого-либо по разуму». Ср.: *голова на плечах* – *голова соломой набита, пустая голова (башка), солома в голове*.

В русском и китайском языках наиболее часто антонимико-синонимический ряд ФЕ образуется по модели А, Б – А₁ Б₁, или А, Б, В и т.д. – А₁, Б₁, В₁ и т.д. (Л.А. Введенская). Например, русский антонимико-синонимический ряд, выражающий концепт «количество»: *по пальцам перечесть, раз-два и обчёлся, с гулькин нос, капля в море, всего ничего* – «очень мало» – *вагон и маленькая тележка, до Москвы не перевешишь, как грибов в лесу, как песку морского, как собак нерезаных, косою десяток, непочатый край, непротолченная труба, разливанное море, куры не клюют, хоть пруд пруди, хоть отбавляй* – «очень много»; китайский антонимико-синонимический ряд: *qi zhi ke shu* [цзюй чжи кэ шу] – (букв. «загибая пальцы, можно считать»), *liao liao wu ji* [ляо лоя у цзи] – (букв. «всего несколько штук») – «очень мало» – *bi ji qi shu* [би цзи ци шу] – (букв. «не

подаётся учёту (подсчётам)»), *bi bi jie shi* [би би цзе ши] – (букв. «везде одни за другим»), *bu ke sheng shu* [бу кэ шэн шу] – (букв. «не может пересчитать, сколько всего») – «очень много». Нетрудно заметить, что русский антонимико-синонимический ряд соответствует китайскому. Они выражают общее значение: «очень мало – очень много», принадлежащее одному и тому же концепту «количество». А.И. Алехина называет такое соответствие антонимическим эквивалентом [2: 112]. Согласно нашей концепции, такое межъязыковое отношение следует называть антонимическим аналогом, так как СФЕ в соответствующих антонимико-синонимических рядах различаются и по структуре, и по семантике. Количество таких антонимических аналогов СФЕ можно значительно увеличить в результате сопоставительного анализа русской и китайской фраземики.

В ходе такого анализа обнаруживаются также явления другого рода. Фразеологическая антонимическая пара одного языка соответствует СФЕ, или отдельным словам, или свободным словосочетаниям, или двум словосочетаниям другого языка. Например, в китайском языке есть антонимическая пара, выражающая концепт «фигура человека»: *gu shou ru sai* [гу шоу жу цай] – (букв. «кости худые, как палочки») – «очень худой» – *da fu pian pian* [да фу пянь пянь] – (букв. «большой живот, толстая фигура») – «пузатый, толстый». В русском языке такой концепт обозначается одной СФЕ <одна> *кожа да кости* и словами *пузатый, толстый*. Русская антонимическая пара: *с головой* – «1. очень умный, толковый, способный; 2. сознательно, обдуманно (делать что-либо)» – *без головы* – «1. неумный, туповатый, несообразительный; 2. не обдумав, безрассудно (делать что-либо)» в китайском языке соответствуют двум устойчивым словосочетаниям: *you tou nao* [ю тоу нао] – (букв. «с головой и мозгами») – *mei nao zi* [мэй нао цзы] – (букв. «без мозгов»). По нашей типологии, такие межъязыковые противопоставления мы называем безэквивалентными.

Анализ антонимии СФЕ в русском и китайском языках показывает, что антонимические семантические связи являются лингвистической универсалией. В результате сопоставления антонимических пар и антонимико-синонимических рядов, выражающих одни и те же концепты в русском и китайском языках

мы пришли к выводу об отсутствии между ними антонимической эквивалентности. Обычно такие соответствия представлены антонимическими аналогиями и безэквивалентными антонимами с различными структурными и семантическими признаками. Это обусловлено различиями национальных культур русского и китайского народов, возникновением различных ассоциаций относительно одного и того же предмета, явления в содержании концептов и в менталитете носителей этих языков.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алефиренко Н.Ф. Теория языка. Волгоград: Перемена, 1998. 440 с.
2. Алёхина А.И. К вопросу о сравнительном изучении фразеологической антонимии // Учёные записки / Моск. гос. пед. ин-т. М., 1968. № 327. С. 106-113.
3. Жуков В.П. Русская фразеология. М.: Высшая школа, 1986. 310 с.
4. Сидоренко М.И. Парадигматические отношения фразеологических единиц в современном русском языке. Ленинград, 1982. 108 с.
5. Эмирова А.М. Об антонимических противопоставлениях в сфере фразеологии // Вопросы семантики фразеологических единиц (на материале русского языка): Тезисы докл. и сообщений. Новгород, 1971. Ч. 1. С. 171-175.

И.О. Яськов

*Дальневосточный федеральный университет
г. Владивосток, Россия*

I.O. Yaskov

*Far Eastern Federal University
Vladivostok City, Russia*

РЕЧЕВАЯ СТРАТЕГИЯ КОНФЛИКТА В ПОЛИТИЧЕСКОМ И СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ДИСКУРСЕ

THE CONFLICT SPEECH STRATEGY IN THE POLITICAL AND SOCIOCULTURAL DISCOURSE

В работе на примере политических теледебатов и ток-шоу исследуются речевые тактики, реализующие речевую стратегию конфликта.

Ключевые слова: *речевая тактика, речевая стратегия, речевой конфликт, лингвопрагматика.*

The submitted article researches inherent speech tactics of the conflict speech strategy on the basis of political debates and popular talk-show.

The key words: *speech tactics, speech strategy, speech conflict, pragmatics.*

В последние десять лет в современной лингвистике наблюдается значительный рост интереса к исследованию речевого конфликта и средств его создания.

В своей книге «Язык конфликта» Н.В. Муравьева дает следующее определение коммуникативного конфликта – «это результат особого типа общения, это особое состояние коммуникативного акта, это результат особого речевого поведения», а под причинами коммуникативного конфликта она понимает «противоречие коммуникативных целей или коммуникативных ролей адресанта и адресата» [3].

По К.Ф. Седову, «коммуникативный конфликт несет в себе реализацию эмоциональной разрядки, снятия напряжения. Эффект такого «выпускания паров» сходен с тем, что древние греки называли термином *катарсис* – психологическое очищение, приносящее облегчение» [4].

В своем труде «Конфликт как феномен языка и речи» В.С. Третьякова определяет речевой конфликт как «состояние противоборства двух сторон (участников конфликта), в результате которого каждая из сторон сознательно и

активно действует в ущерб противоположной стороне, эксплицируя свои действия вербальными и прагматическими средствами» [5].

Речевой конфликт является средством достижения прагматических целей. Политик, создавая конфликт, привлекает внимание к себе, к своей партии, тем самым зарабатывая голоса. Ученый или поэт, создавая конфликт, привлекает внимание к проблеме, что рождает дальнейшие дискуссии.

Развитие речевого конфликта стремительно, поэтому он становится очень эффективным средством при нехватке времени, например, при выступлении на теледебатах, где продолжительность выступления ограничена.

Исходя из того, что мы рассматриваем речевой конфликт в прагматическом аспекте, мы придерживаемся следующих толкований понятия «речевая стратегия»: стратегия – это «совокупность речевых действий» [6: 58], «цепочка решений говорящего, его выборов определенных коммуникативных действий и языковых средств» [2: 137], «комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели», который «включает

в себя планирование процесса речевой коммуникации в зависимости от конкретных условий общения и личностей коммуникантов, а также реализацию этого плана» [1: 54]. Данный подход состоит в исследовании коммуникативной стратегии в деятельностном аспекте.

Исследователи выделяют различные коммуникативные стратегии, при этом отсутствуют четкие основания выделения типов стратегий в разных дискурсах, в том числе в политическом и социокультурном. Данная работа представляет попытку классификации и анализа речевых тактик в рамках стратегии конфликта.

Тактики в политическом дискурсе определяются целями, которые вызывает к жизни политическое общение. Как правило, политик желает:

- побудить адресата проголосовать на выборах за определенного кандидата, его партию, движение и т. п.;
- завоевать авторитет или укрепить свой имидж, «понравиться народу»;
- убедить адресата согласиться с говорящим, его мнением, принять его точку зрения (о том, что правительство работает плохо, или что реформы идут успешно, или что во всем виноват Чубайс);
- создать определенный эмоциональный настрой, вызвать определенное эмоциональное состояние адресата;
- дать адресату новые знания, новые представления о предмете речи, информировать адресата о своей позиции по какому-либо вопросу.

В соответствии с этими задачами определяются тактики и приемы, используемые коммуникантами.

В центре конфликта в социокультурном дискурсе – тема, проблема, но не личность. Однако качественный состав приемов и тактик внутри стратегии конфликта в социокультурном дискурсе не отличается от него же в дискурсе политическом. Различаются они частотой использования.

В центре нашего внимания – политический и социокультурный дискурс, поэтому для иллюстрирования применения стратегии

конфликта в этих дискурсах были выбраны теледебаты и ток-шоу «Гордон Кихот» соответственно, так как именно жанр теледебатов богат примерами конфликтного общения, а выбранное ток-шоу имеет своей целью создать конфликтную ситуацию.

Анализ речевых конфликтов позволил классифицировать тактики, присущие стратегии конфликта и выделить их языковые особенности.

Основываясь на проведенном анализе, можно выделить некоторые языковые особенности, присущие каждой тактике.

Так, для тактики игнорирования собеседника характерна конструкция «Я не буду + глагол речемыслительной деятельности», дословные повторы собственных фраз (о.А.КУРАЕВ: *Издательство какое?*; В.ЧУДИНОВ: *Что?*; о.А.КУРАЕВ: *Издательство какое?*), окказионализмы («Шендер-вендер-лапупендер»).

Тактика дискредитации имеет очень яркие языковые особенности. Прием параллелизма подразумевает приведение сравнений, поэтому для него характерна конструкция с союзом как (<...> *такие как вы, книжники и фарисеи*). Также языковым показателем этого приема является приведение прецедентных текстов, имен, ситуаций т. п. (Павлик Морозов, «с усиками», 37-й год). Прием инвективы проявляется в использовании бранной, сниженной лексики (*придурок, негодяй, мерзавец; пристрелю, как собаку*), косвенным показателем этого приема является «переход на ты». Прием негативной оценки характеризуется применением прилагательных, создающих отрицательное представление об оппоненте, существительных, которые характеризуют оппонента и его слова с отрицательной стороны (*бред, провокатор, он лжет, глупости-то говорите, вы – неучи, помойка*).

Слова, относящиеся к семантической группе «физическое и ментальное состояние человека», чаще всего фигурируют в качестве средства реализации приема обращения к состоянию человека (*не нервничайте; я все-таки вас моложе; надо похудеть; только не нервничайте, у вас руки дрожат*).

Тактика мотивирования характеризуется тем, что она монологична, то есть коммуникант еще не вступил в открытый конфликт,

а только подготавливает его. В связи с этим можно выделить следующие языковые особенности: обращения к слушателям или зрителям, разговор об оппоненте в третьем лице (*Слышите, слышите?!; Его поставили специально*).

Итак, стратегия конфликта имеет свою структуру, состоящую из тактик и приемов. Самая популярная тактика в политическом дискурсе – тактика дискредитации, ведь именно она позволяет развязать конфликт самым быстрым способом – прямым оскорблением. Также эта тактика проявляется в социокультурном дискурсе, хотя она и уступает по частоте тактике игнорирования собеседников. Действительно, разные задачи участников политических теледебатов и авторского ток-шоу влияют на предпочтительность тактик.

В дебатах коммуниканты не должны допустить того, чтобы оппонент завоевал доверие избирателей, поэтому основной их задачей является показать, «какой хороший я» и «какой плохой он», невзирая на авторитет и моральные нормы. Осмысленные высказывания называются «чушью», люди, задающие «неудобные вопросы», – «придурками».

В авторском ток-шоу все же представлен некий спор, правда, без возможности разрешения. Коммуниканты не переходят на личности, так как им не важно, как воспримут их зрители, наоборот, они обсуждают не друг друга, а конкретный вопрос, причем их точки зрения не совпадают. Именно здесь и проявляется тактика игнорирования собеседника. Оппоненты, не дающие шансов изменить свое мнение, будут игнорировать мнение других, не объясняя причин, а просто говоря: «Я не хочу это слышать».

Тактика мотивирования по идее может проявляться только в ситуациях с участием сторонних наблюдателей, так как направлена на них. Действительно, трудно представить себе конфликт продавца с покупателем в пустом магазине, при котором одна из сторон говорит о другой в третьем лице, пытаясь заручиться поддержкой несуществующей публики.

Таким образом, можно сделать промежуточный вывод о том, что приемы тактики дискредитации направлены напрямую на оппонента, приемы тактики игнорирования собеседника

направлены на тему конфликта, а приемы мотивирования направлены на оппонента опосредованно, через третьих лиц.

Анализ тактик позволил выявить эффективные и неэффективные тактики. Под эффективностью тактики понимается такой результат ее использования, при котором оппонент либо умолкает, либо уходит от темы разговора. Итак, самой эффективной тактикой является тактика игнорирования собеседника, а именно приемы шуток и отстранения. Прием шуток на некоторое время снижает серьезность диалога, и сказанное оппонентом после шутки будет восприниматься в ироничном ключе, поэтому коммуниканты предпочитают после такого приема молчать либо начинать новую тему. Прием отстранения дает коммуниканту преимущественное право пресечь тактику оппонента и свести на нет его усилия по дискредитации.

Неэффективной тактикой является тактика дискредитации. Любой ее прием ведет к новому витку конфликта, так как направлен на личность: естественная реакция оппонента – ответить тем же.

Однако с точки зрения эффективности воздействия на зрителя эти тактики меняются местами. Действительно, за короткое время теледебатов участникам надо донести как можно больше информации о себе и своих соперниках до зрителя, поэтому уходы от ответов и молчание используются здесь нечасто.

Стратегия конфликта – явление, которое включает в себе огромный потенциал. При своей относительной малоизученности, данная стратегия представляет огромный интерес для исследования, так как обладает определенной структурой. Это значит, что конфликт может служить регулируемым инструментом, с помощью которого можно управлять мнениями других людей.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О.С. Иссерс. – Москва, 2002. – С. 7–62.
2. Макаров М.Л. Интерпретационный анализ дискурса в малой группе / М.Л. Макаров. – Тверь, 1998. – С. 138.

3. Муравьева Н.В. Язык конфликта / Библиотека Центра экстремальной журналистики. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.library.cjes.ru/online/?a=con&b_id=192
4. Седов К.Ф. Языковая личность в аспекте психолингвистической конфликтологии / Труды Международного семинара Диалог 2002 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dialog-21.ru/materials/archive.asp?id=7379&y=2002&vol=6077>
5. Третьякова В.С. Конфликт как феномен языка и речи // Известия Уральского государственного университета №27 (2003). Проблемы образования, науки и культуры. Выпуск 14. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://proceedings.usu.ru/?base=mag/0027\(03_14-2003\)&xsl=showArticle.xslt&id=a16&doc=../content.jsp](http://proceedings.usu.ru/?base=mag/0027(03_14-2003)&xsl=showArticle.xslt&id=a16&doc=../content.jsp)
6. Труфанова И.В. О разграничении понятий: речевой акт, речевой жанр, речевая стратегия, речевая тактика. // Филологические науки, 2001, № 3. – С. 58.

В.А. Шульгинов

*Дальневосточный федеральный университет
г. Владивосток, Россия*

V.A. Shulginov

*Far Eastern Federal University
Vladivostok City, Russia*

ГИПЕРТЕКСТ И КОНЦЕПТ

HYPERTEXT AND CONCEPT

Статья посвящена анализу диалогового взаимодействия пользователей сети Интернет в условиях гипертекстового общения. Исследуются особенности тематического развития диалога. На основе сопоставления структуры гипертекста и концепта устанавливается их сходство.

Ключевые слова: *концепт, гипертекст, ядро, периферия, тематическое развертывание, надтема.*

The article focuses on the analysis of a user's interaction dialog in the Internet in a hypertext interaction. The article deals with the features of a thematic dialogue development. The article subject is based on the comparison of the hypertext structure and the concept structure and it establishes their similarity.

The key words: *concept, hypertext, core, periphery, thematic development, above theme.*

Гипертекст – это несколько текстов, организованных особым образом. Основа концепции гипертекста – это идея организации информации по «тематическим линиям», ассоциативному принципу, свойственному нашему сознанию. Она была сформулирована еще в 40-х годах XX века исследователем В. Бушем (изобретатель гипертекста). Критикуя организацию библиотечных каталогов, В. Буш писал о том, что они не соответствуют ассоциативным принципам хранения информации в сознании человека.

Автор термина «гипертекст» Т. Нельсон определял его как «непоследовательное письмо». Гипертекст состоит из так называемых «узлов» (информационных единиц) и дуг, устанавливающих явные смысловые и структурные связи между ними. Причём на месте узлов могут находиться как целые документы, книги, так и отдельные абзацы текста или картин-ки образов [3: 15].

Есть несколько типов структурных типов гипертекста.

Первый тип – это гипертекст, имеющий центральный компонент, а также периферийные тексты, содержащие дополнительную информацию о некоторых данных в основном тексте (например, толкование слова, перевод и т. д.).

При этом дополнительные компоненты между собой не связаны.

Второй тип – это наличие центрального текста и периферийных текстов, разворачивающих некоторые тематические линии, заложенные в основном тексте, которые могут быть связаны друг с другом.

Третий тип – это равнозначность всех текстов, входящих в гипертекстовую структуру. Каждый текст одновременно является и центральным, и периферийным. Такое устройство характерно для больших гипертекстовых образований, например для Википедии.

Существует также и переходный между вторым и третьим тип, в этом случае периферийные тексты могут породить отдельные пути тематического развертывания основного текста, не связанные с центральным текстом. Можно сказать, что любая гипертекстовая структура стремится к идеальной, которая выражается в третьем типе.

Мы анализируем коммуникацию внутри Интернет-сообщества «Владивосток», которая включает в себя записи пользователей www.livejournal.com, или «Живого Журнала», а также комментарии к ним. Комментарии связаны с основным текстом тематически, они также могут распространяться и быть связаны друг

с другом. Поэтому структурно данный гипертекст относится ко второму типу.

Основной пост (текст, получающий гипертекстовое развитие) несет в себе несколько тем, которые могут получить развитие в комментариях. Подобно концепту он включает основные темы (ядро) и периферийные темы – интерпретационная часть, которая реже получает развертывание, но является при этом довольно объемной. Покажем тематическое развертывание текста на конкретном примере:

loki_gh0st ((loki_gh0st) пишет в vladivostok @ 2011-02-17 15:01:00

Вопрос про автошколы (Т1 – автошколы Владивостока)

Как оно там щас вообще, кто знает? думаю, пойти в Аник учиться, но терзают меня смутные сомнения. (Т2 – автошкола Аник)

Расскажите кто сталкивался недавно – правда ли, что совершенно нет очередей и права можно получить без проблем, при условии успешной сдачи экзаменов? (Т3 – сдача экзамена)

В общем, колитесь.

Формально пост представляет собой текст-сообщение. Обычно в посте представлены паратекстуальные связи – наличие заголовка («Вопрос про автошколы»), а также указание авторства и времени публикации, с возможностью гипертекстового перехода к личной странице автора и всем сообщениям, опубликованным в это время.

Наличие автора – необходимая черта постов, так как только зарегистрированные пользователи могут оставлять сообщения. Комментарии можно оставлять и в анонимном режиме, но обычно это вызывает негативную оценку остальных пользователей, например: «Ота как анонимус откаментил».

В данном посте представлены следующие темы, составляющие тематическое ядро:

Тема 1 – автошколы Владивостока

Тема 2 – автошкола «Аник»

Тема 3 – сдача экзамена по вождению.

Данные темы представлены эксплицитно.

Кроме того, существует имплицитно представленная основная тема, которая входит в любое сообщение – мы назовем ее «Оценочное отношение к объекту поста». Это связано с тем, что Интернет – среда эмоциональная, оценочные

суждения здесь являются нормой, а отсутствие их является скорее показателем неактуальности темы или фальсификации комментариев.

Помимо четырех представленных тем имеется еще надтема «Владивосток», что диктуется самим названием сообщества. Несоответствие поста данной надтеме приводит к конфликту, критике и удалению сообщения. При этом темы, заложенные в такой текст, не получают развертывания. Таким образом, развертывание надтемы является ключевым фактором успешной коммуникации.

Периферию данного текста составляют темы «автопром», «покупка прав», «ГАИ», «дороги города», «маршрут» и т. д. Данная группа тем широка и зависит от интерпретации читателей поста.

Основные темы обычно разворачиваются в первую очередь.

[info]guy_do

2011-02-17 04:26 am UTC (ссылка)

учился в ВОА (всероссийское общество автомобилистов) – местное отделение. (Т1)

[info]fstrelcov

2011-02-17 04:51 am UTC (ссылка)

Учился и сдавал в Седан-В года 2 назад. (Т1 – автошколы) Вышло тысяч 13, сейчас минимум в 2 раза дороже везде. (Т2) Сдавал лично я легко (есть опыт и голова, гаера намеренно не валили), часть группы «город» купила за 6 тыс рублей. (Т3) (т10 – покупка прав)

Весной думаю на А-категорию идти, но там свои замуты жестокие.

[info]sladkih_snoff

2011-02-17 05:39 am UTC (ссылка)

училась в Анике 3 года назад. Нормально учили как теории, так и вождению. Везде адекватные лекторы и инструкторы, но вот схема пересдач и срок сданного экзамена – быстро прогорал, и нужно было пересдавать ... В общем не советовала бы ее. (Т2 Аник)

info]terrorist_ka

2011-02-17 10:17 am UTC (ссылка)

anik-gavno!! pravdu pishut-deneg otdadite do... za perezdachi i prochuu her'.. (Т2 Аник) (Т4 оценка)

[info]prorab_ru

2011-02-17 04:48 pm UTC (ссылка)

в артеме учились – 3 т на теорию отдали и около 12 за практику (250 за 2 часа вождения). сдали со 2го раза (а многие и с 4го). (Т1, Т3)

В данном случае происходит тематическое развертывание основных тем, при этом мы видим, что авторы комментариев также указаны, каждое сообщение написано новым автором. Часто в комментарии получают развитие сразу все основные темы, например:

[info]dab_dadah

2011-02-17 05:07 am UTC (ссылка)

В Аник однозначно не стоит, в случае несдачи внутреннего экзамена каждая перезадача – дополнительная проплата. (Т2) Учалась год назад в ВОА, выше уже есть камент про эту автошколу. (Т1) По финансам и часам всё так, но по сдаче совсем иная ситуация, видимо, какой инструктор попадётся. Теорию на внутреннем экзамене сдала без проблем с первого раза, а вот по вождению за допуск мой инструктор пытался смаить с меня дополнительно 5 штук или навязывал дополнительные платные часы вождения, строцал, что всех валят, сдаёт 1 чел из десяти, мол, давай 30 штук принесу тебе права через неделю. На что я забрала документы, взяла открепление из ГАИ и спокойно сдала в другом городе. (Т3) (Т10 – покупка прав).

Однако могут быть представлены и только одна или несколько тем, например:

[info]prorab_ru

2011-02-17 04:48 pm UTC (ссылка)

в артеме учились – 3 т на теорию отдали и около 12 за практику (250 за 2 часа вождения). сдали со 2го раза (а многие и с 4го). (Т1, Т3)

Помимо этого, в данном посте разворачиваются и периферийные темы. Их можно также разделить на две группы. Подобно концепту, в структуре которого выделяется промежуточный уровень между ядром и периферией, мы также можем выделить промежуточные темы. В их состав войдут темы, которые не выражены эксплицитно в тексте, но имеют ассоциативную связь с основными темами. В эту группу входят следующие темы:

тема 5 – плата за обучение, тема 6 – экзамен в ГАИ:

[info]guy_do

2011-02-17 04:26 am UTC (ссылка)

учился в ВОА (всероссийское общество автомобилистов) – местное отделение. (Т1)

сумма за теорию и вождение 22, кажется, тыщи. это 48 часов вождения и месяц теории по три раза в неделю двухчасовые занятия. (Т5 – плата за обучение)

нас предупреждали, что есть негласное «валить молодых, прав давать как можно меньше», но, видимо, это было рассчитано на тех, кто в ужасе от дороги и боится руля. короче говоря, намерено никто не валит – главное, знать правила и уметь в случае обоснованной ПДД необходимости поспорить с принимающим экзамен инспектором. (Т6 – ГАИ)

(Ответить) (Уровень выше)

тема 7 – автомобильный сайт:

(Анонимно)

2011-02-17 04:50 am UTC (ссылка)

скоро ещё один будет парковацио в третьем ряду «на 5 минут быстро никому не мешаю мне срочно жена рождает» (Т4 – оценка)

ЗЫ. на дром с такими вопросами, там более чем дохрена раз обсуждали (Т7 – дром) (соответствие надтеме)

Т8 – специальный дополнительный курс:

(Анонимно)

2011-02-17 05:33 am UTC (ссылка)

4 года назад в Анике было неплохо. У них был полезный допкурс по безопасному вождению – учили ощущать габариты машины, разгон/тормоз и тп.

Как сейчас – не знаю. (Т2) (Т8 – допкурс)

(Ответить) (Ветвь дискуссии)

[info]bibeht

2011-02-17 07:27 am UTC (ссылка)

Самый лучший допкурс, дающий ощущение габаритов, разгон/тормоз/обгонпотротуару/обматеритьторомоза – это сдать экзамен и месяц поездить по ежедневному маршруту Чуркин-Эгершельд-Обратно. (Т-8 допкурс)

Т10 – покупка прав:

[info]matvienko_vlc

2011-02-17 01:03 pm UTC (ссылка)

Не учил.

Не сдавал.

Купил права, как все в лихие 90-е, и пока (тфу-тфу!) ни одной царапины.

В городе, где корки стоят 500 баксов, учиться – извращённый секс. А по извращённому сексу Владивосток до Амстердама всяко разное недотягивает.

Тема 7 возникла из-за того, что основные темы можно объединить надтемой «автомобильный рынок Владивостока», которая раскрывается на отдельном сайте. Поэтому указание на автомобильный сайт «Дром» является демонстрацией роли надтемы в Интернет-сообществе.

На самой периферии находится Тема 9 – аноним-женщина. Она не связана с основными темами. Однако при этом данная тема неслучайна. Она относится к темам, характерным для всего Интернет-общения, так как важной жанровой чертой блога является «самопрезентация автора в виде раскрытия им своего внутреннего мира». Анонимные же пользователи нарушают данный принцип, часто провоцируют пользователей на конфликт, используют оскорбления, публикуют ложную информацию.

ОБАНА!

[info]setmurg

2011-02-18 01:43 am UTC (ссылка)

анон – ЖЕНЩИНА! (Т9 – аноним-женщина)

(Ответить) (Уровень выше) (Ветвь дискуссии)

Re: ОБАНА!

(Анонимно)

2011-02-18 09:25 am UTC (ссылка)

Да какая я женщина, Вы что, я еще девочка.
(Т9 – аноним-женщина)

Таким образом, тематическое развертывание гипертекста имеет сложную структуру, состоящую из центральной, периферийных и переходных тем, которые определяются как темой основного сообщения, так и надтемой.

Уже при первом приближении структура гипертекста вызывает определенные ассоциации со структурой одного из центральных понятий современной лингвистики – концепта.

Большинство ученых выделяет две части в структуре концепта – это ядро и периферия. И.А. Стернин представляет концепт в виде плода и предлагает свою модель концепта,

которая независимо от типа концепта обладает базовым слоем, концептуальными слоями и интерпретационным полем. Базовый слой всегда репрезентирует определенный чувственный образ (жадность – плохо, деньги, неприятный человек). В сложных концептах на базовый образ накладываются дополнительные когнитивные признаки. Слои названы когнитивными, т.к. они отражают результат опыта познавательной деятельности человека, т.е. результат когниции. Базовый слой и когнитивные слои в совокупности образующих их когнитивных сегментов составляют ядро концепта. Кроме ядра концепт имеет объемную интерпретационную часть – совокупность слабо структурированных предикаций, отражающих отдельные концептуальные признаки и их сочетания в виде утверждений, установок сознания. Интерпретационное поле концепта составляет его периферию.

В зависимости от структуры И.А. Стернин выделяет три типа концептов – одноуровневые, многоуровневые и сегментные [2: 59–60].

Ядро концепта лучше всего отражает семантика ключевой лексемы, именующей концепт.

На периферии содержания концепта находятся разнообразные определения, толкования, отраженные в паремиях, афоризмах, крылатых выражениях, притчах и т.д. При их исследовании выделяется интерпретационное поле концепта, в котором можно обнаружить весьма разнообразные смысловые признаки, скрытые от прямого наблюдения.

Нами был проведен ассоциативный эксперимент, в ходе которого устанавливалось семантическое поле концепта «автошкола Владивостока». В него вошли ассоциации: *учеба, «Аник», ВОА, инструктор (забавный), тупо, автомобиль*. Данные ассоциации составляют ядро концепта. Они во многом соотносятся со структурой гипертекста, дублируются темы «Аник», «сдача экзамена», «покупка прав».

Ассоциация *ВОА* раскрывается в теме «автошкола Владивостока».

Ассоциации *блат* и *взятки* также относятся к ядру концепта, тогда как в гипертекстовом образовании данные темы находятся на периферии и проявляются лишь при дальнейшем развертывании текста.

Среди индивидуальных ассоциаций встретились такие, как *опасность перехода дороги, зависть к другой группе, люди с выпученными*

глазами схватившиеся за руль. Эти ассоциации составляют периферию концепта и не имеют аналогов в тематической структуре текста. В то же время тематическое развертывание имеет свою специфическую тему *аноним*, связанную не с самим текстом, а со спецификой Интернет-среды. Таким образом, мы наблюдаем аналогичность структуры ядра концепта и центра тематической конструкции гипертекста «Автошколы Владивостока» и расхождение в периферии, связанное, во-первых, с уникальностью некоторых ассоциаций, во-вторых, с влиянием законов Интернет-пространства на тематическую составляющую гипертекста.

Семантический принцип построения гипертекста и концепта приводит к схожести их структур. Как отмечает Ж. А. Вардзелашвили, «концепт можно рассматривать в качестве языкового маркера гипертекстуальности. Его материальная ипостась – это отдельная лексическая единица, а ментальная – диапазон ее интерпретаций, свернутый в концепте. В шифровке значения, свернутого как в самом художественном тексте, так и в концепте – мини-тексте, участвует не только языковая система, но и внешние по отношению к языку системы: социальные установки,

культурно-исторический контекст, фоновые знания» [1: 33].

Тематическую основу гипертекста составляют эксплицитно выраженные темы, заложенные автором начального поста, тема оценки объекта и надтема сообщества. Периферию составляют имплицитно выраженные темы, получающие развертывание в комментариях читателей. Это позволяет нам анализировать структурные особенности гипертекста, опираясь на концептуальный анализ.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вардзелашвили Ж.А., Певная Н.П. Концепт как маркер гипертекстуальности // Гипертекст как объект лингвистического исследования: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, 15 марта 2010. Самара: ПГСГА, 2010. 172 с.
2. Стернин И.А. Методика исследования структуры концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж: Воронежский гос. ун-т. 2001. С. 58–65.
3. Эпштейн В.Л. Введение в гипертекст и гипертекстовые системы. <http://newasp.omskreg.ru/intellect/f27.htm>

Е.Г. Петрова
 Дальневосточный федеральный университет
 г. Владивосток, Россия

E.G. Petrova
 Far Eastern Federal University
 Vladivostok City, Russia

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПОНЯТИЯ «ДУША» В РУССКОМ ПОЭТИЧЕСКОМ СОЗНАНИИ

THE «SOUL» NOTION CONCEPTUALIZATION IN THE RUSSIAN POETIC CONSCIOUSNESS

Концепт ДУША является одним из ключевых в мировой культуре. В сознании носителя русского языка он также играет важную роль, что признано рядом известных ученых. В данной статье представлены образы «души», наиболее часто встречаемые в произведениях русской поэзии, и проанализировано их языковое воплощение – как типичное, так и индивидуально-авторское.

Ключевые слова: язык, поэт, концепт, образ, душа.

The «soul» concept is one of the key concepts in the world culture. In the minds of the Russian-speaking people it also plays an important role as it is admitted by a number of famous scholars. The present article presents the «soul» concepts which are the most frequent in the Russian poetry, analyses their language realization, a typical and an individual one.

The key words: language, poet, concept, image, soul.

Концепт «душа» является одним из основных в мировой культуре. В сознании русскоязычного населения он также играет немаловажную роль, что признано рядом известных ученых, таких как Ю.С. Степанов, В.В. Воробьев, А. Вежбицка, А.Д. Шмелев и др.

В русском языке слово «душа» имеет развернутую семантическую структуру, что свидетельствует о значимости данного понятия для носителей языка. По своему происхождению это общеславянское слово, которое восходит к индоевропейскому корню *dheus-// *dhus со значением «разлетаться, рассеиваться, когда речь идет об искрах, пыли, дыме, дыхании» [7].

В современном русском языке слово «душа» употребляется в разных значениях. Представим наиболее важные из них:

В религиозных и идеалистических представлениях – нематериальное начало жизни, противопоставляемое телу; бесплотное существо, остающееся после смерти человека.

В старой психологии – совокупность психических явлений, переживаний, основа психической жизни человека.

Внутренний, психический мир человека;

Свойство характера, основные черты личности, а также человек с теми или иными свойствами [8].

Чтобы такое слово, как «душа», могло нормально функционировать в языке, выражая некий общепринятый объем исходных свойств, допущений и представлений, ему необходимо какое-то «вещественное» подкрепление. Итак, что же такое душа? Прежде всего это орган чувств и предчувствий. Душа – это орган внутренней жизни человека, то есть всего того, что не связано непосредственно ни с физиологией, ни с деятельностью интеллекта. С душой связано представление о каких-то особых, происходящих внутри нее процессах (*Что происходило тогда в его душе?*). Эти процессы ассоциируются с какими-то особыми функциями, которые выполняет душа. Тем самым душа сближается с обычными человеческими органами – легкими, сердцем, печенью и т. п., которые тоже находятся внутри человеческого тела и выполняют особые функции. Существуют особые обстоятельства, когда душа меняет

привычное местонахождение, обычно это связано с сильным чувством, например, беспокойством или страхом: *душа не на месте; душа в пятки ушла*. В современном русском языке сохраняется слабое представление о связи души как органа жизни с дыханием (*Он испустил последний вздох – душа отлетела от тела*). Душа может отождествляться с личностью человека, с его внутренним «Я»; с его сущностью, душа – alter ego человека. В этом значении слово душа употребляется в следующих выражениях: *низкая / высокая / мелкая / нежная / чуткая / благородная душа*. Душа, как и человек, может испытывать страдания, боль, жить, быть живой, а также умереть, как человек: *Душа болит/ страдает, живая душа/ умерла, усталость души* и т. п. Душа – это самое ценное, что есть у человека, причем как с точки зрения «наивной» анатомии, так и с точки зрения этики.

С первой точки зрения человек состоит из двух частей: души и тела, причем душа не материальна и не связана ни с каким человеческим органом. Она мыслится как некое невидимое средоточие жизни в человеке – находясь внутри тела, душа делает человека живым. Анатомическое представление о душе сохранилось в устойчивых выражениях: *в чем душа держится; душу вытрясти / вынуть* (из кого).

С точки зрения этики душа – носитель этического идеала, которому она должна соответствовать, причем это ценится больше всех материальных благ (*чистая душа, запачкать душу; хоть мошна пуста, да душа чиста*), поэтому душа может становиться объектом особой заботы человека, осознающего ее ценность. С религиозной точки зрения душа, как средоточие сознательной, внутренней жизни, связывает человека с высшим духовным началом. Душа – это тот орган, с помощью которого человек ощущает мистический, потусторонний мир (*Душа тянулась к Богу*). При этом душа осознается как нечто, данное человеку Богом. В отличие от материального тела душа бессмертна, не зависит от тела и после смерти человека возвращается в потусторонний мир (*Отдать Богу душу* – умереть). Связь души с Богом особенно повышает ее ценность для религии, приобретают особую значимость сознательные усилия человека, направленные на самоусовершенствование (*спасать душу*). Душа, с точки зрения религии, сохраняет себя

во время всего жизненного пути человека, но не разрушается после его смерти, поэтому *душа – живая*. Это устойчивое в религиозном дискурсе выражение. Душа – самое ценное, что есть у человека, поэтому душа часто выступает как некий залог в отношениях человека со сверхъестественными силами: можно *заложить душу / отдать душу (Богу) / продать душу / завладеть (чьей-то) душой*.

Одно из наиболее употребительных значений – «душа-вместилище». Скрытые от посторонних мысли и чувства находятся в глубине этого вместилища (*в душе, в глубине души*), а те состояния, которые имеют внешнее проявление или, по крайней мере, не противоречат таковым, находятся где-то на его поверхности (*на душе*). Поведать другому свои даже самые сокровенные мысли или чувства – значит *раскрыть душу*, а нежелательное вмешательство в частную жизнь человека, приставания с целью выведать те мысли и чувства, которые он прячет от посторонних, описывается выражением *лезть в душу*. Если же неосторожным словом или поступком мы оскорбляем что-то, что человек бережно хранит *в тайниках своей души*, то мы *плюем* ему *в душу*.

Душа выступает в виде самых разных вместилищ. У души есть различные свойства: объемность, глубина, возможность находиться, скрываться внутри этого объема: *в душе* – про себя, мысленно; возможность быть *пустой / опустошенной* или – *заполненной / наполненной*. Второе свойство – это возможность что-то *затаить / спрятать / скрыть / сохранить в душе* или что-то *класть / положить / сложить* в нее. Третье свойство души – это непроницаемость ее оболочки для чужого взгляда и недоступность ее содержимого: *чужая душа – потемки / в чужую душу не влезешь*. Существует возможность (для кого-то постороннего) все же проникать внутрь души и неизбежно связанные с этим неудобства – для самого субъекта души: *влезать / лезть / залезать в (чью-то) душу* (как *влезть / вломиться* в чужую квартиру). Еще одним свойством является возможность соприсутствия вместе (внутри души) самых разнообразных, часто противоречивых стремлений: *уживаться в душе*. Душа как вместилище обладает и свойством оценки размеров (то есть тесноты, величины, узости, малости) этого вместилища (одежды или комнаты) как чего-то самого по себе ценного или,

наоборот, порицаемого: *величие души, мелкая душонка, великодушие, широкая душа.*

Душа довольно часто выступает как огненная (излучающая тепло и свет) стихия. Это может быть костер, а также некий легко воспламеняющийся газ или эфир, атмосфера, или даже небо, погода: *жар души / распалить душу / душа горит / искры души / заронить искру (чего-то) в душу / тратит тепло души / душа остыла (охладела) / посветлет (проясниться) на душе (в душе) – уничтожив свой запас, но возможно согрел этим других людей.*

Язык поэтов, по сравнению с языком обычных носителей языка, более выразителен, эмоционален. Поэт всегда вкладывает в слово гораздо больше значения, нежели обычный человек. «Душа» является ведущим концептом для многих поэтов, среди них А.С.Пушкин, М.Ю. Лермонтов, Ф.И. Тютчев, К.И. Батюшков, Е.А.Баратынский и многие другие. Следует отметить, что все поэты свои представления о душе черпают из окружающего их мира, поэтому неудивительно, что многие метафорические представления о душе уже упомянуты нами. Поэты использовали в своем творчестве все, что дала им русская культура. Мы выделим хотя бы самые общие и наиболее часто встречаемые в поэзии образы души.

Для поэтов «душа» прежде всего орган чувств, эмоций, переживаний. В душе живут любовь, нежность, страсть, ненависть, мечты, воспоминания («*Люблю тебя душою...*» А.С. Пушкин). Это не просто орган – это вместилище всех чувств, это тайная сокровищница, где хранится все самое ценное («*В моей душе лежит сокровище...*» А.А. Блок). Поэтов прежде всего привлекает скрытое в душе, то есть то, что сосредоточено внутри, и обуславливает процессы, там происходящие, а также то, что имеет значение для удовлетворения духовных потребностей, для пребывания души в состоянии гармонии. Например, у Ф. И. Тютчева сочетания «в душе»: *в душе уязвлена., в душе я умилена., она в душе вас крепко полюбила.*

Хранимое в душе является причиной такого состояния души, как теплота. Различные чувства согревают душу, иногда они сами предстают в виде пламени. У многих поэтов являются очень употребительными выражения: *жар души, пылать душой, огонь души, душа горит (пылает, пламенная), пылающая душа.* В противовес этому поэты употребляют и такие

выражения: *остывшая душа, хладная душа, холод души, душа остывает* и т. п. Наличие таких выражений в стихотворениях характеризует поэта как импульсивного, порывистого человека, склонного к сильному проявлению эмоций, к частой смене настроения. Но у некоторых поэтов отсутствуют такие крайности. Например, у Ф.И. Тютчева в поэзии преобладают переходные состояния между теплом и холодом – состояния, как бы совмещающие противоположности. Поэт как будто делает акцент на сохранении «теплового равновесия». Это характеризует поэта как человека, стремящегося к покою, душевному равновесию. Для поэта предпочтительны не крайние эмоции, а спокойствие, гармония.

В земном своем бытии душа зависит от субъекта. Душа дается человеку чистая, невинная, подобная «ангельской»! Но жизнь земная изменяет душу: поступки человека, испытываемые им чувства оставляют следы в душе, навсегда меняют ее («*Но в бурях жизненных развлекся я душою...*» Е.А. Баратынский).

Душа в поэзии выступает как какой-то особый микрокосм. В основе его характеристики лежит ряд оппозиций, которые наиболее часто находят отражение в поэзии: открытое – закрытое, свое – чужое, верх – низ, свет – тьма.

Представление о русской душе прежде всего связано с ее широтой, которая обусловлена, вероятно, увеличением внутреннего пространства за счет равноправного присоединения к нему внешнего мира, что становится возможным благодаря такому свойству души, как ее открытость: *душа нараспашку, открывать / раскрывать / распахивать / выворачивать наизнанку душу, с открытой душой.* К этому ряду примыкают сочетания, свидетельствующие о том, что по доброй воле открываться могут не только «врата души», но и все содержимое духовного вместилища: *выворачивать душу наизнанку, выкладывать душу.* У поэтов самые разные представления о том, является ли душа открытым или закрытым миром. Например, у Ф.И. Тютчева закрытость души не просто восходит к романтической оппозиции «личность-толпа», а связана с авторской установкой – «*Молчи, скрывайся и таи И чувства и мечты свои*». В данном случае, на наш взгляд, можно говорить об абсолютизации автором романтического принципа. Это говорит о стремлении поэта сохранить тайну своего

внутреннего мира. Другие поэты-романтики хотя бы допускают вероятность того, что хоть и не перед всеми, но душа может быть открыта: «Обнажена моя **душа** пред вами...» (А.С. Пушкин), «Кто пред тобой открыл Таинственную **душу**...» (М.Ю. Лермонтов), «Люблю за дружеским столом С моей семьею домовитой О настоящем, о былом Поговорить **душой** открытой...» (Е.А. Баратынский). Нарушение душевных границ в картине мира поэта чаще всего оценивается негативно. Это связано и с тем, что инициатива переходит к другому субъекту, вмешательство которого происходит против воли личности и с разрушительными для ее внутреннего мира последствиями (можно сравнить общеязыковые связанные сочетания, такие как *входить в душу* и *влезать в душу*, а также тютчевский вариант: «Толпа вошла, толпа вломилась В святилище **души** твоей...»).

В основе характеристики души лежит оппозиция «свое-чужое», которая не только связана с актуализируемой в романтизме идеей: внутреннее пространство – свое, внешнее – чужое. Внутреннее пространство, пространство души идентично личности и одновременно воспринимается как область иного, как объект, на постижение которого направлены усилия личности. Внешнее пространство не всегда воспринимается как чужое, наоборот, душа выступает критерием оценки внешнего пространства, выделением в нем духовно своего, то есть того, что *по душе/ не по душе*. Но поэты не прибегают к подобным сочетаниям, выражая иными средствами такого рода смыслы, например: «Отраден будь для ней возврат В места, **души** ее родные!» (Ф.И. Тютчев).

В русской языковой картине мира внутреннее пространство ориентировано по вертикали, о чем свидетельствуют такие выражения как *до глубины души*, *в глубине души*. Поэты же предпочитают другие выражения, для них характерны сочетания: *дно души*, *бездна души*, *пропасть души*. Примером могут послужить строки Ф.И. Тютчева: «Так и его, как неземная сила, Все пропасти **душевные** взрывала...». С движением к пространственному верху сопряжен путь нравственного совершенствования. Пространственно-этическая оценка души имеет место и в языковой картине мира, но там превалирует пейоративная оценка: *низкая*, *мелкая душа* (*душонка*). Поэты же, наоборот, говорят о высокой душе. Это человек высоких

духовных устремлений, несомненно благородный: «**Душа** его возвысилась до строю: он стройно жил, он стройно пел...» (Ф.И. Тютчев), «Кто, кто мне силу дал сносить Труды, и глад, и непогоду, И силу – в бедстве сохранить **Души** возвышенной свободу?» (К.Н. Батюшков).

Душа – это закрытое пространство, которое понимается как изначально темное, это касается не только чужой души (общеязыковое: *чужая душа потемки*). Появление света в душе зависит от того, чем она наполняется: это могут быть положительные чувства: *светлая любовь*, *светлая мечта*; но не исключены и отрицательные: *черная зависть*, *черная тоска*.

Еще со времен Античности душа сравнивалась с некоей первостихией: как огонь (Гераклит, Демокрит), как воздух (Анаксимен), как смешение четырех первоэлементов (Эмпедокл). Следы подобной материализации сохранились и в языке. Так, у славян душа представляла как нечто материальное, имеющее воздушную природу. Об этом свидетельствует не только этимология слова *душа*, но и следы такого рода воззрений, запечатлевшихся в языке: *душа воспарила*, *душа отлетела*, *вдохнуть душу*. Можно отметить связь души с огненной стихией, хотя подобная метафора в меньшей степени характерна для наивных представлений: *душа горит*. Образный ряд «душа-огонь» является характерным для А.С. Пушкина: «**Душа** горит и негой и желаньем...»; «**Душа** воспламенилась в нем...»; «**Душа** сгорит, нальется сердце ядом...» и т. д. Другие поэты предпочитают видеть душу как субстанцию, имеющую свойства газа или жидкости. Таков, в частности, взгляд Ф.И. Тютчева на душу. Текучая природа души у него зафиксирована с помощью глагольных метафор: «Ту жизнь до дна он иссушил, Что в дерево вливала **душу**...»; «**Душа**, с которою твоя была слита...». Воздухообразная природа, приписываемая душе, является причиной того, что души умерших воспринимались летящими по воздуху. Вот строки Ф.И. Тютчева, иллюстрирующие это: «Ах, когда б живые крылья **Души**, парящей над толпой, Ее спасали от насилья Безмерной пошлости людской!»

Довольно часто в поэзии душа уподобляется объекту из мира природы или артефакту. Душа в картине мира поэта может выступать как текст, книга: *читать в душе*. Душа может представать как нечто твердое, обладающее

прочностью камня: *«Да, я не изменюсь душою, Как ты, как ты [кинжал], мой друг железный»* (М.Ю. Лермонтов); *«Ее души не тронет твердой...»* (А.С. Пушкин). Душа даже может обладать черствостью хлеба: *«Причудлива, черства душа суровая поэта...»*; *«Ожесточенному и черствому душой Пусть эта радость незнакома...»* (А.А.Фет). Иногда душа концептуализируется в образе цветка: *«Ах, мысль о той душе завялой...»* (А.С. Пушкин). Очень часто в картине мира поэтов присутствует представление о душе как сосуде, то есть душа мыслится как имеющая внутреннее пространство: *«Сумрак тихий, сумрак сонный, Лейся вглубь моей души...»* (Ф.И. Тютчев). Для романтического дискурса обычно сопоставление души с музыкальным инструментом: гусли, арфой, лирой, скрипкой – как правило, инструментом, имеющим струны. Часто в поэзии встречается сочетание «струны души»: *«Усыпленные жизнью струны Напряженной, как арфа, души...»* (А.А. Блок).

Душа, согласно наивно-языковым представлениям, является как бы органом, это представление отразилось в поэзии (*усталая душа, отдохнуть душой, болит душа*). Как материальный орган душа может чувствовать боль: *«И знаем мы: под этой дымкой Все то, по чем душа болит, Какой-то странной невидимкой От нас таится и молчит»* (Ф.И.Тютчев).

И последнее представление о «душе», но от этого не менее значимое в русской поэзии, душа – alter ego человека. Душа, как внутреннее «я» человека, наделяется комплексом тех же способностей, что и ее носитель, – речевых, слуховых, зрительных, способности к перемещению. Вот так, например, представляет душу как alter ego человека А.А. Блок: *«А ты, душа... душа глухая... пьяным-пьяна...»*.

Одни образы души воспроизводятся в произведениях разных поэтов, другие являются очень индивидуальными. Но одно несомненно: образ души является ключевым для творчества очень многих художников слова, и анализ данного образа помогает лучше постичь идею автора, его «душу».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Батюшков К.Н. Стихотворения./ Сост. вступ. ст. и примеч. И. Шайтанова; худож. А. Митлянская. М.: Худож. лит., 1987. – 320 с.
2. Блок А.А. Стихотворения и поэмы. Избранное. Свердловск: Средне-Уральское кн. изд-во, 1976. – 144 с.
3. Лермонтов М.Ю. Сочинения в 4-х томах. Т. 1./ Вступ. ст. и комм. Г.П. Макогоненко. М.: Правда, 1986. – 384 с.
4. Лермонтов М.Ю. Сочинения в 4-х томах. Т. 2./ Примеч. И.Л. Андронникова. М.: Худож. лит-ра, 1989. – 542 с.
5. Пословицы русского народа / В.И. Даль. М.: ООО «Изд. АСТ», ООО «Изд. Астрель», 2001. – 752 с.
6. Пушкин А.С. Сочинения (в 3-х томах). М.: Худож. лит-ра, 1986.
7. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М: Школа «ЯРК», 1997. – 824 с., 51 илл.
8. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. М., 1995; М., 2000.
9. Тютчев Ф.И. Стихотворения. Фет А.А. Стихотворения / Сост. и вступ. ст. Н. Скатова. М.: Худож. лит-ра, 1988. – 462 с.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ НАУКИ

THE TOPICAL PROBLEMS OF THE LINGUISTICS STUDIES

УДК 808.2:800.879

С.О. Савчук

*Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
г. Москва, Россия*

S.O. Savchuk

*The Institute of the Russian Language named after V.V. Vinogradov
of the Russian Academy of Sciences
Moscow City, Russia*

НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОРПУС РУССКОГО ЯЗЫКА: ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ И В ПРЕПОДАВАНИИ

THE RUSSIAN NATIONAL CORPUS: PERSPECTIVES OF ITS USE AS A TOOL FOR RESEARCHING AND LANGUAGE TEACHING

В статье раскрываются возможности Национального корпуса русского языка как инструмента лингвистических исследований, даются рекомендации по его использованию в практике преподавания русского языка.

Ключевые слова: *национальный корпус русского языка, лингвистическая аннотация, корпусная лингвистика, преподавание русского языка.*

The paper presents the main characteristics of the Russian National Corpus which is free and accessible (the web-site: <http://ruscorpora.ru>). The Corpus composition, types of linguistic annotations and ways of their effective use according to their purposes are described in the article.

The key words: *the Russian National Corpus, linguistic annotation, corpus linguistics, teaching the Russian language.*

Национальный корпус русского языка (НКРЯ) – мощный лингвистический ресурс, предназначенный для научных исследований и преподавания филологических дисциплин.

Для того чтобы корпус стал, как того бы хотелось его создателям, необходимым и обязательным инструментом филолога и использовался максимально эффективно, необходимо

представлять себе принципы его устройства и функциональные возможности.

В корпусе выделяется три составляющих: 1) коллекция текстов в электронной форме; 2) система лингвистической аннотации; 3) поисковая машина, обеспечивающая выполнение поисковых запросов. Каждая из этих составных частей может существовать либо как самостоятельный ресурс (текстовая коллекция как электронная библиотека, система лингвистической аннотации как особым образом представленное описание языка), либо в составе других информационных систем (поисковая машина как неотъемлемая часть любой информационной системы). Соединение этих компонентов в единое целое создает то, что называется электронным корпусом текстов в современном смысле этого слова. Рассмотрим роль каждого из компонентов в составе корпуса.

1. *Коллекция текстов.* Размер и состав коллекции зависит от целей и задач составителей корпуса. Национальный корпус живого языка с развитой литературной традицией не может содержать всех текстов, созданных на этом языке, но он должен быть представительным, то есть с максимальной полнотой отражать речевое употребление во всем разнообразии функциональных разновидностей. Строгой «формулы» репрезентативности не существует, и разработчики корпусов обычно руководствуются общими соображениями, такими как статистика производства и потребления письменных текстов, культурная значимость тех или иных жанров и авторов, наконец, практическая доступность тех или иных конкретных текстов. Таким образом, при составлении представительной коллекции текстов нельзя обойтись без знаний о функциональном устройстве современного языка и его истории, о соотношении литературного языка с нелитературными сферами (территориальными, социальными, профессиональными диалектами), об истории литературного языка и ключевых этапах литературного процесса и пр. В свою очередь, исследования, проводимые на основе корпусных данных, имеют обратное влияние на эти знания, расширяя и уточняя их.

Национальный корпус русского языка объединяет самые разные тексты: прежде всего прозаические оригинальные тексты, представляющие русский литературный язык (с начала

XVIII века), переводные сочинения (параллельно с оригиналом), поэтические тексты, устную речь (записи публичной и непубличной речи и речи в кино), а также тексты, представляющие нелитературную форму современного русского языка – диалектную.

Основанием для организации текстов в подкорпуса служат особенности разметки и поиска. Если определенный массив текстов имеет единую разметку и тип поиска, он объединяется в самостоятельный модуль и располагается на отдельной вкладке на сайте ruscorpora.ru. Таким образом, RUSCORPORA – это не один корпус, а несколько.

2. *Лингвистическая аннотация, или разметка* состоит в том, что каждая словоформа текста сопровождается в корпусе тегами, содержащими лингвистические сведения об этой словоформе. Объем этих сведений зависит от типа аннотации и ее глубины. Большинство корпусов размечены *морфологически* – это означает, что в тегах указана лексема (словарная форма), которой принадлежит данная словоформа, информация о части речи и набор грамматических признаков. Например, в НКРЯ словоформа *книгою* сопровождается следующим набором тегов: {книга=S,f,inan=ins,sg}, что в данном случае совпадает со стандартным морфологическим разбором существительного в курсе русского языка: начальная форма *книга*, существительное среднего рода, неодушевленное, в форме творительного падежа, единственного числа. Подробнее о морфологическом стандарте в НКРЯ см. [5: 111-135].

Если в корпусе используется *семантическая* разметка, то теги, сопровождающие словоформу, содержат сведения о семантике слова. В НКРЯ для каждого слова указывается таксономический класс [4: 159]: для предметных имен – это лица, животные, растения, вещества и материалы и др.; для прилагательных – размер, форма, цвет, вкус, запах, место, время, свойство человека и др.; для глаголов – движение, эмоция, речь, поведение человека и др.). Помимо этого размечены деривационные классы (уменьшительные, увеличительные, отглагольные, отадъективные имена и пр.).

В корпусах устной речи используется аннотация, отмечающая место ударения в слове. В мультимедийном корпусе размечены сочетания согласных, позиции гласных и др., что существенно для постановки и решения

фонетических и орфоэпических задач, кроме того, используется специально разработанная аннотация жестов и речевых действий [2].

Метатекстовая аннотация – это информация, приписанная каждому тексту в целом. Она характеризует текст как с помощью «внешних» признаков (автор, его пол, возраст, дата создания текста, целевая аудитория, место и время издания), так и собственно текстовых категорий (сфера функционирования, жанровая и стилистическая принадлежность, тематика) [6]. Метатекстовая разметка отражает архитектуру текстового состава корпуса и служит для формирования пользовательских корпусов.

Следует иметь в виду, что правила (стандарты) аннотации в разных системах могут отличаться друг от друга, что объясняется возможностью множественных интерпретаций одного и того же языкового явления. Например, в грамматической теории не существует единого мнения о характере видовых противопоставлениях глаголов в русском языке, поэтому в одних системах видовая пара может рассматриваться как реализация одной лексемы (*убедить* и *убеждать* как формы *св* и *нсв* глагола *убеждать*), а в других системах – *убедить* и *убеждать* рассматриваются как разные глаголы.

3. Система поиска. Система лингвистической разметки превращает библиотеку текстов в подобие гигантской картотеки, в которой каждая словоформа расписана на несколько «карточек» – по числу лингвистических признаков, приписанных словоформе. Для извлечения информации из этой картотеки в корпусе используется *поисковая система*, которая позволяет сортировать «карточки» по любому из признаков. Чем более функциональна система поиска, тем большее число лингвистических задач можно решать с помощью корпуса. «Дружественный» интерфейс, понятная логика и удобство формирования запросов обеспечивают скорость решения поставленных задач. Например, при обычном контекстном поиске результаты выдаются в виде предложений, которые в дальнейшем подлежат ручной обработке. При поиске по ключевым словам контексты обрабатываются автоматически и результаты выдаются в виде конкорданса, что в большинстве случаев значительно облегчает и ускоряет обработку данных.

Система лингвистической аннотации каждого типа отражает систему правил соответствующих разделов науки о языке. Поэтому корпус можно эффективно использовать при изучении лингвистических дисциплин, прежде всего тех, категории которых были использованы в аннотировании текстов. Покажем это на примере морфологической аннотации.

Изучение курса морфологии русского языка в школе и в вузе начинается с теоретического освоения системы правил (например, состава частей речи, системы категорий имени существительного) и завершается выработкой умения выполнять морфологический анализ текста, при котором каждой словоформе приписываются присущие ей грамматические признаки.

Для пользователей корпуса ситуация выглядит перевернутой. Размеченный (морфологически проанализированный) текст для них – не цель, а данность, так же как и набор морфологических категорий и набор инструментов поиска, с помощью которых можно строить запросы. Запросы могут быть трех типов: 1) относительно словоформ, слов и словосочетаний (напр., употреблялась ли форма *городы* в текстах XVIII в.); 2) относительно грамматических признаков (напр., актуально ли употребление форм 2-го родительного падежа для текстов современного периода); и 3) относительно различных комбинаций лексем и грамматических признаков (напр., проверить, продуктивна ли фразеологическая модель *нужный как кому/чему кто/что*). В ответ на запросы выдаются контексты, в которых представлены языковые единицы, найденные по запрашиваемым признакам.

Корпус можно использовать для решения учебных задач, формулируя простые запросы, например: привести примеры субстантивированных прилагательных; на основе анализа найденных в корпусе примеров определить, какие синтаксические функции могут выполнять слова *холодно*, *интересно* и установить частеречную принадлежность этих слов и т.д. На подобные запросы корпус выдает десятки, и даже сотни примеров – понятно, насколько это облегчает труд преподавателя, упрощая составление многовариантных заданий для самостоятельных, лабораторных и проверочных работ [3; 7].

Помимо обучающих целей корпус может быть использован для решения

исследовательских задач. Благодаря корпусу сбор материала перестает быть рутинной, поглощающей значительную часть времени, отпущенного на исследование, и превращается в увлекательное занятие. Исследователь имеет возможность сосредоточиться на творческих участках работы: оптимизировать поисковые запросы, чтобы извлечь из корпуса максимум необходимой информации при минимуме ненужной; рассматривать предмет исследования в разных аспектах; обрабатывать большой объем данных для подтверждения выводов статистическими результатами. Скорость, с которой подбираются примеры, приобщает к исследовательскому процессу и студентов, которые получают возможность за короткий срок провести небольшую творческую работу. О практике использования НКРЯ в учебном процессе см. [3: 9].

Практика показала, что корпус можно использовать не только при изучении морфологии, лексикологии, семантики, синтаксиса, фонетики и орфоэпии, орфографии, но и таких разделов, как фразеология, словообразование, стилистика и культура речи, язык художественной литературы и его история. Покажем это на нескольких примерах.

Проверить продуктивность фразеологической модели можно следующим образом. Строим запрос многословного сочетания: глагол с семантическим признаком 'движение и изменение положения в пространстве' + как + существительное в форме им-вин. п. + в + существительное в форме предложного падежа. Рассматриваем контактное расположение элементов (задаем расстояние 1) и учитываем знаки препинания (в дополнительных признаках при слове *как* указываем «слово после запятой»). В результате получаем более 200 контекстов с разными глаголами указанной семантической группы: *крутиться/кружиться/вертеться* как *белка в колесе*, как *ось/спица в колесе*, как *колесики в часовом механизме*, как *вода/щепка в водовороте*, как *чаинки в чае*, как *белье в центрифуге*, как *мусор в вихре*; *метаться* как *зверь/лев/львица/тигр/тигрица/птица в клетке*, как *птица в силке*, как *заяц в западне*, как *мышь в ловушке*, как *кошка в доме*; *тонуть* как *пень в болоте*, как *мышь в ведре*, как *камни в воде*, как *утюг в океане* и т.д. Наряду с оборотами, зафиксированными в словарях: *ворочаться, как медведь в берлоге*,

крутиться, как белка в колесе, плавать, как рыба в воде, кататься как сыр в масле, – в текстах, как видно из приведенных выше примеров, встречаются многочисленные обороты, построенные по данной модели, что свидетельствует о ее продуктивности.

Недостаток изучения фонетики и орфоэпии в вузе состоит в том, что студенты, как правило, знакомятся с образцами произношения в виде транскрипции, а не в виде звучащей речи. Мультимедийный корпус в составе НКРЯ, снабженный орфоэпической разметкой, поможет провести наблюдения над звучащими образцами и познакомиться с такими особенностями «старшей нормы» литературного языка, как «эканье» ([в'э]нок, [б'эл'э]соватое, [м'э]тался); произношение твердых согласных перед [э]: *бу[γ]а'л[тэ]р*, *эф[фэ]кт*; произношение сочетания *щн* как [шн] словах *беспомощн[шн]о*, *в сущн[шн]ости*, *всено'щн[шн]ого*; произношение *ј* в формах местоимений (*им, их [јим], [јих]*) и др.

Словесное ударение традиционно считается одним из самых сложных аспектов русской грамматики. Это связано не только с его свойствами – разноместностью и подвижностью, но и с тем, что акцентная система русского языка на протяжении последних трех веков находится в процессе перестройки, причем изменения здесь происходят стремительно, порой их можно наблюдать в течение жизни одного поколения. Быстрое изменение системы служит источником появления словоизменительных и словообразовательных вариантов и вынуждает постоянно пересматривать отношение к ним с точки зрения норм литературного языка. Поэтому рекомендации грамматических описаний, словарей и справочников могут существенно отличаться друг от друга и от устной речевой практики, что создает дополнительные трудности при изучении русского языка, в особенности для тех, кто изучает его за пределами России. Акцентологический корпус, созданный в составе Национального корпуса русского языка, предоставляет возможность изучать словесное ударение не на основе словарей, а наблюдая реальные тексты. С учетом особенностей русской акцентной системы он с самого начала был задуман как диахронический. Историческая часть представлена поэзией XVIII–XX вв. – эти тексты служат в русистике традиционным источником для исследования

норм словесного ударения предшествующих эпох. Современное состояние ударения отражено в записях устной речи, в которых ударение расставлено в соответствии с реальным произношением.

Акцентологический корпус предназначен не только для специалистов по русской акцентологии. Он позволяет решать и учебно-методические задачи: его можно использовать как справочный ресурс при изучении русской грамматики, как материал для составления упражнений, учебных пособий для изучающих русский язык. Корпус погружает в стихию живой речи, наглядно представляет ее вариативность и изменчивость, позволяет получить ответ на вопрос, почему предписания нормативных пособий отличаются друг от друга, помогает более осмысленно и творчески подойти к выбору авторитетных рекомендаций. Так, например, с помощью корпуса можно выяснить, как распределяются в текстах допустимые нормой вариантные формы им.-вин. п. существительного *ветер*. Для формы *ве́тры* отмечено 305 вхождений, первое – в 1735 г. (В.К. Третьяков, М.В. Ломоносов). Форма *ветра́* встретилась 15 раз, первая фиксация относится к 1827 г. (Е.А. Баратынский), остальные контексты – к концу XIX в. и к XX в., при этом 10 вхождений отмечено в поэзии, 5 – в транскриптах кино. Для других слов группы, например *парус*, *якорь*, *месяц*, соотношение иное: *па́русы/паруса́* – 24/196; *я́кори/якоря́* – 5/23. Формы на *-и/ -ы* сосредоточены в поэзии XVIII и начала XIX в. (в архаизованной речи), формы на *-а* появляются в первой трети XIX в. Для слова *месяц* форма *ме́сяцы* встретилась 14 раз, форма *месяца́* в корпусе на зафиксирована.

Таким образом, тексты корпуса дают динамическую картину процесса перестройки парадигмы множественного числа в группе существительных с исконным неподвижным ударением на основе, в результате которой на смену старой схеме приходит схема с ударением на окончании. Начиная с XIX в. у этих слов появляется вариант именительного падежа множественного числа с новым ударным окончанием *-а́*, который в течение XIX–XX в. получает интенсивное распространение. В современном литературном языке лексемы *парус* и *якорь* характеризуются полностью перестроенными акцентными парадигмами, для лексем *ветер* и *месяц* процесс перестройки еще не

закончился, причем находится на разных стадиях: если оба варианта *ве́тры* и *ветра́* признаются нормативными, то для слова *месяц* в значении ‘период времени’ при допустимости форм косвенных падежей с конечным ударением *месяца́м*, *месяца́ми*, *месяца́х* форма им. мн. *месяца́* отвергается литературной нормой.

Возможности корпуса в изучении языка художественной литературы еще совсем не исследованы. Между тем в НКРЯ содержится самая большая электронная коллекция текстов XVIII в., основной фонд классики XIX и начала XX в., богатая коллекция литературы советского периода и современной прозы. Разнообразный в жанровом отношении состав текстов в соединении с поисковыми средствами корпуса дает возможность исследовать особенности использования художественных средств в индивидуальном языке писателя, в произведениях определенного периода, литературного направления, в языке поэзии и прозы и т.д. Покажем это на примере сравнений. Сравнение считается источником фигур изобразительности; по образному выражению А. Белого, сравнения – «раскрытие глаза», они «вводят нас в мир глаза» писателя [1: 288]. Например, на материале корпуса можно показать, как глаз разных писателей видит один и тот же признак. Поиск сочетания «широкий + как» в подкорпусах текстов разных авторов дает нам целый ряд сравнений: *волна, широкая, как волны моря; луна, красная и широкая, как медный щит* (И.С. Тургенев); *рот широк, как у налимца; мысль моя широка, как море; гладкая юбка, широкая, как колокол; диван широк, как двухспальная кровать* (А.П. Чехов); *море, широкое, как страсть, и страсть, широкая, как море; улицы, ставшие широкими, как черные блестящие моря; широкая, как шкаф, грудная клетка* (В.А. Набоков); *борода широка, как у старого козла; широкая, как лошадиное копыто, ладонь; съел широкого, как печной заслон, чебака; сидел за широким, как двухспальная кровать, письменным столом* (М.А. Шолохов). Анализ подобного материала, поиск сходства и объяснение отличий – увлекательное занятие для исследователей стилистики художественной речи.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белый Андрей. Мастерство Гоголя. М.: МАЛП, 1996. 351 с.
2. Гришина Е.А. Мультимедийный русский корпус (МУРКО): проблемы аннотации // Национальный корпус русского языка: Новые результаты и перспективы. СПб: Нестор-История, 2009. С. 175-214
3. Добрушина Н.Р. Корпусные методики обучения русскому языку // Там же. С. 335-351
4. Кустова Г.И., Ляшевская О.Н., Падучева Е.В., Рахилина Е.В. Семантическая разметка лексики в Национальном корпусе русского языка: принципы, проблемы, перспективы // Национальный корпус русского языка: 2003-2005. Результаты и перспективы. М.: Индрик, 2005. С. 155-174.
5. Ляшевская О.Н., Плунгян В.А., Сичинава Д.В. О морфологическом стандарте Национального корпуса русского языка // Там же. С. 111-135.
6. Савчук С.О. Метатекстовая разметка в Национальном корпусе русского языка: базовые принципы и основные функции. // Там же. С. 62-88.
7. Савчук С.О., Сичинава Д.В. Обучающий корпус русского языка // Национальный корпус русского языка: Новые результаты и перспективы. М.: Нестор-История, 2009. С. 317-334
8. Национальный корпус русского языка www.ruscorpora.ru.
9. Портал «Национальный корпус русского языка и преподавание» http://studiorum.ruscorpora.ru/index.php?option=com_tag&Itemid=75

Г.Н. Сергеева

Дальневосточный федеральный университет
г. Владивосток, Россия

G.N. Sergeeva

Far Eastern Federal University
Vladivostok City, Russia

АКТИВИЗАЦИЯ СВОБОДНЫХ СИНТАКСИЧЕСКИХ ФОРМ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО МОДЕЛИ БЕЗ+N₂ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

THE ACTIVATION OF FREE SYNTACTIC FORMS OF THE NOUN IN THE MODEL БЕЗ+N₂ IN THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE

В статье рассматриваются особенности функционирования в современном русском языке лексикализованных словоформ, образованных на базе сочетания существительного с предлогом *без*. Автор подвергает данную группу единиц многоаспектному анализу: выделяет типы их употребления, описывает их синтаксические свойства и семантику и, демонстрируя широкие функциональные возможности данных единиц, делает вывод о том, что традиционный подход к ним как к наречиям следует признать устаревшим.

Ключевые слова: *лексикализованная словоформа, семантика, синтаксическая позиция, текстовая функция, заголовок, предложение фразеологизированного типа, реплика-реакция, скрепа-фраза.*

The article considers some features of functioning of the lexicologized word forms derived on the basis of the combination of the noun with the preposition *bez* (without). The author analyses this group of lexical units in different aspects, defines types of their usage, describes their syntactic features and semantics, illustrates their powerful functional potentials, concludes that the traditional approach to such units as adverbs can be considered as not contemporary and trendy.

The key words: *lexicologized word form, semantics, syntactic position, text function, headline, statement of a phraseologized type, action-reaction, connection phase.*

В современном русском языке выделяется группа лексикализованных словоформ (далее – ЛСФ) модели *без+N₂* (*без волнения, без жалости, без запинки, без сожаления* и т.п.), которая в количественном отношении и по продуктивности уступает только антонимичным словоформам модели *с+N₅* (*с радостью, с гордостью, с желанием, с ужасом* и т.п.).

Семантика предлога *без*, компонента словоформ, накладывает отпечаток на семантику всего предложно-именного сочетания. Так, «Словарь русского языка» в четырёх томах (МАС) определяет значение предлога следующим образом: «*Без* и *безо*, предлог с род. п. <...> 1. Употребляется при указании на отсутствие кого-, чего-л., неимение чего-л. в наличности» [9, т. 1: 68], то есть служит для выражения

какого-либо отрицания. Эта особенность семантики предлога зафиксирована в словарной статье в смысловых оттенках значения предлога *без*: «// С отвлечёнными существительными, преимущественно обозначающими действие или состояние, имеет значение отрицания этого действия, а также означает: не имея, не деля, не употребляя и т.п. *Работали они неутомимо, без отдыха* Соколов-Микитов, Морской ветер <...> // В сочетании с некоторыми существительными имеет значение отрицательного наречия, характеризующего действие с точки зрения силы его проявления, характера протекания. *Работали без устали* <...>» [Там же].

В самой словарной статье содержится указание на второй, именной, компонент, в качестве

которого употребляются, как правило, отвле- чённые существительные. Они представлены 1) отглагольными существительными (де- вербативами): *без чувств, без шума, без воз- мущения, без улыбки, без стука* и т.п.; 2) су- ществительными, образованными от имён прилагательных (деадъективами): *без злости, без гордости, без радости* и т.д. Например: 1) *Казимир Станиславович взял извозчика без торга и велел везти себя прямо в «Версаль»* (И. Бунин. *Казимир Станиславович*); 2) *Он [Алек- сандр] шёл тихо, без прежней уверенности, с поникшей головой* (И. Гончаров. *Обыкновенная история*). Некоторые отвлечённые существи- тельные могут приобретать конкретное значе- ние и употребляться в форме множественного числа: *Ни одного дела он [Лири] не выполнит без пререканий* (Ф. Вигдорова. *Дорога в жизнь*). Употребление конкретных существительных ограничено; возможно их закрепление в со- ставе словоформы только во множественном числе, что способствует устойчивости, нераз- ложимости предложно-именного сочетания, его лексикализации: *И вдруг она [мать] запела тихо, тихо, без слов* (Г. Матвеев. *Семнадца- тилетние*); *Без слёз, деловито собрала Ната- ша вещи в два узла, разговаривая сама с собой* <...> (А. Васильев. *Есть такая партия!*).

В словарной статье предлога *без* в МАС фик- сируется важная особенность его употребле- ния с существительными в род. п. – в опреде- лениях; при этом отмечается, что словоформа обозначает «существенный или постоянный признак <...> *Любовь без взаимности*» [9, т. 1: 68]. Сема отрицания не подчёркивается, что свидетельствует о развитии в словоформе но- вого, переносного значения.

Таким образом, уже из словарной статьи можно извлечь сведения о семантическом со- ставе ЛСФ модели *без+N₂*: им присуще квали- фицирующее значение, в котором выделяются:

- значение качественной характеристики действия, являющееся преобладающим: *Олеся без остановки хлебал суп* (В. Белов. *Воспитание по доктору Споку*); *А десять лет назад я без натуги поднимал на плечи по двенадцать пудов, – ничего* (М. Горький. *Мать*);

- значение качественной характеристики предмета: *Человек без тормоза – испор- ченная машина* (Г. Матвеев. *Семнадца- тилетние*); *Штопка на Фединых рубашках много могла рассказать <...> о жизни без достатка* (Ф. Вигдорова. *Это мой дом*);

- значение меры и степени: *Моё время без остатка поглощал дом в Березовой Поляне и мои новые ребята* (Ф. Вигдорова. *Дорога в жизнь*); *А между тем верный товарищ сто- ял перед ним [Тарасом], бранясь и рассыпая без счёту жёсткие, укорительные слова и упрёки* (Н.В. Гоголь. *Тарас Бульба*).

Анализ фактического материала позволяет говорить и об обстоятельственном значении словоформ, в которое входит:

- значение меры времени: *Он [Адуев] писал, писал, без конца и удивлялся уже, что по утрам можно делать что-нибудь другое <...>* (И. Гончаров. *Обыкновенная исто- рия*); *Петиция заканчивалась просьбой со- звать без замедления народных предста- вителей, чтобы они в полном согласии с царём решили вопрос о войне и мире <...>* (А. Васильев. *Есть такая партия!*);

- значение причины: *Он [Федя] попросил за- дачник, чтоб не подумали, что приходил без причины* (А. Плетнев. *Шахта*); *При- сутственные места – так и видно, что присутственные места: близко без надоб- ности никто не подходил* (И. Гончаров. *Обыкновенная история*);

- значение цели: *Он [Александр] уж было обрадовался, но только он стал прибли- жаться к берегу, она [Наденька], как будто не видя его, повернулась и, сделав несколько косвенных шагов по дорожке, точно гуляет без цели, пошла домой* (Там же); *Его [Вик- тора Мазина] зазывали в компанию по по- воду и без повода* (Комс. правда. 29.11.83).

Лексический состав словоформ с обстоя- тельственным значением ограничен; на- блюдается обусловленность семантики сло- воформы лексическим значением именного компонента. Напротив, характерным является квалифицирующее значение, а именно значе- ние качественной характеристики действия. В этом значении словоформы модели *без+N₂* продуктивны: по этой модели происходит

образование словоформ, список которых открыт: *без памяти, без колебаний, без задержки, без умысла, без опасения, без лести, без хлопот, без волнения, без спешки, без стеснения* и т.д.

Семантика словоформ модели *без+N₂* определяет их синтаксическое употребление. Так как преобладающим является значение квалифицирующее (качественной характеристики действия), то оно и обуславливает присловное – приглагольное – употребление словоформ. ЛСФ не имеют привязанности к какому-либо одному семантическому классу глаголов: они сочетаются с глаголами разных семантических групп: зрительного восприятия: *без кокетства взглянуть*, *без зависти наблюдать*; психической деятельности: *без стыда вспомнить*; речи: *назвать без ошибки*; физических отправлений организма: *кормить без ограничений*; движения: *вбежать без стука*; физического действия: *рыться (в сундуках) без спросу* и др.

Одна и та же лексическая единица может относиться к разным в семантическом отношении глаголам: *ответить (догадаться, узнать, увидеть, поверить, улыбнуться, согнуть (ногу), дойти, продолжить (разговор) и т.д.) без труда*. Более того, одна и та же словоформа способна выступать в разных синтаксических функциях: атрибутивное употребление (в данном случае – в составе именного составного сказуемого распространяет существительное с общим лексическим значением): *Она [Поля] девочка без затей, у неё обо всём своё прочное мнение, и она любит высказывать его вслух* (Ф. Вигдорова. Черниговка); предикативное употребление: *Дочка у нас без затей*; обстоятельственное употребление: *Глаза и всё выражение лица Софьи явно говорили: «Я буду любить просто, без затей, ходить за мужем, как нянька <...>* (И. Гончаров. Обыкновенная история).

Всё это свидетельствует о том, что анализируемые словоформы относятся к разряду свободных синтаксических форм имени, по терминологии Г.А. Золотовой [см., напр.: 2: 18].

В структуре предложения наметилась тенденция к разрыву тесных связей ЛСФ с глаголом или именем, к употреблению её в позиции наибольшей обособленности. Это может быть:

Употребление ЛСФ в пояснительной конструкции – в качестве уточняющего члена: *Только что храпение Ильи Ильича достигало слуха Захара, как он прыгнул осторожно, без шума, с лежанки <...>* (И. Гончаров. Обломов); *Очень худо и неприятно сидеть так, без дела* (В. Белов. Воспитание по доктору Споку); *Александр опечалился. Он ожидал совсем не такого отзыва. Его немного утешало то, что он считал дядю человеком холодным, почти без души* (И. Гончаров. Обыкновенная история).

Употребление ЛСФ в позиции обособленного члена – при отсутствии условий для обособления, в силу коммуникативной заданности: *Он [Король] спрашивает и спрашивает, без передышки, он живо представляет себе все и всех, он не забывал, он помнит* (Ф. Вигдорова. Дорога в жизнь). Если ЛСФ занимает позицию конца предложения, то степень её самостоятельности становится больше – у неё появляется присоединительный оттенок: *Он [завод] приносит мне до сорока тысяч чистого барыша, без всяких хлопот* (И. Гончаров. Обыкновенная история).

Употребление ЛСФ в конструкциях с вторичной союзной связью: *Александр весь вспыхнул. _/ – Я приписывал их внимательность к себе вашей рекомендации, – отвечал он, но уже без достоинства, а довольно смущённо* (Там же).

Употребление ЛСФ в функции вводного слова: *– Поцелуй Наденьки! О, какая высокая небесная награда! – почти заревел Александр. _/ – Небесная! _/ – Что же – материальная, земная, по-вашему? _/ – Без сомнения, действие электричества; влюблённые – всё равно что две лейденские банки <...>* (И. Гончаров. Обыкновенная история); *Буханка чёрного хлеба, увиденная им в вещмешке лейтенанта, подействовала на него [Алехина], без преувеличения, как красная тряпка на быка* (В. Богомоллов. В августе сорок четвёртого).

Сразу надо сказать, что нельзя обойтись только одной констатацией этих возможных употреблений. Так, функции слов *без сомнения, без преувеличения* гораздо шире: ЛСФ употребляются в тексте, в составе конструкции, в предложении / высказывании (см., напр., нашу статью о слове *без сомнения* [7]). Кроме того, важно отметить, что в качестве вводных

могут использоваться и другие ЛСФ; список их расширяется: **Георгий Тараторкин**: *В эти дни на меня обрушилось так много внимания: телекамеры, журналисты, звонки, просьбы о встрече, предложения что-то прокомментировать... Признаться, я этим, без кокетства, смущён (Изв. 12.01.05); Счастлива, без оговорок, и судьба научного наследия Пригожина в нашей стране (Изв. 10.07.98); <...> Я считаю себя стопроцентно, безо всяких колебаний, представителем русской музыкальной школы, её московского направления (Изв. 14.12.07).*

Употребление в позиции вставки: *Владивосток будто качели: _/ вверх – вниз, вверх – вниз... _/ Это – без наигрыша и рисовок – _/ у океана природа учится (Р. Рождественский. Вверх – вниз...); По поводу «Серебряного медведя» за лучшую женскую роль все были уверены, что он окажется в руках Марианны Фейтфул, истинно отважно (без иронии) изобразившей <...> лондонскую бабушку <...> (Изв. 19.02.07).*

Расширение функций ЛСФ модели без+N₂ характерно для разных функциональных стилей, но особенно заметно в современной газетной публицистике. Это прежде всего разнообразные текстовые функции. Назовём основные.

Заголовочная функция, включающая в себя а) собственно заголовок (подзаголовки); б) название рубрики. Например:

а) **Без банальностей** (Изв. 1.02.01); **Без исключений** (Изв. 10.07.02); **Без иллюстраций** (Изв. 24.10.01); **Без ограничений** (Изв. 31.01.01); **«Без перегрева»** (Изв. 21.01.05); **Без паники!** Мы не бодем (Владивосток. 11.08.05);

б) **Без подробностей** (Будь здоров! 2000. № 8); **Без купюр!** На языке оригинала (Изв. 27.02.06).

Подпись под фотоснимком

Курить – в строго отведённых местах. Без вариантов (Владивосток. 20.03.07). ЛСФ сжато передаёт смысл, который расписан в статье «Евростандарт следственного изолятора», – ‘в других, не предназначенных для этого местах, курить запрещено’.

Без слов (Золотой Рог. 5.12.06). Подпись под фотоснимком, на котором изображена девочка, с вождением пересчитывающая денежные купюры. Смысл ЛСФ передаётся в статье, в которой говорится о том, что американские

учёные, изучив поведенческие особенности 500 добровольцев, пришли к выводу: созерцание банкнот способно существенно менять поведение человека – в лучшую сторону.

Посвящение

Лиде – без слов (Посвящение И.А. Мельчука Л.Н. Иорданской. «Курс общей морфологии». Т. I. Москва-Вена: Языки русской культуры, Венский славистический альманах, 1997. С. 3).

Реплика-реакция в диалогической речи

Известия: <...>Сами жить на тридцатом или сороковом этаже согласились бы, Юрий Михайлович?

Лужков: **Без вопросов**, хотя, честно говоря, пока выше седьмого не забирался. Юность вообще прошла на первом этаже (Изв. 29.12.05);

– Скажите, вот у меня ангина. В поликлинику по полису идти некогда, она далеко от работы. Если я зайду в любую поликлинику по дороге, меня там примут? _/ – Платно – да. **Без вопросов.** _/ – Да я про бесплатно и не спрашиваю... Спасибо («Прямая линия» с читателями «В» начальника управления здравоохранения администрации Владивостока // Владивосток. 6.07.05).

Ответная реплика передаёт согласие собеседника. Такое употребление ЛСФ близко к употреблению в функции утвердительного нечленимого слова-предложения: – Вы думаете, что она... так и сказала? – спросил Александр, бледнея. _/ – **Без всякого сомнения!** Неужели ты воображаешь, что Надежда расскажет, как вы там в саду собирали жёлтые цветы (И. Гончаров. Обыкновенная история).

Большой степенью обособленности наделены ЛСФ, употребляющиеся в качестве главного члена особого типа предложений – фразеологизированных: – Не ждала, Свечка! А ведь мы за тобой! Мама спит? – переходя на шёпот, спросил Игорь. – Быстрее одевайся! _/ – Куда? _/ В театр. Шефы билеты прислали! _/ – Я не знаю... Мне нужно ещё уроки делать... _/ – **Без разговоров!** Живо! Семь с половиной минут на весь туалет. Выполняй! (Г. Матвеев. Семнадцатилетние); – Это что, Катя, валерианка, – глухо всхлипывая, произнесла она. _/ – **Без разговоров**, – строго сказал учитель (Там же).

Такие предложения употребительны как в языке газет, так и в художественной литературе – в прозаических и поэтических текстах.

Обычно это прямая речь, но есть случаи использования предложений-заголовков. Напр.: – *Эй, бабы, бабы!.. Не шуметь! Без паники!* – закричала она [девочка] хриплым, простуженным баском, совсем как Мотя <...> (Л. Пантелеев. На ялике); «*К тебе, к тебе, председатель. И пожалуйста, без паники <...>*» (М. Алексеев. Ивушка неплакучая); <...> *Свихнулись мы, что ли, – / Всплывать в минном поле! / «А ну, без истерик! / Мы врежемся в берег», – / Сказал командир (В. Высоцкий. Спасите наши души); Давайте без понтов (Заголовок. Владивосток. 28.09.07).*

В «Русской грамматике» среди предложений фразеологизированного типа, организованных с помощью предлогов, подобных предложений не зафиксировано, хотя они получают распространение. Так, в разговорной речи в позиции компонента фразеологизированных предложений с императивным значением используются ЛСФ, список которых открыт: без комплексов, без обиды, без слёз, без промедления, без задержки, без предисловий и др. Нами предпринята попытка, опираясь на данные словарей, а также учитывая фактический материал и индексы фразеологизмов в монографиях учёных Челябинской фразеологической школы, составить список ЛСФ, способных формировать императивные предложения. Их оказалось около 200 – разное количество в разных словарях [см., напр.: 1; 3; 4; 6; 8; 9; 10; 11]. Закреплённости ЛСФ в этой позиции способствует их употребление с частицами и словами, сближающимися с частицами (перформативный глагол *прошу*, слово *пожалуйста*, относящееся к междометной этикетной формуле, и др.). Напр.: *Только без слёз! Чтобы без промедления! Ну, без фокусов! Прошу без церемоний! Давай без любезностей! Пожалуйста, без задержки!* и т.д. Обычно такие конструкции употребляются в диалогической речи – в ответных репликах-реакциях.

В позиции заключающей части текста используется ЛСФ *без комментариев*. Выработалась даже заключительная фраза – *Как говорится, без комментариев: PS. <...> Интересно, как при этом должна выглядеть квитанция, если практически по каждому платежу свой получатель? Вероятно, с газетную страницу. Результатом всех этих противостояний*

и многочисленных скандалов, как удалось выяснить, стало известие о том, что в марте скорее всего мы получим обычную платёжку с начислениями за месяц. Без указания долга. И переплаты, впрочем, тоже. Опять всё по кругу? / Как говорится, без комментариев (Платить или не платить // Владивосток. 27.03.02).

Следует отметить ещё одну функцию ЛСФ модели *без+N₂* – функцию скрепы-фразы [5], в которую втягиваются новые лексические единицы; некоторые из них являются просторечными (*без разницы*). Напр.: [Начало текста, после вводки]. *Без шуток: победители субботнего конкурса «Алло, мы ищем таланты!» получают весомые преимущества, когда будут поступать в ДВГТУ (Владивосток. 16.03.00); <...> Кстати говоря, маленькие декоративные породы [собак] тоже могут выполнять служебные обязанности. Без смеха: слабую собачку кто угодно может обидеть, поэтому у той же болонки настороженность повыше, чем, скажем, у овчарки. Кто-то к двери подошёл, она уже слышит и рычит <...> (Владивосток. 23.07.04); <...> как ввело руководство «Арминь» выдачу такого своеобразного эквивалента взамен «живых» денег три года назад, так это положение сохраняется по сегодняшний день. Причём даже материальную помощь здесь выдает всё теми же бюстгальтерами. Без разницы: что в случае свадьбы, что в случае похорон (Изв. 21.01.97).*

Таким образом, можно говорить об ослаблении связи ЛСФ модели *без+N₂* с господствующим компонентом – глагольным или именным – и об употреблении в позиции максимальной обособленности (вставка, словопредложение, реплика-реакция в диалогической речи, скрепа-фраза, заключающая часть текста и т.д.). В этих функциях активизируются ЛСФ модели *без+N₂*, имеющие стилистическую отмеченность (разг., прост., жарг.). Показательно, что новые лексические единицы, построенные по этой модели, встречаются и в поэтической речи. Например, в стихотворении А. Вознесенского «Время скорби», написанном на смерть Папы Римского, употреблена ЛСФ *без специфик*: *Лежит он, белый понтифик. / Ни фига себе! Без специфик!... / Не Понтий*

Пилат. Понтифик. _/ Тих, как ocean pacific... (Изв. 8.04.05).

В связи с расширением функциональных возможностей ЛСФ модели *без+N₂* должны быть выработаны иные подходы к их анализу. Традиционное осмысление их как наречий некорректно, что особенно отчётливо прослеживается на широко употребительных разговорных ЛСФ *без комментариев* и *без проблем*. Но это – уже материал для другой статьи.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ефремова Т.Ф. Толковый словарь служебных частей речи русского языка. – М.: Рус. яз., 2001.
2. Золотова Г.А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. – М.: Наука, 1988.
3. Кожевников А.Ю. Большой синонимический словарь русского языка. Речевые эквиваленты: практический справочник: в 2-х т. – СПб.: Нева, 2003.
4. Меликян В.Ю. Словарь: Эмоционально-экспрессивные обороты живой речи. – М.: Флинта: Наука, 2001.
5. Прияткина А.Ф. Скрепя-фраза (о новой модели организаторов текста) // Русский язык сегодня. Вып. 2. Сб. статей. – М.: Азбуковник, 2003. – С. 529-539.
6. Рогожникова Р.П. Толковый словарь сочетаний, эквивалентных слову. – М.: Астрель: АСТ, 2003.
7. Сергеева Г.Н. Словарная статья слова *без сомнения* // Русский литературный язык сегодня: проблемы и перспективы: Материалы региональной научной конференции. – Комсомольск-на-Амуре: Изд-во Комсомольского-на-Амуре гос. пед. ун-та, 2004. – С. 67-73.
8. Словарь наречий и служебных слов русского языка / сост. В.В. Бурцева. – М.: Рус. яз. – Медиа, 2005. VIII.
9. Словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Рус. яз. Т. 1, 1981.
10. Структурно-грамматические свойства русских фразеологизмов. – Челябинск: Изд-во ЧГПУ, 2002.
11. Химик В.В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. – СПб.: Норинт, 2004.

И.Н. Токарчук
Дальневосточный федеральный университет
г. Владивосток, Россия

I.N. Tokarchuk
Far Eastern Federal University
Vladivostok City, Russia

ЧАСТИЦА «ПРОСТО» В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ: СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗОВ И ПОВЕСТЕЙ Л. ПЕТРУШЕВСКОЙ)

THE PARTICLE «ПРОСТО» IN A LITERATURE TEXT: THE STYLISTIC ASPECT (IN THE TEXTS OF THE STORIES BY L. PETRUSHEVSKAYA)

Статья посвящена стилистическому аспекту функционирования русских частиц, а именно – специфике реализации их семантико-прагматического потенциала в художественном тексте. Рассматриваются различные способы взаимодействия частицы *просто* с грамматическими омонимами, синонимами, однокоренными словами и другими семантически и функционально близкими единицами в пространстве прозаических произведений Л. Петрушевской.

Ключевые слова: *частицы, стилистический аспект, стилистический прием, стилистический эффект.*

The present article is dedicated to the stylistic aspect of the Russian particles functioning and specific realization of their semantic and pragmatic potentials in a literature text. Different ways of interaction of the Russian particle ПРОСТО (PROSTO) with grammatical homonyms, synonyms, words of the same root and other semantically and functionally related units in the space of the prosaic stories by L. Petrushevskaya are researched.

The key words: *particles, stylistic aspect, stylistic device, stylistic effect.*

Частица «просто» имеет достаточно широкую сферу употребления в современном русском языке вне зависимости от формы его реализации, стилевых, жанровых и др. разновидностей (за исключением письменной формы официально-делового стиля). Востребованность частицы не только в живой разговорной речи, в художественных и публицистических текстах, но и в научной речи (пусть и с некоторыми ограничениями), в языке рекламы и др. обусловлена, прежде всего, наличием у неё двух значений, лежащих в основе соответствующих типов употребления (ср.: «просто 1»: *Дама, приятная во всех отношениях, и дама просто приятная* (Н.В. Гоголь) и «просто 2»: *Да она просто красавица!*) и определяющих разнообразие функций частицы в синтаксической конструкции и тексте. Из двух данных семантических проявлений частицы, по материалам И.В. Кириченко, первое является более распространённым: так, на долю «просто 1»

приходится 63% всех употреблений этой частицы [2: 15]. Неслучайность «перевеса» «просто 1» объясняется чрезвычайно ёмкой семантикой этого семантико-синтаксического варианта частицы, восходящего к прилагательному «простой» (через «ступеньки» краткого прилагательного среднего рода и наречия «просто»), в основе многозначности которого, по мнению Е.Э. Бабаевой, лежат идеи стандартности, иерархии, базовости, ограничительности, естественности, прямоты – каждая в системе своих смыслов и лексико-семантических связей с синонимами, антонимами, дериватами и т.п. [1: 833-842]. Из всего многообразия смысловых наполнений исходного прилагательного частица, по нашим наблюдениям, наследует четыре: говорящий, сопоставляя некоторый признак (предмет, ситуацию) с другим знаком (предметом, ситуацией), характеризует его как 1) обычный, обыкновенный, заурядный, ординарный; 2) не осложнённый

чем-либо, не имеющий дополнительных элементов; 3) несущественный, незначительный; 4) элементарный и естественный [3: 57-58]. Благодаря очевидной семантической близости к производящим лексемам частица сохраняет с ними устойчивую связь, например, заимствуя синтагматические особенности и каузальные свойства, а прилагательное «простой» в определённых условиях может быть признано неточным синонимом «просто 1» [там же: 91-92, 99-104].

В свете сказанного особый интерес представляют те употребления рассматриваемой частицы в художественных текстах, когда она оказывается включённой в определённый фрагмент текста наряду с родственными (однокоренными) единицами, обнаруживающими семантико-функциональную общность, что позволяет «обнажить» тонкие линии связи между ними, конкретизировав тем самым или углубив передаваемые смыслы. Так, использование частицы «просто» в языке рассказов и повестей Л. Петрушевской обращает на себя внимание, в частности, оригинальными семантико-синтаксическими построениями на основе повторов данной частицы, наличия «созвучных» лексем и сочетаний, синонимов, омонимов и под., что может быть квалифицировано как специальный стилистический приём этого писателя.

Как показывает наш материал, Л. Петрушевская довольно часто использует способность «просто 1» вводить сообщение аргументирующего или разъясняющего, комментирующего характера, причем частица в таких случаях может несколько раз повторяться, как, например, в следующем отрывке из рассказа «Такая девочка»: *Он мог бы уйти к Надежде и остаться у нее. Почему-то он пришел домой. Значит, еще не все потеряно. Значит, это у него еще не последняя стадия, а **просто** начало нового зигзага, который был не чем иным, как **просто** протестом Петрова против однообразия супружества. И ничто другое не заставляло Петрова так метаться. **Просто** ему в один прекрасный день становилось скучно.* Функция частиц в таких случаях состоит не в том, чтобы поочередно вводить равноценные или альтернативные по отношению друг к другу объяснения, а в том, чтобы способствовать созданию ступенчатой организации каузирующего фрагмента, когда каждое последующее

высказывание с частицей выступает в качестве новой версии случившегося, дополняющей и углубляющей предыдущую. Именно к такой стратегии построения аргументации прибегает Л. Петрушевская в отличие от других писателей (см. об этом, например, [4: 196-197]).

Как отмечалось выше, для языка произведений Л. Петрушевской характерно включение в содержащий частицу «просто» контекст, в том числе и аргументирующий, омонимичного наречия, прилагательного «простой» и его многочисленных словообразовательных дериватов, а также частиц «просто-напросто» и «попросту», фразеологизма «просто так» и др. Кроме того, в этих контекстах параллельно с данной лексикой могут использоваться семантически близкие единицы – синонимичные частицы «только», «всего-навсего», полнозначные слова типа «чистота» и под. Данный прием позволяет протянуть смысловые «мостики» между этими единицами и добиться эффекта тонкого обыгрывания той многоплановой семантики, которая передается корневой морфемой «прост-». Впрочем, при этом нельзя игнорировать и того «внешнего» эффекта, который достигается схожестью плана выражения однокорневых единиц.

Так, в рассказе «Сережа» частице «просто», вводящей заключительный аргумент данной части текста, предшествуют употребления фразеологизма «просто так», который характеризует некоторый признак как 'существующий или имеющий значение сам по себе, без видимых причин или целей': *Он изучал народников, **просто так**, не для своей работы – он работал всего-навсего переводчиком. (...) / Но чувствовалось, что он изучает народников **просто так**, не для того, чтобы затем в дальнейшем использовать это в каких-то целях. Во всяком случае, не затем, чтобы обогатить свой внутренний мир, и уж конечно не затем, чтобы писать работу о народниках. **Просто** это была какая-то привычка, вроде собирания брелочков или кусков мыла.* Группа высказываний, в состав которых входит «просто так», содержит базовую информацию, связанную с отрицанием любых более или менее значащих гипотетических причин и целей увлечения героя и эксплицирующую семантику фразеологического сочетания. Высказывание с частицей в инициальной позиции завершает цепочку аргументов в данном фрагменте, давая

наиболее вероятный, с точки зрения говорящего, элементарный и естественный, ответ на поставленный вопрос.

Значение фрагмента, содержащего каузацию, закономерно возрастает в том случае, если он относится не к отдельной части произведения, а ко всему тексту. Например, в двух заключительных абзацах рассказа «Бессмертная любовь» автор подводит итоги развернувшейся истории, пытаясь найти очевидное объяснение произошедшего, вынося свое суждение, вскрывающее истину и ставящее под сомнение существование той самой «бессмертной любви», ради которой героиня совершала описываемые поступки. Аргумент, оформленный с помощью частицы «просто», в свою очередь снабжается объяснением, вводимым формулой «по той простой причине»: *Собственно говоря, это была у Лены и Иванова та самая бессмертная любовь, которая, будучи неуголенной, на самом деле является просто неуголенным, несбывшимся желанием продолжения рода, несбывшимся в разных случаях по разным причинам, а в нашем случае по той простой причине, что Лена уже родила однажды неподвижного ребенка (...). Но (...) какова бы ни была истинная причина того, что Иванов бросил Лену, факт остается фактом: инстинкт продолжения рода не утолен, и в этом, возможно, все дело.* Таким образом, ключевое для данного рассказа понятие бессмертной любви нивелируется, и автор находит более «прозаическое» объяснение поведения героини. Напротив, представленная далее оценка великодушного поступка мужа главной героини, по мнению автора, должна сопровождаться более весомыми аргументами, чем «бессмертная любовь»: последняя в качестве причины благородства мужа тоже отвергается, и ни в первом, ни во втором, диаметрально противоположных, случаях мы не находим доказательств её существования: *_/ Но Альберт, вот кто должен возбудить всеобщее удивление в этой истории, (...) Альберт, приехавший спустя семь лет за женой, с которой давно потерял всякую связь. Какие чувства им руководили, вот что интересно. Тут все можно объяснить все той же бессмертной любовью, однако так просто это все не объяснить, и фигура Альберта остается стоять во весь свой гигантский рост посреди этой простой житейской истории.* В целом рассмотренный

фрагмент приобретает определённую структуру: с одной стороны, автор доказывает, что «бессмертная любовь» – это ‘больше, чем просто влечение и под.’ (первый из двух данных абзацев), с другой стороны, убеждает нас в том, что «бессмертная любовь» – это ‘слишком просто, мало, недостаточно’ (второй абзац, последний в рассказе). В организации этого построения участвуют слова разной грамматической природы, объединяющиеся корневой морфемой «прост-». Употребление прилагательного в сочетании *эта простая житейская история* – не что иное, как игра: представленные события нельзя считать обычными, заурядными, автор намеренно «маскирует» ненормальность, экстраемальность описанного словом «простой». В качестве средства в таком приеме используется часто и частица «просто», когда говорящий или автор пытается уйти от реальности, называя сложные вещи простыми и убеждая в этом других и / или себя самого. Именно такую функцию выполняет повторяющаяся частица «просто» в рассмотренном выше отрывке из рассказа «Такая девочка»: персонаж, от лица которого ведётся повествование, пытается снизить значимость происходящего, руководствуясь желанием обмануть себя, маркируя приводимые объяснения частицей «просто».

Аналогичный прием использования каузального «просто» находим и в рассказе «Приключения Веры». Частица «просто» дважды выступает в составе содержащих альтернативные объяснения происходящего высказываний наряду с синонимичной в данном контексте частицей «всего-навсего», репрезентируя оценку поведения дочери с позиции отца, искажающего в своих глазах истинную картину, упрощающего её, ср.: *Но отец ничего этого не принимал и не хотел принимать в расчет то чувство дружбы и снисходительной любви, которое питали к Вере ее подруги, это отец считал просто за коллективное разложение, и поэтому, когда Вера захотела уйти из магазина, он полностью поддержал ее и решил устроить ее в свое учреждение, где все будет под боком и можно будет наладить информацию о том, как ведет себя Вера, с припуском плюс два-три дня. _/ (...) Отец постепенно успокаивался, подсчитав в уме, что это всего-навсего отголосок двенадцатидневного Вериного отпуска, который она отгуляла в доме отдыха. _/ Далее отец узнал, что Вера действительно добывается свидания*

с одним лысоватым (...) сотрудником на предмет разговора о том, что этот сотрудник (...) вдруг стал избегать Веру и (...) передал, что «сейчас не время», а на самом деле это было **просто** следствием жуткого скандала, который ему закатила жена-балерина (...).

В следующих примерах представлена позиция главной героини этого рассказа – самой Веры: каузальное «просто» поддерживается частицей «попросту», имеющей значение ‘самый простой’, тем самым подчеркивается бесхитрость Веры, ее «святая простота», ср.: *А Вера все ничего не понимала и была готова вообразить, что он [молодой сотрудник] **просто** узнал о ее прогулке в автомобиле, и была готова ловить этого молодого сотрудника и уверять его, что там ничего не было, (...) она была готова **попросту** изложить ему всю свою биографию, хотя никто в целом свете не нуждался ни в чем похожем.* Эту линию в отношениях главной героини с мужчинами продолжает существительное «простота», стоящее рядом с понятием «чистота» (существительные «чистота», «очищенность»), имеющим ироническую окраску: *В случае Веры и шефа две души встретились на одном уровне **простоты, очищенности** от каких бы то ни было посторонних побуждений. (...) И такая **чистота** отношений, такой взлет и единение душ не могли пройти бесследно для бедной Верочки и для шефа.* В целом все представленные контексты сообщают о многочисленных чередующихся романах главной героини, в которых она предстает как носитель «святой простоты», как человек, лишенный сложных эмоций, не испытывающий подлинных чувств, который, бросаясь в каждое любовное приключение с головой, держит в запасе в качестве подстраховки еще одно свидание.

Именно о «святой простоте» говорит и главная героиня повести «Время ночь», выступающая в качестве повествователя. В следующем фрагменте представлена портретная зарисовка второстепенного персонажа: *Я купила на последние и пригласила очень милого слесаря вставить замок в дверь моей комнаты. Слесарь взял с меня рубль и шутил со мной, что как раз ищет жену. **Глупец**, он не подозревал, что я уже взрослая и даже готовлюсь стать бабкой! Святая **простота** простых людей, которым **просто** нравится любой человек, а преграда не существует ни на уровне возраста, ни на каком*

другом. На следующий день он пришел с конфетами и был встречен моей дочерью (я стояла поодаль в халате с ромашками) вопросом, вам кого – частица «просто» употребляется в одном высказывании с однокоренным прилагательным и фразеологизмом (в состав которого входит однокоренное существительное), тяготеющими к смыслу ‘глупый, неумный, недалекий’.

Наиболее выразительно проводится данная линия в рассказе «Дочь Ксении»: «святая простота» – ключевое понятие в интерпретации характеров главной героини и ее матери. Частица, употребляющаяся лишь по одному разу в каждом из своих двух значений, вписана в широкий контекст рассказа вместе с фразеологизмом «просто так», наречием «просто», частицей «просто-напросто», прилагательными в форме женского рода «простой», «простой-простой», «простейший», «простоволосый», существительным «простушка», глаголом «опроститься». В один ряд с перечисленными лексемами автор помещает многократно повторяющееся в рассказе существительное «проститутка», настаивая на связи их семантики и объясняя таким образом характеры своих героинь – проститутки Ксении и ее дочери – *опять-таки проститутки*, стремясь понять природу самого явления, выявить его причины. Через поэтапный перебор и повторы родственных (однокоренных) слов показан процесс «опрощения» дочери Ксении, ее пристрастия к продажной любви – не за **просто так**, а за *дары*. Этой любви противопоставляется другая – «простая» любовь, бескорыстная, не требующая оплаты, за которую *взамен* получают *не что-то драгоценное, а тоже **просто-напросто** ничто, пустяк.* В то же время автор оставляет место и для сочувствия своим героиням (хотя и не без скрытой иронии), поведение которых, выходящее иногда за рамки условностей, – это лишь *каприз и меланхолия отдельно взятого, не унижающего других человека, **просто** дикая тоска, которую приходится только уважать и с уважением перед ней отступить, потому что это не игра, а **просто** так вышло на сей раз, **просто так.*** В данном фрагменте, начиная с частицы «просто» во втором значении, автор затем вводит «просто 1», которое конкретизирует союз «не...а» и прикрепляется к предикату «так вышло», а замыкает этот ряд фразеологизм «просто так».

Заметим, что позиция автора относительно рассматриваемого понятия в представленных произведениях неодинакова. Если в рассказах «Приключения Веры» и «Дочь Ксени», как уже отмечалось выше, явно просматривается ироническая оценка характеров и поведения своих персонажей – носителей «святой простоты», то в повести «Время ночь» автор скорее сочувствует «простым людям», а иронизирует над ними главная героиня, от лица которой ведётся повествование.

Проведённый анализ употреблений частицы «просто» в контекстах с каузацией в ряде произведений Л. Петрушевской позволяет нам расширить представление о возможностях реализации семантико-прагматического потенциала данного слова и, очевидно, других частиц в пространстве художественного текста и сделать вывод о том, что парадигматические связи частицы могут стать основой для создания разнообразных стилистических эффектов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабаева Е.Э. Формирование семантической структуры слова *простой* в русском языке // Языковая картина мира и системная лексикография / В.Ю. Апресян, Ю.Д. Апресян, Е.Э. Бабаева, О.Ю. Богуславская и др.; Отв. ред. Ю.Д. Апресян. – М.: Языки славянских культур, 2006. С. 761 – 843.
2. Кириченко И.В. Семантические и функциональные особенности слова *просто* в современном русском языке. – Автореф. дисс. ... канд. филол. н. – Ставрополь, 2002. 20 с.
3. Токарчук И.Н. Частицы в языковом и речевом аспектах (на материале частиц *просто* и *прямо*). – Дисс. ... канд. филол. н. – Владивосток, 2002. 237 с.
4. Токарчук И.Н. Стилистические возможности частиц // 85 лет высшему историческому и филологическому образованию на Дальнем Востоке России. Книга вторая. Литература, язык, культура. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2004. С.193-200.

А.Г. Сергеева

Благовещенский государственный педагогический университет
г. Благовещенск, Россия

A.G. Sergeeva

Blagoveshchensk State Pedagogical University
Blagoveshchensk City, Russia**СЛОВА В ЗАКЛЮЧЕНИЕ, В ЗАВЕРШЕНИЕ, В ДОВЕРШЕНИЕ В ТЕКСТАХ
РАЗНЫХ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ СТИЛЕЙ****THE WORDS *В ЗАКЛЮЧЕНИЕ, В ЗАВЕРШЕНИЕ, В ДОВЕРШЕНИЕ*
(IN CONCLUSION) IN TEXTS OF DIFFERENT FUNCTIONAL STYLES**

В статье рассматриваются некоторые особенности употребления лексикализованных словоформ *в заключение, в завершение, в довершение* в научном, публицистическом и художественном стилях речи. Отмечается различная частотность и разные функции данных единиц в указанных стилях и объясняются причины этих различий.

Ключевые слова: *лексикализованная словоформа, семантика конца, отношение временной последовательности, завершение микротемы, метатекстовое средство.*

The article considers some features of usage of the lexicologized word forms in the scientific, publicistic and in the belles lettres styles. The article stresses the fact of various frequency and of different functions of such units in the mentioned styles and explains the reasons for such differences.

The key words: *lexicologized word form, end semantics, temporal sequence relation, microtheme ending, metatext means.*

В современном русском языке отмечается увеличение количества предложно-падежных форм, функционально и семантически эквивалентных отдельному слову. Особая их активность наблюдается в публицистическом и научном стиле. В статье мы коснемся частного вопроса об употреблении лексем *в заключение, в завершение, в довершение* в текстах разных функциональных стилей. Данные единицы содержат в лексическом значении сему 'конец чего-либо' и входят в синонимический ряд со словами *напоследок, под конец, в финале, под занавес, в оконцовке, на закуску* и др. Однако, в отличие от перечисленных лексем, *в заключение, в завершение, в довершение* имеют очевидный книжный оттенок. Не случайно в одной методической статье, посвященной анализу школьного сочинения, нам встретилось такое замечание о целесообразности употребления *в заключение*: «Десятое предложение («К концу можно сказать, что этот рассказ мне очень понравился») служит для связи основной части с заключением, при его составлении тоже

допущены ошибки: логическая и речевая. Во-первых, оно логически не связано с предыдущей частью, в которой шла речь о случае из собственной жизни <...>. Во-вторых, неудачно использовано выражение «к концу можно сказать»; лучше заменить его выражением «в заключение хочется сказать...» (Русский язык в школе и дома. – 2002. – № 1).

Книжный оттенок, высокая частота употребления *в заключение, в завершение, в довершение* в научном и публицистическом стиле превратили *в заключение* в некое клише.

Употребительность лексем *в заключение, в завершение, в довершение* в научном, публицистическом и художественном стилях неодинаково. Во-первых, из трех лексем чаще других используется *в заключение*, а реже – *в завершение*; во-вторых, самое большое количество употреблений лексемы *в заключение* приходится на научный стиль, *в завершение* в нем используется редко, а лексема *в довершение* вообще не характерна для научного стиля. Высокая частота употребления *в заключение* в научных текстах лексемы *в заключение* по сравнению с лексемами

в завершение и в довершение может быть объяснена неполной десемантизацией последних, сохраняющих прозрачность внутренней формы. В.Г. Гак включает глагол *завершить* в группу глаголов, содержащих сему качественной оценки – совершенства [1: 54], глагол *заклЮчить* такой семы лишен. Кроме того, лексема в довершение имеет семантический компонент ‘в добавление, сверх’. Названные оттенки значений противоречат эмоционально нейтральному характеру научного стиля.

В художественном и публицистическом стилях частота употребления в завершение, в довершение возрастает (хотя все равно количественно преобладает в заключение), причем в художественном стиле наблюдается противоположная научному стилю тенденция: в довершение используется чаще, чем в завершение.

Использование в заключение в научном стиле не случайно. Прагматическая значимость текстов научного стиля заключается прежде всего в донесении определенной информации до адресата, поэтому научному стилю присуща четкая последовательность изложения мысли, стройность композиции. Логически завершенная последовательность изложения мысли обуславливает использование специальных языковых средств, выражающих заключение всего предшествующего текста или какой-то его части. В этом случае лексемы в заключение, в завершение выполняют на коммуникативном уровне особые служебные функции в организации текста.

Наиболее частотны данные лексемы в жанре научной монографии, статьи, а также во вторичных научных текстах (рецензия, отзыв и т.п.): <...> *_/ В заключение следует сказать, что отмеченные недостатки не умаляют полезности данной книги. Она содержит разнообразный материал. Книга окажет учителю большую помощь в работе по повышению грамотности учащихся (Русский язык в школе); В заключение первого пункта автор определяет язык как «...деятельностную структуру...» <...>. *_/ В заключение второго пункта автор обосновывает мнение о необходимости описания любого конкретного языка в рамках единой модели. <...>. *В заключение автор обозначает перспективы развития этих наук – исследование и освоение текстов интерпретативно-дейктического характера <...> (РЖ. –Языкознание. – 1999. – № 1).***

Характерны данные единицы и для публицистического стиля. Часто встречаются в газетных текстах, а также в речи радио– и телеведущих: *Первым слово взял Буш. Он сказал, что между ним и Путиным произошел отличный диалог. <...>. В заключение Буш сказал, что высоко уважает видение президента Путина и что благодаря видению мира российского президента у них складывается «мощное партнерство». *_/ Затем выступил Владимир Путин. <...> (газ.); В завершение. Я на этой неделе побывал в Лондоне, где в рамках недели СМИ проводился круглый стол <...> (В. Познер); В заключение программы о Филиппе Киркорове <...> (А. Пиманов).**

Функциональная нагрузка исследуемых лексем в научном и публицистическом стиле, с одной стороны, и в художественных текстах, с другой стороны, неодинакова. Так, в текстах художественного стиля эти лексемы, во-первых, используются при указании на ситуацию, которая возникает в конце другой ситуации, выражая отношения временной последовательности и, во-вторых, маркируют завершение микротемы, например: *Началась какая-то канитель: кто умер, когда да отчего, не пил ли, не болел ли венерическими болезнями, и все в таком же роде. В заключение попросили рассказать о вчерашнем происшествии на Патриарших прудах (М. Булгаков).*

В научном и публицистическом стиле в заключение, в завершение чаще выполняют другую функцию. Они несут риторическую нагрузку, маркируя конец всего текста или его части (главы, раздела, параграфа), и являются метатекстовым средством. Риторический закон продвижения и ориентации слушателя заставляет говорящего использовать в своей речи специальные средства: «Чем лучше адресат представляет себе, куда его ведет говорящий, сколько еще осталось до конца и в каком «пункте» «карты речи» он находится в каждый момент речевого общения, тем лучше он воспринимает сообщаемое» [2: 88]. Таким образом, в заключение, в завершение участвуют в создании структурного каркаса текста, информируют адресата о логическом конце текста.

В стиле художественной литературы мы можем наблюдать некоторую авторскую избирательность в отношении употребления данных лексем. Среди таких писателей XIX века, как М.Ю. Лермонтов, Н.В. Гоголь, С.Т. Аксаков,

М.Е. Салтыков-Щедрин, Ф.М. Достоевский, первенство в употреблении данных единиц принадлежит М.Е. Салтыкову-Щедрину. Думается, что использование подобных единиц во многом отражает идиостиль автора дискурса: рациональность его мышления, логичность и стройность изложения, а может быть, в какой-то степени клишированность, стереотипность. Эти вопросы вызывают интерес и требуют дальнейшего специального исследования.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гак В.Г. Семантическое поле конца // Логический анализ языка. Семантика начала и конца / Отв.ред. Н.Д. Арутюнова. – М.: «Индрик», 2002. – С.50-55.
2. Михальская А.К. Основы риторики: Мысль и слово: Учеб. пособие для учащихся 10-11 кл. общеобр. учреждений. – М.: Просвещение, 1996. – 416 с.

Н.С. Милянчук

*Дальневосточный федеральный университет
г. Владивосток, Россия*

N.S. Milyanchuk

*Far Eastern Federal University
Vladivostok City, Russia*

ВНУТРЕННЯЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ СИСТЕМЫ СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ НЕКАТЕГОРИЧНОСТИ ВЫСКАЗЫВАНИЯ В НАУЧНОМ СТИЛЕ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

THE INTERNAL DIFFERENTIATION OF THE STATEMENT NON CATEGORIALITY EXPRESSION MEANS SYSTEM IN THE SCIENTIFIC STYLE OF THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE

В статье обосновывается семантическая неоднородность высказываний, которые могут подвергаться прагматической опции снижения категоричности, выделяются четыре типа таких высказываний и приводятся языковые средства выражения некатегоричности, характерные для каждого из выделенных типов.

Ключевые слова: *некатегоричность высказывания, типовое содержание высказывания, прагматическая установка говорящего, выражение оценки, побудительное высказывание, смягчение резкости формулировки.*

The present article explains the statement semantic dissimilarity than can be decreased in their categoriality, the article defines four types of statements and states the language means of expressing non categoriality that are the principal characteristics of the defined fours types.

The key words: *statement non categoriality, typical statement content, speaker's pragmatic directive (direction), assessment expression, imperative statement, formulation harshness avoidance.*

Система языковых средств выражения некатегоричности высказывания (НВ), а точнее говоря, система языковых средств снижения категоричности высказывания представляет собой полевою структуру, то есть иерархически организованную совокупность разноуровневых средств языка, выполняющих общую лингвопрагматическую функцию – придание высказыванию формы неокончательного суждения, что заключается в своеобразном «переключении» этого высказывания в режим неимпозитивной тактики общения. Под неимпозитивностью мы вслед за Т.В. Лариной понимаем такой признак речевого поведения, который заключается в «недопустимости или сведении до минимума прямого коммуникативного воздействия на собеседника» [1: 140].

Некатегоричный тон высказывания всегда является результатом общей прагматической установки говорящего – избежать коммуникативного давления на адресата речи. Однако,

на наш взгляд, некорректно и непродуктивно рассматривать систему средств снижения категоричности недифференцированно, в виде единого поля, просто выявляя ядерные и периферийные его компоненты. Так, анализ речевых фактов показывает, что одни и те же языковые единицы в высказываниях, имеющих разное типовое содержание, выполняют абсолютно разные семантические и прагматические функции. В связи с этим более адекватным и перспективным представляется такой принцип описания системы маркёров НВ, при котором учитывается дифференциация коммуникативно-речевых ситуаций снижения категоричности высказывания.

В ходе анализа речевых фактов мы выявили несколько типов речевых ситуаций, в которых говорящий осуществляет намерение придать своему высказыванию некатегоричную форму.

1 тип. Снижение категоричности суждения. Этот тип охватывает информативные

интерпретирующие высказывания, то есть высказывания, отражающие мнение говорящего. Задача говорящего в данном случае – сделать так, чтобы его мнение воспринималось адресатом не как единственно возможное, а как одно из имеющих право на существование. Необходимый прагматический эффект обычно достигается введением языковых единиц, указывающих на то, что данное высказывание отражает лишь один из возможных аспектов (вариантов) рассмотрения объекта, что говорящий вполне допускает другие интерпретации того же самого. Этот тип можно считать прототипическим, то есть универсальным и в определённом смысле охватывающим все остальные: средства, используемые в этом случае, могут использоваться и в других. Однако вместе с тем остальные типы имеют также реализации, не относящиеся к 1 типу, поэтому их отдельное представление не только целесообразно, но и необходимо.

2 тип. Снижение категоричности оценки результатов деятельности людей. С одной стороны, этот тип может рассматриваться как разновидность предыдущего, так как оценка – один из видов мнения. Поэтому категоричность оценки может снижаться за счёт употребления тех языковых средств, которые относятся к 1 типу. С другой стороны, собственно оценочные высказывания имеют важное отличие от просто интерпретирующих: они «откровенно» диалогичны, поскольку их объект является их адресатом. Иначе говоря, тот, чья деятельность оценивается, может (а в идеале – должен) воспринять эту оценку и каким-то образом отреагировать на неё, и субъект речи-оценки не может сознательно или бессознательно не учитывать этого. Поэтому в данном случае обычно «принимаются дополнительные меры коммуникативной предосторожности», или используются речевые тактики, минимализирующие «моральный ущерб» адресата: косвенные формулировки, эвфемистические выражения. Отметим, что к этому типу мы относим и ситуацию выражения несогласия с чьей-то точкой зрения, возражения.

3 тип. Снижение иллокутивной силы побудительного высказывания. Этот тип так же, как и предыдущий, характеризуется непосредственной направленностью на адресата. В стандартном научном тексте побудительные высказывания представлены такими

разновидностями, как совет, рекомендация, предложение. Пониженная «степень энергичности» [3: 175] является одним из неотъемлемых структурообразующих элементов данных речевых актов, однако в научном дискурсе они, как правило, выступают в ещё более смягчённом виде, чем в обыденной речи. Желаемый эффект может достигаться в этом случае с помощью тех же средств, что и в ситуации 1 типа, поскольку рекомендация или предложение – прямое отражение мнения. Однако побудительный характер высказывания требует и специфических средств выражения: так, абсолютно нормальное для обыденной речи специализированное средство выражения побуждения – повелительное наклонение глагола – практически изгнано из научного дискурса, в частности, по причине его ярко выраженной импозитивности, и повсеместно и последовательно в соответствующих контекстах заменяется сослагательным наклонением в оптативном значении.

4 тип. Смягчение резкости, неожиданности формулировки. Если в ситуациях предыдущих типов рефлексивная деятельность говорящего находится как бы «в тени», поскольку первостепенной задачей для него является всё-таки собственно донесение мнения, то в данном случае процесс языкового воплощения мнения оказывается в центре внимания и, можно сказать, в определённом смысле отодвигает на задний план его содержание. Это происходит потому, что в такой ситуации говорящего в первую очередь «беспокоит» не то, как адресат отнесётся к высказанному мнению (очевидно, это не вызывает «опасений»), а то, как он воспримет его формулировку. Как правило, в такой ситуации нет угрозы, что без специального маркера высказывание будет воспринято как слишком жёсткое, запелляционное, но есть угроза, что оно может, по выражению М.В. Ляпон, «шокировать резкостью, /.../ неожиданностью» формулировки [2: 53]. Задача говорящего в этом случае – смягчить возможные последствия подобного восприятия с помощью метаязыкового «амортизатора» [2: 53]. В роли таких амортизаторов выступают единицы, оговаривающие способ выражения: *грубо говоря, как бы, если так можно выразиться* и под., а также союзы в метаязыковой функции: *если не..., то...; скорее..., чем...*

Перечень выделенных нами типов ситуаций ни в коей мере не претендует на окончательность, тем более что он является результатом анализа речевых фактов, ограниченных научной сферой употребления. Для нас является принципиально важным показать неоднородность прагматических установок говорящего в процессе оформления высказывания как некатегоричного, поскольку это в конечном итоге обуславливает употребление тех или иных средств выражения НВ.

Как видим, специфика каждой из выделенных разновидностей определяется типовым

содержанием высказывания, которое обусловлено иллокутивной целью говорящего (в широком смысле), а также частными коммуникативными задачами, которые в свою очередь зависят от различных факторов ситуации общения, например, актуализации того или иного аспекта речетворческой деятельности адресанта или характера его взаимодействия с адресатом.

Обобщим сопоставление выделенных нами типов ситуаций, в которых говорящий употребляет средства снижения категоричности высказывания, с помощью таблицы.

Тип ситуации, в которой говорящий осуществляет намерение снизить категоричность высказывания	Типовое содержание высказывания	Прагматическая установка говорящего	Типичные средства достижения желаемого эффекта	Примеры некатегоричных высказываний данного типа
1. Снижение категоричности суждения	Выражение мнения	Сделать так, чтобы мнение воспринималось адресатом не как единственно возможное, а как одно из имеющих право на существование	Языковые единицы, указывающие на то, что данное высказывание отражает лишь один из возможных вариантов рассмотрения объекта, что говорящий вполне допускает другие интерпретации того же самого	<i>В определенных условиях это, <u>по-видимому</u>, так и есть.</i> <i>Во всех случаях такого рода слово <u>гордость</u> окрашено <u>скорее</u> положительно.</i> <i><u>По существу</u> я согласен с его <u>взглядом</u>.</i>
2. Снижение категоричности оценки результатов деятельности людей	Выражение оценки чужой деятельности, чужого мнения, а также выражение несогласия, возражения	Сделать так, чтобы адресат воспринял оценку или возражение с минимальным ущербом для дальнейшего общения	Кроме единиц 1 типа, косвенные высказывания, эвфемистические формулировки	<i>В частности, <u>вызывает сомнения</u> вывод о том, что /.../.</i> <i>Поэтому полная <u>независимость</u> признаков /.../ <u>представляется маловероятной</u>.</i>
3. Снижение иллокутивной силы побудительного высказывания	Выражение рекомендации, совета, предложения	Сделать так, чтобы адресат воспринял побуждение не как попытку давления, а как выражение заинтересованности в коммуникативном сотрудничестве	Кроме единиц 1 типа, оптативные высказывания (косвенные побуждения)	<i><u>Возможно</u>, в <u>дальнейшем</u> <u>имело бы смысл</u> провести подобный анализ на базе более <u>солидного</u> материала.</i>

4. Смягчение резкости, неожиданности формулировки	Выражения мнения	Сделать так, чтобы адресата не шокировала формулировка	Метаязыковые единицы, оговаривающие способ выражения и предупреждающие, что формулировка может показаться адресату резкой	<p><i>Но он здесь пребывает <u>как бы</u> в нулевом состоянии или, <u>если угодно</u>, в виде бесконечности.</i></p> <p><i>Подтверждением этому могут служить имена, под которыми хакеры регистрируются в сети, <u>своего рода</u> клички.</i></p>
---	------------------	--	---	--

Опираясь на выделенные разновидности некатегоричных высказываний, можно говорить (по крайней мере) о четырёх соответствующих модификациях лингвопрагматического значения НВ в научной речи, каждая из которых находит свои способы выражения в языке, или о четырёх субполях в составе макрополя НВ, представляющих собой подсистемы языковых средств, реализующих соответствующие прагматические установки говорящего.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ларина Т.В. Категория «вежливость» как отражение социально-культурных отношений (на примере английской и русской коммуникативных культур) // Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2003. – № 4. – С. 137-147.
2. Ляпон М.В. Смысловая структура сложного предложения и текст. К типологии внутритекстовых отношений. – М.: Наука, 1986.
3. Серль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. Теория речевых актов. – М.: Прогресс, 1986. – С. 170-194.

К.А. Перцева

*Дальневосточный федеральный университет
г. Владивосток, Россия*

К.А. Pertsevaya

*Far Eastern Federal University
Vladivostok City, Russia*

РОЛЬ ЧАСТИЦЫ «ДАЖЕ» В ОСЛОЖНЁННОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ (ПРИ ПОЛУПРЕДИКАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЯХ)

THE ROLE OF THE PARTICLE «ДАЖЕ» IN COMPLICATED SENTENCES (WITH SEMI PREDICATIVE RELATIONS)

В статье рассматривается частица *даже* в осложненном простом предложении при полупредикативных отношениях. Частица *даже* способна создавать осложняющие отношения, оформленные интонационно. Она устанавливает семантическую связь между основным предикатом и полупредикативным членом (в случаях с причастным оборотом). При субстантивном обороте и одиночных прилагательных семантика *даже* способствует оформлению отдельной пропозиции в предложении. При полупредикативных отношениях эта частица выполняет свою основную функцию – акцентирующую. В этом случае она не формирует полупредикативные отношения, а вносит в предложение уступительное, реже градационное значение.

Ключевые слова: *частица, “даже”, осложненное предложение, полупредикативные отношения.*

The present article deals with the particle «ДАЖЕ» in complicated simple sentences with semi predicative relations. The particle «ДАЖЕ» can create complicating relations accentuated with a proper intonation in a sentence. The particle determines the semantic connection between a main predicate and a semi predicative member (in cases of a participial construction). In cases of a substantive construction and of separate adjectives the semantics of the particle «ДАЖЕ» assists in forming separate propositions in a sentence. The particle can perform its main function, the accentuation function. In this case the particle does not form semi predicative relations, the particle has a concession meaning and more rarely a gradation meaning in a sentence.

The key words: *particle, particle «ДАЖЕ», complicated sentence, semi predicative relations.*

Частица «даже» является наиболее частотной при употреблении в осложненном предложении. В «Словаре служебных слов русского языка» приводится статья частицы «даже», в которой рассматриваются примеры с осложнением [1: 14-19]. Наиболее подробно данное слово исследуется в работе Е.А. Стародумовой «Синтаксические функции частицы «даже»». Основная функция этой частицы – акцентирующая: «выделяя определенный элемент предложения, «даже» обозначает его отношение к сказуемому» [2: 47]. Частица может выполнять также так называемую «вводящую» и союзную функции. Союзная функция обнаруживается в конструкции «ряд». Особое лексическое значение частицы «даже» предопределяет все перечисленные функции – значение исключительности или высшей степени градации, которое может преломляться в контексте, получая

уступительный или уточнительный оттенок. В «Словаре служебных слов русского языка» семантика «даже» определена следующим образом: «Говорящий указывает на то, что данный признак (предмет, ситуация), включающийся в ряд однородных признаков и т.д., проявляется как необычный, наименее ожидаемый» [1: 14]. Значение неожиданности определяет смысловые отношения, создаваемые частицей «даже»: градационные (*Похоже было на то, что она уже успокоилась, даже подобрела.* В. Быков), градационно-уточнительные (*Майор говорил о нем с чуть печальным уважением, даже почитанием.* Ю. Нагибин), отношения общего и частного (*Никому не пришло в голову, даже историкам, упрекнуть нас в неточности.* Г. Товстоногов), значение степени проявления признака (*Тень можно было при желании истолковать как угодно, даже как пепельные*

одежды летящего Азраила. В. Катаев), значение противопоставления, уступительное значение (*Пусть представляется тебе, что мир спасешь своим словом, – это тебе кажется только, а по правде, художник, даже самый великий, спасает себя.* М. Пришвин). Таким образом, можно сказать, что именно семантика влияет на синтаксические функции частицы “даже”.

Изучая употребление частицы в осложненном предложении, мы используем классификацию осложненного предложения, разработанную А.Ф. Прияткиной [5]. Частица “даже” участвует во всех основных видах осложнения (дополнительной предикативности и внутрирядных отношениях). В данной статье мы рассматриваем функционирование частицы при полупредикативности (прямой дополнительной предикативности). “Даже” используется во всех случаях выражения полупредикативности: в причастном, адъективном, субстантивном оборотах, при обособленных одиночных причастиях, прилагательных, приложениях.

1. ЧАСТИЦА “ДАЖЕ” В ПРИЧАСТНОМ ОБОРОТЕ

Роль “даже” в этом случае проявляется в установлении смысловых отношений между предикативным ядром и выделяемым ею компонентом предложения (причастным оборотом): частица оформляет отношения уступительности и таким образом формирует связанную дополнительную предикативность. Связанная полупредикативность проявляется в двуправленном отношении полупредикативного оборота – к субстантивному члену (полупредикативность) и к предикату-сказуемому (обстоятельственное значение – причинное, уступительное, характеризующее). Несвязанная полупредикативность проявляется как однопавленное отношение: полупредикативный оборот относится только к субстантивному члену. В то же время есть случаи, когда предикат относится к одному субъекту (подлежащему), а полупредикативный член – к другому (не подлежащему), но при этом дополнительная предикативность воспринимается как связанная.

А) Связанная полупредикативность:

а) при одном субъекте:

Любая ось, даже идеально смазанная, издает скрип, который, если прислушаться, является собой циклическое повторение одного и того же набора звуков (Б. Акунин. Коронация).

Мысль, даже еще не высказанная вслух, уже воплощается в слова в мозгу человека (Л. Успенский. Слово о словах).

Подобные примеры мы относим к случаям со связанной полупредикативностью, так как предикат и полупредикативный член характеризуют один субъект ситуации (‘смазанная ось’ и ‘ось скрипит’; ‘еще не высказанная вслух мысль’ и ‘мысль воплощается’). Между предикатом и полупредикативным членом прослеживается обстоятельственное значение уступки (*Хотя / несмотря на то, что ось была идеально смазана, она издавала скрип; Хотя / несмотря на то, что мысль не высказана вслух, она воплощается в слова*);

б) при разных субъектах:

В следующих примерах предикат и полупредикативный член относятся к разным субъектам ситуации, но дополнительная предикативность воспринимается как связанная:

Диалектные навыки, впитанные в детстве, остаются у людей, даже переселившихся в акающую среду, даже у получивших отличное образование, даже у ставших мастерами русского слова (Л. Успенский. По закону буквы).

При этом надо оговориться: разница между английской и американской речью очень невелика. В наши дни между людьми, даже живущими за тысячи километров друг от друга, связь не порывается (Л. Успенский. Слово о словах).

В этих примерах частица “даже” устанавливает семантическую связь между двумя предикатами – основным и дополнительным, поэтому мы относим данные случаи к связанной полупредикативности: *Диалектные навыки, впитанные в детстве, остаются у людей, хотя / несмотря на то, что они переселились в акающую среду <...>. Или: В наши дни между людьми, хотя они и живут за тысячи километров друг от друга, связь не порывается.* Частица “даже” оформляет уступительные отношения между основным предикатом и причастным оборотом.

Б) Несвязанная полупредикативность:

При несвязанной полупредикативности частица “даже” на осложненность предложения не влияет. Частица вносит значение высшей степени проявления признака:

Вот и сахар, и кипятки, даже чем-то подкрашенный (А. Солженицын. Бодался теленок с дубом). В этом примере значение высшей степени проявления признака частицы “даже”

прослеживается при таком преобразовании контекста: ‘Заключенные в камере еще неплохо живут: есть и сахар, и кипяток, причем не пустой, а подкрашенный’.

Таким образом, частица “даже”, употребляясь в причастном обороте, может влиять на осложняющие отношения в предложении, а может и не оформлять их. При связанной полупредикативности частица устанавливает обстоятельственные (уступительные) отношения между основным предикатом и полупредикативным членом. При несвязанной полупредикативности частица “даже” видоизменяет отношения между предикатами, внося значение степени проявления признака.

2. СУБСТАНТИВНЫЙ ОБОРОТ

В этом случае частица “даже” очень важна для создания полупредикативных отношений в предложении. Употребление обособленного оборота становится неоправданным, если исключить частицу из контекста. Благодаря семантике частицы выделенный оборот становится обособленным, самостоятельным в предложении. Частица оформляет отдельную пропозицию в предложении, что можно объяснить тяготением “даже” к предикату. Связь семантического и грамматического аспектов дает возможность частице выполнять особую роль в предложении – выполнять вторичную функцию – “вводящую”. Обособленный субстантивный оборот благодаря частице имеет двунаправленную связь: с субстантивом-подлежащим и со сказуемым.

*Знаем только, что ни один народ, **даже** на самой низкой ступени общественного быта, без языка не обходился* (Ф.И. Буслаев. Историческая грамматика).

На полупредикативные отношения могут накладываться отношения общего и частного, если в состав словосочетания с определяемым субстантивом входит кванторное слово (‘всегда’, ‘ни один’), например:

*Ни одна живая душа, **даже** среди специалистов, не знает, кто такой Щеглов и что это за пьеса его сочинения “Пурга”* (Е. Рейн. Заметки...).

Они сидели около камина в большой гостиной госпожи Герберт, <...> постреливали разгоревшиеся поленья, и вместе с благостным целебным жаром и вкусом коньяка, <...> Никитин чувствовал некое ироническое веселье духа, готовый вне зависимости от того,

*какие вопросы хотят и будут задавать ему, заранее безошибочно предположить степень отчуждения своего и чужого, пропитанного долей ядовитого политического скептицизма, всегда возможной межи, **даже** на этой домашней территории немецкой гостиной, с ее приятным, умиротворенным комфортом <...>* (Ю. Бондарев. Берег).

При анализе материала возникает проблема отнесенности данных фактов к видам осложнения предложения. Вопрос касается квалификации обособленного оборота как субстантивного оборота или как конструкции вторичной связи. В конструкции без параллельных членов (вторичной связи) совмещается союзная связь и связь словоформ. В приведенных примерах явной союзной связи нет, но в то же время именно частица “даже” создает отношения полупредикативности, которые могут исчезнуть при изъятии частицы из предложения. Таким образом, можно говорить об особой союзной функции частицы, которая создает двухъярусную структуру конструкции. Одновременно с этим мы не перестаем считать “даже” частицей, так как в данном случае это хотя и формальный показатель связи (“Многим из акцентирующих частиц свойственна функция связи – употребление их для обозначения определенных синтаксических отношений” [3: 57]), но не в чистом виде (как союз). Союз имеет свою формально-синтаксическую позицию, “в которой закрепились чистая функция связи” [5: 55]. Частица прикреплена к компоненту предложения, а не ко всему предложению (как союз). Помимо этого, “союзоподобные элементы – это такие элементы, которые, не меняя лексического значения используются в разных синтаксических позициях, в том числе и в такой, которая союзу не свойственна. Мы исходим из того, что всякий союз интерпозитивен” [Там же, 54]. Ср. частицу “даже” и союз: *Кавычки, коими автор, **даже** в пылу полемического задора, пытался оградить “все позволено”, не спасли его от гнева некоторых читателей и **Даже** в пылу полемического задора, кавычки, коими автор пытался оградить “все позволено”, не спасли его от гнева некоторых читателей. Но: Вернусь домой, и скоро* (пример А.Ф. Прияткиной) – вторичная связь; в случае с союзом препозиции быть не может. Таким образом, “частица не только связывает, но прежде всего акцентирует” [2: 43]. Исходя из этих положений, мы классифицируем

приведенные факты двояко: как прямую дополнительную предикативность, но основанную на связи словоформ.

3. ЧАСТИЦА “ДАЖЕ” ПРИ АДЪЕКТИВНОМ ОБОРОТЕ

Частица “даже” чаще всего встречается при одиночных прилагательных, реже – при прилагательных с местоимением (этот случай можно рассматривать и как адъективный оборот).

А) “Даже” при одиночных прилагательных:

В этом употреблении частица важна для создания полупредикативных отношений в предложении. Семантика частицы вызывает обособление, она акцентирует наше внимание на признаке исключительном. Это создает необходимость интонационного выделения особого признака. Важность частицы доказывается и тем, что при изъятии ее из предложения обособление становится неоправданным.

Казалось бы, пустяк, но пограничный вопрос – деликатнейший, никто не хочет ущемления, даже малого, своих прав (В. Щербак. Малая война).

– Курица, курица! – вдруг завопил Саша. – Улетит! Все обернулись. Курочка сидела у борта лодки и недоуменно осматривалась. Кokoшник и бородака ее были белы от муки. Она никуда не хотела лететь: кругом вода, ни земли, ни крыши. Она казалась совершенно спокойной, но когда ее стали брать в руки, она всполошилась, закудаhtала: «Куда, куда, опять в мешок?!» – и попыталась ринуться в озеро. Все-таки свобода, даже куриная, была ей дорога (А. Яшин. Сладкий остров).

Семантика “даже” способствует сосредоточиванию внимания читателя на признаке какого-то предмета, исключительность, необычность которого отмечена частицей. Благодаря частице “даже” семантическое осложнение предложения, выраженное предикатным словом («малый»), приобретает синтаксическое значение полупредикативности. Во втором примере одиночное прилагательное выражено словом с предметной семантикой («куриный»). В этом случае семантического осложнения в предложении нет, но благодаря частице “даже” предметное слово приобретает синтаксическую самостоятельность, превращаясь в полупредикативный член. Помимо полупредикативного отношения, здесь можно усмотреть скрытые отношения общего и частного.

В следующем примере частица “даже” не оформляет полупредикативные отношения. В данном случае частица выполняет свою основную функцию – акцентирующую, “которая, с одной стороны, является средством актуального членения, а с другой – всегда показывает отношение акцентируемого элемента к сказуемому” [2: 39-40]. При соотношении обособленного прилагательного со сказуемым в предложении реализуется уступительное значение, потенциально заложенное в частице “даже”.

У человеческой памяти, даже самой развитой, имеются свои пределы (Б. Акунин. Коронация).

Б) Прилагательные с зависимым местоимением:

Все-таки женщина есть женщина, даже такая смелая (Б. Акунин. Коронация).

Для него камень, даже такой особенный, не может быть дорожке жизни человека (Б. Акунин. Коронация).

В этих примерах частица “даже” создает отношения полупредикативности. При изъятии частицы из предложения теряется смысл высказывания (Ср.: *Все-таки женщина есть женщина, даже такая смелая* – **Все-таки женщина есть женщина, такая смелая*). Невозможность изъятия частицы объясняется анафорической направленностью оборота, которая создается местоимением “такой”. Частица связывает ситуации в предложении уступительными отношениями: ‘она *хотя* и такая смелая, все-таки остается женщиной’; ‘*хотя* камень такой особенный, он не может быть дорожке жизни человека’.

Настоящим адъективным оборотом мы можем считать, пожалуй, только следующий пример:

Когда в конце 40-х годов мы были завалены 25-летними сроками, мы в газетах только и читали о небывалых преследованиях в Греции. И сегодня многие высказывания <...> западных деятелей, даже наиболее чутких к угнетениям и преследованиям, происходящим на Востоке, для искусственного равновесия перед «левыми» кругами обязательно продолжают оговоркой: «впрочем, как и в Греции, Испании, Турции» И пока пристраивается этот искусственный ряд как и, сочувствие к нам теряет своё значение, свою глубину, даже оскорбляет нас, а сами сочувствователи не видят грозного предупреждения (А. Солженицын. Бодался теленок с дубом).

В этом примере частица “даже” не формирует полупредикативные отношения, а вносит в предложение значение уступительности.

Таким образом, при адъективном обороте в случае с одиночными обособленными прилагательными частица “даже” может создавать полупредикативные отношения в предложении, а может и не выступать во вторичной, так называемой “вводящей”, функции. В первом случае благодаря значению “исключительности, необычности” (А. Мирович), когда одиночное прилагательное выражено предикатной лексикой, семантическое осложнение приобретает синтаксическое значение полупредикативности. Если прилагательное – слово с предметной семантикой, семантического осложнения не наблюдается, но частица “даже” придает синтаксическую самостоятельность признаку приписываемого предмета. Частица может выступать и в своей основной функции (акцентирующей), соотнося обособленное прилагательное со сказуемым, тем самым внося в предложение значение уступки. В случаях употребления частицы при прилагательных с зависимыми местоимениями “даже” оформляет отношения полупредикативности, и в то же время она устанавливает уступительные отношения в предложении. Роль частицы для предложения меняется, если оборот имеет анафорическую направленность. В этом случае частица “даже” формирует полупредикативные отношения.

4. ОБОСОБЛЕННОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ

В этом случае роль частицы заключается в ее основной функции – акцентирующей: сосредоточивании внимания слушающего на исключительном, необычном факте и соотношении выделяемого компонента предложения со сказуемым. Соотношение предиката и обособленного приложения реализуется через уступительное значение, заложенное в частице “даже”.

Ощущение это только укрепляется оттого, что он, даже неподготовленный младенец, воспринимая звучащее слово «кошка» как нечто неделимое, в данном случае ясно видит, из чего складывается слово написанное. Из букв (Л. Успенский. По закону буквы).

Итак, мы рассмотрели употребление частицы «даже» при полупредикативных отношениях, выраженных причастным, адъективным, субстантивным оборотами, оборотом с

обособленным одиночным прилагательным, приложением. В результате можно сделать некоторые выводы относительно роли частицы “даже” в осложненном предложении.

В осложненном предложении частица “даже” в одних случаях участвует в организации полупредикативных отношений, а в других – лишь видоизменяет их.

При полупредикативных отношениях частица “даже” может выполнять свою основную функцию – акцентирующую. В этом случае частица не формирует полупредикативные отношения в причастных, адъективных оборотах (при одиночных прилагательных), приложениях. Как правило, частица выражает отношения уступки, реже – отношения градации.

При полупредикативных отношениях частица “даже” способна создавать осложняющие отношения, оформленные интонационно. Частица устанавливает семантическую связь между основным предикатом и полупредикативным членом (в случаях с причастным оборотом). При субстантивном обороте и одиночных прилагательных семантика “даже” (значение “исключительности, неожиданности”) способствует оформлению отдельной пропозиции в предложении. При прилагательном с зависимым местоимением (“такой”) частица формирует полупредикативные отношения, оборот имеет анафорическую направленность, частица связывает ситуации в предложении уступительными отношениями.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Словарь служебных слов русского языка. – Владивосток, 2001. – 363 с.
2. Стародумова Е.А. Синтаксические функции частицы “даже”. // Исследования по современному русскому языку. Ученые записки ДВГУ. Т. 62. – Владивосток, 1972. – С. 32-47.
3. Стародумова Е.А. О некоторых “дополнительных” значениях предложения. // Синтаксические связи в русском языке. – Владивосток, 1978. – С. 56-63.
4. Прияткина А.Ф. Союз и его функциональные аналоги // Синтаксические связи в русском языке. – Владивосток, 1978. – С. 45-56.
5. Прияткина А.Ф. Русский язык: Синтаксис осложненного предложения. – М., 1990. – 176 с.

И.Ф. Бурундукова
 Дальневосточный федеральный университет
 г. Владивосток, Россия

I.F. Burundukova
 Far Eastern Federal University
 Vladivostok City, Russia

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ВРЕМЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

WAYS OF EXPRESSING TEMPORAL RELATIONS IN THE RUSSIAN LANGUAGE

Время как форма существования материи находит свое выражение в составе и структуре всех языков. В статье представлена краткая история изучения категории времени в философской и лингвистической науке. Анализируются грамматические и лексические способы выражения временных отношений в русском языке.

Ключевые слова: *философия, лингвистика, язык, время, способ выражения.*

Time as a form of material existence finds its reflection in the composition and structure of all the world languages. A brief history of researching a time category in the philosophical and linguistic sciences is presented in the given article.

The grammatical and lexical ways of expressing temporal relations in the Russian language are analyzed.

The key words: *philosophy, linguistics, language, time, way of expressing.*

Время как одна из форм существования материи (наряду с субстанцией и пространством) находит выражение в составе и структуре всех языков.

М.В. Всеволодова подчеркивает многомерность времени. Так, категория времени имеет три аспекта: 1. Физический (онтологический) – то, что реально существует в объективной действительности. 2. Философский (когнитивный) – то или иное осмысление времени. 3. Лингвистический – являет собой всю совокупность языковых средств, служащих для выражения физического и философского аспектов данной категории [2].

В европейской философской и естественно-научной традиции сложилось два основных направления в понимании времени: время как объективное / субъективное понятие, субстанциональное / реляционное, абсолютное / относительное. Они восходят к концепции Платона (субстанциональной) и концепции Аристотеля (реляционной) [3]. Суть концепции Платона заключается в том, что время понимается как самостоятельная сущность

(субстанция), существующая вне зависимости от материальных тел и процессов. Согласно представлениям Платона, время и вселенная нераздельно связаны. Реляционная концепция Аристотеля же состоит в понимании времени как меры движения, тем самым указывает на свойство равномерности течения времени. Аристотель рассматривал время как нечто, существующее в сознании, упорядочивающее впечатления индивидуального сознания.

Дальнейшие тенденции в изучении времени стремятся выявить его природу, свойства, связь с пространством. В эпоху Возрождения важную роль сыграли естественнонаучные представления о времени И. Ньютона и Г. Лейбница. Ньютон представлял время в виде непрерывного потока. Время в его концепции непрерывно, одномерно, бесконечно, универсально, однородно. Лейбниц считал время условием существования действительного мира, которое являет собой отношение последовательности состояний, это временной порядок сменяющихся друг друга состояний. Время – это структура, которая характеризует

последовательные состояния как прошлые, настоящие, будущее, то есть время измеримо. В течение двух последующих веков такое понимание времени определяло научную картину мира того времени. Следующим этапом, совершившим переворот в научных представлениях о времени, стало появление теории относительности А. Эйнштейна и теории электромагнитного поля.

Так, в физике XX в. сложилась концепция пространства и времени как общих форм существования и смены состояний изменяющихся материальных объектов. Согласно сложившимся в современной физике представлениям, время обладает определенными свойствами: метрическими (количественными) и топологическими (качественными). В философии переворот в понимании времени связан с идеями И. Канта, который кардинально изменил взгляд на проблему связи времени и сознания: он рассматривал сознание в контексте времени, функции времени в структуре познавательной способности. Взгляды И. Канта легли в основу философской традиции изучения времени в связи его с сознанием (памятью, духом), получившей развитие в работах Э. Гуссерля, А. Бергсона, М. Хайдеггера.

В естественных науках понятие времени связано с объективными изменениями состояния природных объектов и процессов; в гуманитарных науках реализуются преимущественно субъективные представления о времени, акцентируется внимание на его качественной стороне. Реально существующее время во всем множестве своих проявлений отражается в языке, субъективно преломляясь в сознании человека. Лингвистическое время представляет собой языковую проекцию комплекса существующих у человечества знаний об этом феномене. В русистике исследования времени осуществлялись в рамках различных подходов. Прежде всего, освещались проблемы времени как грамматической категории в трудах А.Х. Востокова, Ф.И. Буслаева, А.М. Пешковского, А.А. Шахматова, В.А. Богородицкого, Р.О. Якобсона, В.В. Виноградова и др. [3].

Н.Д. Арутюнова в предисловии к сборнику «Логический анализ языка. Язык и время» отмечает, что отношение языка и времени опосредовано: язык реализуется в речи, а речь воспринимается во времени. Время обладает лишь одним измерением – долготой, то есть

время линейно. Какие бы формы ни принимали модели времени, это никак не отражается на темпоральном представлении речи. Речь всегда остается линейной и необратимо текущей из прошлого в будущее. Два свойства времени – линейность и однонаправленность (необратимость) движения составляют основные характеристики речи. Именно они формируют синтагматические и парадигматические отношения [5].

Время проявляет себя через материальное наполнение мира. Поэтому темпоральные компоненты присущи не только обозначениям действий и состояний, но также семантике многих имен предметов и их атрибутов. Язык располагает организованной системой морфологических, лексических и синтаксических средств выражения понятия времени и временных отношений. Эти языковые средства разнородны по своему составу. Это проявляется как в содержательном, так и в функциональном плане. В содержательном плане в разных языках выделяются единицы разных уровней, имеющих собственно временное значение: на морфологическом уровне таковыми являются специализированные временные морфемы; на лексическом – слова с временным значением; на уровне предложения – синтаксические конструкции. В функциональном плане в разных языках наблюдается специализация языковых единиц в плане способов передачи временного содержания, проявляющаяся в наличии категории времени у глаголов, причастий, деепричастий. Для выражения отдельных и наиболее часто выражаемых типизированных отношений предшествования, следования, одновременности, длительности во времени в разных языках выработаны видо-временные грамматические категории. Например, для русского языка характерна трехчленная структура настоящего, прошедшего и будущего времени [6].

Итак, языки располагают специальными «словами времени» – именами, прилагательными, наречиями, которые непосредственно указывают на отрезки времени, их длительность. Языки также развивают аппарат вспомогательных средств, координирующих время осуществления сообщаемых событий и действий – предлогов, союзов, аффиксов, частиц. Временной компонент в структуре языковых единиц неодинаков по своему характеру и занимает в этой структуре разное положение.

Таким образом, категория времени может выражаться следующими способами [4]:

I. Грамматические средства выражения темпоральной семантики:

а) система видо-временных форм глагола:

- настоящее: Здесь тишина. / Здесь ходят тучи. / И ветер шелестит травой. (А.А. Блок);
- прошедшее: Они влеклись в дорожной пыли / От века ведомым путем, / Они молили и грозили / Кинжалом, ядом и огнем... (А.А. Блок);
- будущее время: Когда, топча цветы лазури / Копытом черного коня, / Вернусь, как царь в дышаньи бури, — / Вы не узнаете меня! (А.А. Блок);

б) неличные формы глагола:

- полные причастия: Так и будешь реять / В догорающем дне, / Так и будешь веять / В тишине (А.А. Блок);
- краткие причастия: И каждая прекрасной ложью / Со мною связана была, / И каждая заветной дрожью / Меня томила, жгла и жгла... (А.А. Блок);

в) аналитические предложные конструкции с темпоральным значением:

- предложные конструкции без семы времени (имеющие в своем составе слова, не содержащие семы темпоральности): Однако остальные были в большинстве вчерашние стрелки, набранные из частей в ходе наступления. (Э.Г. Казакевич);
- предложные конструкции с семой времени (включающие лексемы со значением времени): И часто, часто он дивился, / Что гнев отца не укротился / В течение столь долгих лет. (А.С. Хомяков.);

г) синтаксические средства выражения времени (временные союзы): Прежде чем тебя родить, я тебя сильно желала / И рожденного тебя в слезах пеленала, / А когда я тебя родила, плоть моя ликовала. (О.Э. Мандельштам);

д) наречия со значением времени: О, родился я слишком поздно, А бедный дух мой слишком нов... (З.Н. Гиппиус).

II. Список лексических средств выражения категории времени включает в себя следующие единицы:

а) существительные с темпоральной семантикой:

- названия временных единиц и их частей: Час от часу, год от года, / Как же я устал! (Г.В. Иванов);

- названия определенных отрезков времени: Ее талант связал любимый ею девятнадцатый и Серебряный век с нашими днями. (А. Щеглов, Ф. Раневская);

- названия неопределенных отрезков времени: И может быть, в просторах мироздания, / Где всё к расчетам точным сведено, / Она одна - названия частей суток: Рассвет туманно разгорался; / И умоляя, и стыдя, / А я понять его старался, / Я засыпал и просыпался / Под шум дождя, под шум дождя. (В.А. Рождественский);

- времен года: Сколько струн, незабвенных имен / Слышно осенью в воздухе мгlistом, / Где склоняются липы сквозь сон / Над бессмертным своим лицейстом! (В.А. Рождественский);

- месяцев: Был Петербург, апрель, закатный час, / Сиянье, волны, каменные львы... (Г.В. Иванов);

- дней недели: Сегодня что: среда, суббота? / Скоромный нынче день, иль пост? (М.А. Кузмин);

- названия длительных временных периодов по отношению к данному моменту: Земное прошлое забыто, и над ним / Иного прошлого раздвинулась безмерность. (Н.М. Минский);

- слова, обозначающие возрастной период или период развития: Поиграй еще три мига, / Поиграй еще три века, — / Это юность, это старость, / Это детство человека! (А.Е. Адалис);

- названия праздников: И светились звезды золотые, / Приглашенные на торжество, / Словно апельсины восковые, Те, что подают на Рождество. (Н.С. Гумилев);

- существительные, не имеющие прямого временного значения: Умчался век эпических поэм, / И повести в стихах пришли в упадок; / Поэты в том виновны не совсем, (Хотя у многих стих не вовсе гладок); И публика не права между тем. (М. Ю. Лермонтов);

б) прилагательные со значением времени, выступающие в тексте в качестве определений в именных группах:

- прилагательные, выражающие длительность временного отрезка: Леса и дороги, / Да туманом затопленный бор, / Долгий стон журавлиной тревоги / Над дымящейся гладью озер. (*В.А. Рождественский*);
 - прилагательные или порядковые числительные, выражающие последовательность временных отрезков: Едва медовый справлен Спас, / Светает Спас Преображенский. / Спас третий — с вечера успенской. / Иванов день: всему свой час. (*В.И. Иванов*);
 - прилагательные, выражающие расположение во времени: В багрянце сентября, / Осенний день блестит красою скромной, / И Вечности настойчивый язык / Так явственно поет в вечерний миг. (*С.М. Соловьев*);
 - прилагательные, выражающие соотносительность с возрастом: Вы слышали, как пароходы / Трубят у входа в старый порт, / Приветствуя зарю природы, / Миндаль в цвету иль римский форт? (*А.П. Ладинский*);
 - прилагательные, не имеющие прямого временного значения: Душою чист и сердцем прав, / Перед кончиною подвижник постоянный, / Как Моисей с горы Навав, / Узрит он край обетованный. (*К.Ф. Рылеев*);
- в) имена собственные со значением времени (имена королей, содержащие указание на то, каким по счету является данный монарх): А всех добрей был Николай Второй, / Зиявший непристойной пустотою / В сосредоточьи гения Петра. (*М.А. Волошин*);
- г) глаголы, содержащие сему времени: Стоит ли вечно томиться, / Можно ль о прошлом вздыхать, / Только б успеть насладиться, / Только бы страстью пылать! (*А.А. Блок*).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Всеволодова М.В. Поля, категории и концепты в грамматической системе языка. Вопросы языкознания. Академиздатцентр «Наука» РАН, 2009. № 3. – С. 76-99.
2. Всеволодова М.В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка. – М.: Изд-во МГУ, 2000. – С. 102.
3. Дарбанова Н.А. Время в лингвистических исследованиях: предыстория и современность. Вестник Бурятского государственного университета. Изд-во Бурятского государственного университета, 2010, № 10. – С. 50-55.
4. Ласица Л.А. О взаимосвязи временных маркеров в русских текстах. Вестник Оренбургского государственного университета. 2007, № 11. – С. 95-101.
5. Логический анализ языка. Язык и время / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, Т.Е. Янко. – М.: Издательство «Индрик», 1997. – С. 6-16.
6. Потаенко Н.А. Языковая темпоральность: содержательные аспекты. Научная монография. – Пятигорск: ПГЛУ, 2007. – С. 82-85.

ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

REGIONAL LINGUISTICS PROBLEMS

УДК 808.2:801.311(571.63)

О.Л. Рублёва
Дальневосточный федеральный университет
г. Владивосток, Россия

O.L. Rublyova
Far Eastern Federal University
Vladivostok City, Russia

ТОПОНИМИЧЕСКИЕ ВАРИАНТЫ ПРИМОРЬЯ

TOPONYMICAL VARIANTS IN PRIMORYE

В статье рассматривается бытующее в повседневной коммуникации варьирование названий населённых пунктов, улиц, природных объектов. Автор обосновывает понятие топонимического варианта, выделяет языковые разновидности таких вариантов, определяет причины их возникновения. Исследование проведено на основе богатейшего материала, представляющего сложную систему официальной и неофициальной топонимики Приморья.

Ключевые слова: *Приморье, топоним, языковая вариантность, фонетико-акцентологические, фонетико-орфографические, словообразовательные, морфологические, синтаксические варианты.*

The present article considers different variations of the Primorsky Region population centres, suburb areas and streets existing in our every day communication. The author states the toponymical variant notion, differentiates the language types of such variants, points out the reasons for their emergence. The research is presented with a rich material which is a complex system of official and unofficial toponymics of Primorye.

The key words: *Primorye, toponym, language variability, phonetic, accentual, orthographic, word formative, morphological and syntactic variants.*

Под *топонимическими вариантами* понимаются разные формы именованья одного и того же объекта, не меняющие ономастического значения топонима. Речь идет только о формальном варьировании названий (типа *Михайловка / Михайловское*): случаи переименования объекта (типа *Манзовка / Сибирцево*) в расчет не принимаются, хотя некоторые

исследователи считают их *лексическими вариантами*, например А.В. Суперанская [9: 200], Е.В. Ухмылина [10: 218]; Г.В. Глинских [4: 18] называет их *вариантами-переименованиями*, хотя И.А. Воробьева [3: 211] квалифицирует даже *лексико-синтаксические варианты* как синонимы.

Следовательно, вопрос о вариантности топонимов находится в русле лингвистической проблемы языковой вариантности и тождества слова. Языковые варианты – это формальные разновидности одной и той же языковой единицы, которые при тождественном значении различаются частичным несовпадением, обычно регулярным, своего звукового состава.

В лингвистике различаются варианты *фонетические*, *грамматические*, *словообразовательные* и *лексические*. Почти все виды вариантов связаны с нормой и функциональной стилистикой, т.к. один из вариантов оказывается чаще всего стилистически окрашенным либо вообще находится за пределами литературной нормы. Некоторые варианты формы можно рассматривать лишь в аспекте нормативно-историческом. Орфоэпические и акцентные варианты свойственны только устной речи. Орфографических вариантов, свойственных только письменной речи, в русском языке нет (если не считать неграмотного письма), т.к. орфография вариантности не допускает. Таким образом, вариантность – неизбежная языковая закономерность, на появление которой оказывают влияние различные факторы, как внешние, так и внутренние. Все это так или иначе касается и топонимов. Однако вариантность топонимов имеет свою специфику прежде всего в том, что «понятие нормы для имен нарицательных и собственных не вполне совпадает» [8: 52].

Топоним – это имя (название) определенного географического объекта (горы, реки, озера, населенного пункта), и для него актуально не столько понятие нормы, сколько понятие официальности / неофициальности названия, т.к. в качестве нормы выступают только официальные названия, т.е. топонимы, орфография которых регламентирована строго определенным кругом документов и официальных источников. Однако официальные названия, как бы строго они ни документировались, «не могут остановить естественный языковой процесс топонимизации» [8: 53]. Как отмечают исследователи, сосуществование официальных наименований с неофициальными – явление совсем не редкое: «стоит только оторваться от географической карты и обратиться к живой народной речи» [10: 217-218].

Официальная форма топонима является общепризнанной, закрепленной на картах и в

специальных справочниках. Остальные формы названия являются либо неофициальными (в плане синхронии), либо обусловленными историческими изменениями (в плане диахронии). В редких случаях топонимические варианты – результат (закрепленный) ошибок составителей карт и справочников.

Неофициальные формы возникают чаще в обиходной речи и считаются разговорными, стилистически сниженными (а с точки зрения нормы просто неправильными), окказиональными [9]: например, *Таежка* вместо *Таежное* (название села), *Надеждинка* (и *Надега*) вместо *Вольно-Надеждинское*.

Причины стилистической вариантности разные: это либо незнание точного официального названия, либо результат специфики самой разговорной речи: стремление к экономии, универбации (сокращению), экспрессивности и т.п.

Так, многие названия сел унифицируются в разговорной речи как формы на –к(а), относящиеся к наиболее продуктивной в назывании поселений сельского типа модели, независимо от формы официального названия объекта. Сразу же следует отметить, что подобная вольность нежелательна, ибо она нарушает основную функцию топонима: быть идентификатором определенного объекта. Например, в Приморье есть разные села с похожими названиями: *Таежное*, *Таежный*, *Таежка* – но в речи все называются *Таежка*, что делает называемые объекты неразличимыми. Так что с точки зрения социально-административной важным является установление официальной формы, но с точки зрения лингвистики представляет интерес именно вся совокупность наименований одного объекта.

Исторические причины вариантности топонима основаны на смене норм (написания, произношения и т.п.).

В топонимии Приморья наблюдается большое количество вариантов как *стилистических* (наблюдаемых преимущественно в устной речи), так и *исторических* (зафиксированных в источниках разных исторических периодов).

В топонимии Приморья встречаются следующие типы вариантов: 1) фонетико-акцентологические (*Усури* – *Усури*, *Ханка* – *Ханка*); 2) фонетико-орфографические (*Дамашлино* – *Домашлино*, *Зеньковка* – *Зиньковка*, *Ново-Гордеевка* – *Новогордеевка*).; 3)

словообразовательные (Алексей-Никольское – Алексее-Никольское – Алексе~~е~~во-Никольское, Ветка – Веткино); 4) морфологические (Кролевицы – Кролевец, Береговой – Береговое); 5) синтаксические (Ключ Соловья – Соловей-Ключ, Русское Адо – Адо Русское); 6) лексико-синтаксические (Большой Камень – Камень); 7) морфолого-синтаксические (Соловейцев ключ – Соловей-Ключ).

Рассмотрим каждый тип вариантов топонимов Приморья более подробно.

1. ФОНЕТИКО-АКЦЕНТОЛОГИЧЕСКИЕ ВАРИАНТЫ

Как понятно из названия, данные варианты связаны с произношением топонима, в частности местом ударения в нем. Ударение в русском языке – «важный структурный компонент русского слова, обеспечивающий правильное понимание слов и грамматических форм» [9:10]. Русское ударение, как известно, подвижно, т.е. не привязано к определенному слогу, и, следовательно, разноместно.

Нормы ударения в именах собственных имеют свою специфику. В нормативных словарях и справочниках обычно приводится только один (правильный) вариант ударения и игнорируются остальные. Однако, в отличие от имен нарицательных, ударения в топонимах зависят от его ономастического значения, т.е. от того, какой именно объект они называют. Так, название одного объекта (озера в Приморье) произносится как *Ханка*, а омонимичное название другого объекта (город в Узбекистане) *Ханка* [1: 776]. То же самое можно сказать о разном ударении в омонимичных названиях населенных пунктов разных регионов страны: *Берёзовка* (во многих районах России) и *Березовка* (на Украине), *Речица* в Приморье и *Речица* в Белоруссии и т.п. Подобные явления относятся к вариантам одного слова проблематично, скорее это омоформы. Поэтому объектом рассмотрения вариантов ударений топонимии Приморья (как и других типов вариантов) будут только варианты названий одного и того же объекта.

Фонетико-акцентные варианты, как уже говорилось, связаны с устной речью и часто просто незнанием правильного (или даже привычного для данной территории) ударения, да и норматив для топонима не всегда возможно определить, а в словарях и справочниках региональные топонимы в большинстве своем не отражены. Поскольку привычные для центра

России ударения в омонимичных топонимах могут отличаться от местного произношения, нормативным все же следует, на наш взгляд, считать именно местное произношение, т.е. традиционно сложившееся для данной территории (назовем его *местной нормой*).

В произношении названий географических объектов Приморья встречаются следующие акцентные варианты топонимов: *Адо* (предположительно правильный вариант, т.к. у этого названия есть фонетико-орфографический вариант *Ада*, что свидетельствует о безударности последнего слога) и *Адо* (из речи туристов); *Амга* (русифицированное название реки *Амгу*) и *Амга* (тяготение к произношению иноязычных названий на конечный гласный с ударением на нем, что поддерживается и официальным названием *Амгу*); *Амба-Бира* и *Амба-Бира* (под влиянием других топонимов с компонентом *бира*), *Ауровка* и *Ауровка* (из-за неясности этимологии); *Бамбурово* и *Бамбурово* (от фамильный топоним, ударение в фамилии *Бамбуров* неизвестно или малоизвестно); *Берёзовка* и *Березовка* (украинизм); *Бурачок* и *Бурачек* (от фамильное название сопки во Владивостоке, в честь одного из основателей города лейтенанта Е.С. *Бурачка*, вариантность вызвана старым написанием суффикса –ёк, который без точек стал восприниматься как –ек и произноситься без ударения); *Варпаховка* (от фамилии А.А. *Варпаховского*) и *Варпаховка*; *Веденка* (от *Введение*, церковный праздник) и *Веденка*; *Вербовка* (от *верба*, ср. *Вербное*) и *Вербовка* (от *вербовать*, народная этимология); *Гайворон* и *Гайворон*; *Дальзаводское* и *Дальзаводское* (от *Дальзавод*); *Данильченково* (от фамилии *Данильченко*) и *Данильченково*; *Ильмовка* и *Ильмовка*; *Кролевицы* и *Кролевицы* (украинизм); *Кугуки* и *Кугуки* (от фамилии); *Лукино* и *Лукино*; *Перетино* и *Перетино*; *Пожига* (от *пожиг* – выжженное под пашню место в лесу) и *Пожига*; *Ромны* (аналогия с *Ровно*) и *Ромны* (украинизм, хотя А.В. Суперанская [9: 320] именно его считает нормативным, а первый вариант окказиональным); *Ястребовка* (поддерживается русским апеллятивом *ястреб*) и *Ястребовка* (А.В. Суперанская считает именно этот вариант нормативным [9: 359]: и действительно, в украинских названиях населенных пунктов на –овк(а) ударение часто переносится на суффикс (*Березовка*, *Раковка*), а в населении Приморья значительную

долю составляют украинские переселенцы. Многие варианты, как понятно, возникают просто от незнания нормы, которая никем и не регламентируется, т.к. официальные справочники, как правило, ударений не приводят. Незнание правильной постановки ударения ведет не только к акцентной вариантности, но и к фонетико-орфографической и морфологической, т.к. провоцирует неверное написание в безударном слого (Бурачок – Бурачек) и – как результат – неверное словоизменение (Бурачка / Бурачека), а зачастую – при затемненной этимологии – и к семантическому переосмыслению топонима (Вербовка – Вербовка – «тут вербованные живут»: из объяснения информанта).

2. ФОНЕТИКО-ОРФОГРАФИЧЕСКИЕ ВАРИАНТЫ

Орфографические варианты (кроме ошибок) именам нарицательным не свойственны. В собственных же именах они встречаются сплошь и рядом, в том числе и в топонимах (Елань – Ялань), что обусловлено прежде всего особенностями фонетической системы (например, редукцией гласных в безударных слогах), диалектами, заимствованиями и сменой норм. Сюда относятся, следовательно, варианты разного написания одного и того же топонима.

Орфографические варианты топонимов следует разделить на два вида: **фонетико-орфографические** и **собственно орфографические**.

Фонетико-орфографические варианты заключаются в различии буквенного выражения их фонетического состава, преимущественно в корне слова. Они обусловлены фонетическим строем русского языка, часто отражают иноязычное, местное или диалектное произношение. Причинами таких вариантов может быть и незнание этимологии названия, народная этимология (переосмысление). В определенных случаях разное написание обусловлено разным ударением, что уже рассматривалось (Бурачек – Бурачок).

Часто в топонимах Приморья встречается вариантность написания безударных гласных А/О: Ада – Адо (река и село), Адарка – Одарка (станция и река), Галенки – Голенки (село), Дамашлино – Домашлино, Катково – Котково, Казакевичи – Козакевичи, Новохатуничи – Новохотуничи. Единичный случай мены ударных А/О связан, естественно, с переосмыслением

исходного апеллятива: Богословка (божье слово) и Богославка (божья слава). Реже наблюдается мена других гласных – Е/И: Адеми – Адими, Сидеми – Сидими (удэгейские названия), Реттиховка – Риттиховка (от фамилии Риттих), Бельмановка – Бильмановка; И/Ы: Кишмишево – Кишмишево (кишмиш), Лимычева – Лимичева, У/А: Амгу – Амга (русифицированный вариант).

Мена согласных представлена единичным случаем: С/З (Арзамасовка – Арзамазовка).

Нередко встречаются варианты написания с удвоенными согласными в корне: Пуциловка – Пуцилловка (от фамилии Пуцилло), Федевка и Фаддеевка (от имени Фаддей), Аненка и Анненка (от Анна), Маковеевка и Макковеевка, Тетюхе и Тетюххе и др.

Отдельно следует сказать о вариантах написания О/Е в суффиксах –ово/-ево после шипящих: Лукашовка – Лукашевка, Камышовка – Камышевка, Кишмишовка – Кишмишевка, Меркушовка – Меркушевка и под. Второй вариант встречается на старых картах и свидетельствует об изменении нормы. Характерно, что произносятся эти названия одинаково, т.е. ударение при этом не меняется, а Е осознается как Ё, хотя в отдельных случаях старое написание, как уже отмечалось, может привести и к акцентной вариантности (Лукашевка, Кишмишевка). Однако именно наличие подобных вариантов написания помогает установить и правильность ударения: поскольку на новых картах все подобные названия стали писаться с буквой О, то она (в соответствии с правилами) должна быть ударной, значит и на старых картах следует читать эти названия с ударением на суффиксе.

Собственно орфографические варианты топонимов связаны с изменением правил написания и касаются сложно-составных названий. По действующему положению варианты подобного типа следует исправлять в соответствии с Правилами русской орфографии. Например, второй компонент составных названий типа бухта Золотой Рог должен писаться с прописной буквы, даже если это бывший географический термин (село Красная Поляна, Белая Церковь, Соловей-Ключ, город Большой Камень, Камень-Рыболов). Вариантные написания второго компонента со строчной буквы на карте или в письменном отправлении следует признать ошибочными. Тем не менее,

именно здесь встречается больше всего нарушений. Так, в название реки *Первой* давно уже вошел как составной второй компонент *Речка*, и оба компонента должны писаться с большой буквы (р. *Первая Речка*), что закреплено в справочниках и на картах, однако иногда все же встречается и ненормативный (устаревший) вариант *Первая речка*. Нередко подобные написания встречаются и на современных картах (с. *Верхний перевал*, пос. *Кедровая падь*, *Сад-город*, *Соловей-ключ*).

То же касается и положения о слитных и дефисных написаниях. По старым нормам правила как раз требовали дефисного написания таких названий (они касались названий населенных пунктов с начальными компонентами *Ново-*, *Старо-*, *Верхне-*, *Нижне-* и т. п.): *Ново-Гордеевка*, *Старо-Варваровка*, *Верхне-Бреевка* и др. Впоследствии написание подобных топонимов было унифицировано как слитное, что и является современной нормой (*Новогордеевка*, *Новопокровка*, *Новокиевское*, *Староварваровка*). Тем не менее, вариантность в слитном или дефисном написании наблюдается до сих пор даже на страницах местной печати, например: «*Затоплены улицы в селе Ново-Михайловка*» (АиФ-Прим, 21 / 05) и тут же: «*Повреждено 18 мостов на автодороге Новопокровка – Пластун*».

Обусловлено правилами орфографии и написание топонимов, включающих служебные слова, особенно иноязычных. В некоторых публикациях (и на старых картах) можно встретить написания, противоречащие современной норме (п-ов *Дефриз* – *де Фриз* и *Де-Фриз*, мыс *Дегера*, *де Гера* и *Де-Гера*). В соответствии с правилами, нормативным считается дефисное написание с прописной буквой в каждом из компонентов: *Де-Фриз*, *Де-Гера*.

В некоторых случаях в качестве нормативного может традиционно закрепиться вариант, противоречащий правилам, который и следует принять. Например, топонимы, включающие приложения, согласно правилам, имеют дефисное написание, как и соответствующие имена нарицательные (*Сад-Город*, *Камень-Рыболов*, *Морьяк-Рыболов*), однако в Приморье традиционным стало слитное написание названия пригорода Владивостока (*Садгород*), которое и следует признать правомерным, хотя и исключением [б.: 52]. То же касается и вариантности написания сложного топонима *Норд-Ост* –

Нордост. Возможно, здесь повлияла унификация написания сложных названий с *Ново-*.

3. СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ВАРИАНТЫ

Словообразовательные варианты представлены меной словообразующих средств (преимущественно суффиксов). Наиболее часто встречается мена суффиксов существительных **-ов(о)**, **-овк(а)** или прилагательных **-н-**, **-ов-**, **-ск-** и суффикса **-к(а)**.

Примеры: *Андреево* – *Андреевский* – *Андреевка*, *Атамановский* – *Атамановка*, *Астраханская* – *Астраханка*, *Барановский* – *Барановка*, *Богословский* – *Богословка*, *Вознесенка* – *Вознесенка*, *Виноградное* – *Виноградовка*, *Кировский* – *Кировка*, *Кедровый* – *Кедровка*, *Корсаковское* – *Корсаковка*, *Малиново* – *Малиновка*, *Надеждинское* – *Надеждинка* и мн. др.

Это самая многочисленная группа вариантов. Реже встречается мена других суффиксов: *Бессарабия* – *Бессарабка*, *Лифляндская* – *Лифляндия*.

Причин несколько. Первая – универбация (стяжение) в разговорной речи, в которой официальное название изменяется даже при его хорошей известности (например, село *Таежное* за станцией Кипарисово все дачники Владивостока называют *Таежкой*, хотя и видят официальное название написанным правильно на въезде в село). Однако образцом служат и официальные названия сельских населенных пунктов на **-к(а)** – эта модель в них наиболее принята (та же *Таежка* в другом районе). Эта же модель преобладает и в названиях рек (часто перенесенных с названий сел), как в официальных названиях, так и в разговорной речи (*Алмазная* – *Алмазовка*, *Косогорная* – *Косогорка*, *Фроловский* – *Фроловка* и др.).

Вторая причина – историческая: унификация названий сельских населенных пунктов по определенной модели. Так произошла замена названий казачьих поселков и станиц на **-ский**, **-ская** «крестьянской» моделью: *Платоно-Александровский* – *Платоно-Александровка*, *Полтавская* – *Полтавка*, *Корфовский* – *Корфовка*, *Монакинский* – *Монакино*, *Нестеровский* – *Нестеровка* и мн. др. Поэтому на картах встречается то один, то другой вариант написания. Это причина социально-идеологическая, и вариантность предопределена административно.

Третья причина – замена менее продуктивной словообразовательной модели на более

продуктивную. Так названия населенных пунктов на **-ов(о)** почти все исчезли на картах, заменившись постепенно более продуктивной моделью на **-к(а)**: *Милоградovo – Милоградoвкa, Комиссаровo – Комиссарoвкa, Васильковo – Василькoвкa, Фурмановo – Фурманoвкa* и др.

Сказанное касается только названий населенных пунктов сельского типа и некоторых рек, которые были переименованы в 70-е годы по селам сразу по образцу названий на **-к(а)**: *Арсеньевкa, Абрикосовкa, Кипарисовкa* и т.п., хотя форма прилагательного для них более естественна. Поэтому вариантность у гидронимов наблюдается только тогда, когда официальное название существует в форме прилагательного, а вариант на **-к(а)** рассматривается как разговорный: *Лиановая – Лиановкa*. Названия городов и поселков тоже изменялись, но по другой, «городской» модели – на **-ск**: *Дальнегорск, Дальнереченск, Никольск-Уссурийский – Уссурийск, Ново-Качалинская – Ново-Качалинск* (который в народе называют просто *Качаловкой*) и др. Ср. также варианты *Хорольское – Хороль – Хорольск*.

В некоторых случаях сыграло роль сокращение слова за счет конечных морфем: *Богополье – Богополь, Алексеево-Никольское – Алексее-Никольское – Алексей-Никольск, Алтайское – Алтай, Крещеновка – Крещенка, Камышовский – Камышовый, Новороссийское – Новороссия*.

Наблюдаются единичные случаимены топонима с **-ово** на топоним с **-и** (мн.ч.): *Кугуково – Кугуки, Казакевичево – Казакевичи, Николо-Львовское – Николо-Львовичи*.

Иногда варьирует сразу несколько словообразовательных морфем, что делает название неустойчивым: *Казакевичево – Казакевичи – Казакевичевка, Кондратенково – Кондратеновка – Кондратенка* и др.

Словообразовательный тип варьирования топонимов возникает в результате живого языкового развития отдельного названия в окружении местной топонимической системы. На картах, в справочниках, в литературных (научных, художественных и др.) источниках, на страницах местной периодической печати широко представлены самые разные случаи подобного процесса.

4. МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ВАРИАНТЫ

Морфологические варианты топонимов Приморья имеют несколько разновидностей.

Они связаны либо с меной формы грамматического рода (варьирование родовых окончаний у топонимов-прилагательных), либо с меной формы числа (мн. – ед.), реже – падежной формы.

Наиболее многочисленны морфологические топонимические варианты первой разновидности типа *Алексее-Никольский – Алексее-Никольское*.

Окончание топонимов – не простой вопрос, которому, к сожалению, мало внимания уделяют картографы и составители официальных справочников. Однако в оформлении топонимов все же сложились некоторые традиции. Это касается в первую очередь категории рода субстантивированных топонимов-прилагательных. При оформлении названия должен учитываться род номенклатурного термина, с которым и согласуется родовая форма топонима (*деревня Ивановская, село Раздольное, поселок Липовый*). Однако ориентация на согласование с грамматическим родом весьма неустойчива в названии населенных пунктов, статус которых часто меняется, а с ним и род существительного (*деревня – ж., село – ср., поселок – м.*): приходится соответственно менять и форму топонима – была *деревня Андреевская* (или *Андреевка*) – стали *поселок Андреевский* (*Андреевск*) или *село Андреевское* (*Андреево*). Так решалась проблема в русской картографической практике прошлого. В современной практике эта традиция не всегда продолжается, имеются попытки стандартизировать названия (особенно сельских населенных пунктов, а иногда и городских) по форме среднего рода независимо от статуса объекта и формы рода географического термина. Отсюда и варьирование (один говорит о *деревне Барановке*, другой – о *поселке Барановском* или *Барановское*, третий – о *станции Барановске*, имея в виду фактически один и тот же объект). Как показывает практика, старый принцип номинации все же удобнее для русского языка: приспособление названия по законам согласования, что зачастую и порождает неофициальные, но более «правильные» с точки зрения языка модели названия.

Что касается только субстантивированных прилагательных, то смена формы в зависимости от номенклатурного термина должна приветствоваться, хотя она не всегда, к сожалению, закрепляется официально (по известным

причинам, затрагивающим любые переименования). Примеры: *поселок Средняя, поселок Степное, село Соболиный, станция и поселок Угловое* (в народе говорят соответственно *Угловая* и *Угловой* или просто *Угловка*), *поселок Запроточное* (на другой карте *Запроточный*), *пос. Дальзаводское* – так на карте и в справочнике, т.к. здесь было подсобное хозяйство Дальзавода (хотя говорят и *Дальзаводской*), *пос. Дальнее*, станция *Дроздов*, *поселок Заметное* и др. Народ сам выравнивает форму, говоря: *поселок Заметный* или *село Заметное*. Данный тип варьирования подтверждается многочисленными фактами (из разных источников): *Бархатное* – *Бархатная* (станция и село), *Бурлит-Волочаевский* – *Бурлит-Волочаевская* (станция), *Береговое* – *Береговой* (поселок), *Горноводное* – *Горноводный* (курорт), *Грушевое* – *Грушевая* (село и станция), *Кирпичное* – *Кирпичный* (поселок), *Лиственное* – *Лиственная* (была деревня), *Перевозная* – *Перевозное*, *Островной* – *Островное*, *Платоно-Александровская* – *Платоно-Александровское* (бывшая станица), *Садовая* – *Садовое* и *Садовый*, *Тигровая* – *Тигровое*, *Тигровый* и *Тигровой*, *Утесный* – *Утесное*, *Ударное* – *Ударный* (пос.), *Метеоритный* – *Метеоритное* (пос.).

Иногда варьирование грамматического рода наблюдается и в несклоняемых иноязычных (составных) топонимах, в которых показателем рода является определяющий компонент: *Русское Адо* и *Расская Адо*. В иноязычных названиях с неясной этимологией варьирование формы рода зависит иногда и от орфографических вариантов (*Большой Силан* – *Большая Силань*).

Значительно реже в морфологическом варьировании топонимов встречается мена грамматической формы числа. Это обусловлено тем, что русские топонимы чаще имеют исходную форму единственного числа, реже – множественного. Для Приморья последние характерны либо в исконных названиях (*Ручьи, Поляны, Лужки, Мельники, Ключи, Лимонники, Зимники, Дубки, Долины, Гряды, Бровки*), в которых варьирования не наблюдается, либо иноязычные (*Фаташи, Адими, Унты, Унаши, Малые Куши*) или перенесенные с Украины и Белоруссии с неясной этимологией (*Галенки, Ромны, Прохоры, Прилуки, Смяличи, Лучки, Ляличи, Линевици, Кузуки, Кневичи*). Именно в некоторых из них и наблюдаются варианты

формы: *Галенки* – *Галенка*, *Брусья* – *Брусье*, *Кролевцы* – *Кролевец*, *Верхние Адими* – *Верхнее Адими*, *Нижние Сидеми* – *Нижнее Сидеми*, *Линевици* – *Линевиц*, *Казакевици* – *Казакевиц*, *Клерки* – *Клерк* и некоторые другие. Данные варианты встречаются на топографических картах разного периода и в краеведческой литературе. Скорее всего, вариантность вызвана именно неясностью значения основы и невозможностью определить род и число.

Среди морфологических вариантов встречаются и случаи варьирования падежных форм (именительного и родительного). Это касается топонимов-посвящений, когда объекты назывались именами владельцев или известных исторических лиц (маяк *Чихачева*, деревня *Кипарисова* – застывшая форма род. падежа). Такие варианты свойственны разговорной речи (*Маяк Чихачева* – *Маяк Чихачев*, *мыс Чуркина* – *мыс Чуркин*, *живу на Чуркине*). Вообще разговорные варианты топонимов требуют отдельного исследования.

5. СИНТАКСИЧЕСКИЕ ВАРИАНТЫ

Синтаксические варианты встречаются только в составных топонимах и связаны, в основном, с порядком следования компонентов: *Адо Русское* – *Русское Адо*. Первый вариант (с инверсией) встречается, в основном, в официальных справочниках и списках, требующих алфавитного расположения. Второй – на картах и в текстах – он нормативный.

В разговорной речи составные названия часто употребляются в усеченном варианте – с опущением одного из компонентов: *Большой Камень* – *Камень*, *Большие Ключи* – *Ключи*, *Вольно-Надеждинское* – *Надеждинское*, *Верхняя Бреевка* – *Бреевка*. Т. обр., в разговорной речи наблюдается тенденция к «стяжению», сокращению сложного названия, упрощению его формы, в чем проявляется принцип языковой экономии.

К синтаксическим вариантам примыкают и т.н. **морфолого-синтаксические варианты** (вернее словообразовательно-синтаксические), возникающие в тех случаях, когда названия-словосочетания переходят в сложные или сложно-составные топонимы: *Корейская Каменка* – *Коркаменка*. Они также свидетельствуют о тенденции к упрощению, свойственной разговорной речи, поэтому в них наблюдается мена словообразовательной модели, более упрощенной, чем словосочетание.

Тем не менее, упрощенные варианты названия встречаются и в официальных справочниках, и на картах (возможно, в целях экономии места). Подобное упрощение наблюдалось в топонимии Приморья и исторически, особенно в названиях с компонентами «новый» и «старый», «верхний» и «нижний», что привело к наличию следующих вариантов: *Верхние Адими – Верхне-Адими, Нижняя Янчихе – Нижне-Янчихе, Новая Девица – Ново-Девица (Новодевица), Старая Девица – Старо-Девица (Стародевица)* и под.

Таким образом, топонимические варианты – довольно распространенное явление обиходной речи, нуждающееся в специальном изучении. Изучение топонимических вариантов помогает сделать ряд наблюдений над этимологизацией и словообразованием топонимов, отметить действующие в современном русском языке тенденции в способах образования наименований и продуктивности определенных словообразовательных моделей.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агеенко Ф.Л., Зарва М.В.. Словарь ударений для работников радио и телевидения. – М., 1984.
2. Бондарук Г.Н., Комков А.Н. Об упорядочении правописания географических названий // Нерешенные вопросы русского правописания. – М.: Наука, 1974, с. 149-151.
3. Воробьева И.А. Русская топонимия средней части бассейна Оби. – Томск, 1973.
4. Глинских Г.В. Лингвистические критерии при уточнении названий населенных пунктов // Вопросы ономастики: Собственные имена в системе языка. – Свердловск, 1980, с. 14-28.
5. Граудина Л.К., Ицкович В.А., Катлинская Л.П. Грамматическая правильность русской речи: Опыт частотно-стилистического словаря вариантов. – М.: Наука, 1976.
6. Киселева М.О. Варианты употребления топонимов г. Владивостока // Исторические названия – памятники культуры. Приморская краевая научно-практическая конференция. 26-29 мая 1992 г. – Владивосток, 1992, с. 47-54.
7. Левашов Е.А. Географические названия. Словарь-справочник. СПб., 2000.
8. Рубцова З.В. Типы варьирования в белорусской и русской топонимии (к вопросу о поисках нормы) // Ономастика. Типология. Стратиграфия. / Отв. ред. А.В.Суперанская. – М.: Наука, 1988.с. 52-64.
9. Суперанская А.В. Ударение в собственных именах в современном русском языке. – М., 1966.
10. Ухмылина Е.В. Варианты названий населенных пунктов Горьковской области // Ономастика Поволжья 2. – Горький, 1971, с. 217-220.

Ю.А. Гунько, О.В. Лыс
 Дальневосточный федеральный университет
 г. Владивосток, Россия

Yu.A. Gunko, O.V. Lys
 Far Eastern Federal University
 Vladivostok City, Russia

«РЫБА & ХЛЕБ», ИЛИ МАЛЫЕ ГОРОДА ПРИМОРСКОГО КРАЯ В ЗЕРКАЛЕ ТЕКСТОВ МАЛЫХ ПИСЬМЕННЫХ ЖАНРОВ

«FISH & BREAD» OR SMALL TOWNS OF PRIMORSKIY REGION IN THE MIRROR OF SMALL WRITTEN GENRES TEXTS

В статье представлены некоторые результаты исследования, посвящённого вопросам отражения социально-экономических условий существования малых городов Приморского края в текстах малых письменных жанров.

Ключевые слова: *тексты малых письменных жанров, малые города Приморского края, сознание носителей языка.*

The given article presents some results of the research devoted to the problems of social and economic conditions reflection of people living in small towns of Primorskiy region in the short story genres texts.

The key words: *texts of small written genres, small towns of Primorskiy region, consciousness of native speakers.*

На кафедре русского языка как иностранного Института русского языка и литературы ведётся работа по созданию электронной базы данных «Живая речь дальневосточников», куда, наряду с текстами устной речи, входят и тексты малых письменных жанров, так как они не в меньшей степени отражают как уровень языковой и речевой культуры, так и уровень сознания и самосознания носителей языка. Данные тексты в определённой мере свидетельствуют о том, как носитель языка (владелец магазина, ресторана, компании и др.) позиционирует себя в глазах общества, как ему хотелось бы выглядеть, быть воспринятым другими.

Материалом для исследования послужили тексты малых письменных жанров таких городов Приморья, как Дальнереченск, Большой Камень и посёлка Лучегорск.

Город **Дальнереченск** был основан в 1894 году, численность населения – около 28000 человек; находится недалеко от границы с КНР. До 1972 года город назывался Иман, переименование произошло в результате кампании по ликвидации китайских названий на Дальнем Востоке, ставшей следствием

советско-китайского вооружённого конфликта на острове Даманском в 1969 году. Город **Большой Камень** расположен на берегу Уссурийского залива Японского моря, основан в 1947 году; население – 39 000 человек. **Лучегорск** – посёлок городского типа, административный центр Пожарского района, основан в 1966 году. Лучегорск – самый крупный на Дальнем Востоке населённый пункт, не имеющий статуса города; численность населения – 22 000 человек, это примерно соответствует численности небольшого города, что позволяет нам отнести его к числу малых городов.

Анализ собранного материала позволяет нам говорить о некоторых тенденциях в представлении своих магазинов, компаний жителями малых городов Приморья (имядателями). Первое, что обращает на себя внимание, это преобладание наименований с использованием личных имен (в основном, женских): «Мария», «Анюта», «Ирина», «Юлия», «Елена», «Виктория», «Татьяна», «Галина», «Нина», «Дарья», «Гуля», «Ксения», «Ксюша», «Валерия», «Натали», «Захар», «Роман», «Ева», «Изабелла», «Эмилия». Обилие данного способа номинации отражает следование общей, уже

устаревшей в крупных городах, тенденции и некоторую стереотипность мышления, что не позволяет адресанту привлечь внимание адресата нехарактерным для данного населенного пункта названием. Одним из ярких примеров стандартности мышления имядателя являются наименования типа «Роман1» и «Роман2» (название магазинов в Лучегорске). С другой стороны, возможно, в этом случае проявляется желание хозяина подчеркнуть, что у этих магазинов один хозяин.

Не менее типичным для названий магазинов в малых городах является использование прямых номинаций информативного типа: «Продукты», «Хозтовары», «Обувь», «Парфюмерия», «Ювелирные изделия и бижутерия», «Книги», «Строймаг», «Проммаг», «Аптека», «Оптика». Нередко надписи информативного типа дополняют основное наименование, раскрывая ассортимент предлагаемых товаров: «Василина Женская одежда. Лаки. Краски»; «Твой Джинс Джинс. Трикотаж. Верхняя одежда. пр-во Россия». Для маленьких магазинчиков, расположенных на территории городского рынка, такой способ представления магазина покупателям является основным. Причем, «имя» магазина здесь графически значительно уступает перечню ассортимента: «Продукты «Солнышко» КОЛБАСЫ. ЯЙЦО. МЯСО». На рынке название магазина довольно часто отсутствует и его заменяет перечень предлагаемых товаров: «Рыба & хлеб»; «Окорока. Мясо. Колбасы»; «Мясо. Колбасы. Окорока»; «Сыр. Масло. Чай»; «Корма. Мука. Крупы» (Крупы, корма, сахар масло); «Колбаса. Мясо. Продукты питания»; «Окорока. Куры. Сухофрукты. Печенье. Конфеты». Таким образом, можно говорить о том, что владельцы магазинов при представлении своего магазина в большей степени полагаются не на эстетическую функцию, а на информативно-функциональную направленность текстов вывесок.

Подобный подход к выбору названий городских объектов существовал и в советский период нашей истории. Некоторые названия, характерные для того времени, практически в неизменном виде сохранились во многих малых городах и в настоящее время: «Магазин № 61. Товары повседневного спроса»; «Дальнереченское РАЙПО. Магазин • 10»; магазин «Кооператор»; «Книги»; «Спорттовары»; «Городские бани». Практически во всех городах

Советского союза можно было встретить магазин «Ветеран»; ремонт обуви «Каблучок»; ремонт часов «Кварц»; кафе «Ручеек»; кафе «Снежинка»; детский сад «Родничок»; «Солнышко», эти названия до сих пор активно используются во всех малых городах. Однако очевидно, что в отличие от крупных городов, где возвращение к старым именованиям зачастую носит игровой характер, в малых городах эти названия либо просто сохранились до сих пор («Дальнереченское РАЙПО. Магазин • 10»), либо даны по привычному стандарту. Также на улицах малых городов все еще можно встретить объявления о проведении культурно-массовых мероприятий, выполненные в «советском» стиле.

К частотным также можно отнести номинации с элементами «Мир» и «Всё»: «Мир книги», «Мир окон», «Мир подарков», «Мир штор», «Мир игрушек», «Мир детства», «Мир кино и музыки», «Винный мир», «Зоомир», «Всё для Вас», «Всё для мужчин», «Всё для детей», «Всё для волос», «Всё Jeans», «Всё для тракторов». Необходимо отметить несоответствие данных названий площади самого магазина и ассортименту товара указанной в названии категории (к примеру, «Миром книг» назван небольшой книжный киоск, «Винным миром» – обычный продуктовый магазин с минимальным набором алкогольной продукции). Возможно, это объясняется желанием следовать тенденциям именования объектов в крупных городах вопреки реальным возможностям и потребностям. С другой стороны, популярность данных моделей может быть обусловлена желанием хозяина привлечь внимание покупателя, представляя свой магазин/компанию как место самого широкого выбора данных товаров. Подобные несоответствия прослеживаются и в названиях типа «Дом мебели», «Автогалактика», «1000 мелочей», «Империя роз», «Планета здоровья».

Не менее частотной моделью номинации объектов является модель с использованием местоимения 2 лица мн.ч. «Вы» и местоименного прилагательного «Ваш»: магазины «Ждем Вас»; «Цветы для Вас»; «Всё для Вас»; парикмахерская «Ваш стиль». Прилагательное «Ваш» активно используется и в рекламных текстах, сопровождающих название городских объектов: магазин «Кроха» – «Всё для Вашего ребенка»; оптика «Для Ваших прекрасных глаз»; рекламный щит «Качественные спиртные напитки к

Вашему столу». Включение данных языковых элементов в тексты позволяет адресанту продемонстрировать свою близость адресату посредством вхождения в личное пространство последнего. Необходимо отметить, что использование местоимения «ты», создающего у адресата иллюзию непосредственного, исключительного отношения лично к нему, нехарактерно для текстов малых городов, хотя оно активно используется в текстах крупных городов и телевизионной рекламе. Возможно, это связано с тем, что процесс либерализации отношений в крупных городах происходит быстрее и активнее, чем в малых. И подтверждением этого является тот факт, что единственный пример использования местоимения «ты» в рекламном тексте встретился нам не в текстах, созданных местными компаниями, а в тексте крупного сетевого магазина: «*Обувь Francesco Donni. ЭТО не для них – это ДЛЯ ТЕБЯ!*».

Как правило, в малых городах России отсутствуют крупные торговые компании, имеющие сеть магазинов по всей стране. Желание восполнить этот «пробел» и привлечь покупателя известной и престижной маркой приводит к появлению номинаций типа «*Лэтуаль*» или «*Пятерочка*» у объектов, не имеющих никакого отношения к известным маркам и не соответствующих им по уровню: «*Пятерочкой*» назван киоск на рынке, «*Салоном красоты «Лэтуаль*» – устаревшая районная парикмахерская.

Скорее всего, установкой на демонстрацию социальной престижности магазина или компании (что автоматически повышает статус воспользовавшегося этими услугами, или обладателя этих товаров) можно объяснить факты использования заимствованных и иностранных слов в текстах названий: «*Евродом*»; «*Dent мастер*», «*Витадент*»; «*Бутик 20. «Время*

шопинга». *Посуда от мировых производителей*; «*Реал такси*» *В лучших традициях европейского сервиса*; *автомагазин «Хайвэй*». В определённой степени в подобных названиях также присутствует воображаемая, притягательная, но достижимая только в слове реальность

Зачастую стремление к престижности и оригинальности приводит к довольно странным названиям и сопутствующим текстам: *магазин «Маркет*»; *магазин «Офелия. Мясо, птица*; *магазин «Леди – Шарм» – Большие размеры 58 – 68*, «*Рыба & хлеб*», *магазин промышленных товаров «Грааль*», *круглосуточный продуктовый магазин «Голиаф*». Подобные соединения, скорее всего, вызваны незнанием точного значения заимствованных слов, ситуаций их употребления, а также смутным представлением о прецедентном тексте, к которому апеллирует данное прецедентное имя.

В то время как в больших городах при выборе названий городских объектов активно используются различные приемы языковой игры, обращение к образно-ассоциативным связям, в малых городах подобный способ номинации встречается не столь часто: *магазин обуви «Сороконожка*»; *компания по доставке воды «Водовозoff*», *ювелирный магазин «Таис» со слоганом «Дорогим людям дорогие подарки*», *зоомагазин «Айболит*», «*38 попугаев*», *магазин стройматериалов «Данила Мастер*», *магазин для детей «Алиса*», *комиссионный магазин «Поле чудес*».

Расширение электронной базы текстов малых письменных жанров позволит более точно определить особенности их функционирования в населённых пунктах различного административного статуса и выявить динамику использования приёмов и средств при создании подобных текстов.

Т.И. Петрова, В.И. Петрова

*Дальневосточный федеральный университет
г. Владивосток, Россия*

T.I. Petrova, V.I. Petrova

*Far Eastern Federal University
Vladivostok City, Russia*

ОСОБЕННОСТИ РЕЧИ РУССКИХ СТУДЕНТОВ В УСЛОВИЯХ ЯЗЫКОВОЙ СТАЖИРОВКИ В КИТАЕ

THE SPEECH PECULIARITIES OF THE RUSSIAN STUDENTS IN A SITUATION OF LANGUAGE TRAINING PRACTICE IN CHINA

В статье рассматривается специфика речи русских студентов, продолжительное время находящихся на языковой стажировке в Китае. Анализируются функции слов китайского языка в русской речи, а также различные типы китаизмов, используемые студентами. Особое внимание уделяется китайским прецедентным феноменам в речи студентов.

Ключевые слова: *язык русского зарубежья, билингвизм, иноязычные заимствования, слова-гибриды, прецедентные феномены.*

The article researches the specific peculiarities of the Russian students speech a situation of a long-term language training practice in China. The function of the Chinese words in the Russian speech and different types of the words borrowed from the Chinese language used by students. Considerable attention is paid to the Chinese precedent phenomena in students speech.

The key words: *the Russian language abroad, bilingualism, foreign borrowings, hybrid words, precedent phenomena.*

В новых условиях межнационального общения – условиях «открытого мира» – появляются и новые горизонты лингвистических исследований. В частности, в отечественной социолингвистике последних лет все более активным становится интерес к бытованию русского языка за пределами России. По замечанию Ю. Н. Караулова, «русский язык зарубежья представляет собой необозримую и сложную тему – как в силу своего жанрово-стилевого и функционального разнообразия, так и в силу его территориального варьирования в зависимости от того или иного инонационального окружения» [2]. Актуальность данной проблемы усиливается и таким фактором, как расширение круга «объектов изучения» – носителей русского языка за рубежом. Причем, по словам Е. Протасовой, широко колеблются сроки их пребывания за пределами России и цели, с которыми они оказались за рубежом, различаются их языковые биографии, а также «исходный уровень владения русским языком (включая региональные

варианты русской речи и сочетание с владением иными языками)» [3]. Следует отметить, что до недавнего времени исследования языка русского зарубежья проводились исключительно на материале западной эмиграции¹. Описание же особенностей речи носителей русского языка в странах Юго-Восточной Азии пока представлено лишь в единичных работах².

¹ Результаты первых лингвистических исследований, посвященных формам существования русского языка за рубежом (в Германии, Франции, Канаде, США, Италии, Финляндии), наиболее полно представлены в двух монографиях: *Язык русского зарубежья: Общие вопросы и речевые портреты* / Отв. ред. Е. А. Земская. – М.; Вена: Языки славянской культуры: Венский славистический альманах, 2001. – 496 с. и *Русский язык зарубежья* / Под ред. Е. В. Красильниковой. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 344 с.

² Проблемам функционирования русского языка в восточном зарубежье посвящены, в частности, статьи Е. А. Оглезневой, исследующей специфику речи русских эмигрантов в Харбине (например: Оглезнева Е. А. *Русский язык в восточном зарубежье: о причинах высокого уровня сохранности* // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Вып. 6. – Благовещенск: Амурской гос. ун-т, 2008. – С. 6 – 21). Кроме того, в одной из работ А. А. Хаматовой рассматривается использование китаизмов как специфическая особенность речевого поведения русских, длительное время находящихся в Китае (Хаматова А. А. О влиянии

Объектом нашего исследования является речь русских студентов-китаистов, продолжительное время находящихся на языковой стажировке в Китае. Материалом для наблюдения послужили записи речи русских студентов, в течение года стажировавшихся в Чжэцзянском педагогическом университете. В условиях стажировки они оказались членами особой социальной группы, которую составили студенты, прибывшие из разных стран. Признаком единства группы в данном случае следует считать прежде всего такие характеристики, как общая деятельность и непосредственный личный контакт, а также инациональность (относительно Китая). Специфической особенностью группы является ее многоязычность (среди стажеров оказались носители русского, английского, французского, немецкого, чешского, польского, арабского и других языков), вследствие чего возникает необходимость общего для членов группы языкового кода. Его функцию выполняли английский и китайский языки, которыми (наряду с родным) владели почти все стажеры. Таким образом, основу коммуникации составило кодовое переключение как проявление билингвизма членов группы.

Речевой репертуар русских студентов включал три языка: русский, английский и китайский, использование которых определялось конкретной коммуникативной ситуацией. При этом, независимо от ситуации, проявилась следующая закономерность: по-русски студенты из России говорили, общаясь между собой, а также с украинскими стажерами, для которых русский язык был родным; английским языком пользовались в общении со студентами из США, Канады и европейских стран; китайский язык был средством коммуникации не только с его носителями, но и со студентами-иностранцами, не владеющими английским языком (в основном, студентами из стран Африки).

Безусловно, в ряде случаев неизбежным было переключение исключительно на китайский язык: в общении с китайскими студентами, преподавателями и обслуживающим персоналом в университетском кампусе, а также в различных ситуациях городской коммуникации (в магазинах, на рынке, в кафе, банке, городском транспорте и т. п.). Однако и в родной

речи студентов-стажеров обнаружилось многочисленные факты китайских заимствований как результат продолжительного межъязыкового взаимодействия. Как показали наши наблюдения, слова-китаизмы в речевом общении русских студентов использованы в двух функциях: номинативной и экспрессивной.

Номинативную функцию выполняют китайские слова, необходимые для обозначения окружающих реалий в условиях языковой стажировки; они свидетельствуют об усвоении студентами различных сторон жизни страны изучаемого языка. Такие заимствования, чаще всего, называющие реалии, отсутствующие в России, можно разделить на несколько тематических групп:

- названия блюд национальной китайской кухни: **баоцзы** «пресные пирожки» (*Они ходили к китайцам готовить баоцзы*); **маньт(х)оу**¹ «пресные пампушки» (*У нас кто-то из морозилки маньт(х)оу утащил*); **юэбины** «лунные пряники» (*Китайка юэбинами угостила*); **т(х)анц(х)улицзи** «свинина в кисло-сладком соусе» (*Мы в «Чунцине» всегда т(х)анц(х)улицзи заказываем*); **хот(х)уй** «копченый свиной окорок» (*Китайцы на праздники всегда с хот(х)уями едут. – Ну еще бы! Это же их т(х)эч(х)ань*²) и много других;
- названия некоторых фруктов: **мугуа** «папайя»; **янмэй** «восковница»; **йоуцзы** «памело»; **холунго** «фрукт дракона»;
- названия некоторых видов транспорта: **дунч(х)э** «современный скоростной поезд» (*Ехали в Шанхай на дунч(х)э*);
- названия реалий университетской жизни: **баньгунши** «офис для иностранных студентов, деканат» (*Зайдем в баньгунши, узнаем о стипендии*); **гунъюй** «часть общежитских корпусов, объединенных по какому-либо признаку» (*У ворот в наш «Цимин» гунъюй*) («Цимин» – имя собственное, название конкретной части жилых корпусов кампуса); **луньвэнь** «квалификационная работа» (*Она сейчас занята, луньвэнь пишет*).

Использование большинства приведенных заимствований носит «вынужденный»

китайского языка на речь русских граждан, проживающих в Китае // Россия – Восток – Запад. Проблемы межкультурной коммуникации: материалы 3-ей международной научной конференции. – Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2007. – Ч. 1. – С. 125-128).

¹ Здесь и далее знаком (х) показываем особое произношение придыхательных согласных: студенты-китаисты, используя в русской речи китайские заимствования, сохраняют их фонетические особенности.

² т(х)эч(х)ань – особая продукция, характерная для той или иной местности; в данном случае имеется в виду мясной деликатес, которым славится город Цзиньхуа, где находится Чжэцзянский педагогический университет.

характер, так как является следствием существующих в русском языке лакун. Следует сказать и о том, что китайские слова, попадая в русскую речь, могут претерпевать фонетические и грамматические изменения. Прежде всего, проявляется влияние русской грамматики: китаизмы в русской речи приобретают формы словоизменения (склоняются, как правило, китаизмы, оканчивающиеся на согласный: *луньвэнь* – *луньвэня* – *луньвэнем* и т.п.). Так, в университетском кампусе для названия Северных ворот используется китайский аналог *Бэймэнь*, преобразованный в *Пэймэн*, причем склоняемый (*Фрукты покупаем на Пэймэне*), аналогичное преобразование происходит с названием Южных ворот: *Наньмень* → *Наньмэн* (*Я на Наньмэне посылку отправила*); причем подобные номинации в речевом общении студентов выполняют функцию микропонимов, называя часть территории кампуса вблизи одноименных ворот. Склоняемыми становятся и различные названия городских объектов (имена собственные): *В «Шидае» покупали («Шидай»* – название небольшого супермаркета рядом с кампусом); *Пирожные из «Мэйжаня»?* (*«Мэйжань»* – название часто посещаемой студентами кондитерской). Такие номинации могут стать и производящими для прилагательных: *Мне мэйжаньский кофе нравится*.

Среди китайских заимствований, выполняющих номинативную функцию, наблюдается явление, которое исследователи языка русского зарубежья определяют как слова-гибриды – то есть «производные с русскими аффиксами от иноязычных основ» [4, 134]. В нашем материале в качестве слов-гибридов выступают преимущественно личные номинации: *лао-шиха* ← *老师 (lǎoshī)* + *-ИХ-* («служащая баньгунши (=секретарь деканата)»); *фандунша* ← *房东 (fángdōng)* + *-Ш-* («хозяйка (арендатор) квартиры»); *шифик* ← *师傅 (shīfu)* + *-ИК-* («консьерж в жилом доме»); *юэдушник* ← *阅读 (yuèdú)* + *-НИК-* («преподаватель аналитического чтения»); *куайдишник* ← *快递 (kuàidì)* + *-НИК-* («служащий экспресс-доставки»). Суффиксы в словах-гибридах этого типа служат для выражения коннотативных значений, являясь маркером русской языковой картины мира. Чаще всего, коннотация содержит сниженную оценку (суффиксы *-ИХ(а)*, *-Ш(а)*, *-(Ш)НИК*), хотя встречаются слова-гибриды

и с положительной коннотацией (например: *Чжэцзянушка* – используемый русскими студентами вариант названия провинции Чжэцзян, где находится университет, в котором они проходят стажировку). Относительно реже слова-гибриды отмечены нами в сфере глаголов, например: *п(х)айлянить* ← *排练 (páiliàn)* + *-И-(ть)* «репетировать» (*Пойдем п(х)айлянить*).

Экспрессивная функция китайских заимствований обусловлена непринужденностью отношений между студентами, стремлением к эмоциональному выражению реакции на ту или иную ситуацию. Такое использование заимствований, по словам Е. А. Земской, основано «на языковой рефлексии, на чувстве юмора» [4].

Например: *дагайдэйсы* «приблизительный» (*Ну как тебе эта статья, понятно? – Ну так, дагайдэйсы*); *мэйбаньфа* «ничего не поделаешь» (*Думаешь, мне хочется идти на эту репетицию? Мэйбаньфа, придется идти.*). Могут возникать и гибридные выражения, соединяющие китайское заимствование и элемент русского языка, усиливающий экспрессию. Например: *Такой(ая) мафань!* (*мафань* – «проблема, неудобство, неприятность»); *Полный луань!* (*луань* – «беспорядок, безобразие»); *Такое уляо!* (*уляо* – «скука»). Обращает на себя внимание тот факт, что в подобных сочетаниях проявляется аналитизм русской морфологии: китайское слово наделяется родовым значением, выраженным формами согласующихся слов.

Оценочно-характеризующую функцию выполняют и китайские прецедентные феномены, в непринужденном общении студентов получившие широкое распространение. В условиях языковой стажировки их, как нам кажется, можно считать особым проявлением кодового переключения. В нашем материале обнаруживаются прецедентные ситуации – то есть «ситуации, имевшие место в реальности, к которым говорящие апеллируют через прецедентное имя или прецедентное высказывание» [1]; причем это прецедентность социумного уровня, так как ситуация известна студентам-стажерам, составляющим одну социальную группу. Разнообразны источники китайских высказываний, через которые осуществляется апелляция к прецедентным ситуациям.

Из речи китайских преподавателей:

говоря о требованиях к письменным работам, китайские преподаватели часто определяют объем текста, например, в «шесть тысяч иероглифов» («*шесть тысяч цзы*»), русскими студентами такое требование воспринимается как формальное, выполнять которое необязательно; используется в ситуациях, когда говорят о том, что формально необходимо сделать, но на самом деле это не будет сделано (*Пойдем в кино? – Ага, нам еще, между прочим, «луньвэнь на шесть тысяч цзы» писать (с шутливой интонацией)* – в данном случае происходит некоторая модификация высказывания: использование слова *луньвэнь*, которое усиливает экспрессивность, поскольку называет более серьезный вид работы, чем простое упражнение);

преподаватель аналитического чтения по поводу реакции студентов на слишком большое задание говорил: «*Вэньтэхи буда!*» («Не проблема!»); выражение стало очень распространенным в речи студентов данной группы (*укладывают чемоданы; вещей очень много*) *Как мы все это дотащим? – Дотащим, «вэньтэхи буда!»*).

Из речи китайских студентов:

при совместной с китайскими студентами подготовке к концерту русской студентке предложили надеть национальное китайское платье, не подходившее ей по размеру; «*Мэйгуаньси!*» («Ничего страшного!») – так «успокоили» девушку китайцы; выражение получило большую популярность, оно стало использоваться в значении «мне все равно», причем с сохранением характерной китайской интонации (*Что они там будут говорить, мне «мэйгуаньси!» Я пойду и сделаю по-своему*).

Из речи китайского персонала, обслуживающего общежитие:

русским студенткам, очень долго ожидавшим сантехников, комендант общежития повторял: «*Т(х)амэнь лай*» («Они придут»); используется в ситуациях неопределенно долгого ожидания (*Ну, и долго мне здесь сидеть? Не боись, «т(х)амэнь лай»*).

Из речи студентов-иностранцев:

в речи одной студентки из Швеции часто повторялось слово «*шуай*» («красивый мужчина»), не всегда соответствующее реальности; в речевом общении группы оно стало использоваться как ирония, причем с сохранением

в произношении свойственной этой девушке особой интонации;

«*по цунхэ*» – из речи украинских студентов, неправильно произносивших это слово (например: *Что нам задали по цунхэ?*) (вместо правильного *цзунхэ* «общий курс китайского языка») (*Не могу вспомнить, где же я видела это выражение? – Это в учебнике «по цунхэ» было*).

Представленный нами материал может быть рассмотрен в различных аспектах функциональной социолингвистики. Во-первых, он дополняет сведения об особенностях функционирования русского языка за рубежом, отражая взаимодействие русского и китайского языков. Кроме того, приведенные факты могут быть использованы при составлении речевого портрета студента-китаиста. Примечательно, что большинство китайских заимствований характеризуют речевое поведение всех студентов (носителей разных языков), находящихся на стажировке в одном из китайских университетов (например: *When are you going to ban-gongshi?*). Данное обстоятельство является следствием речевой гомогенности группы, членами которой они становятся в условиях языковой стажировки. Однако определенная часть китаизмов в речи русских студентов выявляет специфику их родного языка (например, особенности русского словоизменения, возможности выражения оценки в русском языке и др.). Таким образом, не вызывает сомнений перспективность исследования такого языкового материала; некоторого уточнения требуют и положения, представленные в настоящей работе.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гунько Ю.А. Особенности функционирования прецедентных высказываний в разговорной речи носителей русского языка: Автореф. дис... канд. филол. наук. – СПб, 2002. – 24 с.
2. Караулов Ю.Н. О языке русского зарубежья // Вопросы языкознания. – 1992. – № 6.
3. Протасова Е. Письменная речь русскоязычного зарубежья: Финляндия // Изменения в языке и коммуникации: XXI век: Сборник статей. – М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2006. – С. 225 – 246.
4. Язык русского зарубежья: Общие вопросы и речевые портреты / Отв. ред. Е. А. Земская. – М.; Вена: Языки славянской культуры: Венский славистический альманах, 2001. – 496 с.

М.Ю. Стрельцова

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
г. Владивосток, Россия

M.Yu. Streltsova

Vladivostok State University of Economics and Service
Vladivostok City, Russia

ПРОЗВИЩНЫЕ ИМЕНОВАНИЯ СРЕДСТВ ПЕРЕДВИЖЕНИЯ

NICKNAMING OF TRANSPORTATION VEHICLES

В статье анализируются типы прозвищных именовании средств передвижения с точки зрения характеристики производящей основы и способа номинации. Подобные номинации функционируют в разговорной речи как слова с перегруженной семантикой, которая включает энциклопедическую информацию о денотате.

Ключевые слова: *ономастика, прозвищные именовании, структурно-семантическая модель, экспрессивно окрашенная лексика, культурная информация, неофициальная ситуация.*

In this article the types of nicknaming transportation vehicles are analyzed from the point of view of the productive basis description and the method of nomination. Similar nominations occur in colloquial speech as words with the overloaded semantics which includes encyclopedic information about the denotate.

The key words: *onomastics, nicknames, structural and semantic models, expressive vocabulary, cultural information, unofficial situation.*

Известно, что человек пребывает в эпицентре пространства своей жизнедеятельности, а выделенные им окружающие объекты он стремится каким-либо образом обозначить, в частности назвать именем собственным. Давая определённое именование предмету, человек выделяет именно те признаки, которые с его точки зрения важны для опознания данного предмета. Каждый класс неодушевлённых предметов обладает своим, значимым для человека набором признаков.

Окружающее пространство, которое представлено материальными предметами, воспринимается человеком, отражается в его сознании, выделяется, оценивается, в результате создаётся определённый образ этого пространства. Поэтому нередко неодушевлённые предметы имеют номинативную пару наряду с официальным именованием, так называемым прагматонимом (прагматонимы – имена собственные, «имеющие денотаты в прагматической сфере человека, связанные с практикой, с предметной областью» [8: 110]). Реализация этой пары возможна лишь в условиях непринуждённого неофициального общения

коммуникантов. Эти дополнительные неофициальные именовании предметов материальной культуры мы относим к прагматонимическим прозвищным именовании (ППИ). Прозвищные именовании (ПИ) обладают следующими категориальными признаками: факультативность, вторичность номинации, неофициальность, непринуждённость, повышенная экспрессивность, мотивированность.

В данной работе мы остановимся только на определённой группе прагматонимов – названиях средств передвижения, или порейонимах [8: 108].

Такие номинации могут быть как индивидуальными (типа **Антилопа-Гну** – название автомашины из романа И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой телёнок»), так и групповыми (названия марок автомобилей **мерсьюк, Хорёк**). О промежуточном положении этого разряда ономастической лексики неоднократно писали исследователи [10: 191 и др.]. Однако нередко транспортные средства помимо официального названия могут иметь и неофициальные, которые мы относим к ПИ. Последние приближаются к оценочным наименованиям людей

(типа *медведь, сорока* и др.), которые в применении к определённому денотату переходят в разряд имён собственных.

В данной статье мы рассмотрим неофициальные названия торговых марок автомобилей зарубежного производства, особенно распространённые во Владивостоке. Интерес к ПИ таких автомашин связан прежде всего с тем, что Владивосток является одним из самых «автомобилизированных» городов России: каждый второй житель города владеет автомобилем или имеет отношение к автомобильному бизнесу. Местный автомобильный рынок предлагает самые разнообразные модели, информация о которых в виде объявлений о продаже регулярно появляется в газетах, в журналах, на владивостокских сайтах в сети Интернет. Общеизвестно, что продавец, чтобы точнее объяснить, какую именно автомашину он продает, указывает не только название модели и год выпуска, но и особые приметы, характерные признаки продаваемого автомобиля. Краткие и точные характеристики впоследствии становятся популярными и закрепляются в сознании автолюбителей как ПИ автомобилей. Подобная прозвищная лексика активно используется дальневосточниками вне зависимости от возраста, образования и рода занятий.

При образовании ПИ автомобилей в качестве производящей основы избирается проприальная (имена собственные) или апеллятивная (имена нарицательные) лексика. В связи с этим представляется возможным все ПИ данного типа разделить на две группы: отапеллятивные и отпроприальные ППИ.

1. Отапеллятивные ППИ. Среди отапеллятивных ПИ средств передвижения выделяются визуальные, в основе которых лежат признаки внешнего облика предмета, и ситуативные, возникшие в результате какого-то случая, происшествия, породившего определённую ассоциацию, отражаемую в ПИ.

1.1. Визуальные ППИ. Данные номинации весьма часто образуются за счёт метафорического переноса.

При образовании подобных ПИ в первую очередь номинатор обращает внимание на форму предмета, сравнивая её с формой какого-либо другого предмета окружающей действительности. К примеру, **Бочка** – автомобиль «Toyota Corona» 1992 – 1995 годов выпуска: «...

плотная, мясистая и, правда, бочкообразная, словно надутая изнутри» [2: 33]. Ср. *бочка* – «большой цилиндрический сосуд, чаще деревянный, с двумя днищами и обычно с немного выгнутыми боками» [7: 47].

Давая ПИ автомобилю, номинатор может сравнить его форму с формой растения, овоща. К примеру, **Баклажан** – автомобиль «Toyota Caldina», «*форма кузова которого напоминает вышеуказанный овощ*» [6]; «*Ездил я в те времена на баклажане*» [1]. Ср. *баклажан* – «огородное растение с мясистыми продолговатыми плодами» [7: 25].

Как показывает материал, апеллятивная лексика, выступающая в роли ПИ, в основном относится к названиям предметов домашнего обихода, так называемым «бытовизмам», наиболее подходящим для выражения иронического отношения к предмету речи.

Отражая в ПИ форму средств передвижения, номинатор может сравнивать автомобили и другие средства передвижения не только с предметами материальной культуры, но и с живыми существами, например, с животными: **Бегемот** – автомобиль «Toyota Camry» 1991 – 1994 годов выпуска: «... *впервые прочитав в газете объявление: «Продается «Camry» – «бегемот» 92 года», – мы несколько озадачились, но, взглянув на «грустную морду» и «пузатый» кузов этого автомобиля, сразу поняли продавца, давшего объявление*» [6]. Ср. *бегемот* – «крупное копытное млекопитающее, живущее в пресноводных водоёмах Африки» [7: 29]. Интересно, что в современных толковых словарях, как и в цитируемом, нередко прибегают не к общепринятому, а к энциклопедическим толкованиям подобных слов. Так, в «Русском семантическом словаре» [9] отмечается, что *бегемот* – это «крупное животное», и при этом – «нежвачное», «непарнокопытное», что для обывателя совсем не важно. А вот его «пузатость» не отмечена. А ведь именно этот признак положен в основу данного ПИ. Странно и то, что переносное значение этого слова не зафиксировано ни в толковых, ни в идеографических словарях [3; 9], хотя это слово регулярно употребляется как оценочный зооморфизм по отношению к человеку и, как видим, может употребляться в этой функции и по отношению к предмету.

Не только форма, но и размер средств передвижения может отражаться в ПИ. К примеру, **Корогыш** – небольшой трёхдверный джип:

«Так называют все трёхдверные джипы, кроме, пожалуй, «Nissan Terrano» [6]; Ср. *коротышка* (разг.) – «человек, ребёнок небольшого роста» [7: 275]. Нередко номинатор в ППИ, указывающих на размер предмета, обозначает именно те его характерные признаки, которые представляют определённые отклонения от стандарта, закреплённого в коллективном сознании: **Коротыш** – трёхдверный джип, в отличие от привычного пятидверного.

Функции средств передвижения также могут отражаться в ППИ с помощью метафорического переноса: **Охотник** – автомобиль «Toyota Land Cruiser» с кузовом VJ-74: «Прозвище навеяно конструктивными особенностями машины: задняя часть пластмассовой крыши с боковыми стенками снимается и получается полуоткрытый джип с кузовом, на котором, наверное, действительно удобно гоняться по полям за дикими козами» [6]. Ср. *охотник* – «тот, кто занимается поисками и преследованием зверей и птиц с целью их добычи или умерщвления» [7: 476].

1.2. **Ситуативные ППИ.** Группу отапеллятивных ПИ образуют ППИ, в которых находит отражение какая-либо ситуация, связанная с объектом номинации.

Нередко номинатор стремится указать на какую-либо особенность средства передвижения, выделить определённую деталь, которая характеризует именно этот предмет: **Батарейка** – автомобиль «Toyota Prius», помимо двигателя внутреннего сгорания, имеющий электромотор. Ср. *батарейка* – «небольшое компактное устройство для питания электроэнергией какого-нибудь прибора» [7: 28].

В основе возникновения ситуативных ПИ могут лежать какие-либо конструктивные или технические особенности средства передвижения. Именно они оказываются значимыми для номинатора при создании ПИ: **Улыбка** – автомобиль «Toyota Carina» 1992 – 1996 годов выпуска: «... у которого линия задней оптики действительно выполнена в форме улыбки» [2: 33]. Ср. *улыбка* – «мимика лица, губ, глаз, показывающая расположение к смеху, выражающая привет, удовольствие, насмешку» [7: 832].

2. **Отпроприальные ППИ.** ПИ японских автомобилей, восходящие к их официальным именованиям, образуются посредством трансформации и переосмысления заимствованного слова по образцу близкого ему по звучанию

слова русского языка, которое при этом не имеет никакой этимологической связи с первичным наименованием. Таким образом, создание ПИ японских автомобилей основывается не на внутренних семантических связях в языковой системе, а на случайном звуковом сходстве. Данный приём переосмысления заимствованного слова Л.А. Введенская и Н.П. Колесников относят к явлению псевдоэтимологии [4]. Помимо этого в ПИ японских автомобилей наблюдаются различные случаи структурно-фонетической трансформации слова.

Таким образом, ПИ японских автомобилей представляют собой случаи искусственного переименования, экспрессивной замены существующего названия автомобиля другим реальным словом, фонетически близким заменяемому, но не имеющим с ним общности в значении.

В данной подгруппе ППИ можно выделить ряд формальных разновидностей замен транслитерируемой производящей основы.

Аугментация (добавление псевдосуффикса): **Кубик** – автомобиль «Nissan Cube», «*Понравился кубик – места в нем много*» [1]; **Мячик** – автомобиль «Nissan March», «*Мячики лучше смотрятся, когда цвета интересные, понимаешь?*».

Трансегментация (замена псевдосуффиксов): **чайник** – автомобиль «Toyota Chaser», «*Сначала имя этого модного у бандитов мускулистого заднеприводного хищника производилось то чейзер, что наиболее правильно, то чазер или чайзер. В итоге прижился, как ни странно, именно последний гибридный вариант, самый неправильный из трёх. Уже от него пошло и полущутливое прозвище этой же машины – чайник*» [2: 33].

Усечение основы с заменой гласного звука: **Пыж** – автомобиль «Mitsubishi Pajero»; «*Пыж – это просто мини-танк*» [1].

Эпентеза или протеза (материальное расширение основы), иногда с суффиксацией: **Примус** – автомобиль «Toyota Prius», помимо двигателя внутреннего сгорания, имеющий электромотор, «*На примусе ездить – милое дело, столько денег на бензин сэкономил*» [1]; **Паскуда, паскудик** – автомобиль «Suzuki Escudo».

Метатеза (перестановка звуков): **Виноград** – автомобиль «Nissan Wingroad»; «*Расход у вино-*

града нормальный для авто такого класса» [1].

Как видим, в любом случае возникают различные фонетические созвучия с русскими словами: **Сайра** – автомобиль «Toyota Soarer», «... звучит вполне по-тихоокеански. Не ломать же язык столь неудобнопроизносимым английским словом, пусть оно и переводится красиво – «парящий», «паритель» («парящая сайра» – замечательно! Выведенный в Приморье новый вид летучей рыбы)» [2: 33]; **Хорёк** – автомобиль «Toyota Harrier», «Взял на Зелёнке **Хорька**» [2: 33].

Таким образом, когда человек встречает незнакомое иностранное слово, у него возникает стремление его осмыслить. Сопоставляя иноязычное слово со словами, ему хорошо известными, человек пытается понять внутреннюю форму исходного слова. Между этими лексемами, сходными внешне, не наблюдается этимологической связи. Весьма часто говорящий при создании подобных ПИ использует явление псевдоэтимологии в качестве приёма, ведущего к шутливому осмыслению слова, к каламбуру. Говоря о словообразовательной семантике, исследователи отмечают, что «юмористический эффект основан, как правило, на случайном омонимическом совпадении или паронимическом сближении двух основ» [4]. При этом, как замечает В.П. Григорьев, гласные звуки в словах могут варьироваться в максимально широких пределах, также не является обязательным совпадение порядка следования согласных звуков, но как минимум совпадение должно быть «в виде двух тождественных согласных» [5]. В этом случае образуется апеллатив (Хорёк → хорёк, Сайра → сайра, Виноград → виноград и т.п.), уже понятный носителю языка, который и положен в основу ПИ. Благодаря такому созвучию может создаваться и вариант личного имени человека: **Димон** – автомобиль «Mitsubishi Diamate». Ср. Дмитрий – Димон.

Порой при образовании отпроприального ППИ иностранного автомобиля номинатор может не вникать в тонкости фонетики иностранного языка, он «берёт» иноязычное слов в русской транскрипции: **Лехус** – автомобиль марки «Lexus»: «Гляди! Какой **лехус** едет!»; **Хайс** – микроавтобус «Toyota Hi Ace»: «Никто не назовёт его «хай-эйс», для русского языка и слуха более удобным оказалось просто **хайс**» [2: 33]; **Сафарь** – автомобиль «Nissan Safari»:

«... здесь мягкий знак, переводя слово в мужской род, сообщает подчёркнуто брутальный характер бесполому «Нисан-Сафари». Ведь это один из немногих стопроцентных внедорожников – огромный с «честной» рамой, двумя мостами, знаменитым турбодизелем, наличием понижающего ряда передач» [2: 33]. Образуюсь от иноязычного слова, ППИ как единица языка приобретает морфологическую оформленность – в данном случае в категории рода.

ПИ японских автомобилей могут создаваться и посредством усечения исходной основы иностранного официального онима с прибавлением суффикса субъективной (мелиоративной или пейоративной) оценки: -ак: **Крузак** – автомобиль «Toyota Land Cruiser»; -ик: **Лаврик** – автомобиль «Nissan Laurel», **Паджик** – автомобиль «Mitsubishi Pajero», **Эскудик** – автомобиль «Suzuki Escudo», **Прадик** – автомобиль «Toyota Land Cruiser Prado»; -ок: **марчок** – автомобиль «Nissan March»; -уш: **Маркуша** – автомобиль «Toyota Mark II»; -ух: **Маркуха** – «Toyota Mark II»; -к: **Короллка** – автомобиль «Toyota Corolla», **Санька** – автомобиль «Nissan Sunny» («суффиксы подчёркивают легковушечность и непритязательность ... этих японских «лад» [2: 33]); -юк: **мерсюк** – автомобиль марки «Mercedes-Benz» («Глянь, какой «мерсюк» поехал!» [6]); яг-, -ищ: **крауняга, краунище** – автомобиль «Toyota Crown» («А вот представительский Crown никак не назовёшь краунком, скорее – **краунягой, краунищем**» [2: 33]). При этом выбор оценочного суффикса всегда мотивирован.

ПИ японских автомобилей образуются и от аббревиатур официальных названий средств передвижения: **тээлка, тээлси** – автомобиль «Toyota Land Cruiser» (от английской аббревиатуры TLC), в том числе с суффиксацией: **биммер** – автомобиль марки «BMW», «Посмотри, какой «**биммер**» притащился!» [6].

В собранном нами материале встретилось ПИ, созданное путём калькирования: **Лесник** – автомобиль «Subaru Forester» (с англ. forester – лесник).

Таким образом, проанализировав ПИ японских автомобилей с точки зрения характеристики производящей основы, способа номинации, можем сделать следующие выводы.

ПИ японских автомобилей, образованные от имён нарицательных, создаются по определённым структурно-семантическим моделям путём онимизации на базе метафорического

или метонимического переноса наименования. С точки зрения принципа номинации отапеллятивные ППИ в свою очередь подразделяются на визуальные, с помощью которых номинатор обозначает внешний вид средства передвижения (его форму, размер, цвет, функции), сравнивая объект номинации с формой и размером предметов материальной культуры, животных, растений и др. (при этом весьма часто номинатором выбирается лексика, относящаяся к названиям предметов домашнего обихода), и ситуативные, в которых отражаются особенности транспортного средства, его детали, некоторые конструктивные и технические особенности, а также отсылка к какому-либо определённом эпизоду, случаю, связанному с денотатом.

ПИ японских автомобилей, созданные на базе имён собственных, образуются путём псевдоэтимологии и структурно-фонетической трансформации производящих слов.

ППИ представляют большой интерес для исследователей не только с точки зрения описания прозвищного материала, но и с точки зрения теоретического осмысления данной ономастической категории, так как подобные именованья могут переходить в категорию имён нарицательных, теряя при этом своё свойство индивидуализировать предметы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Автомобильный портал www.drom.ru.
2. Авченко, В. Хроники правого руля // «Новая газета» во Владивостоке. – 2009. – № 4. – С. 32 – 33.
3. Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2005. – 864 с.
4. Введенская, Л.А. Приёмы осмысления внутренней формы слова (виды ненаучной этимологии) // *Respectus philologicus*. – 2003. – № 3 (8). – Режим доступа: <http://filologija.vukhf.lt/3-8/vved.htm>.
5. Григорьев, В.П. Поэтика слова (На материале русской советской поэзии). – М.: Наука, 1979. – 343 с.
6. Корниенко, С. «Охотники» и «бегемоты» на улицах // *Золотой Рог*. – 2001. – 83. – С. 9.
7. Лопатин, В.В. Иллюстрированный толковый словарь современного русского языка. – М.: Эксмо, 2009. – 928 с.
8. Подольская, Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. – М.: Наука, 1988. – 192 с.
9. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. – Т. 1. – М.: Азбуковник, 1998. – 807 с.
10. Суперанская, А.В. Общая теория имени собственного. – М.: УРПС, 2009. – 368 с.

И.П. Шемякина
Дальневосточный федеральный университет
г. Владивосток, Россия

I.P. Shemyakina
Far Eastern Federal University
Vladivostok City, Russia

КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ В СИТУАЦИЯХ КУПЛИ-ПРОДАЖИ (НА МАТЕРИАЛЕ АВТОМОБИЛЬНОГО РЫНКА Г. ВЛАДИВОСТОКА)

THE COMMUNICATIVE STRATEGIES AND TACTICS IN SALES SITUATIONS (BASED ON VLADIVOSTOK CITY AUTOMOBILE MARKET)

Статья посвящена анализу коммуникативных стратегий, а также реализующих их тактик, используемых в ситуациях купли-продажи на автомобильном рынке г. Владивостока. Определяется зависимость выбора типа стратегии от направленности информации к участникам коммуникации.

Ключевые слова: *коммуникативные стратегии, коммуникативные тактики, коммуникативный код, ситуация купли-продажи, автомобильный рынок.*

The article focuses its attention on the analysis of communication strategies and tactics realizing them which are used in situations of sales in Vladivostok City automobile market. The choice of strategy type is determined by information direction to participants of communication process.

The key words: *communication strategies, communication tactics, communicative code, situation of sales, automobile market.*

В нашем исследовании мы рассматриваем коммуникативные стратегии и тактики на примере ситуаций купли-продажи на автомобильном рынке. Любое общение, в том числе и общение на рынке, носит стратегический характер, то есть имеет определенную цель, которая, в свою очередь, мотивируется желанием говорящего достичь посредством своих речевых действий определенных результатов. В нашем случае целью коммуникации является продажа или покупка товара.

Пояснения требуют понятия «коммуникативные стратегии» и «коммуникативные тактики», которые современными исследователями (А.П. Сковородниковым, И.Н. Борисовой, О.С. Иссерс и др.) разграничиваются.

В частности, А.П. Сковородников речевую или коммуникативную стратегию рассматривает как некий план речевого поведения, выражающийся в выборе системы продуманных говорящим поэтапных речевых действий; линию речевого поведения, которая выстраивается

в процессе осознания коммуникативной ситуации и направлена на достижение определенной коммуникативной цели в процессе общения. Каждая коммуникативная стратегия характеризуется определенным набором коммуникативных тактик. Под речевой тактикой автор понимает «конкретный речевой ход (шаг, поворот, этап) в процессе осуществления речевой стратегии, речевое действие, соответствующее тому или иному этапу в реализации речевой стратегии и направленное на решение частной коммуникативной задачи этого этапа. Реализация подобной последовательности речевых тактик призвана обеспечить достижение коммуникативной цели речевого общения» [5: 6]. Таким образом, данные понятия объединяются в некую систему: коммуникативная стратегия – это целое, а коммуникативная тактика – часть этого целого.

В свою очередь, И.Н. Борисова дает более широкое определение рассматриваемым нами понятиям. Под коммуникативной стратегией

она понимает «результат организации речевого поведения говорящего в соответствии с прагматической целеустановкой, интенцией; это намерение, сверхзадача речи, которая диктуется практической целью». Коммуникативная тактика же, по мнению автора, это «использование коммуникантами речевых умений для построения диалога в рамках той или иной стратегии» [1: 22].

В отличие от предыдущих исследователей, О.С. Иссерс определяет понятие коммуникативной стратегии как «комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели». Как отмечает автор, все виды стратегий объединяются тем, что они представляют своего рода гипотезы относительно будущей ситуации и обладают большей или меньшей степенью вероятности, тем самым отличаясь от правил и принципов общения. Под речевой тактикой О. С. Иссерс понимает «одно или несколько действий, способствующих реализации стратегии» [3: 109]. Заметим, что помимо коммуникативных стратегий и тактик О.С. Иссерс выделяет также прием более низкого порядка – «коммуникативный ход», который представляет собой инструмент реализации той или иной тактики. Коммуникативный ход «связывает реплику говорящего и реплику слушающего по принципу иллокутивного вынуждения, он определяется относительно предполагаемой реакции партнера с учетом предыдущей реплики» [3: 117].

Таким образом, обобщив определения, данные выше, под коммуникативной стратегией будем понимать особый коммуникативный план поведения коммуникантов, который предполагает определенные коммуникативные цели, а под коммуникативной тактикой – совокупность речевых действий, которые реализуют или не реализуют коммуникативную стратегию и подчиняются или же не подчиняются определенным правилам. Коммуникативные стратегии намечают развитие диалога, а тактики показывают реализацию стратегии на каждом этапе развития ситуации общения, в свою очередь, средством реализации тактики является коммуникативный ход.

В настоящем исследовании предпринимается попытка выявить специфику реализации тех или иных стратегий, тактик и коммуникативных ходов в ситуациях купли-продажи на автомобильном рынке.

В названных ситуациях, по нашим наблюдениям, проявляются две основных стратегии: уговаривания и дискредитации. Далее представим анализ используемых тактик в пределах каждой из стратегий.

1. Стратегия уговаривания. Включает в себя следующие тактики: уговор, просьбу и убеждение. На первый взгляд, данные тактики очень похожи. Но уговоры, по мнению О.С. Иссерс, это давление на адресата, то есть своего рода манипуляция. Уговор отличается от просьбы количественным признаком – множественностью аргументов [3: 142].

При сравнении же тактик уговора и убеждения мы, вслед за М.Я. Гловинской [2] и М.Ю. Федосюком [6] считаем, что уговор воздействует не столько на разум и логику, сколько на чувства и эмоциональный мир адресата, в то время как убеждение направлено именно на разум человека. При уговоре могут использоваться логические доводы, но они выступают лишь как вспомогательное средство.

В коммуникации на автомобильном рынке чаще всего используется тактика убеждения. В процессе коммуникации основной акцент делается продавцом на отличительные положительные характеристики товара, на разумность его приобретения, т. е. происходит воздействие на разум покупателя. Таким образом, реализуется коммуникативный ход – апелляция к разуму. Отметим, что тактика убеждения используется только продавцом. Тактики уговора и просьбы на автомобильном рынке не представлены.

Приведем пример тактики убеждения:

(А. – продавец, мужчина; Б. – покупатель, мужчина)

Б. Ниссан сколько стоит?

А. Семьдесят тысяч//

Б. Дороговато// А пробег какой?

А. Восемьсот тысяч//

Б. Многовато// Пойдем лучше «корейца» посмотрим//

А. Для такой машины самая-то цена// Движка в хорошем состоянии/ рама не крашенная/ пробег родной//

Б. А двигатель сколько литров?

А. Девятнадцать// Берите/ хорошая машина// В Японии 10 лет работала/ здесь столько же проработает// Сами же видите/ сколько их по городу ездит// Машинам лет за 20 уже/ а всё на ходу/ дадут фору любому «корейцу»// Да и запас прочности большой//

Б. Да/ правду говорите// «Японцы» в этом плане надежные// У меня у знакомого уже пять лет ездит/ и ничего// А резина?

А. Новая/ японская стоИт// Ты попробуй сейчас такую купить/ один Китай повсюду// (А. и Б. заводят машину)

Б. Да/ хорошая машина// <...> Пойдем оформлять// <...>

В приведенном выше примере продавец не оказывает давление на покупателя, а убеждает его, приводя аргументы в пользу покупки товара, тем самым апеллируя к разуму.

Заметим, что тактика уговора, широко представленная на продуктовом или вещевом рынках, не используется на автомобильном в силу того, что отсутствуют зазывы покупателей продавцом, и тем самым инициатором диалога всегда является покупатель, который уже знает, что ему нужно, и хочет только получить или уточнить какую-либо информацию у продавца, чтобы осуществить покупку.

2. Стратегия дискредитации. Дискредитация – это лишение доверия, подрыв, умаление авторитета [4: 275]. Данная стратегия представлена такими тактиками, как оскорбление, издевка и обвинение. Под оскорблением мы понимаем слова, которые обижают адресата или задевают его чувства, под издевкой – некую насмешку или неподобающее поведение по отношению к чему-либо или кому-либо, под обвинением – осуждение или упрек.

Такие тактики, как обвинение и издевка, на автомобильном рынке не представлены, в то время как оскорбление встречается довольно часто (причем использовать данную тактику может как покупатель, так и продавец). Отметим, что оскорбление в данном случае относится не к человеку, а к товару, о котором идет речь.

Приведем пример тактики оскорбления:

Ситуация 1

(А. – продавец, мужчина; Б., В. – покупательницы, женщины)

Б. По чём Хино?

А. Полтора//

Б. Не сильно ли круто?

В. Да он гнилой весь/ рама крашенная//

А. Ничего не крашено// Всё родное// Смотрите внимательнее//

Б. Резина лысая/ вмятины какие-то// Битая походу//

В. И низкая какая-то//

А. Давай дешевле на сотку// Расчет сразу же//

Б. Хорошо// <...>

В представленной выше ситуации покупатели используют тактику оскорбления товара, тем самым добиваясь снижения цены. В данном случае используется коммуникативный ход, который мы можем условно назвать «Он не такой, каким должен быть».

Зачастую подобная тактика является неэффективной и приводит к обратному результату – продавец отказывается продолжать разговор.

Ситуация 2

(А. – продавец, мужчина; Б. – покупатель, мужчина)

Б. Сколько эта рефка стоИт?

А. Пятьдесят тысяч//

Б. Да ты что// Вон там такая же на двести тысяч дешевле// А год какой?

А. Две тысячи первый//

Б. Что-то не верится// Почему цена такая высокая? Машина-то вся мятая/ залитая// Вот там такая же стоИт// А это что?

А. Вот идите и покупайте где-то там/где стоИт// <...>

В данной ситуации целью выбора данной тактики было желание покупателя заставить продавца продать товар дешевле, сравнивая его с другим, похожим товаром, с использованием оскорбления. Данный коммуникативный ход мы можем обозначить как «Он похож на N». Приведенный пример свидетельствует о том, что не всегда тактика оскорбления, выбранная покупателями, ведет к реализации намеченной цели – покупке машины. Такую тактику мы можем отнести к неудачным. В данной ситуации оскорбление является прямым по отношению к товару и косвенным по отношению к продавцу, вследствие чего он отказывается продолжать диалог.

В отличие от покупателей, продавцы практически не используют тактику оскорбления, лишь в редких случаях, проводя параллель с товарами конкурентов.

Ситуация 3

(А. – продавец, мужчина; Б. – покупатель, мужчина)

Б. За сколько эту отдашь? (указывая на машину)

А. За полтинник//

Б. Хорошо/ подумаем// Мы еще «корейца» сейчас поедим смотреть//

А. «Корейцы» и «китайцы» это ничто по сравнению с «японцами»// Они только сверху красивые/ а ломаться совсем не любят// Больше в ремонте будут стоять/ чем работать и приносить деньги// <...>

Тактика, используемая продавцом, направлена на выявление недостатков в товаре конкурента и тем самым призвана привлечь внимание к своему товару.

Несмотря на то что тактика оскорбления зачастую является неэффективной, по нашим наблюдениям, она является очень частотной на автомобильном рынке и применяется покупателями в основном с целью покупки товара за меньшие деньги.

Довольно часто (но не последовательно) используется тактика комплимента. Она направлена на оценку состояния товара, то есть машины. Эта тактика используется исключительно покупателями с целью покупки товара на выгодных для них условиях.

(А. – продавец, мужчина; Б., В. – покупатель, женщины)

Б. Смотри какая машина// Просто конфетка// Хозяин/ а сколько стоит?

А. Полтора//

Б. Да/ хорошая машина// Мы уже весь рынок обошли/ ничего хорошего нет// Совсем уже отчаялись/ и тут эта//

В. Красавица// Блестит вся// Резина новая//В хроме// Видно/ что предыдущий владелец за ней ухаживал//

Б. Да и предпродажная подготовка налицо// Отличная машина// В душу прям запала/ но у нас полтинника не хватает/ не рассчитывали на такую сумму//

В. Отдай подешевле// Это то/ что нам нужно// <...>

В данном примере помимо тактики комплимента можно заметить тактику уговора, которую используют покупатели, обращая внимание на положительные качества товара, тем самым добываясь расположения к себе продавца и снижения цены. По нашим наблюдениям, в последнее время в коммуникации на

автомобильном рынке эта тактика используется довольно часто, но пока не последовательно.

Таким образом, в ситуациях купли-продажи на автомобильном рынке используются различные тактики и стратегии, определяемые целью, которую преследует говорящий. Большую роль играет правильный выбор тактики, поскольку это является условием достижения желаемого результата. Как правило, инициатором диалога выступает покупатель, который, на наш взгляд, более активно, чем продавец, использует коммуникативные стратегии и тактики. Наиболее важными в сфере автомобильного рынка являются тактики убеждения, оскорбления и комплимента.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Борисова И.Н. Дискурсивные стратегии в разговорном диалоге / И.Н. Борисова // Русская разговорная речь как явление городской культуры / Под ред. Т.В. Матвеевой. – Екатеринбург: АРГО, 1996. – С. 21-48.
2. Гловинская М.Я. Русские речевые акты со значением ментального воздействия // Логический анализ языка: Ментальные действия. – М.: Наука, 1993. – С. 113-121.
3. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – М.: Комкнига, 2006. – 288 с.
4. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. – М.: Эксмо, 2007.– 944 с.
5. Сковородников А.П. О необходимости разграничения понятий «риторический прием», «стилистическая фигура», «речевая тактика», «речевой жанр» в практике терминологической лексикографии / А.П. Сковородников // Риторика-Лингвистика. Вып. 5: сб. статей. – Смоленск, СГПУ, 2004. – С. 5-11.
6. Федосюк М.Ю. Комплексные жанры разговорной речи: «утешение», «убеждение» и «уговоры» // Русская разговорная речь как явление городской культуры. Екатеринбург, 1996. – С. 73-94.

Н.В. Михайлюкова

*Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
г. Владивосток, Россия*

N.V. Mikhaylyukova

*Vladivostok State University of Economics and Service
Vladivostok City, Russia*

МАЛЫЕ ПИСЬМЕННЫЕ ЖАНРЫ В ГОРОДСКОМ ТРАНСПОРТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ Г. ВЛАДИВОСТОКА)

THE SMALL WRITTEN GENRES IN TRANSPORT VEHICLES AS A SPECIAL KIND OF URBAN COMMUNICATION (ON MATERIALS OF VLADIVOSTOK CITY)

В статье рассмотрены и классифицированы основные малые письменные жанры городской коммуникации, представленные в общественном и личном транспорте г. Владивостока.

Ключевые слова: *языковой облик города, городская коммуникация, малые письменные жанры, реплики-наклейки.*

The short written statement found in different kinds of urban transport vehicles in Vladivostok City are described and classified in the article. Stickers and flyers with such statements on them serve as a reflection of the way the language appears and is actually used in the city today.

The key words: *language appearance of the city, urban communication, small written genres, stickers statements.*

В современной лингвистике значительно возрос интерес к языку города как к объекту, дающему материал для различных направлений антропоцентрической лингвистики. Кроме того, описание языка города выявляет региональную специфику функционирования русского языка, что является очень актуальным. Исследование речевых жанров относится к числу активно развивающихся направлений современной коллоквиалистики. Наименее изученными в настоящее время остаются малые письменные жанры. Под малыми письменными жанрами понимаются тексты малой формы, представленные на городской улице и в городском транспорте. К малым письменным жанрам мы относим: реплики-наклейки и объявления в общественном транспорте; вывески; плакаты.

В настоящее время популярным становится размещение реплик-наклеек как в общественном, так и на личном транспорте. Анализ данного явления позволяет выявить наиболее значимые тенденции в городской коммуни-

кации и показать региональную специфику языкового облика г. Владивостока.

Таким образом, целью данной статьи является установление и описание особенностей малых письменных жанров, представленных в городском общественном и личном транспорте г. Владивостока.

Зафиксированные нами малые письменные жанры (МПЖ) можно классифицировать в зависимости от вида транспорта, в котором они размещены:

- МПЖ в личном транспорте;
- МПЖ в автобусах;
- МПЖ в трамваях.
- По типу адресата можно выделить следующие типы наклеек:
- реплики на автомобилях, обращенные к водителям;
- реплики на автомобилях, обращенные к пешеходам;
- реплики (или короткие объявления) в автобусах, обращенные к пассажирам.

Кроме того, в пределах каждой из названных групп выделяется ряд разновидностей реплик-наклеек и коротких объявлений в общественном транспорте в зависимости от коммуникативного намерения, реализуемого в данных текстах. Таким образом, можно представить следующую типологию малых письменных жанров транспорта г. Владивостока.

1) МАЛЫЕ ПИСЬМЕННЫЕ ЖАНРЫ В ЛИЧНОМ ТРАНСПОРТЕ

А) Реплики на автомобилях, обращенные к водителям. Как правило, они располагаются на внешней стороне машины, в основном на заднем стекле.

Призыв к кооперативному взаимодействию на дороге, обращения к нетерпеливым или агрессивным водителям: *Пожалей мою малышку! Не забрызгай меня, проезжай тихо! Не обижай маленьких! Не обгоняй, обидно! Прикрой! Я атакую; Торопишься? Перепрыгни; Красные фары видел? Это я злюсь! Если у меня что-нибудь отвалилось – посигналь! Данный тип наклеек представлен фразами с использованием императива.*

Предостережение, предупреждение об опасности: *Результаты моего IQ теста были отрицательными; За рулем Шумахер; Осторожно: за рулем мясник! Я маленький, но наглый; Не смотри на размер – бойся! Торможу резко, особенно сегодня; Не едь за мной! Я заблудился; Щас ка-а-а-ак тормозну!!! ОСТОРОЖНО! За рулем танкист! Машина застрахована, заминирована, закодирована. В репликах этой группы очень часто встречается сравнение автомобиля с самолётом, танком или другой боевой техникой, что усиливает ощущение опасности: *СУ-27(и пять звезд); 737 боевых вылетов; Раступитесь, иду на посадку! Прошлая профессия – лётчик; Я на танке – берегись! Танки рулят! У меня не машина – торпеда! Не обгоняй – торпеду не обгонишь! Часто в таких наклейках обыгрывается «алкогольная тема»: *Осторожно – с банкета! Я выпил. А ты? Атас! Я выпимиши! Принял 200 и выгляжу на все 100! С этой баранкой совсем забыл про пьянку! Я слишком много выпил, чтобы ходить. Так что пришлось ехать; Не пей за рулем! На капоте удобнее... Третьим будешь? Осторожно! За рулем пьяный! Вечно пьяная скотина.***

Предупреждение об опасности, связанное с неопытностью водителя: *Паркуюсь, как блондинка; Паркуюсь, как олень; Еду, как могу;*

Купил права за деньги; Папа платит – я рулю; Права купил, но рулить страшно.

Наклейки, выражающие отношение водителя к своей машине: *Мой ослик (картинка – изображение маленького ослика); Джип-инвалид (надпись на очень маленькой машине); Занос 2 м. (на очень маленькой машине); Ночной Дозор (надпись на тонированной черной машине); Это овчарки могут быть немецкими, а машина должна быть ЯПОНСКОЙ! Бешеная крошка! Бешеная табуретка! Супер крошка; Супер малышка; Маленький, но юркий. Такие наклейки часто оформляются как реплика от лица самого автомобиля: *Меня продают... Очень дешево... ОБИДНО! Еще расту, а так я джип! Мерседес (крупно) Транспортёр (мельче) Болел в детстве много (маленьким шрифтом).* Такая наклейка делает адресантом не только водителя, но и машину, на которой она располагается. Обычно в наклейках данного типа используется лексика со значением значительного преувеличения или преуменьшения размеров и технических возможностей машины, что создает комический эффект.*

Наклейки, характеризующие водителя: *Playboy, Президент, Кабан, Крутой, Boss, Шеф, Чайник, Сусанин, Маньяк, Killer, Тормоз, Таксист, Друг ГАИ, Злобный чайник, Злобный придурок, Ветеран Курской битвы, Очень осторожный придурок, Вася, Маруся.* Наклейки этого типа, как правило, представлены именами существительными с негативной окраской, характеризующие водителя по социальному статусу, водительским навыкам или личным качествам.

Наклейки, выражающие отношение водителя к другим участникам дорожного движения: *Мне плевать на всех – паркуюсь, где хочу! Рулю по-скотски; Мне плевать на всех – берегитесь! К черту собаку, берегитесь владельца. Данная группа наклеек представлена фразами довольно агрессивного содержания, в связи с этим является немногочисленной.*

Как показали наши наблюдения, реплики-наклейки на автомобилях отражают региональную специфику. Большинство автомобилей в г. Владивостоке привезены из Японии, что очень часто «обыгрывается» в репликах-наклейках. Например: *Я японский самурай; Японский камикадзе; Ем суши, заправляюсь sake; Маленький япошка; Лучшие старая японка, чем новый ВАЗ; Правый руль рулит; Я*

японский правша; Я патриот, но люблю японские машины; Я патриот, но японку на ВАЗ не променяю.

Б) Реплики на автомобилях, обращенные к пешеходам.

Запрет: *И не вздумай!* (реплика сопровождается рисунком: перечеркнутая эмблема такси); *Я не таксист; Не влезай!*

Приглашение: *Ну что, поехали кататься? Девчонки, прыгайте ко мне! Такси на Дубровку заказывали? Требую стюардессу! Лихому экипажу требуется стюардесса.*

Предостережение: *Пешеходы бывают быстрые и мертвые; Для вас переходы придумали! Не курить! Газ заправляю прямо в салон! Осторожно, машина не любит пешеходов. Осторожно, злая машина; Пешеход всегда прав... пока жив.*

2) МАЛЫЕ ПИСЬМЕННЫЕ ЖАНРЫ В АВТОБУСАХ

В) Реплики (или объявления), обращенные к пассажирам общественного транспорта, помещаются в салоне автобуса. В текстах реплик-наклеек и объявлений, обращенных к пассажирам общественного транспорта, реализуются следующие цели. Во-первых, представлена авторизация водителя автобуса, выражение его чувств, мыслей, эмоционального состояния. Эта цель характерна для следующих текстов: *Водитель тоже человек, он также устает* (на рисунке – кружка пива); *Страшно? Закрой глаза, как я! Стаж за рулем – неделя; Старый опытный камикадзе.* Личное местоимение «я», личные формы глаголов и имена существительные, содержащие характеристику, являются языковыми показателями того, что автором данной реплики является водитель.

Во-вторых, осуществляется воздействие на пассажиров, регламентация поведения в автобусе. Среди таких текстов можно выделить следующие тематические группы:

- запрет курить, распивать спиртные напитки, мусорить: *«Не мусорить! Не курить!»* Просьба семечки кушать со шкурками, напитки закусывать тарой; *Просьба бананы и прочее есть вместе с кожурой; Кого везем, такой и порядок; Закурил сам – угости водителя; Если вы распиваете спиртные напитки в салоне автобуса, не обливайте рядом сидящих пассажиров; Кто к нам с пивом придет – побежит за водкой;*

- запрет хлопнуть дверью: *Хлопнешь дверью – получишь монтировкой! Конкурс «Кто громче хлопнет дверью» закончился, все призы розданы; Дверь закрывайте душевно, а не от души! Хлопнешь дверью – станешь льготником. Уважаемые пассажиры, не хлопайте дверью, она может отвалиться и отбить вам ноги! Закрывая дверь, посмотри в глаза тому, кому прищемишь пальцы. Берегите дверь! Это ваш единственный выход;*
 - оплата проезда: *Зашел – заплати, заплатил – выходи; Сдачу не проси – водитель коптит на права; Это не Beeline – все входящие платные; Крупные деньги не давать – сдачу не унесешь (зрительный ряд человек со стопкой монет выше его роста); Монетами 5,10 и 50 копеек здесь не рассчитываются! Ими дают сдачу! Проезд в маршрутке: стоя – 10 рублей, сидя – 10 рублей, лежа – 15 рублей, рядом бежать – 5 рублей. Найди дешевле! Землю – крестьянам, Работу – людям, Деньги – водителю;*
 - предупреждение об остановках: *Остановка «где-то здесь» будет где-то там. Тихони едут до конечной; Стоимость остановки вне остановки 60 рублей; Просьба об остановке сообщать водителю, а не соседу (надпись в маршрутке у задних сидений); Говорите громче, все равно закричите, когда проедем; Чем дольше вы молчите – тем дальше вас везут;*
 - просьба не отвлекать водителя: *Хочешь жить – не отвлекай водителя; Не говори водителю, куда ехать, и он не будет говорить тебе, куда идти; Водитель спит. Будить только на остановках; Уважаемые пассажиры, просьба не шуметь – водитель с утра не похмелился;*
 - разное: *Меняю автобус на кусок сала таких же размеров; 30 минут страха – и вы дома; Книга жалоб находится в следующем автобусе; (в маршрутке) Стоя ехать запрещено: ДПС требует, чтобы количество трупов не превышало количества сидячих мест; (в маршрутке на месте возле водителя) Места для худых и без сумок; Автобус – транспорт общественный, маневрам не обучен.*
- Реплики-наклейки данного типа представлены в основном глаголами в повелительном наклонении, что обусловлено коммуникативной целью – запрет, предупреждение и т.д.

3) МАЛЫЕ ПИСЬМЕННЫЕ ЖАНРЫ В ТРАМВАЯХ

Особым видом транспорта в г. Владивостоке является трамвай. В трамваях не наблюдается использование подобного рода юмористических реплик-наклеек. С нашей точки зрения, это объясняется тем, что трамвай является городской собственностью, а автобусный транспорт принадлежит частным предпринимателям, следовательно, здесь больше свободы для самовыражения и нет строгой государственной цензуры.

Можно выделить две разновидности малых письменных жанров, встречающихся в трамваях: 1) информативные и 2) фатические. Все малые тексты в трамваях, являются креолизованными, т.е. представляют собой сочетание текста и рисунка.

К информативным можно отнести тексты об истории г. Владивостока. Такие тексты расположены как снаружи, так и внутри трамваев и представляют собой короткие надписи с фактами об истории города и фотографии старого Владивостока.

Фатическими текстами можно считать надписи-поздравления, расположенные с внешней стороны трамваев. Например: С

праздником! (посвящено 8 Марта); Здравствуй, школа! Победа! Мы победили! Владивостоку 150 лет! Такие надписи сопровождаются тематическими рисунками.

Тексты реплик-наклеек и объявлений в городском транспорте отражают тенденции современного городского общения, а именно: «усиление диалогизации устного городского общения, усиление личностного, творческого начала, возрождение карнавальности в жизни города; расширение зоны коммуникативного взаимодействия между незнакомыми людьми в условиях открытого городского пространства».

Итак, можно сделать вывод, что, используя реплики-наклейки, водители транспорта стремятся выразить свою индивидуальность, позиционировать себя определенным образом среди других водителей. Устное общение на дороге практически невозможно, таким образом, надписи являются единственным средством самовыражения и способом воздействия на других участников дорожного движения. В шуточной форме водители представляют себя и одновременно «регламентируют» отношения с партнерами по коммуникации.

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

THEORY AND PRACTICE OF TEACHING THE RUSSIAN LANGUAGE AS A FOREIGN LANGUAGE AT PRESENT DAY

УДК 80/82(07)

Л.Ф. Крапивник
Тихоокеанский государственный университет
г. Хабаровск, Россия

L.F. Krapivnik
Pacific National University
Khabarovsk City, Russia

ПОДГОТОВКА ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ-ФИЛОЛОГОВ, ОБУЧАЮЩИХСЯ В ВУЗАХ РОССИИ, К ИТОГОВОЙ АТТЕСТАЦИИ

THE FINAL CERTIFICATION EXAMINATION TRAINING OF FOREIGN PHILOLOGY STUDENTS STUDYING AT THE UNIVERSITIES OF THE RUSSIAN FEDERATION

Итоговой аттестацией иностранных студентов-филологов, обучающихся в вузах России, является защита выпускной квалификационной работы. Ее качество зависит от уровня языковой компетенции и методологической компетенции иностранных студентов-филологов выпускных курсов. Формирование методологической компетенции должно осуществляться систематически и системно. В основе организации методологической подготовки иностранных студентов должны лежать принципы концентризма, функциональности и новизны.

Ключевые слова: *иностраные студенты-филологи, итоговая аттестация, методологическая компетенция, методические принципы.*

Final certification of foreign philology students training at the Russian Higher Schools is a defense of their final degree paper. Its quality depends on the language competence level as well as on the methodological competence of graduate philology students. The methodological competence should be formed regularly and systematically. Concentric principles, functionality and novelty principles should be an organization basis of foreign students methodological training.

The key words: *foreign philology students, final certification, methodological competence, methodical principles.*

Основным обязательным видом государственной итоговой аттестации студентов, обучающихся в вузах России, является, как известно, защита выпускной квалификационной работы. В соответствии с требованиями Государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования выпускная квалификационная работа «должна обеспечивать не только закрепление академической культуры, но и необходимую совокупность методологических представлений и методических навыков в избранной области профессиональной деятельности» [2: 17]. Эти требования обуславливают особые требования и к языковой компетенции, и к методологической компетенции иностранных студентов выпускных курсов, которые обучаются в вузах России.

Выпускная квалификационная работа предполагает высокий уровень языковой компетенции иностранных студентов, которая включает в себя в том числе и навыки использования языковых средств для реализации целей и задач профессионально ориентированного речевого общения на русском языке. Поэтому языковая подготовка иностранных студентов-филологов к написанию выпускной квалификационной работы должна быть направлена на формирование у них соответствующего уровня владения русским языком и языком специальности.

Методологическая подготовка иностранных студентов-филологов к написанию выпускной квалификационной работы должна обеспечить такой уровень владения ими методологически значимыми навыками и умениями, который необходим для подготовки ими выпускной квалификационной работы и проведения лежащего в ее основе лингвистического исследования. К такого плана навыкам и умениям относятся, в первую очередь, навыки научного мышления, навыки использования различных приемов и методов исследования, навыки и умения представления научной информации, навыки оформления результатов проведенного исследования и т.п.

Как показывает практика, формирование языковой компетенции иностранных студентов-филологов реализуется систематически в рамках содержания профессионального образования и его средствами (т.е. в процессе изучения специальных дисциплин). Что

касается целенаправленного формирования их методологической компетенции, то ей должного внимания, как правило, не уделяется, о чем, например, свидетельствует тот факт, что научно-теоретический и методологический уровень выпускных квалификационных работ иностранных студентов-филологов (даже имеющих достаточно высокий уровень владения русским языком и языком специальности) в значительной степени зависит от научной и методологической компетенции их научных руководителей.

Таким образом, необходимость системной и систематической подготовки иностранных студентов к написанию выпускной квалификационной работы не вызывает сомнения, что, в свою очередь, диктует особые требования к методической организации процесса их методологической подготовки.

Как известно, в курсе обучения иностранных студентов-филологов по программе бакалавриата отдельная дисциплина, в рамках которой можно целенаправленно формировать их методологическую компетенцию и навыки научного мышления, не предусмотрена. В связи с этим такого плана подготовка иностранных студентов-филологов должна проводиться в рамках тех дисциплин, которые предусмотрены программой, в частности, в рамках дисциплины «Стилистика русского языка и культура речи». В целях обеспечения должного уровня методологической подготовки студентов-бакалавров в рамках данной дисциплины ее содержание должен быть ориентировано в том числе и на развитие методологически значимых для студента-бакалавра навыков и умений, к которым относятся навыки использования различных приемов и методов лингвистического исследования, навыки и умения представления научной информации, навыки оформления результатов проведенного исследования и т.п.

Теоретической базой для развития этих навыков и умений являются, в первую очередь, те знания, которые получают студенты на лекциях в рамках дисциплины «Стилистика русского языка и культура речи». В частности, на лекционных занятиях иностранные студенты должны познакомиться с основными стилевыми особенностями русской научной речи как коммуникативно-познавательной деятельности определенной направленности

и базовыми стилевыми характеристиками научного текста. На основании этих знаний у студентов-филологов, обучающихся в бакалавриате, должно быть сформировано четкое представление:

- об основных квалификационных характеристиках научного исследования (объективности и достоверности, воспроизводимости и точности, обоснованности и аргументированности);
- об основных особенностях научного текста (его композиционной упорядоченности, подчеркнутой логичности и связности);
- о семиотической неоднородности языка науки, т.е. о различных способах передачи научной информации и их разрешающих способностях и возможностях.

Кроме этого, в рамках данной дисциплины студенты должны познакомиться:

- с особенностями композиционного членения научного текста и устойчивыми закономерностями его смыслового развития, которые определяют логику и последовательность изложения материала;
- с требованиями к оформлению выпускной квалификационной работы;
- с основными содержательными моментами и коммуникативными установками *введения* и *заключения* к выпускной квалификационной работе;
- с основными способами и средствами достижения логичности и связности научного текста.

На практических занятиях по данной дисциплине студенты бакалавриата должны приобрести умения и навыки использования основных методов лингвистического анализа и научиться использовать конкретные приемы и способы представления научной информации. В частности, студенты должны приобрести практические навыки и умения в использовании средств символики (условных знаков и обозначений, схем, таблиц и рисунков) в целях описания языкового материала и представления основных содержательных моментов выпускной квалификационной работы.

Эти минимальные методологические знания и умения, как показывает опыт, позволяют иностранным студентам-филологам бакалавриата более осознанно подойти к написанию выпускной квалификационной работы

и обеспечивают их должную компетентность при оформлении результатов проведенного исследования. В итоге это позволяет обеспечить тот уровень выпускной квалификационной работы бакалавра, который предусмотрен требованиями Государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования [1].

Требования к выпускной квалификационной работе магистра, как известно, значительно выше, чем к выпускной квалификационной работе бакалавра [2], что, в свою очередь, предполагает более высокий уровень научно-методической компетенции иностранных студентов, обучающихся в магистратуре.

Для этого в учебный план магистратуры вводятся дисциплины, направленные на обеспечение должной научно-методологической подготовки студентов-филологов (в частности, «Методы лингвистического анализа» и «Компьютерные технологии в лингвистических исследованиях» и др.). В связи с тем, что данные дисциплины не могут в полном объеме обеспечить подготовку иностранных студентов к написанию выпускной квалификационной работы, в учебный план магистратуры должны включаться дисциплины практического характера, ориентированные на целенаправленное и последовательное формирование их методологической компетенции [3].

В рамках данных дисциплин (или дисциплины) должен быть решен целый ряд методически значимых и методологически ориентированных задач.

Во-первых, полученные ранее методологические знания и умения должны быть дополнены, расширены и практически закреплены. В этих целях студенты:

- расширяют и углубляют полученные ранее знания о композиционно-смысловых элементах *введения* к выпускной квалификационной работе (в частности, знакомятся с логикой построения и способами формулирования *актуальности* работы, способами формулирования *цели* и *задач* работы, коммуникативными установками *теоретической* и *практической значимости* работы, ее *новизны* и т.д.);
- расширяют и углубляют полученные ранее знания о *заключении* к выпускной квалификационной работе (знакомятся с его коммуникативными установками и задачами,

определяющими логику его построения и содержательный объем);

- расширяют и углубляют полученные ранее знания об основных способах и средствах достижения логичности и связности научного текста, его точности, обоснованности и аргументированности.

Качественно новый уровень методологически значимых навыков может быть закреплён практически путем анализа написанного ранее *введения* и *заключения* к бакалаврской работе, результатом которого должны стать обоснованные дополнения и исправления, внесенные студентами самостоятельно.

Во-вторых, студенты должны приобрести новые методологически значимые знания и умения, необходимые для написания магистерской диссертации, в частности познакомиться:

- с особенностями использования терминов и терминологической лексики в научной речи,
- со средствами и способами достижения доказательности и аргументированности научного изложения,
- с основными методами лингвистического анализа, их целевыми установками и познавательными возможностями,
- с основными концептуальными метафорами, в рамках которых современная лингвистика описывает язык.

Изучение данных вопросов направлено на более глубокое понимание методологических основ лингвистической науки, что, несомненно, способствует развитию навыков научного мышления будущих магистров филологии. Эти методологические знания и умения, как показывает опыт, позволяют студентам методологически более компетентно подойти к выбору методов исследования и способов представления его результатов, обеспечить должную аргументацию и доказательность полученных результатов и выводов. Кроме этого приобретенные методологически значимые знания, навыки и умения позволяют студентам определить оптимальную последовательность изложения материала в выпускной квалификационной работе и более осознанно

подойти к выстраиванию тактики ее защиты (т.е. к определению композиции, основных содержательных элементов и графического сопровождения своего выступления на защите выпускной квалификационной работы).

Таким образом, организация подготовки иностранных студентов-филологов к написанию выпускной квалификационной работы в своей основе предполагает реализацию следующих методически значимых принципов обучения:

- принципа *концентрации* (данный принцип предполагает подачу методологически значимого материала циклами в зависимости от этапа обучения);
- принципа *функциональности* (данный принцип предполагает усвоение теоретических элементов методологического знания вместе с их функциональной значимостью в организации научной речи);
- принципа *новизны* (данный принцип предполагает регулярную подачу нового методологически значимого материала с целью поддержания мотивации учащихся).

Целенаправленная реализация данных принципов обеспечивает должную степень системности подготовки студентов к написанию выпускной квалификационной работы, позволяет своевременно координировать и систематически контролировать формирование требуемого уровня методологической компетенции иностранных студентов-филологов выпускных курсов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования. Направление 520500 – Лингвистика. Степень – бакалавр лингвистики. – М., 2000.
2. Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования. Направление 520500 – Лингвистика. Степень – магистр лингвистики. – М., 2000.
3. Крапивник Л.Ф. Теория и практика научно-исследовательской работы: Учеб. пособие. – Хабаровск: Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2010. – 92 с.

Н.А. Сабурова
Тихоокеанский государственный университет
г. Хабаровск, Россия

N.A. Saburova
Pacific National University
Khabarovsk City, Russia

МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ ЛИНГВИСТА-ИНОФОНА В ПРОЦЕССЕ ПОДГОТОВКИ ВКР

THE METHODOLOGICAL BASIS FOR PROFESSIONAL COMPETENCES FORMATION PROCESS OF A FOREIGN LANGUAGE LINGUIST IN A DEGREE PAPER WRITING PROCESS

В статье рассматривается методологическая основа научных исследований в рамках подготовки выпускной квалификационной работы.

Ключевые слова: *методология научных исследований, образовательные стандарты нового поколения, профессиональная компетенция.*

The given article presents the methodological basis for an academic research process regarding a degree paper writing process.

The key words: *academic research methodology, educational standards of a new generation, professional competence.*

Включение России в Болонский процесс (который официально был начат с принятия 29 странами Европы Болонской декларации 19 июня 1999 г.) создания Европейского пространства высшего образования (ЕПВО), предусматривающего укрепление интеллектуального, культурного, социального, научно-исследовательского потенциала выпускников вуза, привело к созданию государственных образовательных стандартов нового поколения. ФГОС подготовки специалистов в области межкультурного взаимодействия указывает, что магистр по направлению подготовки 035700 – Лингвистика должен быть подготовлен к решению профессиональных задач, связанных с изучением проблем межкультурной коммуникации, влияющих на эффективность межкультурных и межъязыковых контактов, с проведением эмпирических исследований проблемных ситуаций и диссонансов в сфере межкультурной коммуникации, системно-структурным исследованием языков мира на базе информационно-коммуникационных

технологий, разработкой методов анализа, обработки, моделирования, формализации и алгоритмизации текстовых массивов, разработкой технологий для проведения экспертного лингвистического анализа устной и письменной речи.

Современные требования к подготовке специалистов ФГОС определяются в рамках компетентностного подхода. Профессиональные компетенции профиля «Перевод и переводоведение» предусматривают, что выпускник магистратуры по направлению 035700 – Лингвистика владеет системой знаний о ценностях и представлениях, присущих культурам стран изучаемых иностранных языков, теоретическими и эмпирическими знаниями в области межкультурной коммуникации, знанием основных различий концептуальной и языковой картин мира носителей русского и изучаемых языков (ПК-2); обладает готовностью преодолевать влияние стереотипов и осуществлять межкультурный диалог в общей и профессиональной сферах общения (ПК-7);

способностью выявлять источники возникновения конфликтных ситуаций в межкультурной коммуникации, выявлять и устранять причины дискommunikации в конкретных ситуациях межкультурного взаимодействия (ПК-20); владеет современной научной парадигмой, имеет системное представление о динамике развития избранной области научной и профессиональной деятельности (ПК-31); умеет изучать речевую деятельность носителей языка, описывать новые явления и процессы в современном состоянии языка, в общественной, политической и культурной жизни иноязычного социума (ПК-37) и др.

Формирование указанных компетенций осуществляется в процессе изучения дисциплин, определенных учебным планом, но существенная роль в подготовке выпускника магистратуры к выполнению профессиональных задач отводится и научно-исследовательской деятельности, результатом которой является выпускная квалификационная работа.

Современная методология предлагает значительное количество методов, методик и приемов, применение которых при подготовке ВКР позволит систематизировать знания, полученные в процессе изучения дисциплин образовательной программы, и провести научное исследование в области лингвистики, лингвокультурологии, прагмалингвистики, когнитивистики, направленные на обнаружение национально-культурных особенностей построения дискурса и нацеленные на выявление проблемных ситуаций и диссонансов в сфере межкультурной коммуникации.

Одной из задач современных лингвистических исследований является изучение знания – базисной формы когнитивной организации результатов отражения объективных свойств и признаков действительности в сознании людей, которая представляет собой важный фактор упорядочения их повседневной жизни и деятельности. Знание – часть памяти, содержащиеся в сознании сведения, результаты отражения объектов окружающего мира, объединенные в упорядоченную систему. Именно благодаря актуальности и важности в жизнедеятельности человека знание становится элементом культуры. Вместе с тем знание является и продуктом культуры, поскольку процесс освоения человеком правил, норм и стереотипов мышления, выработанных

предшествующими эпохами, происходит путем включения знаний в реальную практику людей, принадлежащих соответствующему этнокультурному сообществу. К изучению знания, а точнее – к исследованию языка как общего механизма приобретения, использования, хранения, передачи и выработки знаний обращается когнитивная лингвистика, целью которой является «системное описание и объяснение механизмов человеческого усвоения языка и принципы структурирования этих механизмов» [2: 17]. Данная цель реализуется целым рядом современных методов, одним из которых является экспериментальный метод.

Так, в частности, в целях экспериментального исследования субъективных семантических полей слов, формируемых и функционирующих в сознании человека, а также характера семантических связей слов внутри семантического поля в психолингвистике используется метод ассоциативного эксперимента. «Если нам нужно найти метод, с наибольшей эффективностью позволяющий вскрыть «культурную» специфику словарных единиц, вскрыть те побочные, непосредственно не релевантные для обобщения семантические связи, которые имеет данное слово, его семантические «обертонны», без сомнения, таким методом является ассоциативный эксперимент», – считает А. А. Леонтьев [3: 219].

Лингвокультурологический анализ семантического поля «работа/work» на основе ассоциативного эксперимента был проведен Ю.С. Хавренко (ВКР на тему «Лингвокультурологический анализ слов, относящихся к семантическому полю «работа/work» (особенности русского и американского менталитетов)). Для характеристики отношения к работе, отдыху, зарплате, начальству и т.д. русских и американцев испытуемым было предложено двадцать реплик-стимулов, анализ полученных ответов позволил сформулировать следующие выводы.

Большинство русских респондентов связывают большую зарплату с зарплатой президента, среди американских респондентов такого ответа получено не было. Маленькую зарплату носители американского менталитета ассоциируют с неквалифицированным трудом, носители русского менталитета – с трудом работников бюджетной сферы. Как американцы, так и русские сходны в своем мнении в вопросе

о заработке, большинство респондентов зарабатывают, чтобы жить. Резко противоположно отношение у русских и американцев к начальству. Большинство американских респондентов относятся к начальству положительно, большинство русских респондентов – отрицательно. Для американцев самое главное на работе – выполнять свои обязанности, для русских самым главным на работе является отдых, что возможно, связано с такой чертой русского характера, как лень. К служебному роману американские респонденты относятся резко отрицательно, тогда как русские – нейтрально.

Национальные представления о труде и его результатах уточняются в ВКР М. С. Нистрян «Концепт “богатство-бедность” в русской и английской языковых картинах мира». Результаты использования ассоциативного эксперимента указывают на следующие различия в представлении национально-специфичных фрагментов языковой картины мира. На реплику-стимул «Человек настолько богат, что он...» русские респонденты ответили следующим образом: *не знает, куда деть деньги, меняет часто машины, покупает футбольные команды, покупает острова, жадный, беситя с жиру, властный* и другие. Больше число совпадений было в варианте «жадный», из этого можно судить о том, что богатым людям русские приписывают такое отрицательное качество, как жадность, то есть, по мнению русских респондентов, богатство портит людей.

Ответы англичан на предложенную реплику-стимул «*The person as rich that he...*» оказались более консервативны, большое число респондентов ответили вариантом *need not work at all* (совсем не приходится работать). Можно заметить, что для англичан работа является основополагающим фактором, определяющим уровень материального достатка.

На противоположную по смыслу реплику-стимул «*Человек настолько беден, что он...*» русские предложили следующие варианты ответов: *не имеет денег на еду, считает копейку, живет на улице, сошел с ума, голый, ценит, что имеет, беспомощен, не может ничего себе позволить*. Наиболее частотным стал вариант *не имеет денег на еду*, то есть можно предположить, что в русской культуре понятие бедности тесно взаимодействует с понятием голода, поэтому появляются данные ассоциации о нужде в деньгах на еду.

В предложенной реплике ассоциации английских респондентов совпадают с ассоциациями русских, так как англичане дали следующие частотные варианты ответов: *can not buy any food* (нет возможности купить еду), *has not anything to eat* (нечего есть) и др. Таким образом, данные ответы указывают на сходные представления о крайней бедности у русских и англичан.

Проведенный свободный ассоциативный эксперимент позволил автору выявить особенности национального языкового сознания народа, а его данные интерпретировать как отражение сознания представителей англоязычной и русскоязычной нации. Рассмотренные фрагменты языковых картин мира указывают на то, что в британской картине мира больший упор делается на материальную сторону как богатства, так и бедности, а в русской гораздо большее значение имеет духовная сторона, важно отношение к проблеме. Русские отмечают гораздо больше отрицательных сторон обладания материальным богатством, нежели англичане.

Одной из задач современных исследований является выявление образных представлений, отражающих особенности метафорического восприятия действительности. Изучение закономерностей косвенной номинации в двух типологически разных языках позволяет расширить результаты сопоставительных исследований, цель которых – определение национально-культурных особенностей лексических образных систем, которые проливают свет на национальный менталитет, а также его роль в межкультурной коммуникации.

Проанализировав объединения слов, основанные на общности реализованного в целом комплексе образных языковых единиц метафорически переосмысленного семантического признака, ставится задача раскрыть их культурно-национальный смысл и характер, которые являются содержанием национально-культурной коннотации.

Материалом для исследования в рамках данного подхода в ВКР Ли Вэй Вэй «Гастрономическая метафора в русском и китайском языках» стали языковые выражения, ассоциативно-образное основание которых составляют слова со значением “продукты”, к примеру: *держат хвост морковкой* ‘бодриться, не унывать’, *тёртый калач* ‘очень опытный, много испытывший

и знающий жизнь человек, которого трудно обмануть', *кровь с молоком* 'полный здоровья, румяный', 囫圇吞枣 (букв. кто-то ест финик целиком, не жуёт) 'кто-то учится, но не пробует глубоко понять то, что он учит'.

Типичность образов, лежащих в основе значения и созначения фразеологизмов, а также включенность в них символов или эталонов миропонимания – это плод коллективного представления лингвокультурной общности о некотором опыте. В работе Ли Вэй Вэй показано, что подобную функцию выполняет в китайских метафорических единицах словоформа *рис*, в русском – словоформа *хлеб*.

Как утверждает Е. М. Вольф, «рождение метафор тесно связано с концептуальной системой носителей языка, с их стандартными представлениями, с системой оценок, которые существуют вне языка и лишь вербализуются в нем» [1: 52]. Для знакомства с элементами такой системы актуальными становятся оригинальные метафоры, представляющие особую страноведческую ценность для инофона.

Известно, что китайская кухня предполагает использование многочисленных пряностей, одна из которых – имбирь. Пряность эта применяется между тем и в народной медицине. Так, например, старый имбирь, имеющий острый, пряный вкус, используют для лечения простудных заболеваний. На основе представлений о лечебных свойствах имбиря возникает базовая метафора: «старый имбирь – опытный человек», например, *姜是老的辣, 醋是陈的酸* (букв. *Имбирь, чем старше, тем становится острее, а уксус, чем выдержаннее, тем становится кислее* 'Люди в старости имеют богатый опыт, поэтому поступают мудро'; *人老精, 姜老辣* (букв. *Старые люди – предприимчивые, а старый имбирь – острый* 'Обычно люди чем старше, тем предприимчивее, как имбирь: чем он старше, тем вкус его более крепок'; *姜还是老的辣* (букв. *Имбирь чем старше, тем более острый* 'Старые люди много видели, поступают мудро').

Переосмысление некоторых образов имеет глубокую семиотическую значимость для носителей языка. Это замечание касается омонимичных лексем типа 桃 [тао] *персик*– 逃 [тао] *избежать* (персик в качестве подарка обозначает предупреждение об опасности), 梨 [ли] *груша* – 离 [ли] *растаться* (грушу целиком, никогда не разрезая ее; особенно тщательно

следят за этим влюбленные пары и близкие друзья).

Таким образом, можно указать ряд сходных и различных лингвокультурологических коннотаций «гастрономических» метафор в русском и китайском языках

Изучение языковых средств репрезентации концептов, рассмотрение их в сравнительном этноспецифическом плане по-прежнему представляется актуальным, т. к. позволяет пролить свет на особенности языкового отражения универсальных культурно-психологических феноменов, определяющих речевое (и неречевое) поведение человека. С привлечением фреймового структурирования изучается в сопоставительном аспекте языковое выражение лжи/обмана и правды/истины в магистерской диссертации Ли Лиминя («Концепты «правда/истина и ложь/обман в русском и китайском языковых сознаниях»). Так, вербализация одного из слотов (под названием «Ложь и обман могут оказывать воздействие на объект») демонстрирует, что созданные искусственно помехи для внешних органов чувств перекрывают доступ к истинной информации. Такое воздействие русские фразеологизмы представляют более образно, чем китайские. Воздействие может производиться 1) на канал зрения: *втирать очки; отвести глаза; пускать пыль в глаз, 混淆视听* (букв. «перепутать глаза и уши») 'искажить истину', *蒙蔽* (букв. «покрыть глаза»), 'вводить в заблуждение или обманывать'; 2) канал слуха: *ездить по ушам, 避人耳目* (букв. «избегать чужих глаз и ушей») 'скрывать правду'; 3) канал обоняния: *водить за нос, натянуть нос, 牵着鼻子走* (букв. водить за нос).

Автор делает вывод, что русские фразеологические единицы имеют более экспрессивные образные основания, чем китайские, что позволяет воспроизвести более тонкие смысловые нюансы и эмоционально-оценочное отношение говорящего к данному фрагменту опыта. По отношению к нанесению вреда, ущерба объекту, русские средства изображения конкретнее и образнее, чем китайские.

Ассоциативный характер национального мышления в актах косвенной номинации для создания языковых реалий исследовался А. А. Покровской в ВКР «Вторичные наименования как способы обозначения американский реалий». Изучив активность задействованных в номинации образов, А.А.Покровская делает

вывод, что наиболее продуктивны в образовании номинаций такие лексемы, как дикие звери (12 наим.), птицы (9 наим.), домашние животные (8 наим.); среди сфер семантического переосмысления наибольшее внимание носителей языка приобретают «общество», «общественные структуры», «административная деятельность», «армия», «деньги».

Для будущего специалиста в области межкультурного речевого взаимодействия важно учитывать, что в каждой культуре поведение людей регулируется сложившимися представлениями о том, что человеку полагается делать в типичных ситуациях: как ведет себя пешеход, пассажир, врач, пациент, гость, хозяин, продавец, покупатель, официант, клиент и т. д. Речевое поведение человека в той или иной роли определяется культурными традициями общества. У разных народов общение в «одноименных» ситуациях протекает в разной стилистической тональности.

Нормы речевого поведения предполагают определение социально значимых реакций. Национальной спецификой характеризуются не только отдельные приемы, но и текстообразующие категории, социальный символизм в речи, ориентировка на этические ограничения и др. Примером того, как при инвариантной интенции и заданной перлокуции языка прибегают к разным категориям плана выражения, являются ситуации массового информирования (на основе публичных директивов), которые в сопоставительном аспекте рассмотрены В.С. Рязкинским в ВКР «Прагматика русских и английских регламентирующих надписей». Актуальность такого исследования заключается в углубленном изучении регламентирующих надписей городской среды в англоязычных странах (США и Великобритании) и в России за счет их рассмотрения с точки зрения теории речевых актов, теории вежливости.

Очень важно при межкультурном речевом взаимодействии знать о типичных способах выражения в национальном языке различных коммуникативных намерений. Это позволит снять некоторые трудности общения и избежать недоразумений. Значительный по объему материал, который рассмотрен в рамках указанной проблематики, представлен в ВКР Ю.В. Носиковой «Способы выражения согласия/несогласия в русском и английском языках». В ходе исследования было установлено, что речевые

акты согласия/несогласия находят свою наиболее репрезентативную реализацию в составе диалогических единств. Именно в диалоге выявляется коммуникативно-прагматический статус речевых актов согласия/несогласия и актуализируются их семантические и прагматические свойства.

В данной работе были выделены следующие типы согласия и несогласия: полное согласие (согласие-подтверждение, согласие-разрешение, согласие-подхват, взаимное согласие, заинтересованное согласие); неполное согласие (согласие-примирение, вежливое согласие, частичное согласие); неполное несогласие (частичное несогласие, вежливое несогласие, несогласие недоумение); полное несогласие (несогласие-неодобрение, несогласие-возражение, несогласие-опровержение, несогласие-отказ).

Таким образом, использованные в проанализированных научных исследованиях методы способны продемонстрировать разное восприятие мира, разное миропонимание, различные стратегии и тактики в построении дискурса представителей той или иной лингвокультуры. Результаты исследований, полученные на основе использования методов современной лингвистики будут способствовать формированию тезаурусов вторичной языковой личности (тезауруса 1 и тезауруса 2), что в свою очередь обеспечит формирование профессиональных компетенций инофонов (и наоборот) и позволит им избегать коммуникативных сбоев и неудач в коммуникации и стать полноправными участниками межкультурного речевого взаимодействия.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вольф Е. М. Метафора и оценка // Метафора в языке и тексте / Гак В. Г., Телия В. Н., Вольф Е. М. и др.; Отв.ред. В.Н.Телия. – М.: Наука, 1988. С.52-65.
2. Демьянков В. З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. 1994, №4. С. 16-23.
3. Леонтьев А. А. Общие сведения об ассоциациях и ассоциативных нормах // Актуальные проблемы современной лингвистики / Сост. Л. Н. Чурилина. М., 2006. С. 217-219.

И.Б. Череповская

*Дальневосточный федеральный университет
г. Владивосток, Россия*

I.B. Cherepovskaya

*Far Eastern Federal University
Vladivostok City, Russia*

ОБЩЕНИЕ НА УРОКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО: ФАКТОРЫ СТИМУЛИРОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

COMMUNICATION AT THE RUSSIAN LANGUAGE AS A FOREIGN LANGUAGE CLASSES: COMMUNICATIVE INTERACTION STIMULATION FACTORS

В статье обосновывается необходимость стимулирования естественно-мотивированного общения на уроке русского языка как иностранного и определяются факторы, помогающие организации коммуникативного взаимодействия при обучении иностранному языку.

Ключевые слова: *коммуникация, педагогическое общение, взаимодействие, коммуникативная потребность, русский язык как иностранный, языковая среда.*

The present article deals with stimulation of naturally reasoned communicative interaction during classes: a leading role of a teacher and additional factors that help to organize a communication process.

The key words: *communication, pedagogical interaction, intercourse, needs in communication, the Russian language as a foreign language.*

Основополагающим постулатом современных методических концепций в области обучения неродному языку является соотнесенность средств с поставленной целью. И если такой целью становится овладение навыками общения на изучаемом языке, то какие же методические приемы помогут преподавателю в этой работе?

Теория педагогического общения А.А. Леонтьева отвечает на этот вопрос, предлагая обучать «общению общением». То есть единственно возможным способом добиться оптимальных результатов становится постоянное взаимодействие с обучаемым, организация коммуникативного взаимодействия обучаемых между собой, решение методических задач в реальных ситуациях общения, моделирование таких жизненных ситуаций на занятиях и обсуждение их в группе.

Преподаватель в этом процессе не только решает собственно педагогические, организационные и методические задачи, но и становится равноправным участником и

одновременно организатором учебного общения, создающим предпосылки для заинтересованного взаимодействия членов группы. В качестве организатора коммуникативного взаимодействия в учебном процессе преподаватель должен обладать специальными экспрессивно-перцептивными умениями: «насколько он интереснее и авторитетнее именно как собеседник, настолько эффективнее в ходе взаимодействия вырабатываются навыки и умения, запоминаются слова» [6: 10]. Задача преподавателя – создать коммуникативную ситуацию с неясными последствиями, в которой обучаемый должен захотеть общаться, будучи эмоционально включенным в данную ситуацию или имея какую-нибудь практическую необходимость.

Однако было бы несправедливо возлагать исключительно на преподавателя весь груз ответственности по коммуникативному «раскрепощению» группы. Помощь преподавателю в этой нелегкой (особенно со студентами из стран АТР) работе могут оказать средства

обучения – учебные пособия и учебники, сама языковая среда, средства искусства, привлекаемые для наглядности или в качестве способа действия, и многое другое. В данной статье мы рассмотрим дополнительные возможности стимулирования коммуникативного взаимодействия на учебном занятии.

Средства обучения. Роль средств обучения в качестве опосредующих элементов взаимодействия по сравнению с ролью преподавателя можно считать дополнительной или вторичной. Тем не менее, средства обучения также могут оказывать влияние на субъектов коммуникативного взаимодействия и тем самым регулировать интенсивность, ход, способы организации взаимодействия. С точки зрения наличия или отсутствия свойств воздействия на личность средства обучения обладают или не обладают интерактивностью.

Интерактивность – это качественная характеристика средств обучения, которая отражает их возможности воздействия на личности участников коммуникации в учебной сфере. Именно интерактивные характеристики позволяют средствам обучения выступать в качестве катализатора общения с целью стимулирования, активизации и поддержки естественно-мотивированного коммуникативного взаимодействия в учебном процессе. То есть учебное пособие выступает в качестве основы и стимула для общения.

Стимулируют коммуникативное взаимодействие учебные материалы, которые отвечают требованиям аутентичности, дискуссионности и проблемности, а также включают в себя специальные задания, организующие контакты обучаемых с языковой средой, творческие задания и задания с элементами вызова.

Языковая среда. Наряду со средствами обучения важным стимулом к изучению русского языка как иностранного в России является окружающая студента языковая среда. Языковая среда понимается в методике как естественный исторически конкретный лингвокультурный социум [3; 7]. Изучающий русский язык иностранец во внеаудиторное время находится в сфере интенсивного воздействия объективных факторов языковой среды: видео- и аудиоряда, ситуативного ряда, обучающей стихии языка, национальных фоновых знаний. Языковое окружение формирует мотивы естественной деятельности и обучения.

Использование обучающего потенциала языковой среды во всех её функциях заложено в основу организации учебного процесса на краткосрочных курсах в стране изучаемого языка.

При обучении языку в условиях языковой среды методически оправданным является использование аутентичных текстов. Под аутентичностью текста в данном случае понимается его подлинность и реальность, значимость для конкретной деятельности.

Тексты определенного лингвокультурного социума, создаваемые в расчете на носителя языка, выполняют в основном функции информирования и воздействия на потребителя информации. Использование в учебном процессе реальных, естественных для языковой среды, формирует новые области их функционирования: представление актуального для усвоения языкового материала, расширение лексического запаса и лингвокультурологических знаний изучающих иностранный язык. Аутентичные тексты, используемые в учебных целях, имеют дополнительную функцию – стимулирования «коммуникативной потребности», желания вступить в диалоговое взаимодействие на изучаемом языке. Отнесенность текстов к конкретным фактам жизни страны изучаемого языка позволяет включать учащегося в процессы коммуникативного взаимодействия в рамках новой для него лингвокультурной общности, что становится одним из путей формирования потребности в общении на неродном языке.

Языковая среда в этом случае не становится внеаудиторным дополнением к учебному процессу, а активно включается в него через референциально отнесенный текст, становится полигоном для коррекции, углубления, реализации знаний, умений и навыков.

Аутентичность и референциальная отнесенность учебных текстов служит также задачам поддержания и повышения мотивации достижения успеха. Многообразные связи учебного текста с реалиями языковой среды стимулируют механизмы положительной самооценки: помогают учащимся осознать рост собственных знаний, применимость этих знаний в условиях внеаудиторного общения в среде изучаемого языка.

Использование коммуникативно-естественных текстов с актуальной для

участников коммуникации информацией способствует созданию на уроке атмосферы общей заинтересованности в результатах обсуждения, что позволяет достичь подлинного коммуникативного взаимодействия. Существенным фактором активизации коммуникативного взаимодействия является также наличие нового для учащихся знания в предлагаемых на учебном занятии текстах, так как учет когнитивной базы адресата текста – один из главных признаков естественного (опосредованного информационным блоком) общения.

В настоящее время ставится вопрос об использовании в учебном процессе заданий, ориентированных на обучение в языковой среде. Учебник в этом случае демонстрирует основные приемы методической организации языковой среды, превращая ее в средство и инструмент обучения.

Использование в учебном пособии приема «выхода в языковую среду» отвечает этим целям, обеспечивая связь учебных материалов с внеязыковой действительностью страны и способствуя активному привлечению всех воздействующих функций языковой среды в учебный процесс.

Реализация приема «выхода в языковую среду» на уровне учебного пособия осуществляется различными способами:

- экспликацией отнесенности учебных материалов к языковой среде (референциальные «привязки» используемых в учебном пособии текстов, использование аутентичных иллюстраций);
- включением в учебное пособие заданий, организующих контакты учащихся с носителями изучаемого языка (интервью, опросы, совместные проекты);
- использованием учебных заданий, организующих работу учащихся с носителями информации на изучаемом языке (периодические издания, телевидение и радио, русскоязычные ресурсы Интернета).

Практику в общении на русском языке учащийся получает не только в рамках учебного процесса, но и во время подготовки и проведения внеаудиторных мероприятий, на заседаниях студенческих клубов. Система внеаудиторных мероприятий создает необходимую для общения на изучаемом языке заинтересованность в результате общения, обеспечивает связь обучаемых с языковой средой,

стимулирует их интерес к стране изучаемого языка. В рамках работы студенческих клубов русские и иностранные студенты встречаются в неформальной обстановке, обсуждают проблемы, интересующие современную молодежь во всем мире, участвуют в различных совместных акциях.

Искусство. Исследование факторов активизации процесса обучения приводит к выводу о необходимости воздействия на все стороны личности. «Эмоции стимулируют речевой акт, они способствуют «развязыванию», началу речевого акта <...>» [2: 657]. Введение в учебный процесс средств искусства (музыки, живописи, кинематографии, театра) создает как страноведческий, культурологический, так и эмоциональный контекст. Взгляд на искусство как на форму духовно-практической деятельности, в которой развиваются и осваиваются всеобщие человеческие способности, новые формы общения, позволяет рассматривать искусство в качестве одного из средств развития речевой коммуникации.

Особенность искусства заключается в том, что, принадлежа к средствам внешнего воздействия на человека, представляя собой чужой чувственный и мыслительный опыт, искусство обладает при этом достоинствами личного опыта: его непосредственностью, наглядностью и конкретностью. По сути дела, искусство моделирует общение, расширяя возможности реальной коммуникации. «В художественном общении могут актуализироваться и действительно актуализируются разные, а не только эстетические отношения: нравственные, духовные, религиозные, политические, правовые» [5: 341].

Можно предположить, что технология восприятия искусства интернациональна по своей сути и не требует специальной подготовки учащегося перед введением в учебный процесс средств искусства. Универсальность эстетического восприятия связана с синтезией, со способностью ассоциировать посредством всех чувств, что делает восприятие художественного образа естественным и доступным для представителей разных культур, людей разных возрастов. Однако, по всей видимости, при использовании средств искусства в учебной практике необходимо в большей мере учитывать гетерономные формы организации художественного целого, так как

они более универсальны. При использовании предметов искусства на уроках иностранного языка автономность, присущую любому художественно ценному произведению искусства, следует отнести к факультативным факторам воздействия на мотивацию, психологический настрой учащихся, так как мы не вправе ожидать от иностранных учащихся запланированной эмоциональной реакции на непривычные для них формы, отличные от их национальной культурной традиции. Произведения искусства, отобранные с учетом их «прозрачной» гетерономной структуры, ясного художественного языка, могут использоваться в учебном процессе с большим успехом.

Использование средств искусства в процессе обучения неродному языку следует, по-видимому, отнести к области применения наглядности в учебном процессе. Выделяются следующие функции наглядности: информирующая; контролирующая; семантизирующая; воссоздающая ситуации общения; стандартизирующая; стимулирующая высказывание [1: 168]. Учитывая эмоциональный потенциал произведений искусства, используемых в процессе обучения неродному языку, правомерно, на наш взгляд, говорить также об эмоционально-стимулирующей функции наглядности, которая проявляется в стимулировании познавательной и коммуникативной активности в ходе художественного восприятия.

Заметим, что сферой применения средств искусства в качестве наглядных пособий их воздействующий потенциал не ограничивается. Можно говорить об использовании средств искусства в учебном процессе и внеаудиторной работе как в качестве иллюстрации (живопись, музыка, кино), так и в качестве способа или приема действия (театр, музыка). Введение в разговорную практику урока элементов кукольного театра, например, существенно повышает активность обучаемых, так как принятие на себя роли героя диалога или полилога, игровая ситуация способствуют снижению психологического дискомфорта и неуверенности.

Креативные задания. Снижению психологического дискомфорта и поддержанию мотивации способствует также использование в учебном процессе творческих заданий. Творческое начало каждой личности играет важную роль в её познавательной активности. Творческий, способный на нетрадиционные решения

учебных задач учащийся, как правило, имеет большие успехи в обучении, так как обладает синтетичностью в восприятии окружающего мира и высоким уровнем когнитивной гибкости.

Формирование у учащихся целенаправленной установки на творческую когнитивную деятельность стимулирует порождение интеллектуальных эмоций, свободной ассоциативности мышления, многократное увеличение объема долговременной памяти, привлечение всех органов чувств, помогает сохранять мотивацию к обучению на русском языке [4: 243].

Выделяется ряд ситуативных и личностных условий, тормозящих творческую деятельность. К ситуативным условиям относятся: лимит времени; состояние стресса; слишком сильная или слишком слабая мотивация; наличие фиксированной установки на конкретный способ решения; неуверенность в своих силах, страх; повышенная самоцензура и др. Личностными факторами, негативно влияющими на процесс творчества, являются: конформизм; неуверенность в себе/самоуверенность; избегание рискованного поведения; эмоциональная подавленность; высокая тревожность как личностная черта и др. [8: 163].

Многими из описанных характеристик, тормозящих творческую деятельность, в силу ряда национально-культурных традиций и этнокультурного стиля учебной деятельности, обладают учащиеся из стран АТР. Преподаватель, ориентируясь на возможность учебной группы, может ограничивать число творческих заданий на уроке рамками факультативных и поли-ориентированных заданий, требующих небольшого включения творческого потенциала студента. При этом следует уделять внимание созданию комфортного психологического климата в группе, учитывая индивидуальные особенности ученика и характеристики конкретного учебного коллектива.

Приемы стимулирования творческого потенциала обучаемых можно разделить на три группы: игровые задания, ролевые игры и совместные творческие проекты. Учитывая степень самостоятельности учащихся в учебной деятельности, ролевые игры, в свою очередь, подразделяются на направляемые (задана ситуация, дано детальное описание хода диалога) и свободные (самостоятельное моделирование ситуации). С точки зрения соответствия

предлагаемой ситуации реальности можно разделить творческие задания на реалистичные и фантастические. При умелом использовании (с учетом национально-культурных особенностей учащихся и соблюдении баланса между традиционными и игровыми методами) любые из них обеспечивают мотивацию, приносят удовольствие от общения на изучаемом языке.

В заключение хотелось бы сказать, что поиск новых методических решений в области преподавания иностранных языков стимулирует сама жизнь: существенные изменения современного коммуникативного пространства, смена манеры мышления и поведения людей. Поэтому перспективной задачей дальнейшего развития методических концепций, по всей видимости, станет моделирование целостного процесса обучения на новом уровне – уровне рассмотрения учебного общения в качестве интерактивного, опосредованного средствами обучения, личностно-мотивированного коммуникативного взаимодействия субъектов коммуникации – учащихся и преподавателя.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Словарь методических терминов (теория и практика преподавания языков). СПб.: «Златоуст», 1999. 472 с.
2. Гак В.Г. Языковые преобразования. М., Школа «Языки русской культуры», 1998.
3. Журавлёва Н.А. Языковая среда как обучающий фактор и резерв повышения эффективности краткосрочного обучения русскому языку. Автореф. дисс. ... канд. педагог. наук. М, 1981.
4. Колосницына Г.В. Учебный комплекс «Ритмы России» (язык и культура: ритмодинамическая технология обучения) //Материалы IX Конгресса МАПРЯЛ. Докл. и сообщ. российских ученых. М., 1999. С.242-251.
5. Леонтьев А.А. Психология общения.–3 изд.– М.: Смысл, 1999.
6. Костомаров В.Г., Митрофанова О.Д. Учебный принцип активной коммуникативности в обучении русскому языку иностранцев//Современное состояние и основные проблемы преподавания русского языка и литературы. V Конгресс МАПРЯЛ. Доклады сов. делегации. М.: Рус. яз., 1982. С.3-20.
7. Орехова И.А. Языковая среда. Попытка типологии. М., 2003. 194 с.
8. Смирнов С.Д. Педагогика и психология высшего образования: от деятельности к личности. Учеб. пособие для слушателей фак-тов и ин-тов повышения квалификации преподавателей вузов и аспирантов. М.: Аспект Пресс, 1995. 271 с.

Н.Н. Скидан, Н.В. Фролова
 Дальневосточный федеральный университет
 г. Владивосток, Россия

N.N. Skidan, N.V. Frolova
 Far Eastern Federal University
 Vladivostok City, Russia

ИНТЕРАКТИВНОЕ СТРАНОВЕДЕНИЕ

INTERACTIVE COUNTRY STUDIES

В статье описывается накопленный за несколько последних лет опыт организации и проведения различных аудиторных и внеаудиторных мероприятий, направленных на формирование коммуникативной, общестрановедческой и лингвострановедческой компетенций учащегося при изучении русского языка как иностранного в Институте международного образования ДВФУ.

Ключевые слова: *страноведение, лингвострановедение, русский язык как иностранный, интерактивность, коммуникативность, метод, проект, лекция.*

The main objective of the present abstract is to describe the author's experience in organization and presentation of in-doors and out-doors activities accumulated for the last several years directed to forming the communicative and country studies competencies using the Russian language as a Foreign Language at the Institute of International Education of the Far Eastern Federal University.

The key words: *Country Studies, Country Studies through Language studies, the Russian language as a Foreign Language, interaction, communicativeness, method, project, lecture.*

Основной целью данной статьи является описание и краткий анализ накопленного за последние несколько лет практического опыта преподавания русского языка как иностранного в лингвострановедческом аспекте.

Дополнительного разъяснения требуют несколько основных позиций, на которые мы будем опираться в процессе изложения.

Во-первых, в понимании лингвострановедения мы следуем за Е.М. Верещагиным и В.Г. Костомаровым, которые определяют лингвострановедение как аспект, «в котором с целью обеспечения коммуникативности обучения и для решения общеобразовательных и гуманистических задач лингводидактически реализуется кумулятивная функция языка и проводится аккультурация адресата, причем методика преподавания имеет филологическую природу – ознакомление проходит через посредство русского языка и в процессе его изучения» [1: 36]. Кроме того, мы видим лингвострановедение как аспект интерактивный. Под интерактивностью мы понимаем свойство любого

посредника в учебном процессе, стимулирующее коммуникативное взаимодействие. Такими, например, являются специальные задания, способствующие установлению коммуникативных связей «студент – преподаватель», «студент – студент» и т.п.

Во-вторых, объектом нашего внимания является аудиторная (в меньшей степени) и внеаудиторная лингвострановедческая работа и ее формы, которые уже апробированы и дали первые результаты, а также некоторые перспективные в современной методике формы лингвострановедческой деятельности.

Лингвострановедение как аспект, решая свои первоочередные задачи, служит также сильнейшим мотиватором для изучающих русский язык как неродной [5: 16-17]. Пробудить любопытство и интерес и желание вступить в коммуникативный акт, узнать новое самостоятельно и получить удовлетворение от мысли «меня понимают, со мной говорят, я понимаю, я говорю» – в этом и заключается мотивирующая составляющая лингвострановедческого

аспекта. Приведем пример. На заключительном уроке на начальном этапе обучения по теме «Русская кухня. Кафе, ресторан» студенты получают интерактивное домашнее задание: «Узнайте у русских студентов, что обычно готовит на завтрак их мама. Запишите, как называются блюда, какие продукты надо купить, чтобы их приготовить. Используйте слова, которые вы уже знаете: Скажите, пожалуйста, что? Как называется?». Задания подобного рода пробуждают интерес, который, в свою очередь, включает студента в коммуникацию. Позже, во время следующего урока, имеется отличный шанс сравнить полученную новую информацию с той, которой уже располагает студент – его собственной, культурной. Таким образом, интерактивное лингвострановедческое задание, интегрированное в учебный процесс, успешно служит решению всех вышеназванных задач лингвострановедения как аспекта.

До недавнего времени традиционной и не всегда регулярной формой внеаудиторной лингвострановедческой работы были учебные экскурсии (УЭ). Название говорит само за себя: их целью в большей степени была визуализация лексического минимума, изучаемого на разных этапах РКИ. УЭ проводились русскими студентами-практикантами, получавшими инструктаж о маршруте экскурсии и листы самооценки для иностранцев у преподавателя. Однако, как показала практика, экскурсии с русскими студентами сводились большей частью к практике любого иностранного языка, кроме русского. Так что со временем такая форма работы стала непопулярной и утратила свою актуальность. Время от времени преподаватели по собственной инициативе проводили учебные экскурсии для обучаемых групп, предлагая студентам посетить то или иное место – рынок, магазин, аптеку. Преподавателю в такой ситуации всегда отводилась роль лидера и экскурсовода. Как правило, коммуникативные задания были спонтанными и малоценными с точки зрения обретения нового культурного знания.

Таким образом, встал вопрос о новых, более современных, интерактивных формах взаимодействия студента с окружающей его действительностью посредством русского языка.

Одной из таких масштабных форм стал Фестиваль иностранных студентов, ежегодно

проводимый в стенах ДВГУ, а теперь уже ДВФУ. И важнейшее место в этом мероприятии занимает тот материал, который предлагается студентам для демонстрации на Фестивале. Команда преподавателей ИМО ДВФУ, осуществляющая подготовку студентов к Фестивалу, с особой тщательностью подходит к отбору представляемого материала: русские песни и сказки, которые становятся основой для театрализованной постановки, должны в первую очередь соответствовать традиционным представлениям о русском народе как о великом, добром, толерантном, глубоко чувствующем, готовом прийти на помощь в трудную минуту. Русские песни, исполняемые учащимися нашего института, являются символом целых поколений русских людей. Подробную информацию о духовных и культурных ценностях, заключенных в русских стихах, прозе, пьесах, студенты получают на внеаудиторных встречах с преподавателем, поэтому роль преподавателя остается ведущей на протяжении всего периода подготовки к Фестивалу. Особенную атмосферу на репетициях создают русские костюмы, которые становятся своеобразным культурным ключом, позволяющим студенту приоткрыть тайны русской души. С каждым годом все больше студентов изъявляет желание принять участие в Фестивале. Практика показывает, что студенты, участвовавшие в Фестивале, продолжают свое обучение с гораздо более высоким интересом, их словарный запас расширяется, знания о русских, их обычаях и культуре становятся более глубокими и понятными. Во многом преобразуется и поведение таких студентов: имея более высокий уровень мотивации, они начинают чувствовать себя более уверенно на уроках, проявляя повышенную активность по сравнению с другими студентами, легче преодолевают языковой барьер.

Однако у крупномасштабных проектов есть и свои недостатки: во-первых, они требуют серьезной и длительной подготовки на протяжении большого периода; во-вторых, они не происходят часто. Поэтому необходимы такие формы работы, которые не требовали бы долгой подготовки, способствовали повышению интереса и мотивации к изучению русского языка, одним словом, соответствовали тем задачам, которые решает лингвострановедение.

Практически для любого уровня владения иностранным языком рекомендуется использовать страноведческий материал разного объема и содержания во время аудиторных занятий (специальные страноведческие курсы, включенные в программы обучения РКИ), а также во внеаудиторной практике.

С 2009 года в стенах ИМО ДВФУ начал функционировать страноведческий клуб «Хочу все знать!». Основной целью клуба является ознакомление учащихся с информацией о России и русских, выходящей за рамки учебных программ, посредством русского языка. Перед клубом стояли нелегкие задачи: за сравнительно небольшой отрезок времени сообщить достаточный объем информации. «Интенсивно, информативно, интерактивно» – стало не только девизом клуба, но и его программой. Основной формой презентации лингвострановедческого материала стала традиционная лекция, снабженная визуальным рядом. Иллюстрации, фотографии, репродукции с точки зрения содержания страноведчески наполнены, актуальны, современны, доступны по манере исполнения. Однако, как бы ни была наполнена информационно иллюстрация, она все равно не будет до конца понятной. И здесь преподавателю на помощь приходит лингводидактический прием обучающей дополнительной визуальной и вербальной рядов [1: 173]. Картинка подкреплена кратким страноведческим комментарием с выделенными ключевыми словами. По мере введения ключевых слов студенты отыскивают соответствующие детали на рисунках. Таким образом, кумулятивное восприятие текста лекции, которую студенты не только слушают, но и могут прочитывать, становится идентичным кумулятивному восприятию изображения: во время прослушивания и прочитывания текста в сознании студента «накапливаются смысловые вехи – носители новой информации» [1: 174].

Тематика лекций определяется в начале каждого семестра таким образом, чтобы был представлен широкий спектр областей знаний: география России, история и культура России, история русского языка, великие люди России и др. (достаточно подробно о работе клуба мы рассказали в нашей статье [4: 97-100]).

В последние годы количество обучающихся на курсах РКИ в ИМО ДВФУ увеличилось в несколько раз. Временем была продиктована

необходимость в применении таких форм лингвострановедческой деятельности, которые вовлекали бы в процесс как можно больше участников. Такой формой с 2010 года стал Марафон. Идея организовать Марафон как коллективное познавательно-творческое внеаудиторное мероприятие пришла накануне празднования 150-летия Владивостока. Марафон стал своеобразным результатом и обобщением всей предыдущей лингвострановедческой деятельности в ИМО ДВФУ. Его основная идея заключается в движении – пройти некую дистанцию, увидеть все своими глазами, приобщиться к историческому факту на том самом месте, где когда-то была Корейская улица или играли в карты китайцы-рыбаки. Такой «натуральный» визуальный ряд, подкрепленный страноведческим комментарием преподавателя, должен был стать тем самым интерактивным фактором, стимулирующим коммуникативное взаимодействие. Основной целью Марафона стала активизация познавательного регионально-исторического интереса учащихся, повышение мотивации к изучению РКИ, стимулирование коммуникативной активности. Для достижения поставленной цели было необходимо последовательно решить ряд задач: 1) разработать маршруты экскурсий по историческим местам Владивостока; 2) составить информационно-энциклопедические тексты об этих местах. Далее участникам Марафона – а ими стали все преподаватели и все студенты ИМО ДВФУ – предлагалось отправиться на экскурсию в одно из предлагаемых исторических мест Владивостока. На плечи преподавателя – куратора группы ложилась ответственность за информирование студентов, проведение полноценной экскурсии с рассказом о том или ином месте Владивостока. Были предложены экскурсии с учетом разного уровня владения языком. Таким образом, даже студенты, только начавшие изучать русский язык, смогли стать полноценными участниками действия. Экскурсии продолжались в течение месяца. За это время студенты побывали в разных местах, прогулки по городу и получение историко-культурной информации стало популярным среди студентов.

Финальная стадия Марафона подразумевала, во-первых, фотоотчет, а во-вторых, подготовленное самостоятельно и отредактированное сообщение в свободной форме о том,

где побывала группа и что нового она узнала. В подготовке отчета должны были принимать участие все студенты группы – это было обязательным условием. Для большинства это было не только первое выступление с речью на русском языке, но и первое публичное выступление в жизни. Выступления студентов сопровождалось визуальным рядом с фотографиями тех мест, о которых шел рассказ.

Страноведческие марафоны, как правило, посвящаются юбилейным датам, широко отмечаемым в РФ, например, 200-летию со дня рождения А.С. Пушкина, 150-летию основания Владивостока, 50-летию полёта человека в космос и т.д. По результатам работы Клуба формируется страноведческая интерактивная коллекция лингвокультурологических материалов, которую планируется опубликовать в качестве учебного пособия по страноведению России для аудиторных занятий с иностранными студентами.

Таким образом, Марафон – это ряд определенных организаторским планом действий с отчетом в свободной форме. Роль преподавателя в Марафоне существенна, однако координаторская функция неявна, она сводится к помощи студенту в работе над текстом речи. Тематика Марафона может быть различной и определяться в соответствии с нуждами и потребностями учебного процесса.

По итогам проведения Марафона можно было отметить следующее: марафон оказался не только лингвострановедческим, но и обучающим: произошла активизация разных видов речевой деятельности – аудирования, говорения, письма, чтения на разных уровнях владения языком; в коммуникативный акт в неформальной обстановке было вовлечено максимальное количество студентов; кроме того, многими студентами были преодолены психологические зажимы, связанные с необходимостью коммуникативного взаимодействия в языковой среде.

Проведение Марафонов становится традиционным; по нашему мнению, Марафон как форма лингвострановедческой деятельности может быть как крупномасштабным, так и организованным в рамках группы. Преподавателю важно четко сформулировать цель и коммуникативную задачу, дать необходимую

страноведческую информацию и оказать помощь в подготовке отчета, который может быть факультативным, если Марафон проходит в группе.

Новым для нас методом вовлечения студентов краткосрочных курсов в лингвострановедческую деятельность стал метод проектов. К использованию метода проекта в учебной работе мы подошли уже вплотную. Этот метод известен уже давно [3]. Проекты, предназначенные для обучения языку, обладают как общими для всех проектов чертами, так и отличительными особенностями, среди которых главными являются следующие: 1) использование языка в ситуациях, максимально приближенных к условиям реального общения; 2) акцент на самостоятельной работе учащихся (индивидуальной и групповой); 3) выбор темы, вызывающей большой интерес для учащихся и непосредственно связанной с условиями, в которых выполняется проект; 4) отбор языкового материала, видов заданий и последовательности работы в соответствии с темой и целью проекта; 5) наглядное представление результата [2]. Однако нами в полной мере до сих пор не использовались все вышеперечисленные элементы проекта.

Детальная проработка этого метода с учетом специфики краткосрочных курсов, а также обучения студентов на подготовительном факультете на данный момент весьма актуальна. Особо хочется подчеркнуть практическую значимость метода проектов для студентов – подфаковцев: проектная деятельность, подразумевающая большую долю самостоятельной работы, представляет собой базу для дальнейшего формирования у студента умения вести поисковую деятельность на иностранном языке, публично представлять результаты своей работы, что фактически студенты 2,3,4,5 курсов делают во время подготовки и защиты курсовых и дипломных работ.

Итак, на примере разных аудиторных и внеаудиторных форм лингвострановедческой деятельности мы постарались представить тот опыт, на котором базируется и развивается страноведение в ИМО ДВФУ, а также кратко обрисовать ближайшие учебно-методические и практические задачи, стоящие перед творческим коллективом ИМО ДВФУ.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Страноведение и преподавание русского языка как иностранного. – М.: Наука, 1999. – 350 с.
2. Кочетурова Н. Метод проектов в обучении языку: теория и практика, <http://www.itlt.edu.nstu.ru/article4.php>
3. Полат Е.С. Метод проектов, <http://distant.ioso.ru/project/meth/metodpro.htm>
4. Скидан Н.Н., Фролова Н.В. Познавательное страноведение – интенсивно, информативно, интерактивно (из опыта работы страноведческого клуба ИМО ДВГУ «Хочу всё знать!») // Русский язык как иностранный. 20 лет на Дальнем Востоке России. Педагогический поиск: сборник научных статей. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2010. – 296 с.
5. Череповская И.Б. Преподавание русского языка как иностранного в ДВГУ: 20 лет РКИ на Дальнем Востоке // Русский язык как иностранный. 20 лет на Дальнем Востоке России. Педагогический поиск: сборник научных статей. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2010. – 296 с.

МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС: ЗАПАД – РОССИЯ – ВОСТОК

THE WORLD LITERATURE PROCESS: WEST – RUSSIA – EAST

УДК 82.0

Е.А. Первушина

*Дальневосточный федеральный университет
г. Владивосток, Россия*

E.A. Pervushina

*Far Eastern Federal University
Vladivostok City, Russia*

ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ РЕЦЕПЦИЯ КАК ФЕНОМЕН МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

TRANSLATORS' RECEPTION AS A PHENOMENON OF CROSSCULTURAL COMMUNICATION

Рассуждая о перспективах современных филологических подходов в изучении межкультурной коммуникации, автор статьи обращает внимание на художественный перевод как один из самых действенных способов реализации межнационального общения культур. Научное внимание к проблемам переводной литературы и переводной множественности, направленное на постижение феномена переводческой рецепции, позволит углубить и усовершенствовать филологические позиции в исследовании явлений межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: *межкультурная коммуникация, переводческая рецепция, художественный перевод, переводная литература, переводная множественность.*

Discussing the prospects of some modern philological approaches to the study of crosscultural communication, the author of the present article pays special attention to the literature translation as one of the most effective methods of implementing communication of international cultures representatives. The scientific attention to the problems of translated literature and of multiple translations aimed at comprehending the phenomenon of translators' reception deepens and improves the philological position in this phenomenon studies.

The key words: *crosscultural communication, translators' reception, literature translation, translated literature, multiple translations.*

Заявленный в заглавии тезис о переводческой рецепции как о феномене межкультурной коммуникации требует уточнения нашей исходной теоретической позиции. Напомню поэтому некоторые хрестоматийно известные подходы к явлению межкультурной коммуникации. Прежде всего, ставшее классическим определение межкультурной коммуникации как адекватное *взаимопонимание* двух участников коммуникативного акта, принадлежащих к разным национальным культурам [2: 26]. Известно, что это определение было представлено в изданной в 1990 г. книге Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова «Язык и культура», которая во многом способствовала не только утверждению лингвострановедческого аспекта в изучении языка, но и общему усилению лингвистического понимания и самой культуры, и межкультурной коммуникации.

Конечно, не менее известно признание методологической недостаточности одного только лингвистического подхода, поскольку глубинная наполненность и широчайшая комплексная системность категорий «культура» и «диалог культур» выявили необходимость междисциплинарного изучения, позволявшего включать методы этнологии, герменевтики, когнитивной психологии и других гуманитарных наук. Однако нельзя при этом забывать, что, во-первых, именно лингвисты инициировали расширение исследовательского пространства, изучаемого межкультурной коммуникацией, а во-вторых, современная глобализация гуманитарной науки в свою очередь способствовала углублению и совершенствованию филологических перспектив в исследовании межкультурной коммуникации.

Профессор РУДН И.А. Пугачев в статье «Межкультурная коммуникация и межкультурный диалог» справедливо отметил, что лингвистический уклон заметно активизировал семиотические подходы, позволявшие рассматривать и культуру, и язык как знаковые системы. «При этом, – уточнил исследователь, – культура и язык выводятся на равнозначный уровень, где в самом широком смысле культура понимается как содержание, а язык – как форма существования данного содержания» [4]. Органичным воплощением данной позиции явилось деятельное развитие лингвокультурологических идей, определивших новые лингводидактические стратегии, и в фундаментальном труде

С.Г. Тер-Минасовой «Язык и межкультурная коммуникация» был поставлен вопрос о необходимости изучения мира изучаемого языка [6]. Идея межкультурной компетенции, разрабатываемая в русле такого подхода, в числе прочего активизировала интерес к изучению литературно-художественного бытования изучаемого языка. Уместно в связи с этим напомнить сказанное И.А. Бродским: «Когда мы хвалим ... поэта, мы всегда совершаем ошибку, потому что хвалить надо не поэта, а язык. Язык – не средство поэзии; наоборот, поэт – средство или инструмент языка, потому что язык уже существовал до нас, до этого поэта, до этой поэзии и т. д. Язык – это самостоятельная величина, самостоятельное явление, самостоятельный феномен, который живёт и развивается. Это в некотором роде как природа... А поэт или писатель только оказывается поблизости, чтобы подобрать плоды. *Поэзия, в сущности, высшая форма лингвистической, языковой деятельности...* поэзия... – это цель человека как биологического вида... Можно сказать, что поэзия – это наивысший вид семантической деятельности. Язык – важнее, чем Бог, важнее, чем природа, важнее, чем что бы то ни было иное для нас как биологического вида» [1: 143; курсив мой. – Е.П.].

Рассуждая о перспективах новых филологических подходов в исследованиях межкультурной коммуникации, я обращаю особенное внимание на явление художественного перевода как одного из самых действенных способов реализации межнационального общения культур. «...Чтение иностранных авторов, – пишет С.Г. Тер-Минасова в упомянутой монографии, – это вторжение в чужой монастырь. Мы видим и... оцениваем этот чужой мир через призму своей культуры» [6: 24]. В результате, продолжает исследовательница, возникает взрывоопасная ситуация конфликта культур, для устранения которой наука и образование должны решить «сложные и благородные» задачи: во-первых, изучить проявления разных культур, а во-вторых, научить уважать и понимать их. В сущности, эти же задачи, но ещё и дополненные ответственнейшей необходимостью эстетического перевоссоздания подлинника, встают перед переводчиками художественных текстов. Замечательным итогом их рецептивной творческой энергии является т.н. переводная литература, формируемая произведениями,

переведёнными с языка исходной, оригинальной литературы на язык принимающей, переводящей литературы.

В настоящее время признано, что обращение к проблемам переводной литературы позволило исследователям открыть новые перспективы научного осмысления коммуникативных возможностей художественного перевода. Особого внимания заслуживают выводы о художественной самобытности и особом онтологическом статусе переводной литературы, выполняющей свою культуросозидательную функцию в сложном диалогическом взаимодействии переводимой и переводящей литератур. Безусловно конструктивными при этом оказались функционально-рецептивные научные подходы, которые позволили увидеть бесконечно новые смысловые глубины, открываемые переводчиками разных исторических эпох.

Конечно, далеко не каждое творение способно выйти за пределы породившего его конкретно-исторического периода и продолжить своё бытование в «большом времени» (М.М. Бахтин) литературы, но только в таком измерении произведение обретает статус шедевра. Современники Шекспира совершенно не знали того великого и гениального автора, которого знаем мы, наш Шекспир – уже не исторически реальный человек, а некий миф, сотворённый не только самим автором, но и его интерпретаторами, в ряду которых видное место принадлежит переводчикам. И как ни значительны приоритеты авторской первичности и исполненных высочайшего потенциала созидательных импульсов Шекспира, его русская сонетиана (а это один из самых репрезентативных образцов переводной множественности в истории отечественной переводной литературы) была бы невозможна без её переводсоздателей. Проецируя подлинник в другую эпоху, другой литературный язык и другую культурно-художественную реальность, в перспективе нового времени они сотворили новую жизнь «Сонетов».

Базовым средоточием названных исследовательских стратегий ученые признали категорию *переводческой рецепции*. В своих предыдущих работах мы показали, что в процессе становления и исторического развития отечественной переводческой рецепции знаменитых стихов появилось нечто феноменальное

– русская шекспировская сонетиана. Открывая всё более многоликого Шекспира, она постепенно обрела способность быть в значительной мере самостоятельным, самоорганизующимся и судьбоносно влиятельным художественным явлением [3]. Подобная возможность вытекает из специфической природы переводной литературы: не укладываясь в контекст только переводимой или только переводящей словесностей, эта литература по характеру межкультурного диалогизма принципиально отличается от литератур, имеющих конкретную национальную принадлежность.

Прежде всего следует отметить особую открытость и гибкую подвижность переводной литературы, её устремлённость к постоянному обновлению, широкой вариативности новых переводческих версий. Они возникают не только в связи с неизбежным историческим устареванием всякого перевода, но и в разнообразии одновременных переводных вариантов, рождаемых по законам неисчерпаемости воспринимающего сознания. Отмечено, что феноменальным результатом такой системы стимулирующих взаимосвязей оригинала и перевода – «бесконечности против бесконечности», как говорил Бахтин, – стало развитие *переводной множественности*. Невиданный рост синхронической переводной множественности в истории русских переводов Шекспира произошёл на рубеже XX–XXI вв. Острое ощущение незавершённости переводческого поиска, усиленное разочарованием в работе С.Я. Маршака, инициировало широчайший поиск новых творческих решений, и в условиях активно утверждающейся в России постмодернистской эстетики процесс стал обретать черты массового социокультурного феномена. Художественное пространство поэзии самого Шекспира открывало возможности беспредельной переводческой игры с его стихами, и многие современные трактовки кардинально меняли привычный имидж того или иного стихотворения.

Показательный пример – переводы одного из самых любимых в России сонетов Шекспира – 130-го. Он всегда требовал от переводчиков виртуозного лексического мастерства, чтобы читатели увидели в высмеиваемых автором сравнениях банальные поэтические штампы и адекватно соотнесли эту авторскую иронию с той нежностью любовного восторга,

которой окрашено заключительное двуступенчатое, утверждающее, что героиня никому не уступит в красоте. Но именно эта нежность часто воспринималась главной в лирической тональности стихотворения. За это настроение и полюбился читателям перевод Маршака. Напомним его.

Её глаза на звезды не похожи,
Нельзя уста кораллами назвать,
Не белоснежна плеч открытых кожа,
И чёрной проволокой вьется прядь.
С дамасской розой, алой или белой,
Нельзя сравнить оттенок этих щёк.
А тело пахнет так, как пахнет тело,
Не как фиалки нежный лепесток.
Ты не найдёшь в ней совершенных линий,
Особенного света на челе.
Не знаю я, как шествуют богини,
Но милая ступает по земле.
И всё ж она уступит тем едва ли.
Кого в сравненьях пышных оболгали [8: 176].

У многих современных авторов таким главным настроением, напротив, стала ироническая насмешливость, причём по отношению не к отвергаемым поэтическим штампам, а к самой героине. В результате у В.А. Козаровецкого читаем, что героиня «немножко косолапит», что «Её очам до звёзд далековато, / Уста её имеют бледный вид, / А перси сероватобуроваты, / И запах лона вряд ли удивит» [9]. Р.И. Винонен выразительно конкретизировал шекспировскую фразу о том, что есть ароматы намного приятнее, чем запах, исходящий от его возлюбленной («*some perfumes is there more delight / than in the breath that from my mistress reeks*»), заявляя, что «и парфюмам, ежели всерьёз, навряд ли пот в сравнение годится» [7: 63], а у Ю.И. Лифшица дыхание его героини попросту «смердит» [10: 148]. С.А. Степанов вообще предложил эпатажную трактовку 130-го сонета, восприняв его стихотворением-розыгрышем, посвящённым отнюдь не Даме. Переводчик-антистрэтфордианец убеждён, что в сонете, написанном не Шекспиром, а графиней Рэтленд, представлено пародийное осмеяние внешности её супруга, графа Рэтленд. Все шекспировские упоминания о бурой коже, неприятном запахе и тяжёлой походке здесь звучат саркастической издёвкой над болезненно неприглядной внешностью страдающего сифилисом графа Рэтленда [5: 256–259].

Примеры множественности переводных версий шекспировских сонетов можно

продолжать очень долго. Однако и уже приведённых достаточно, чтобы понять, что в данной ситуации мы можем говорить только о косвенном, опосредованном акте межкультурной коммуникации, содержание которой явно выходит за рамки процитированной в начале дефиниции Костомарова и Верещагина, акцентировавших слово «взаимопонимание». В подобных случаях, когда, по мнению Тер-Минасовой, «культурный барьер менее видим и осязаем», рецептивный переводческий поиск начинает быть ещё более свободным и подвижным, а переводная множественность приобретает обобщающую концентрированность и гибкую маневренность ассоциативных творческих пересечений. Поэтому в современной переводческой игре с сонетами Шекспира активизировались *центоны* – стихотворения, составленные из строк разных стихотворений разных авторов. В постмодернистской литературе с присущим ей духом скептического разочарования в исторической значимости явлений реальности и состоявшихся художественных достижений центон становится особенно распространённым приёмом. Именно центон, который по своей природе и форме уже являет своеобразную литературную игру, позволяет осуществить характерные для постмодернизма эстетические мутации и стилевые диффузии в ироничной подмене формы антиформой, цели – игрой, замысла – случаем, метафоричности – метонимичностью. Приведем для примера два центона, составленных С.Г. Шестаковым из русских переводов шекспировских сонетов [11].

Позаимствованные для центона строки	Авторы строк
Я смерть зову. Мне опостылел свет:	В.З. Иванов-Паймен
Здесь нищего не пустят на порог	А.М. Штыпель
И самой чистой вере веры нет,	И.М. Ивановский
И в золоте купается порок;	С. Ильин
Мне горько видеть купленный почёт,	С.А. Заславский
Невинность в сальных лапах мудака,	А. Ванник
Как власть поэту зажимает рот,	А.С. Либерман
И мудрость под пятой у дурака,	В.А. Савин
И Музу на посылках у властей,	Loveless
И Силу, что Коварство оплело,	А.М. Финкель
И праздник лжи над правдою страстей,	М. Дудин
И доброту, склонённую пред злом.	С.Г. Шестаков – Санталов

Я смерть зову, устав от этих мук,	Vitaly Igorewitsch
Но как тебя покинуть, милый друг!	С.Я. Маршак

Позаимствованные для центона строки	Авторы строк
Я смерть зову. Я до смерти устал –	В.Э. Орёл
Нет силы видеть муки нищеты	Б.А. Кушнер
И сытого ничтожества оскал,	И. Липес
И чёрный цвет духовной пустоты,	А.И. Кузнецов
И на цветущей девственности сор,	М.А. Дудин
И низость, что всегда на высоте,	С.Г. Шестаков
И совершенству ложный приговор,	С.Я. Маршак
И Музу на посылках у властей,	Loveless
И пленницу – добро в застенках зла,	А.Г. Васильчиков
И бестолочь, что славят, не стыдись,	RitaS
И прямоту, что глупой прослыла,	А.М. Финкель
И мощи обессиленную власть.	Savin
Нет больше сил. Глаза мне, смерть, закрой!	В. Левинсон
Но кто, мой друг, останется с тобой?	Vitaly Igorewitsch

Существует множество других интересных опытов творческих игр с шекспировскими сонетами. Это и имитативные вариации на их темы (они чрезвычайно интересны у Ю.И. Лифшица), и своеобразные поэтические реплики на сонеты (именно так назвал свои ответы Шекспиру С. Кадетов). Способность этих креативных переводческих фантазий к свободной игре художественными смыслами шекспировских стихов, игре, открывающей нескончаемые смысловые перспективы и самого оригинального текста, и его переводных вариантов, сообщает самому акту творческого диалога креативную энергетику новых созидательных импульсов.

В результате исследования подобных явлений, мы наблюдаем особый уровень художественной коммуникации – уровень высокой эстетической «переклички времён, культур и поэтов» (Г.М. Кружков). Слово «взаимопонимание», акцентированное в упомянутом определении межкультурной коммуникации Костомарова и Верещагина, приобретает в этом случае захватывающе глубокий смысл. Конечно, может возникнуть вопрос о том, можно ли употреблять слово «ВЗАИМОПонимание» по отношению к явлению данной и подобных

переводческих рецептов: понятно, что переводчики шекспировских сонетов стремятся понять их автора, но разве Шекспир стремился их понять? Однако бурно возрастающая множественность переводческих вариантов русской сонетианы, страстная увлечённость и неизменно проникновенный лиризм её создателей, усиливающееся желание модернизировать стилистику переводных сонетов и актуализировать их художественный смысл – всё это свидетельствует о том, насколько созвучен Шекспир современной действительности и современной отечественной словесности, активно осваивающей его стихи как собственное национальное достояние, как надвременное *провидческое откровение в понимании сегодняшней реальности*.

Всё это заставляет задуматься по меньшей мере о том, как может быть соотнесено понятие межкультурной коммуникации с такими классическими категориями сравнительного литературоведения, как «гений», «вечная тема», «вечный сюжет», «вечный образ» и т. п. Конечно, это вопросы специальных научных исследований, но несомненно то, что их решение позволит развернуть новые горизонты филологических подходов к явлению межкультурной коммуникации. Однако для этого уже сейчас в разных сферах социокультурной деятельности нужно более деятельное внимание к феномену переводческой рецепции как одному из самых результативных проявлений межкультурной коммуникации. Достижения отечественной переводной культуры, заметно расширившие и обогатившие художественное пространство и переводимой, и переводящей литератур, следует шире представлять в эдиционной практике антологических изданий памятников отечественной словесности. Проблемы художественного перевода надо активнее поднимать в вузовском и школьном преподавании мировой литературы. Указанная проблематика должна быть включена в программы массового культурно-просветительского воспитания. Мы все в большом долгу у отечественных мастеров художественного перевода, замечательно подтвердивших культуротворящие потенции русского языка и русской литературы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бродский И. Большая книга интервью – М. : Захаров, 2000. – 703 с.
2. Верещагин Е. М., Костомаров В.Г. Язык и культура.– М. : Русский язык, 1990.– 246 с.
3. Первушина Е.А. Сонеты Шекспира в России: переводческая рецепция XIX–XXI вв. : монография. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2010. – 364 с.
4. Пугачев И.А. Межкультурная коммуникация и межкультурный диалог. URL: <http://www.forteacher07.ru/content/view/156/56/>.
5. Степанов С. Шекспировы сонеты, или Игра в Игре. – СПб. : Амфора, 2003. – 550 с.
6. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М. : СЛОВО / SLOVO, 2008. – 264 с.
7. Шекспир В. Сонеты [48, 66, 73, 109, 116, 121, 130]. Пер. Р. Винонена. // Сельская молодежь. – М., 1971. – № 2. – С. 62–63.
8. Шекспир В. Сонеты. На англ. яз. с парал. русск. текстом / сост. А.Н. Горбунов. – М. : Радуга, 1984. – 368 с.
9. Шекспир У. Сонеты. Стихотворный перевод В. Козаровецкого. URL: <http://shake-speare-sonnets.narod.ru/02.htm>.
10. Шекспир У. Сонеты / пер. Ю. Лифшица : предисл. Е. Первушиной. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2006. – 176 с.
11. «Шестоны» / сост. С.Г. Шестаков. URL: <http://libelli.esmasoft.com/sonnet66/Russian/index.html>.

И.В. Григорай

*Дальневосточный федеральный университет
г. Владивосток, Россия*

I.V. Grigoray

*Far Eastern Federal University
Vladivostok City, Russia*

ОРГАНИЗАЦИЯ ДРАМАТИЧЕСКОГО ДЕЙСТВИЯ В ПЬЕСЕ М. БУЛГАКОВА «БАТУМ» КАК ПРИЧИНА ЕЕ ЗАПРЕЩЕНИЯ

DRAMATIC ACTION ORGANIZATION IN “BATUM” PLAY BY M. BULGAKOV AS A REASON OF ITS PROHIBITION

Автор статьи рассматривает различные версии причин запрета Сталиным пьесы М. Булгакова «Батум» и выдвигает собственную версию: Сталин запретил пьесу, потому что изображение его личности, воплощённое в его сценическом характере и организации драматического действия пьесы, противоречило имиджу «самого доброго человека», «отца народов».

Ключевые слова: *М.А. Булгаков, пьеса «Батум», организация драматического действия, запрет постановки и публикации, борьба организующего и творческого начал, мотив домашнего очага.*

The author of the present article considers different versions for reasons of M. Bulgakov's play BATUM prohibition by I.V. Stalin and states her own version: probably, I.V. Stalin prohibited the play because his personality image realized in his scene character and in the play dramatic action organization contradicts the image of the most kind hearted person and of all the peoples' father.

The key words: *M.A. Bulgakov, BATUM play, dramatic action organization, acting and publication prohibition, antagonism of organizing and creative points, hearth motive.*

Пьеса М. Булгакова о революционной деятельности Сталина в начале XX века в Батуме была написана в 1939 году, закончена в июле, одобрена МХАТом, для которого создавалась, одобрена Государственным комитетом по делам искусств, затем представлена «наверх», самому герою, и безоговорочно запрещена в августе к представлению и печатанию.

Первая публикация пьесы в 1988 году (в альманахе «Современная драматургия», № 5) сопровождалась статьей М. Чудаковой – известного исследователя жизни и творчества Булгакова. Статья называлась «Первая и последняя попытка (пьеса М. Булгакова о Сталине)» и доказывала, что «Батум» – слабая пьеса опального автора, предпринявшего попытку пойти на компромисс с властью. Поскольку пьеса по силе художественного впечатления действительно не шла в сравнение с другими драматическими произведениями Булгакова, мнение Чудаковой обрело немало приверженцев среди литературоведов.

Однако исследователи его драматургии – А. Смелянский, М. Петровский, А. Нинов – немедленно откликнулись на него развернутыми статьями, убедительно показывающими, что никакого компромисса со Сталиным в пьесе не было. Свои аргументы через один-три года они повторили в обширных исследованиях драматургии Булгакова. Эти литературоведы привлекли внимание всех интересующихся творчеством Булгакова к вопросу: почему пьеса, написанная будто бы в угоду Сталину, к его шестидесятилетию, им была запрещена?

Официальная версия запрета гласила: «Нельзя такое лицо, как И.В. Сталин, делать романтическим героем, нельзя ставить его в выдуманные положения и вкладывать в его уста выдуманные слова» [1: 279]. Поскольку к тому времени уже были написаны и поставлены пьесы о Ленине и Сталине (например, пьесы Н. Погодина, Ш. Дадзиани), официальную версию невозможно было принять всерьез, и исследователи стали искать в самой

пьесе те ее стороны, которые вызвали резкое неприятие Сталина, – столь резкое, что речь не шла о возможном устранении недостатков, как это было при запрещении других булгаковских пьес («Бега», «Кабалы святош», «Ивана Васильевича»).

Первая особенность виделась Смелянскому в том, что в «Батуме» показана самодержавно-полицейская Россия, с ее системой угнетения и репрессий, а зрители конца 30-х годов, живущие среди непрекращающихся арестов, неминуемо должны были сравнить ее с современностью. Пьесу «представил» Сталину «намолчавшийся и настрадавшийся писатель», который пережил «аресты, гибель и ссылку друзей» и напоминал ему «о том, что значит быть затравленным, поднадзорным, с волчьим билетом, когда все выходы закрыты» [2: 111].

Другая особенность «Батума», повлекшая его запрещение, виделась Смелянскому в зашифрованной мысли драматурга: Сталин – Антихрист, выступающий Христом, Спасителем.

Эта версия была почти в то же время разработана М. Петровским. Главный тезис Петровского таков: «Булгаков проделал неслыханный по дерзости (художественной и политической) эксперимент: соединил в образе Сталина черты пророка и демона, Христа и Сатаны, т.е. сказал – на булгаковском языке достаточно прямо, – что его герой Антихрист» [3: 164]. Доказывал свой тезис Петровский проекцией на пушкинского «Бориса Годунова», которая должна была убедить: Сталин – самозванец, Гришка Отрепьев, Антихрист, явившийся под видом Спасителя.

А. Нинов справедливо заметил, что смысл булгаковской пьесы нужно искать в общем принципе композиции, в сюжете, а не в «шифре», якобы примененном Булгаковым. Согласившись с этим положением, добавим, что создавать произведения с зашифрованным смыслом не было свойственно драматургу, писавшему яркие, «натуральные», запоминающиеся характеры.

Исследователь проанализировал политический, событийный сюжет и пришел к выводу, что он явно противопоставлен событиям 30-х годов. Главная, внутренняя тема в «Батуме», по мысли Нинова, – «смена ролей, сыгранных в истории одним человеком», молодой революционер Иосиф Джугашвили, выступавший в 1902 году против деспотизма самодержавия,

превратился во «всесильного партийного вождя», насадившего небывалый по жестокости абсолютизм. Булгаков последовательно развил тему смены ролей, «насколько позволял это сделать избранный локальный сюжет» [4: 51].

Нинов, как и Смелянский, и Петровский, видел политическую дерзость, вызов Булгакова, представившего пьесу на суд ее главному герою. Думается, что сознательно подвергать смертельному риску режиссеров, актеров и себя Булгаков бы не стал. Он хорошо понимал, что писать пьесу о Сталине – предприятие рискованное, ибо он выскажет, так или иначе, в ней свои мысли. Поэтому по мере создания пьесы читал близким, друзьям, актерам отдельные сцены и большие фрагменты, проверяя возможное восприятие. Реакция слушателей была в основном восторженная. Пьеса как будто бы не должна была оскорбить или вызвать раздражение у главного героя [1: 265, 266, 268, 270].

На вопрос, как могли актеры и друзья Булгакова не понимать, что пьеса непременно заставит зрителей или читателей сопоставлять самодержавную эпоху и современную, 1930-х годов, внимательного к людям молодого революционера Сосо и жестокого тирана Сталина, как они могли не видеть заложенную в пьесе мину, нельзя отвечать исходя из причин внутритеатральных. МХАТ действительно был «обласкан»: пользовался официальным почетом и материальными благами, недоступными для других театров. Нужно иметь в виду, что и окружение Булгакова, и мхатовцы не могли не делать и другого сравнения – не сопоставлять положение рабочего класса в СССР с дореволюционным, показанным в «Батуме» (многочасовой рабочий день, издевательства и побои, огромные, несправедливые штрафы). Положение рабочего класса в 30-е годы было лучшим, чем у других сословий, например крестьян и интеллигенции.

Позже Нинов выдвинул другую версию запрещения «Батума»: пьеса фиксировала внимание на побеге Сталина из ссылки, а найденные в 1980-е годы в исторических архивах случайно сохранившиеся документы свидетельствуют, что бежал он – неоднократно – по документам агента царской охранки, потому что с ней сотрудничал. Понятно, что Сталин не мог допустить обсуждения «темных пятен» своей биографии [5: 644].

Суждение представляется справедливым и само по себе, и в сопровождении сильного аргумента: запрещение «Батума» было «тихим», оно не сопровождалось разгромом в советской печати, как это было с другими пьесами Булгакова. Вспоминается, правда, пьеса о Сталине под названием «Побег», которая в начале 50-х годов шла в Театре им. Горького (а значит, по всей стране).

Булгаков не мог знать о сотрудничестве Сталина с охранкой, но за созданную им пьесу, реакцию на нее Сталина явно опасался. Причина его опасений видится в характере главного героя и отношении к нему автора, воплощенных в организации драматического действия.

На протяжении всего «Батума» Сталин показан как человек, умеющий объективно оценивать сложившуюся ситуацию, убеждать, уговаривать, организовывать людей. Это его ключевое действие, повторяющееся во многих сценах, при этом задача каждый раз для него усложняется.

Особую роль играет вторая сцена – знакомство Сталина с семьей батумского рабочего Сильвестра. Не случайно ее Булгаков написал раньше других. Сильвестр и Наташа, радушно поселяя в своем доме прячущегося от полиции Сталина, оставляют его в темной комнате и предупреждают, чтобы без них не показывался на глаза члену их семьи Порфирию – молодому, горячему, лучше остеречься. Порфирий, вернувшись с завода избитым и оштрафованным, рассказывает о своих несчастьях Наташе, а потом без нее произносит в слух:

Пойду завтра, убью механика!

С т а л и н (из темной комнаты). А зачем?

И, не отвечая на вопрос «Да Вы кто такой?» – вопрос уведет в сторону, ответ не убедит, продолжает:

Нет, ты ответь мне. Ну, хорошо, ты его убьешь. Чем ты его убьешь?

П о р ф и р и й. Зубилом.

Вопрос уже не «зачем», а «чем» – ответить проще и парировать проще.

С т а л и н. Ага, ты ему голову проломишь. Я тебе заранее могу сказать, сколько тебе это будет стоить <...> двадцать лет тебе это будет

стоить. Ах да, ты, впрочем, несовершеннолетний. Одну треть скинут.

Замечания свидетельствуют: разговор всерез, без преувеличений, начистоту – только так можно повлиять на Порфирия:

А что же получится? Потеряна молодая рабочая жизнь навсегда, потерян человек! Но цех без механика не останется, и завтра же там будет другой механик, такая же собака, как и ваш теперешний, и так же будет рукоприкладствовать. Нет, это ложное решение! Оставь его [6: 218].

По ходу разговора Сталин понимает Порфирия чуть ли не лучше его родных и открывает ему, что не только он, но и Сильвестр, и Наташа – революционеры. И затем уже им говорит, что Порфирию можно полностью доверять.

В диалоге с юношей сталкиваются эмоции одного и рассудок, логика другого, последующие сцены демонстрируют в разных вариантах умение Сталина понять собеседника, оценить обстановку и подчинить своей логике и отдельных людей, и группы, и массы – во время столкновения с войсками и полицией.

Однажды Сталину не удастся верно просчитать действия противника. Двухтысячная толпа рабочих требует освобождения товарищей и оказывается под огнем, вызванным для усмирения солдат. Сталин в определенной мере владеет ситуацией, не допускает паники: «Товарищи! Нельзя бежать! Стойте тесно, стеной! Иначе солдаты навалятся, озвереют! Прикладами покалечат» [6: 235]. Но он, как и другие руководители рабочих, был уверен – стрелять в безоружных не будут. И просчитался. Перерабатывая пьесу, Булгаков счел нужным, дать герою в этой сцене выплеснуть эмоции, перейти к нерассчитанным действиям.

С т а л и н. Так? Так?.. (Разрывает на себе ворот <...>) Собаки! Негодяи! (Наклоняется, поднимает камень, хочет швырнуть его, но бросает его <...>) [6: 235].

Овладев собой, Сталин останавливает других рабочих с камнями, и они уводят раненых, эта победа Сталина над своими эмоциями дает Булгакову возможность показать, почему герой всегда остается хозяином положения, и

во время ареста, и в тюрьме. Его сценические политические противники (полицеймейстер, губернатор и сам Николай II) представлены как противоположность Сталину – они не умеют (и не хотят) оценить ситуацию, просчитать возможные варианты выхода из нее, а потому победы их временные, тогда как будущее, понятно, неизбежно.

Поэтому неожиданна и интересна последняя сцена – возвращение Сталина из Сибири в дом Сильвестра, она вновь обращена к проблеме «разум – чувства» (логика – эмоции) и отчетливо корреспондирует со сценой первой встречи Сталина с Порфирием. На сей раз аполлетом логики выступает воспитанный Сталиным Порфирий. В начале сцены он доказывает Наташе, что раз уже год нет никаких известий от Сталина (а он в любой ситуации сумел бы дать знать о себе), то, следовательно, Сталин погиб. Наташа, соглашаясь с логикой Порфирия, отказывается признать его вывод, а почему – не может объяснить. Далее следует испытание логики. В окно стучит какой-то солдат (Сталин в солдатской шинели) и спрашивает то Сильвестра, то Наташу, то Порфирия. Порфирий, не узнавая Сталина, дает отрицательные ответы (полагая, что это провокация), за домом следят, и Сталин, также не узнав Порфирия, уходит (думает, чужие в доме). Оба были осторожны и логичны, но логика подвела. А Наташа – без логики – узнала, догнала, привела в дом.

Примечательная ремарка: *Сталин идет к печке, садится на пол, греет руки у огня* [б: 255]. Важны и другие детали этой финальной встречи: он просит чего-нибудь поесть, но засыпает, они не успевают накормить его. Для авторской оценки сцены особенно важна последняя реплика Сталина: «Хоть, убей, не пойду от огня, пусть тысяча жандармов придет, не встану... Я здесь посижу (*Засыпает*)» [б: 256].

Очаг, огонь не раз упоминается в ремарках в связи с семьей Сильвестра. В первом варианте пьесы семейные связи иные: Сильвестр старший брат Порфирия и Наташи, есть невестка, жена Сильвестра, во втором, окончательном варианте Наташа и Порфирий – дети Сильвестра, невестки нет. Семейные узы теснее и тема очага-огня, к которому приходит Сталин, явственнее. Любопытно, что связана тема очага-тепла прежде всего с Наташей, она и в другой сцене ворошит огонь в печи и приносит еду [б: 220].

Итак, сценический акцент в пьесе Булгакова делается на семейном очаге, мысль, реализованная за счет организации драматического действия, такова: Сталин, умеющий оценить социальный настрой человека, просчитать политическую обстановку, безусловно, должен был победить своих незадачливых противников, но это было бы невозможно без теплого, абсолютно нерасчетливого отношения к нему людей, которые были рядом с ним и спасали его. Изображение героя сильного, умного, внимательного к людям, в котором, однако, разум преобладает над эмоциями, по всей вероятности, не понравилось Сталину. Это была одна из причин запрета пьесы, поскольку такое изображение противоречило насаждаемому в это время имиджу «самого доброго человека», «отца народов».

В пьесах Булгакова 1930-х годов отчетливо выделяются два типа героя – организующий и творческий. Организующему типу всегда противопоставлен превосходящий его, отмеченный авторской любовью творческий тип (в «Адаме и Еве» летчику Дарагану и инженеру Адаму противопоставлен Ефросимов, в «Кабале святош» королю и архиепископу – Мольер, в «Иване Васильевиче» управдому – изобретатель Тимофеев). В «Батуме» это было невозможно, да и событийная канва могла быть воссоздана только по официальному источнику – книге «Батумская демонстрация 1902 года», выпущенной в 1937 году со вступительной статьей Л.П. Берии. Так и получилось слабая, но все же булгаковская пьеса, с булгаковским, несмотря ни на что, представлением о герое и необходимом ему доме.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дневник Елены Булгаковой. – М. : «Кн. Палата», 1990. – 400 с.
2. Смелянский А. Уход / А. Смелянский // Театр, 1988. № 12. С. 88-115.
3. Петровский М. Дело о «Батуме» / М. Петровский // Театр, 1990. № 2. С. 161-168.
4. Нинов А. Загадка «Батума» / А. Нинов // Театр, 1991. № 7. С. 39-57.
5. Нинов А. Батум (примечания) // Булгаков М.А. Пьесы 30-х годов / Театральное наследие. – СПб.: Искусство, 1994. – С. 641-671.
6. Булгаков М.А. Батум // Булгаков М.А. Пьесы 30-х годов / Театральное наследие. – СПб.: Искусство, 1994. – С. 211-237.

Ю.А. Яроцкая

*Дальневосточный федеральный университет
г. Владивосток, Россия*

Yu.A. Yarotskaya

*Far Eastern Federal University
Vladivostok City, Russia*

**ТОПОС И ЭТНОС: ХУДОЖЕСТВЕННАЯ РЕФЛЕКСИЯ
(ТЕТРАЛОГИЯ В.К. АРСЕНЬЕВА И «КОРНИ ЯПОНСКОГО СОЛНЦА»
Б. ПИЛЬНЯКА)**

**TOPOS AND ETHNOS: IMAGINATIVE REFLECTION
(V. ARSENEV TETRALOGY AND “ROOTS OF THE JAPANESE SUN”
BY B. PILNYAK)**

В.К. Арсеньев в тетралогии приходит к выводу, что жизнь в суровых условиях формирует человека, стремящегося приспособиться к окружающей среде и жить в гармонии с природой и другими людьми. Б. Пильняк создает образ нации, живущей на границе живого и мертвого миров, соприкасающейся с «космосом, не застывшим еще для этих островов» [5, 27], – это главное, что наложило отпечаток на облик и ментальность японцев.

Ключевые слова: *В.К. Арсеньев, тетралогия, путешествие, дикарь, свободолюбие, Б. Пильняк, этническая ментальность, мир мертвых.*

In his tetralogy V.K. Arsenyev finds out that life in harsh surrounding conditions shapes the man that tries to adapt to the surroundings and to live in harmony with nature and other people. Pilnyak creates an image of the nation living at the turn of the living and the dead worlds, in contact with the “cosmos not frozen even for these islands”, this is the main point that has influenced the character and mentality of the Japanese people.

The key words: *V.K. Arsenyev, tetralogy, travelling, savage man, love for freedom, B. Pilnyak, ethnic mentality, world of the dead.*

В работе мы рассматриваем произведения писателей, созданные ими под впечатлением путешествий по незнакомым землям (В.К. Арсеньев) и странам (Б. Пильняк). В книгах писателей-путешественников сильна научно-исследовательская интенция. Арсеньев и Пильняк априори признают влияние топоса на формирование этнической ментальности. Для нас важно, какие пространственные свойства по их мнению являются доминирующими в формировании сознания этнической группы.

В.К. Арсеньев путешествовал по Дальнему Востоку с 1900 по 1930 г. В тетралогии, включающей тексты «По Уссурийскому краю», «Дерсу Узала», «Сквозь тайгу», «В горах Сихотэ-Алиня», создававшейся приблизительно с 1908 г. по 1930 г. и оставшейся незавершенной, писатель создает образ дальневосточной земли и

образы коренных жителей Дальнего Востока. Арсеньев воспринимает мир природы Дальнего Востока как мир первобытного изобилия. В книге «По Уссурийскому краю» он пишет: «Читатель ошибается, если представляет себе тайгу в виде роши. Уссурийская тайга – это девственный первобытный лес, состоящий из кедра, черной березы, амурской пихты, ильма, тополя, сибирской ели, липы маньчжурской, даурской лиственницы, ясеня, дуба монгольского... И все это перепуталось виноградником, лианами и кишмишом. Стебли последнего достигают иногда толщины в руку» [1: 92-93]. Люди, для которых первобытная тайга – родина, наделены первобытной нравственностью. К удивлению героя-повествователя «Этот дикарь был гораздо человеколюбивее, чем я» [1: 18]. Именно эта характеристика образа Дерсу

лежит в основе противопоставления цивилизованных людей коренным жителям Дальнего Востока.

Хотя на протяжении книги повествователь не раз называет Дерсу «дикарь», но ведет-то себя гольд как очень разумный человек. Он не только «гораздо человеколюбивее», чем герой-повествователь, но и значительно быстрее осваивает реалии чужого мира. Дерсу понимает ритм жизни «капитана» и самое главное: «Он понял, что в городе надо жить не так, как хочет он сам, а как этого хотят другие. Чужие люди окружали его со всех сторон и стесняли на каждом шагу» [2: 282].

В вышеприведенном отрывке из «Дерсу Узала» речь идет о свободе в разном ее понимании. Таежная, первобытная жизнь тяжела, без удобств и с постоянным риском погибнуть, но жизнь, в которой человек освобожден от давления социума. Он руководствуется жестокими законами, но они даны свыше и не могут быть отменены иначе, как только с помощью уничтожения природной среды. Свобода же городского человека – это свобода от власти природы. Человек, по выражению Арсеньева, получает «удобства и преимущества» [1: 58], но город разделяет людей, заставляет их создавать законы, которые ограничивают враждебность людей по отношению друг к другу. Тайга принимает всех, кто готов жить в согласии с ней, город отторгает индивидуальность.

На протяжении всего арсеньевского повествования встречаются оппозиции: враждебное – благоприятное, бесовское – Божеское, разрушение – созидание, жизнь – смерть, соответственно, живое – мертвое; ночь – день, лево – право, город – тайга, животные – птицы, китайцы – аборигены, самобытное – ассимилированное. Эти силы находятся в борьбе, и человек, вступающий в лес, должен определить свое место среди них, научиться противостоять стихиям, защищая свою жизнь, и при этом не разрушать «порядок, данный природе».

Б. Пильняк путешествует по Японии в 1926 г. Для Пильняка Япония – иная земля, ее отличие от России очевидно, сходство же еще нужно суметь разглядеть. Даже пребывание во Владивостоке не позволяет Пильняку подготовить свое восприятие к японским реалиям. Пейзажи русский Дальнего Востока ассоциируются у писателя с пейзажами Северной Европы [6: 50]. Сравнения с европейскими реалиями

прослеживаются и в «Корнях японского солнца» [5: 11-12]. Обращает на себя внимание постепенное удаление от родного пейзажа, через уже знакомый, но не родной европейский ландшафт, к совершенно новому, территориально очень отдаленному, необыкновенному японскому.

Повествование в «Корнях японского солнца» начинается с определенного времени дня – утра, пробуждения человека (новая страна, новый день). Писатель находится «в поисках деревенской Японии и японского быта, ключей к нему...» [5: 19], т.е. того слоя социума, который для каждого этноса является хранителем древних национальных традиций.

Первая глава «Корней японского солнца» называется «Вулканы». Пильняк, делая ссылку на учебник географии, описывает Японский архипелаг как «две складки вулканических цепей» [5: 23]. Писатель впечатлен геологическим строением Японских островов. Сама природа отмежевала Японию от Европы, придав трагическое звучание цепи островов в Тихом океане: «... не исключена возможность того, что весь Японский архипелаг в громе (или, точнее, беззвучии) землетрясений и вулканических извержений – исчезнет с лика земли, провалится в море» [5: 23]. Европа вечна, каждая секунда существования Японии может быть последней. Подтверждение этому – землетрясение 1923 г., до основания разрушившее Токио. Жизнь перед угрозой массовой гибели – удел японцев, то, что задает тон всему повествованию в «Корнях японского солнца».

Приведем те цитаты, в которых с наибольшей полнотой выражено представление Пильняка о земле Японии:

«Тогда, в ту минуту, когда меня толкнуло не чем иным, как госпожой землей, не остывшей еще от космических действий землей, – я почувствовал на момент свое прикосновение к космосу... И мне стало торжественно. Я – бессилен перед гражданином космосом, – но космос – был у меня в гостях... – это я – участник космических работ... Позднее, бродя по Японии, у источников горячих ключей, около гейзеров, наблюдая за дымом вулканов, я всегда торжественно думал о космосе, не застывшем еще для этих островов» [5: 27].

«... Я утверждаю, что природа Японии – нищая природа, жестокая природа, такая, которая дана человеку – на зло» [5: 64].

Образ японской земли как «неостывшего космоса» естественно рождает мотив смерти.

Третья глава «Корней японского солнца» называется «Две души принципов «наоборота»». И эта глава уже самим названием возвращает к теме смерти, потустороннего мира, одной из мифологем которого как раз и является, пользуясь выражением Пильняка, «принцип наоборота», о чем мы скажем позже.

Четвертая глава – «Харакири» – здесь принципы «наоборота» прямо трактуются через образы смерти. Сама смерть в Японии страшна: по своим причинам, по тому, как она приходит, по тому, как к ней относятся. Пильняк противопоставляет индивидуальную и массовую смерть, смерть от стихийного бедствия и по своей воле. Пильняк пишет:

«Японский народ освободился от боязни индивидуальной смерти; народ ввел в доблесть харакири; на площадях землетрясений народ умирал организованно; я видел, как пожарные лезли на горящую стену, чтобы свалить ее, – было совершенно ясно, что они погибнут под горящими обвалинами, которые собою они хотят повалить, они были совершенно деловиты, они погибли, свалившись вместе со стеной, – толпа приняла это, как должное» [5: 57-58].

«Первым движением японцев в землетрясении было – не двигаться, осмотреться, решить, организовать нервы. Те сорок тысяч, что погибли на одной из токийских площадей, погибли так: вокруг горели кварталы... люди обугливались от сжигающего жара... мертвецы умерли, обуглились в совершеннейшем порядке, строгими шпалерами, – живые под мертвецами нашли живых детей. Взрослые, организованно обугливаясь, – ... углем своих тел – спасали детей. Люди обугливались стоя, никуда не бежав» [5: 24-25].

Близость смерти рождает бытовой аскетизм: «...Япония – нищая на глаз европейца страна, эта вулканическая держава, – потому что японцы живут в шалашах, едят всяческие отбросы, одеваются в тряпки, ходят босые на деревяшках, – эта вулканическая держава организованного нищенства, нищенственнейшего экзистенсминимума. И – тем с большим уважением я отношусь к японскому народу» [5: 64].

Образы японцев создаются как образы людей необыкновенных и непонятных. Природа управляет не только рукотворным миром

японца, но и его внешним обликом, внутренним миром. По-особому звучат и воспринимаются слова о «древнем народе». Как представляется, японский народ объединяет мертвых и живых. Поскольку люди меряют свою жизнь космосом, время – землетрясениями, то и свой возраст координируют с вечностью: «... Японцы низкорослы, смуглы, черны, – крепко скроены, – психическая организация японцев действует на европейца чрезвычайно утомительно, – японцы не любят, когда европейцы говорят на их языке... у японцев есть манера вежливости шипеть при разговоре, кланяясь и при еде, шипеть, втягивать в себя воздух, как делают европейцы, обжигаясь...» [5: 59].

Особым своеобразием на взгляд Пильняка отличаются японские женщины. Японка, на взгляд Пильняка, похожа на мотылька, бабочку. Образ японской женщины не раз возникает на страницах «Корней японского солнца» и постоянно сопровождается этим сравнением: «Тогда, в тот рассвет, я смотрел на эту женщину, одетую в кимоно, перепоясанную оби, с рудиментами крылышек бабочки на спине, уютую в деревянные скамеечки» [5: 45].

Пильняк воспринимает Японию не только визуально, но и аудиально. Он заявляет, что в Японии – глух, т.к. не знает языка. Вероятно, тем острее воспринимаются им шумы, которым он придает особое значение в характеристике нации. Приведем цитаты:

«В Японии три шума. Тишина, безмолвие парков, – шум падающего водопада, шелестящего ручейка в деревне, – и – человеческий шум гэта. Шум каждой нации имеет свой смысл и отражает особенности нации» [5: 60].

«Шум гэта тверд, как кость, как голый нерв, – шум гэта страшен на ухо европейца... Шум каждой нации имеет свой смысл, человеческий шум Японии – это костяной шум гэта» [5: 60-61].

«... шум гэта – есть для меня символ воли и нервов японского народа, нервов, сжавшихся до того, что они стали, как дерево» [5: 65].

Все вышеизложенное приводит к мысли, что Пильняк невольно («Мы все еще многое помним, только сами не знаем, откуда эта память и к чему она относится» [9: 19-20]) описал Японский архипелаг как царство смерти, иной мир. Одно из первых сравнений, выбранных Пильняком для Японии – «болото»: «...вот эта страна, недоступная мне, меня засасывает, как

болото...» [5: 17]. По народным верованиям это – пространство «перехода» в иной мир, так С. Максимов пишет: «Забравшись в болото, мы попали, собственно, в царство чертей, подлинной дьявольской породы, падших и наказанных ангелов...» [4: 216].

В том, что живой может оказаться в царстве мертвых сомнений у народа не было, тем интереснее для нас начало повествования – пробуждение повествователя в новой обстановке и его попытка понять, где он находится.

Е. Левкиевская пишет: «Считалось, ...иногда и живые временно могут оказываться на «том» свете... душа спящего попадает в иной мир, ходит «по мытарствам» и узнает об устройстве потустороннего мира» [3: 210].

Географическое положение Японии также способствует возникновению параллелей со страной мертвых: «...загробный мир отделен от человеческого водной преградой – рекой или морем» [3: 171]. У М. Семеновича читаем: «...Нижний Мир, Мир Мертвых, Ночная Страна. Когда там день, у нас царит ночь. Чтобы попасть туда надо пересечь Океан-море, окружившее землю» [9: 19-20].

Принципы «наобороты», например, почитание в Японии самоубийц, в отличие от отвержения такого ухода из жизни в России и Европе, также находят свое место в народной характеристике потустороннего мира: «Мир мертвых и мир живых в народном сознании имеют свои постоянные признаки. Это не просто два разных мира – они противоположны друг другу, как противоположны жизнь и смерть, свет и тьма, день и ночь, космос и хаос, белое и черное, правое и левое...» [3: 186].

Для Японии действуют непривычные меры времени, т.к. здесь «землетрясения суть исторические эры» [5: 26]. И этим качеством она приближена к миру мертвых: «Мир живых – это мир порядка. В нем есть время и календарь, который делит жизнь на равные, повторяющиеся отрезки: минуты, часы, сутки, года, века. В потустороннем мире нет ни времени, ни календаря, ни света, ни жизни» [3: 186].

Иная здесь и сама земля, которую Пильняк называет «злой», обращая внимание в том числе и на то, как мало в Японии обработанных земель. И в этом находит воплощение принцип иномирного «наобороты», для сравнения: «Землю славяне почитали не только в языческие времена, но и много веков спустя. Плодородие

Земли, ее способность рожать хлеб и кормить людей делали ее в глазах человека всеобщей матерью. В поговорках и благих пожеланиях землю называют святой и считают ее символом богатства» [3: 59].

Звуки Японии в традиционном сознании славян также связаны с «иным миром». Это и особая японская тишина. Ведь на «том свете» «царит полная тишина – не слышно лая собак, крика петухов, людских голосов, звона колоколов» [3: 186]. Тишина связана с поминальными обрядами: «другой род поминальных обрядов справляли осенью и зимой... Во время этих поминок, предназначенных только для «своих» умерших, царили тишина и молчание» [3: 205-206].

«Костяной шум гэта» заставляет вспомнить известный персонаж русского фольклора: «Но яга вместе с тем настолько прочно связана с образом смерти, что эта животная нога сменяется костяной ногой, т.е. ногой мертвеца или скелета» [7: 71].

Образ японской женщины также может быть истолкован с позиции традиционного сознания: «Души обычно воплощаются в бабочек (особенно в ночных). При виде бабочки или мотылька до сих пор часто говорят: «Вот чья-то душа летает». В некоторых русских говорах бабочку так и называют – душечка» [3: 163].

Обилие образов заживо сгорающих людей, описаний сгоревших останков на страницах «Корней японского солнца» заставляет вспомнить японский обряд погребения – кремацию. Трагическое звучание тексту придает то, что природа «кремирует» живых, однако, принося себя в жертву на погребальном костре, они сохраняют будущее своей страны – ее детей. Обряд кремации (обладающий жизнеутверждающим значением) в древности был характерен и для славянских племен. Б.А. Рыбаков пишет: «Идея кремации, разумеется, тоже связана с представлениями о жизненной силе, о ее неистребимости и вечности, но теперь ей находят новое местожительство – небо, куда души умерших попадают вместе с дымом погребального костра» [8: 71].

В заключение отметим, что Пильняк создает образ нации, живущей на рубеже живого и мертвого миров, соприкасающейся с «космосом, не застывшим еще для этих островов» [5: 27], это главное, что наложило отпечаток на облик и ментальность японцев.

У Арсеньева и Пильняка прослеживается общая мысль – Восток оторван от материального, здесь человек подчинен природе, Восток устремлен вверх, к небу, к духу, в отличие от Запада, погрязшего в материи.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арсеньев В.К. По Уссурийской тайге. (Путешествие в горную область Сихотэ-Алинь в 1902-1906 гг.) // Арсеньев, В.К. Собрание сочинений в 6-и т. Т. 1. – Владивосток: Примиздат, 1947. – 397 с.
2. Арсеньев В.К. Дерсу Узала. (Из воспоминаний о путешествиях по Уссурийскому краю в 1907 г.) // Арсеньев, В.К. Собрание сочинений в 6-и т. Т. 2. – Владивосток: Примиздат, 1947. – 308 с.
3. Левкиевская Е.Е. Мифы русского народа. – М.: ООО «Издательство Астрель», 2002. – 528 с.
4. Максимов С.В. Крестная сила. Нечистая сила. Неведомая сила: Трилогия. – Кемеровское книжное изд-во, 1991. – 351 с.
5. Пильняк Б. Корни японского солнца. – М.: «Три квадрата», 2004. – 330 с.
6. Пильняк Б. Рассказ о том, как создаются рассказы. // Пильняк, Б. Расплеснутое время: Романы, повести, рассказы. – М.: Советский писатель, 1990. – 608 с. – С. 49-57.
7. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. – Л.: Изд-во. Ленинградского университета, 1986. – 364 с.
8. Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. – М.: «Наука», 1987. – 782 с.
9. Семенова М. Быт и верования древних славян. – СПб.: Изд-во. «Азбука», 2000. – 560 с.

Е.О. Кириллова
 Дальневосточный федеральный университет
 г. Владивосток, Россия

E.O. Kirillova
 Far Eastern Federal University
 Vladivostok City, Russia

ЭПОХА ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ДЕКАДЕНТСТВА: ПОЭТИКА ДРАМАТИЧЕСКОГО КОНЦА

THE EPOCH OF THE FAR EAST DECADENCE: THE POETICS OF THE DRAMA END

Статья продолжает серию авторских работ, посвященных изучению путей развития русской поэзии на Дальнем Востоке России в первой трети XX века. В ней рассматривается и анализируется своеобразие модернистских течений дальневосточной поэзии конца 1910-х – начала 1920-х гг. на примере творческого пути забытой владивостокской поэтессы Ольги Худяковой, наиболее ярко воплотившей в своей поэзии тему суицидальной гармонии. Впервые привлекается ряд материалов из фондов Российского государственного исторического архива Дальнего Востока (РГИА ДВ) и Государственного архива Приморского края (ГАПК).

Ключевые слова: *литература, стихотворение, русская модернистская поэзия, дальневосточная поэзия, Дальний Восток, Владивосток.*

The present article continues a series of the author's works devoted to the problems of studying the development ways of the Russian poetry in the Russian Far East in the beginning of the 20-th century. The presented article researches the modernist movement originality of the Russian Far East poetry at the end of 1910 – at the beginning of 1920 based on a bright example of a creative way of an unknown Vladivostok City poetess Olga Khudyakova who reflected brightly in her poetry the suicide harmony subject. The materials of the Russian State Historical Archive of Far East and of the State Archive of Primorskiy Region are involved for the first time.

The key words: *literature, poem, the Russian modernist poetry, the Far East poetry, Far East, Vladivostok City.*

Значительное место в поэзии Дальнего Востока первой трети XX в. занимали модернистские течения, реализовавшие себя в творчестве поэтов-футуристов и символистов, местных и тех, кто оказался по воле судеб на окраине России [6]. Отрицая предшественников, сторонники левого искусства сами во многом наследовали мотивы дореволюционного футуризма. Литературно-художественное общество Дальнего Востока (ЛХО ДВ), созданное 25 января 1919 г. поэтами-футуристами, и театральная студия «Балаганчик» при Обществе явились важной составляющей литературной жизни Владивостока, сыграв организационную роль в становлении культурной жизни города и поэтического искусства на Дальнем Востоке в конце 1910 – начале 1920-х гг. В первый год жизни Общество насчитывало 106 действительных

членов и 30 человек членов-соревнователей. В 1921 г. уже до 400 действительных членов [1]. Состав Общества был очень пестрым. В нем присутствовали: поэт-большевик А. Богданов (член Президиума), лирики-модернисты В. Рябинин, В. Статьева, Б. Буткевич (Бета), журналист А. Журин, поэты С. Цыганок-Темрюковский, В. Силлов, О. Петровская, О. Худякова, В. Март, М. Скачков, С. Алымов, Ф. Камышнюк и другие. Состав президиума тоже неоднократно переизбирался и обновлялся, и во многом именно его составом определилась идейно-художественная направленность ЛХО. Когда в состав Общества вошли поэт С. Третьяков, поэт и художник Д. Бурлюк, художник В. Пальмов и другие приверженцы футуризма, деятельность ЛХО приобрела ярко выраженную футуристическую направленность.

Несмотря на это, один из первых серьезных исследователей дальневосточной литературы В. Пузырев в рамках своего времени писал о том, что ЛХО ограничивалось относительно узким кругом интеллигенции, что сковывало его творческие возможности, усиливало настроения богемы, вызывало неустойчивость его состава: «Человек и природа (дальневосточный и японо-китайский экзотический пейзаж) предпочитались общественным проблемам. Признание человека как самоценности, в его биологических отправлениях, порождало т.н. «биологизм», который вытекал из индивидуалистической психологии его ревнителей. Отсюда – субъективизм в оценке происходящего за пределами переживаний и эмоций личности, изолируемой от общества, эротика с культом ниспровержения семьи и брака (С. Алымов, В. Статьева), идеализация, обожествление сильной личности (Арс. Несмелов, В. Рябинин), мотив новой «варфоломеевской ночи», жестокой анархической расправы над старым миром (Венедикт Март)» [8: 65-66]. Патологическое желание умереть – тема, ставшая самодовлеющей у владивостокской поэтессы О. Худяковой.

Модернизм был созвучен времени кардинальных перемен и ломки традиционных форм сознания, обусловлен поиском выхода из сложившихся трагических обстоятельств гражданской войны. Психологически-кризисное отношение к действительности, отчуждение от жизни, душевная опустошенность, внутренняя расшатанность, ставшие предметом новой поэзии, преимущественно реализовывались в темах угасания и мотивах распада, умирания. Модернизм искажил проявление национального духа, но, несмотря на старания наиболее крайних своих адептов, он не смог прервать связующую нить национальной традиции до конца, и она продолжала жить в произведениях модернистов в измененной, а нередко и в откровенно уродливой, что являлось тоже своего рода эпатажем, форме. Многие принципы модернистской поэзии были ориентированы на восприятие и отображение хаоса как основы мироздания; даже фрагментарность, коллажность, бессюжетность, смех, ирония, гротеск, характерные для дальневосточной модернистской поэзии, приводили к хаотичности восприятия такого текста. Дальневосточной поэзии свойственны эстетизм, культ чувственной красоты и экзотики, имморализм и

индивидуализм, что вызывало ее богемность, элитарность, претенциозность. Лирический герой в модернистской поэзии нередко притягивает на роль творца, соперничающего с Богом, не доверяет действительности и стремится ее изменить (В. Рябинин, Л. Чернов). Разрыв с действительностью уводил многих поэтов в царство несбывшихся снов, тщетных надежд и невоплотимых мечтаний (Ю. Галич, С. Алымов). В своих фантазиях и грезах одинокие души поэтов устремлялись в таинственные, иррациональные области бытия.

Рассматриваемый период представлен в том числе и авторами, которых традиционно и не всегда оправданно причисляли к группе «белогвардейских» поэтов, многие из которых вскоре, после установления советской власти, ушли в эмиграцию. Этот ряд авторов наименее изучен, в работах советского периода охарактеризован односложно и только в последние два десятилетия к нему серьезно обратились исследователи. «Белоэмигрантское» направление, к которому традиционно причислялись Арс. Несмелов, А. Ачаир, В.С.Н. Иванов, Л. Ещин, Б. Буткевич, Ю. Галич, В. Рябинин и другие, на долгие годы оставалось без объективного литературоведческого прочтения, этим поэтам вменялись в вину (порой заслуженно) аполитичность и антиобщественность проблематики их творчества. Профессор В. Пузырев, по вполне понятным причинам не замечая сложности и трагизма исторического времени, отразившегося в судьбах людей, весьма однозначно характеризовал «белогвардейскую» поэзию как «упадническую литературу, патологические произведения кокаинистов и эротоманов, рабских угодников извращенному вкусу» [7: 31]. В статье «Становление советской литературы на Дальнем Востоке (1917-1922 гг.)» литературовед писал: «В лагере литературной богемы – самоубийства, пессимизм, падение искусства и как итог – эмиграция и творческий застой» [7: 31]. Или еще одна характеристика из его же статьи «Футуристы на Дальнем Востоке»: «Поэты по существу смыкаются с символизмом, который в годы интервенции на Дальнем Востоке представлял собой откровенно реакционное направление. Таковы стихи символистов Ю. Галича с обожествлением сильной личности, свободной от моральных обязанностей перед обществом, О. Худяковой с проповедью счастья смерти как избавительницы от

большевистского «удушья», божественные мотивы А. Шевелева (Ольгина), умершего в феврале 1921 года от морфия и пьянства. Стихи Б. Бэты, Л. Тяжелова, М. Скачкова полны ужаса перед революцией, страха перед возмездием за преступления против народа, поэтизацией безобразного, апологией соблазна и греха. Они истеричны и слабо художественны» [8: 73]. И другой исследователь Д. Рачков отмечал, что это «...литература «внутренней эмиграции», пропитанная ядами декаданта...» [9: 5].

Сегодня уже вполне ясны и объяснимы не-объективность и односторонность подобных оценок, которые остались в истории как свидетельство жесткого идеологического подхода. А яркая и разнообразная по своим художественным устремлениям поэзия восточной ветви русского зарубежья активно изучается. Имена, прежде незаслуженно вычеркнутые из истории дальневосточной литературы, теперь вводятся в литературоведческий обиход.

Короткую жизнь прожила владивостокская поэтесса, член ЛХО Ольга Георгиевна Худякова ([?] – октябрь 1919, Владивосток). Ее квартира находилась в районе Голубиной пади, на углу Герценовской и Державинской улиц. Неоднократно она пыталась покончить жизнь самоубийством, в том числе перерезав вены. Добровольный, а главное, запланированный уход из жизни был весьма характерной чертой глубочайшей опустошенности декадентского надломленного сознания многих творческих личностей рубежа веков, в том числе и экзальтированного, истерически-ведьмовского мироощущения так называемых «любовниц смерти». Используя формулировку В. Ходасевича, можно сказать, что они, по сути, хотели «сыграть» свои жизни: «Непрестанное актерство перед самим собой – *разыгрывание* (здесь и далее курсив авторский. – Е.К.) собственной жизни как бы на театре жгучих импровизаций. Знали, что играют, – но игра становилась жизнью. Расплаты были не театральные. Истекаю клюквенным соком! – кричал блоковский паяц. Но клюквенный сок иногда оказывался настоящей кровью» [10: 10-11].

В. Ходасевич говорит о попытке слить воедино жизнь и творчество как о правде символизма и его же смертельном пороке: «Эта правда за ним и останется, хотя она не ему одному принадлежит. Это – вечная правда, символизмом только наиболее глубоко и ярко пережитая. Но

из нее же возникло и глубокое заблуждение символизма, его смертный грех. Провозгласив культ личности, символизм не поставил перед нею никаких задач, кроме «саморазвития». Он требовал, чтобы это развитие совершалось; но как, во имя чего и в каком направлении – он не предугадывал, предугадывать не хотел, да и не умел. От каждого, вступавшего в орден (а символизм в известном смысле был орденом), требовалось лишь непрестанное горение, движение – безразлично во имя чего. Все пути были открыты с одной лишь обязанностью – идти как можно быстрее и как можно дальше. Это был единственный, основной догмат. Можно было прославлять и Бога, и Дьявола. Разрешалось быть одержимым чем угодно: требовалась лишь *полнота одержимости*. Отсюда: лихорадочная погоня за эмоциями, безразлично за какими. Все «переживания» почитались благом, лишь бы их было много и они были сильны. В свою очередь, отсюда вытекало безразличное отношение к их последовательности и целесообразности. «Личность» становилась копилкой переживаний, мешком, куда ссыпались накопленные без разбора эмоции – «миги», по выражению Брюсова: «Берем мы миги, их губя» [10: 10-11].

В ряду жертв декадентства можно, например, вспомнить и покончивших с собой обеих сестер Чеботаревских, переводчицу Александру Николаевну и жену Ф. Сологуба писательницу Анастасию Николаевну, и застрелившуюся поэтессу Надежду Григорьевну Львову, жену В. Брюсова, и отравившуюся газом писательницу Нину Ивановну Петровскую, хорошо известную тем, что она стреляла в А. Белого, а также предприняла неудачную попытку выброситься из окна гостиницы в Париже, после чего на всю жизнь осталась хромой, и многих других.

Дальневосточница О. Худякова умерла от намеренной передозировки морфием. Главная тема ее поэтического творчества, тема, ставшая и ее Музой, – смерть и самоуничтожение, суицид:

Черные лица, черные лица...
Черные тени вокруг.
Черные лица...
Их вереница.
Мне алое снится –
В сердце испуг.
Целый день, целый день
Мне обидно и горько сегодня.

Целый день, целый день
 Мое сердце, как камень лежит.
 У престола Господня.
 Целый день, целый день
 Мне тьмою грозит преисподня.
 Мне обидно и горько сегодня,
 И сердце, как камень лежит,
 У престола Господня.
 Я, как птица, как черная птица
 В своем слишком широком пальто.
 Меня доброе все сторонится
 Я, как ворон, как жуткая птица.
 Я не смела сегодня молиться.
 В моем сердце возникло «ничто».
 Я как птица, как черная птица
 В своем слишком широком пальто.
 Эти дни – интервалы.
 Эти дни без движенья.
 Ни горя, ни боли, ни сожаленья,
 Ни смеха, ни хмеля, ни вдохновенья.
 Эти дни без движенья.
 Эти дни интервалы,
 Эти дни интервалы
 Зигзагят покорно.
 Ни ало, ни бело, ни черно,
 Ни смело, ни дико и не укорно.
 Зигзагят покорно
 Эти дни интервалы...
 В моих глазах сегодня тайно
 Вещие сны отразились.
 Царица мечтающих – Майя,
 Бредовая и дикая тайна
 Мне шептала всю ночь: «Не случайно
 Твои пьяно пути преломились».
 В моих глазах сегодня тайно
 Вещие сны отразились [12].

Еще М. Горький, анализировавший западное декадентство в очерке «Поль Верлен и декаденты» (1896), отмечал: «Декаденты – люди, изнемогавшие от массы пережитых впечатлений, чувствовавшие в себе поэтические струны, но не имевшие в душе камертонов в виде какой-либо определенной идеи <...> желавшие жизни, но истощенные еще до рождения». Писал пролетарский писатель и о непреодолимом влечении, своего рода моде, испытать мистический ужас перед вечной загадкой существования, пред этой «все примиряющей, все выравнивающей, одинаково всех возлюбившей» вечной героиней декадентских стихов – смертью [3: 172]. Характерны для стихов поэтессы Худяковой и связанные с этим мрачные бодлеровские фантазии, мотивы мрака, безумия, разложения, тления, демонизации,

те или иные грани поэтического наследия французских «пруклятых поэтов»:

«В неведении непознаваемого есть ступени».
 М. Метерлинк.

Ночь наполнена мраком цепляющим,
 Ликами хитро-нешумными,
 Хохотом, хохотом лающим,
 Шепотом вещим, глазами безумными.
 Зыбкий скелет весь осыпан мокрицами...
 Огненный взгляд нетопыря ночного...
 Длинные тени с понурыми лицами...
 Когти и руки кого-то большого...
 Все это движется, зыблется, тает,
 Близко надменится и насмеяется,
 Шорохом, жестами мне угрожает,
 Кружится жутко и колебается...
 Кто они? Что они? Вещие знаки,
 Шаткие вежи бытийной дороги,
 Или безумья углубные мраки,
 Или забвенья всегдашней тревоги? [2]

Поэтессу привлекают эротико-мистический и физиологический акценты, в чем, несомненно, виделось влияние эстетики символизма. Культ красоты как высшей ценности проникнут аморализмом, порочностью, греховностью. В своих «женских» стихах Худякова часто использует мотивы библейских сюжетов, здесь доминируют отчаяние, бред безумия. Использует часто невропатически, навзрыд, на грани эмоциональных возможностей.

«Целуйте тело блудницы»
 И. Рукавишников.

Я жрица, я жрица...
 Нет, только блудница
 Хмельная...
 Тоскливо целую тебя, целую...
 Не мне пропоют «аллилуйя»,
 Венчая.
 Не мне. А тебе? А тебе?
 Да, с другою. Ты покорен судьбе,
 Не дерзая.
 А со мною... что со мной!
 Окружу я себя тишиной,
 Умирая...
 Подойдет и с собою возьмет,
 Та, что в вечность ведет,
 Все прощая... [4]

Приблизительно в 1918-1919 гг. поэтесса создает несколько циклов стихотворений: «Зигзаги», «Сполохи», «Кровь». Круг тем, мотивов здесь в целом расширяется, глубоко личностные переживания автора, ее «расшатанность» преломляются в некую гражданскую, с условной долей, общественную составляющую:

Лондон, Петроград и Стокгольм,
Я вас свяжусь в единый круг:
Вам ведом моря суровый шторм
И вод текучих немолчный звук.
Туман каналов и сырость зданий,
Гранит мостов и лес из рей
Полны видений, ожиданий
При свете зыбких синих фонарей.
Люблю забытые страницы
Ушедших жизней, мыслей, дел.
Люблю таинственные лица –
Трагичной вечности предел.
Три тайны северных мечтаний,
Как много скрыли вы страданий,
Три гордых сфинкса трех смелых стран,
Убийств, отчаянья и ран [4].

Или стихотворение «Тенеты жизни», опубликованное в журнале «Лель»:

*... Какое дело поэту мирному до вас.
А.С. Пушкин.*

Тенеты жизни
Любимы мною.
В беде отчизны
Я не виною...
В беде отчизны –
Рожденье ново,
Нет укоризны
Безумью крови.

Толкуют, судят,
Не знают сами,
Что тени будят
Своими снами.
Что исполняют
Лишь волю слепо,
Не изменяют –
Кривят нелепо.

А властно в мире,
Царит над ними
Пожар в эфире,
И мчится мимо
Пожар в эфире,
Восторг безумных,
И знак о пире
Для всех нешумных [5].

Некто Садарико поместил статью-некролог о поэтессе в газете «Эхо», где рассказал о знакомстве с ней: «Однажды в помещении ЛХО ДВ ко мне подошла высокая незнакомая девушка в изящном темном платье и уязвленно и вместе с тем с утрированной уверенностью заговорила об искусстве. Так я впервые встретился с Ольгой Георгиевной Худяковой. Вскоре я узнал, что Ольга Георгиевна не только интересуется

искусством, но и причастна к нему. Она прочитала мне свои стихотворения.

Помню, в первый день знакомства я поднялся с Ольгой Георгиевной по лестнице, ведущей от Ключевой улицы на Голубиную падь. У самой вершины мы остановились. Ночной Владивосток тысячами огней с моря и горных склонов сиял в свежей и ясной темноте. Снизу доносился отдаленно шум жизни. Мое восхищение резко прерывала поэтесса:

– А каков он днем – это город. Хотите скажу стихотворение...

И она со своей неизменной, слегка насмешливой и вместе с тем грустной и сосредоточенно пристальной улыбкой стала читать свое стихотворение «День».

В этом стихотворении говорится о виде города днем, когда он страшен и кошмарно-могуч, когда в базарных лавках свисают трупы убитых телят, трупы свиней и скота неповинного...: *«Жестоко стучат по камням копыта, / Лошадь понуро стоит. / Каждая радость заботой повита. / Всюду злобно поспешность сквозит»*. И тогда страшны звонки телефона, жуток извозчиков ряд и всюду слышатся докучные стоны нищих. Это было первое стихотворение Ольги Георгиевны, услышанное мною.

В дальнейшем я стал бывать в уютной маленькой комнатке Ольги Георгиевны, в доме ее родных, на углу Герценовской и Державинской улиц в Голубиной пади. На столе и этажерке были разбросаны книги Рабиндроната Тагора, Метерлинка, Блока, Бальмонта и других современных поэтов. На стенах висели сумрачные фантазии Беклина. По одним заглавиям книг: «Смерть» (Метерлинк), «Философия убийства» (Н. Кадмин) и др. и по характеру картин можно было определить преобладающее настроение обитательницы комнаты.

И действительно Ольга Георгиевна то и дело возвращалась к своей излюбленной жуткой теме смерти, самоуничтожения.

Когда Ольга Георгиевна случайно во время оживленной беседы касалась своими пальцами моей руки, – я невольно вздрагивал. Никогда не встречал прежде таких холодных, холодных рук, от которых веяло близкой смертью. Движения ее были как бы изломанными, – порывистыми, нервными. Что-то мучительно и трагичное было во всем ее лице, в больших печальных глазах и во всех движениях, когда речь останавливали грубые приступы заикания.

Как-то, во время одной из наших бесед о смерти, Ольга Георгиевна вдруг задернула вверх рукава и нервно указала на сгусток крови над маленькою кругленькою ранкой на руке.

– Вот, видите, я хотела убить себя, но мне помешали... хотела разрезать вены...

И закончила:

– Все равно – умру – уничтожусь!

И все с той же неизменною, слегка насмешливой и вместе с тем грустной сосредоточенно пристальной улыбкой.

Ольга Георгиевна поэтично, с ясной и проникновенной фантазией, улыбаясь, утверждала, что в этой жизни она слишком неудачно устроена, обречена на резкие недостатки, что надо вновь нырнуть в небытие, перебродиться несколько в земле, набраться светлых новых элементов в природе и, через смерть пройдя и набрав иные творческие соки, выявиться в грядущем вновь в жизнь, на существование прекрасное, пополненное, более завершенное.

Вот как Ольга Георгиевна в своем цикле «Зигзаги» в стихотворении «Автопортрет» изображает себя: *«Крупные губы. Иногда Джоконды улыбка, / Иногда выявление ликующей тайны, / Иногда потускнение – ошибка, ошибка, / И взгляды, как тени, печальны. / Движенья, изломы, зигзаги, / Походка, танцующая, идет. / Какие гимны, какие же саги / Душа в одиночестве мудром поет. / В зрачках сострадание, клинок наблюденья, / Лукавство и безответный вопрос. / Порою безумье, порою виденья / И темные капли неплаканых слез».*

Совсем недавно, в конце минувшего месяца на исходе осени, глаза, в которых стояли «темные капли неплаканых слез», – закрылись навсегда.

Ольга Георгиевна заснула навеки, приняв морфий.

Перед отравлением она нарядилась в изящное платье, сделала красивую прическу, точно собралась в гости к смерти. Как предавала соседка Ольги Георгиевны, мертвую застали с совершенно ясным умиротворенным лицом, и что поразило всех, – руки ее были уже сложены крест накрест на груди. В судорожной предсмертной записке, как передают последние слова, была просьба не хоронить ее три дня, т.к. покойная боялась проснуться в гробу.

Слишком возлюбила и возлелеяла Ольга Георгиевна мечту свою о смерти и когда, наконец, после неудачных попыток она входила в иной

мир, ей все еще не верилось, что сбывается ее заповедная мечта об освобождении смертью.

Эту боязнь утратить долгожданную свободу смерти в гробу можно было проследить в творчестве Ольги Георгиевны и задолго до самоубийства. Как угарно жутки бессмертные строчки одного из последних ее стихотворений – «Усталость»: *«Пусть разобьется о камни моя голова, / Пусть все мускулы сердца тогда разорвутся, / Как не нужны и жалки слова... / Мне, пожалуй, уж и к жизни теперь не вернуться. / Но боюсь, что насмешка и в смерти настигнет меня, / Что изломанным жалким уродом, / Но дыхание жизни все же тая, / Очнусь я под каменным сводом. / Кости жутко торчат... а сознание кричит: «ты жива»! / Едкой болью вода входит в раны, / Шорох волн... солнце... трава, / Вверх взбегают в ущелье бурьяны. / Что же делать тогда? Звать помощь, кричать, / Жить опять среди жизни постылой / И опять затаенно мечтать / О смерти, как милой. / Нет, но, собрав все последние силы, молчать, / И одну иступленную мысль иметь, / Как бы жизнь свою скорей прервать, / Умереть, умереть, умереть...»* Это необычайно яркое и сильное стихотворение, несмотря на его чисто технические и звуковые дефекты, как и все творчество Ольги Георгиевны, займет весьма высокое и обособленное место в русской литературе.

Судьба и литературный восход даровитейшей поэтессы нашего времени являются одними из самых печальных и трагичных в истории русской поэзии. – Впервые в печати произведениям Ольги Худяковой суждено явиться – посмертными...

На похоронах русской поэтессы, за исключением ее близкого друга, пишущего эти строки, не было ни одного из ее сотоварищей по искусству. Венок, приготовленный на ее гроб ЛХО, по непредвиденной случайности доставлен к похоронам быть не мог» [11].

«Взвинченное, болезненно развитое воображение не только увеличивало силу талантов, но и придавало произведениям странный колорит то какой-то иступленности, то неизлечимой меланхолии, то пророческого бреда, неясных намеков на что-то, таинственных угроз кому-то. И все это давалось в странных образах, связь которых была трудно постигаема, в рифмах, звучавших какой-то особой, печальной, похоронной музыкой» [З: 176].

Находя счастье и упоение в суицидальной гармонии, готовя себя к небытию для будущего перерождения, являющего новые творческие силы, О. Худякова будто решила опровергнуть латинское изречение о том, что «Самое определенное в жизни – смерть, самое неопределенное – ее час». Поэтика драматического конца в творчестве была собственноручно преобразована ею в поэтику драматического конца жизни. Такой короткой жизни... Молодая поэтесса точно знала время и час своего ухода.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Воля. – Владивосток, 1920. – 13 авг. – ГАПК.
2. Воля. – Владивосток, 1920. – 6 нояб. – ГАПК.
3. Горький, М. Поль Верлен и декаденты // Соколов, А. Г., Михайлова, М. В. Русская литературная критика конца XIX – начала XX вв.: хрестоматия / А. Г. Соколов, М. В. Михайлова. – М.: Высш. шк., 1982. – С. 167-178.
4. Лель. – Владивосток, 1919. – № 2. – ГАПК.
5. Лель. – Владивосток, 1919. – № 4. – ГАПК.
6. Под термином «модернистская эстетика» понимаются самые общие стилеобразующие черты, проявившиеся в творчестве участников модернистского движения и типе их художественного мышления.
7. Пузырев, В. Г. Становление советской литературы на Дальнем Востоке (1917-1922 гг.) / В. Г. Пузырев // Ученые зап. Ульяновского гос. пед. ин-та им. И. Н. Ульянова. Том XXVII. Вып. 2. – Ульяновск, 1971. – С. 23-34.
8. Пузырев, В. Г. Футуристы на Дальнем Востоке / В. Г. Пузырев // Ученые зап. Ульяновского гос. пед. ин-та им. И. Н. Ульянова. Том XXI. Вып. 2, ч. 1. – Ульяновск, 1968. – С. 61-90.
9. Рачков, Д. А. Из истории становления советской поэзии на Дальнем Востоке (1917 – 1922 гг.): автореф. дис. ... канд. филол. н. / Д. А. Рачков. – М., 1964. – 19 с.
10. Ходасевич, В. Ф. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 4: Некрополь. Воспоминания. Письма / В. Ф. Ходасевич. – М.: Согласие, 1997. – 743 с.
11. Эхо. – Владивосток, 1919. – 11 нояб. – ГАПК.
12. Эхо. – Владивосток, 1920. – 25 янв. – ГАПК. Здесь и в дальнейшем при цитировании текстов авторская орфография и пунктуация сохраняются.

М.С. Хроменко

*Дальневосточный федеральный университет
г. Владивосток, Россия*

M.S. Khromenko

*Far Eastern Federal University
Vladivostok City, Russia*

ЯЗЫЧЕСКИЕ И ХРИСТИАНСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЗЕМЛЕ В ФОЛЬКЛОРЕ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

THE PAGAN AND CHRISTIAN IDEAS ABOUT THE EARTH IN THE FAR EAST FOLKLORE

В статье исследуется взаимосвязь языческих и христианских представлений о земле, которые отражены в фольклорных текстах, составляющих архив кафедры истории русской литературы ДВФУ. К этим представлениям относятся персонифицированный образ земли, земля как модель мироздания, образ родной земли.

Ключевые слова: *фольклор, волшебные сказки, заговоры, язычество, христианство, земля.*

The pagan and Christian ideas about the earth reflected in the folklore texts from the Russian language and literature Institute archive (FEFU, the Institute of the Russian language and literature, the Russian literature history department) are researched in the present article: personified image of the earth, the universe creation model, the motherland image.

The key words: *folklore, fairy tales, charms, paganism, Christianity, the earth.*

Древнейшее почитание земли, характерное для большинства культур, существовало и у нашего народа. С принятием христианства оно подверглось изменениям, но не утратило своей значимости вплоть до XX века. Об этом свидетельствуют записи традиционного фольклора Дальнего Востока, собранные в архиве кафедры истории русской литературы Института русского языка и литературы Дальневосточного федерального университета.

В первую очередь, это древнейший мотив творения первопредка из земли [35: 71], присутствующий во многих мифологиях (шумеро-аккадской [25: 649], египетской [23: 424] и др.). В Библии о сотворении Адама говорится: «И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни» [1: Быт., 2–7]. Этот мотив является общим и для языческих, и для христианских воззрений, что, скорее всего, и объясняет его поразительную устойчивость в волшебных сказках из архива.

Например, героем сказки «Глинушек» (СУС [24] элементы сюжетов **327С**, **F Мальчик (Ивась, Жихарко, Лутонюшка)** и **ведьма** и **2028**

Глиняный Иванушка) является мальчик, вылепленный из глины и впоследствии оживший: «Бабушка слепила внука из глины и положила на печь. <...> И вдруг с печи: «Дед, баба! Я есть хочу!» [11]. Глиняный внук оживает, полежав на печи. Поскольку с печью у славян были тесно связаны представления о культе предков, можно предположить, что они (предки) также участвовали в процессе оживления мальчика. Таким образом, в тексте действительно отражается архаический эпизод творения человека из земли (глины как одной из ее составляющих).

Основная функция земли в сознании народа-земледельца – мать, подательница жизни. Эти представления – элементы древней мифологии о браке неба и земли [26: 113–114] – сохраняются в устойчивой формуле «мать-сыра земля» [28: 65, 67]. Под влиянием христианства осмысление формулы несколько изменяется: теперь способность земли к рождению целиком зависит от Бога, а не от языческого небесного божества.

О таком изменении свидетельствует следующий заговор: «Как Господь Бог <...> и сырую мать-сыру землю твердо утвердил и крепко укрепил, и как на той мать сырой земле нет никакой болезни, ни кровавой раны, ни шипоты, ни ломоты, ни опухоли, так бы сотворил Господь и меня» [21: текст 1]. В тексте дважды повторяются значимые слова: «сырая мать-сыра земля», «мать сыра земля», а также отражается связь Бога (творца) и матери сырой земли, что объясняется влиянием христианства. Сохранность формулы в современных записях объяснима тем сакральным смыслом (связь с плодородием, следовательно, с жизнью всего вокруг), который в ней содержится.

Вопрос же о языческом божестве земли остается открытым. Скорее всего, следует говорить о женском прообразе божества – Великой богине, сотворившей весь мир. Отголоски этого образа обнаруживаются в волшебной сказке на сюжет **402 Царевна-лягушка**: «А вона рукой махнула на одну сторону – разлилось моря, потом на другую – сделался лес. И вот так она чудо делать. Чо она тока умна така, гуляла що так делае» [2]. Перед нами образ женщины, способной по своей воле менять природу окружающего мира, наделенной особыми знаниями и особыми возможностями. Еще одна сказка «Хозяйка тайги» (СУС аналогий не дает) отражает образ богини, повелевающей окружающим миром (лес, звери, его населяющие), человеческой судьбой [18].

Ни в одном из исследованных текстов образ не воссоздается целиком, повествование, как правило, концентрируется вокруг двух-трех его основных составляющих. Кроме того, в фольклорных текстах обнаруживаются отсылки и к архаическим представлениям о мужском облике земли, что снова подчеркивает отсутствие единого образа в народном сознании.

С мужским обликом земли связан образ камня как средоточия силы [32: 89]. В заговорах камень либо земля часто упоминается в закрежке, формуле, завершающей заговорный текст и призванной закрепить, усилить волшебное воздействие: «читать кремнем конец» [16: текст 1], «будьте мои слова лепки и крепки, крепче укладу, крепче серого камня» [16: текст 5], «как ключ небо, а замок земля, аминь, аминь, аминь» [20: текст 2]. В волшебных сказках камень является мерой силы богатыря, например, скрывает богатырские доспехи

и седло (**301 А, В Три подземных царства**): «Отодвинь колоду и выверни камень. Там ты увидишь седло и настоящие доспехи, а не те, которые у тебя сейчас есть» [9]. Под камнем богатырь прячет головы поверженного врага (**301 А, В Три подземных царства**): «Они жилились – жилились – не могут поднять этот камень. Он подошел, одной рукой поднял, головы выкатил, все» [14]. Христианская традиция почитания камней [30] способствовала тому, чтобы этот образ прекрасно сохранился вплоть до современности.

Кроме того, в волшебных сказках четко прослеживается образ богатыря, связанного с потусторонним миром и буйным ростом зелени. Это персонаж, способный за три дня вырастить сад из золотых и серебряных яблок (**314 Чудесное бегство с помощью коня, 511 А Золотой конь**): «Тут же Иван за работу взялся – ямки выкопал, в каждую по яблоку положил, водой полил. А к вечеру уже из земли веточки показались. На другой день уже яблони зацвели» [8]. В другом тексте (элементы сюжета **532 Незнайка**) дается постоянное определение героя как зеленого («Они ж его не видели ни лица, зеленый – зелененький и все»), на свадьбе которого зацветает сад, где все золотое [14]. Возможно, перед нами также древнейший прообраз бога земли, в то же время, это может быть уже позднейшее божество растительности.

С приходом христианства в народном сознании идея материнства, защиты, нравственного закона органично связывается с образом Богородицы, наблюдается совмещение её почитания и земли. В заговорах из архива о Богородице говорится как о матери, защитнице всего живого: «В городе Вавилоне, в горах и полях стоит престол. На том престоле сидит Пресвятая Дева – Богородица, держит в руке меч. И угрожает, и устрашает, и сечет всякую язву» [12: текст 4]. Кроме того, Богородица освящает своим присутствием землю: «Три, девять былин есть о Пресвятой Матушке Владычицы. Она сияла и лила свет Божественный на землю всю» [12: текст 7]. Также в текстах сохраняется представление об особом покрове Божьей Матери, способном защищать и помогать: «Господи, Царю Небесный, Пресвятая Богородица, как покрываешь небо и землю Своим покровом, так покрой меня, рабу Божью (имя) с рабом (имя) браком» [16: текст 7].

Следовательно, фольклор бережно сохраняет древнейшие представления о связи человека и земли, о персонифицированном образе земли. Принятие христианства приводит только к некоторому переосмыслению наиболее важного народного представления о «матери-сырой земле», сопоставлению земли и Богородицы.

Как и у большинства народов, у наших предков существовало представление о ступенчатом мироустройстве [34: 297]. Отголоски которого сохраняются в материалах архива вплоть до XX века. Например, чтобы попасть на тот свет, герою необходимо спуститься в какую-нибудь яму или колодец, то есть иной мир находится внизу: «Свернул Вертидуб дуб и увидели они там другой белый свет. И стали они думать, как туда спуститься» [7].

В Библии также обнаруживается ступенчатое изображение мира: земля, располагающаяся на подпорках, разделяет воду на надземную и подземную [1: Быт., 1, 7], а над всей землей – небо, с которого сходят ангелы [1: Откр., 10, 1]. Соответственно, такой образ мироздания характерен для большинства культур, чем и объясняется его устойчивость.

Кроме того, устойчивы следующие общекультурные архаические модели мироздания [33: 37; 29: 67], дерево [12: текст 2; 3; 9], гора [12: текст 4; 15: текст 2], дом [6; 7; 8]. В целом фольклорные тексты не дают целостной картины мира, а воспроизводят ее отдельные элементы, как правило, если речь заходит о необходимости перемещения между нашим и иным мирами.

Помимо ступенчатого строения мира, издревле существовало дуалистическое описание Вселенной: вечное борение хаоса и космоса [26: 146]. С принятием христианства в народном сознании хаос отождествляется с дьявольским началом, а космос с Божественным. В сказке на сюжет **301 А, В Три подземных царства** говорится следующее: «Свернул Вертидуб дуб и увидели они там другой белый свет <...> Собрал всех трех красавиц молодец и повел их к нужному месту, чтобы вытащить их на свет Божий <...> Немного осталось до света Божьего» [7]. В приведенном отрывке четко прослеживается соотнесение нашего мира с миром Божьим (на это указывает повторяемость словосочетания).

По архаическим общекультурным представлениям хаос и космос разделяли вода (сказка

на сюжет **425М = К 458 Жена ужа** [13], сказка на сюжет **327С, F Мальчик (Ивань, Жихарко, Лу-тонюшка)** и *ведьма* [10]), лес (сказка на сюжет **314 Чудесное бегство с помощью коня** [8]), были и приграничные территории, принадлежащие обоим мирам (образ поля в сказках на сюжет **530 = AA 530 А Сивко-Бурко** [3], **301 А, В Три подземных царства** [7], **317 Девушка в надземном мире** [19]; в заговоре [22: текст 1]).

При этом наблюдается вариативность границ, не имеющих конкретного закрепления, поскольку издревле для народа был важен сам момент перехода [31: 52]. В ряде заговоров прослеживается последовательное деление пространства: «Перекрестясь, благословясь, пойду из дома за ворота в ту сторону, куда охота, через долины и низины, в горку с горки, дойду до пригорка» [15: текст 2], «Встану, я. Раб божий, благословясь, пойду, перекрестясь из дверей в двери, из ворот в ворота, выйду я в чистое поле» [17: текст 1]. Для произнесения заговора человек покидает обжитое, культивируемое место, что подробно отражается градацией территорий: изба – двор – сторона.

Таким образом, и с принятием христианства в народном сознании сохраняются древнейшие общекультурные модели мироздания, представления о дуалистическом строении Вселенной, о границах между нашим и иным мирами.

В культуре многих народов присутствует оппозиция своей / чужой земли [27: 147], которая помогает четче обозначить представления о своем локусе как правильном, нормативном. Тогда чужая земля рассматривается как что-то ложное, неправильное, хаотичное [33: 42].

Описание чужих земель наблюдаем в волшебных сказках из архива, чем ближе текст к современности, тем меньше в нем оппозиций своего и чужого: «Между тем на царство наступало войско соседнего царя» [9], «С другого царства, с другого государства ездил молодой человек на охоту» [14], «Приходит молодец в царство, поселился в избушке сапожника» [7]. Зачастую описание таких земель либо отсутствует вовсе, либо (по упоминающейся атрибутике) они ничем неотличимы от родного города / деревни героя, хотя порой далеко расположены.

Образ иного царства в волшебных сказках из архива может трансформироваться в образ города: «Шли они долго <...> Смотрят –

дорога, и пошли по дороге. А в стороне пасет пастух <...> Доходит до города» [5], а также деревни / села / района: «А тогда говорит он царю: «Поеду я в свое село и перепишу всю сельскую местность» [3], «Кавалер поднял туфлю и сказал: «Буду я ездить по всем районам и деревням» [4]. Отмечаем, что в исследованных текстах наблюдается не только разграничение своей и чужой территорий, но и опрощение образа царства (как своего, так и чужого), который приобретает реальные черты, наполняется бытовыми деталями, приближаясь к поэтике бытовой (не волшебной) сказки.

По народным представлениям, родную землю защищали предки, ставился знак равенства между родной землей и землей родительской [33: 88]. Древняя идея об особой защищенности родного дома (а соответственно, и родной территории) сохраняется вплоть до XX века. Например, в текстах волшебных сказок герой, покидающий жилье, подвергается смертельной опасности. В сказке про Филю (327 С, F Мальчик (Ивась, Жихарко, Лутонюшка) и ведьма) [6] мальчик бежит из дома, попадает в избушку Бабы Яги, которая пытается его съесть. Только вернувшись домой, герой чувствует себя в безопасности.

В свою очередь, и человек должен биться за свою территорию до конца: «Жили они жили, да беда случилась. Стали часто в земли те царские входить орды чужеземные. И все труднее царю с каждым разом стало собирать войско на бой. А у врагов-то силы несметные <...> Но до Ивана уже весть дошла, что бьют полчища иноземные их войска добрые. Взял он дубинку свою и кликнул коня» [8].

Следовательно, материалы архива свидетельствуют о сохранности древнейших представлений о родной земле, тесно связанных с идеей защиты своего пространства.

Таким образом, говоря о языческих и христианских представлениях о земле в фольклоре Дальнего Востока, приходим к выводу об их органичном взаимодействии и взаимовлиянии, об отсутствии четкого разграничения.

Поразительной сохранностью отличаются архаические общекультурные представления о земле. Это и персонификация, и модель мироздания, и образ своей территории. Все они так или иначе связаны с жизнью человека, с идеями материнства, защиты, благополучия, а значит занимают центральное место в народном

сознании. Христианство поддерживает существование подобных представлений, несколько переосмысляя их и дополняя. Там же, где наблюдается разрушение системы архаических представлений, христианство восполняет разрушившуюся структуру своими образами, как это происходит с утраченным образом богини земли (параллель в народном сознании земли и Богородицы).

В то же время ни в одном фольклорном тексте не обнаруживается образа земли, полностью отражающего всю систему языческих и христианских представлений, которые воспроизводятся народом неосознанно, в зависимости от требований того или иного жанра. Наиболее полно древнейшие представления отражаются в волшебных сказках, сохраняясь вплоть до конца XX века. Заговоры же, как никакой другой жанр, отражают переплетение и взаимовлияние языческих и христианских представлений.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ТЕКСТЫ

1. Библия : Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. – М. : Моск. Патриархия, 1979. – 1371 с.
2. Рукописный фонд кафедры истории русской литературы Института русского языка и литературы ДВФУ. Фольклорные тексты. [Электронный ресурс]. 1963 г. П. 1. Т. 1. – 1 CD ROM. – Систем. требования : IBM-совместимый PC; MS DOS 6.0 и Windows 95.
3. Там же. 1967 г. П. 1. Т. 5.
4. Там же. 1968 г. П. 2. Т. 19.
5. Там же. 1969 г. П. 3. Т. 7.
6. Там же. 1977 г. П. 10. Т. 68.
7. Там же. 1979 г. П. 1. Т. 2.
8. Там же. 1979 г. П. 4. Т. 26.
9. Там же. 1979 г. П. 5. Т. 29.
10. Там же. 1980 г. П. 2. Т. 12.
11. Там же. 1980 г. П. 4. Т. 27.
12. Там же. 1981 г. П. 1. Т. 7.
13. Там же. 1981 г. П. 1. Т. 8.
14. Там же. 1990 г. П. 1. Т. 1 (Б).
15. Там же. 1993 г. П. 1. Т. 1.
16. Там же. 1996 г. П. 1. Т. 14.
17. Там же. 1997 г. П. 1. Т. 9.
18. Там же. 1998 г. П. 2. Т. 15.
19. Там же. 1998 г. П. 3. Т. 25.

20. Там же. 2000 г. П. 1. Т. 6.
21. Там же. 2001 г. П. 2. Т. 18.
22. Там же. 2001 г. П. 2. Т. 19.

СПРАВОЧНИКИ И СЛОВАРИ

1. Египетская мифология // «Мифы народов мира». Энциклопедия. (В 2-х томах). – М.: «Советская Энциклопедия», 1980 – т.1. А–К. – 672 с.
2. Сравнительный указатель сюжетов – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/folklore/sus/index.htm>.
3. Шумеро-аккадская мифология // «Мифы народов мира». Энциклопедия. (В 2-х томах). – М.: «Советская Энциклопедия», 1982 – т. 2. К–Я. – 720 с.

СТАТЬИ И ИССЛЕДОВАНИЯ

1. Агапкина, Т.А. Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. – М.: «Индрик», 2002. – 816 с.
2. Антонян, Ю.М. Великая Мать: реальность архетипа. – М.: Университетская книга; Логос, 2007. – 280 с.
3. Афанасьев, А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. В трех томах. Том первый. – М.: Современный писатель, 1995. – 416 с.

4. Белова, О.В., Петрухин, В.Я. Фольклор и книжность : миф и исторические реалии ; Ин-т славяноведения РАН. – М. : Наука, 2008. – 263 с.
5. Виноградов, В.В., Громов, Д.В. Представления о камнях-валунах в традиционной культуре русских // Этнографическое обозрение. М. «Наука». 2006. № 6. С. 125-143.
6. Виролайнен, М. Исторические метаморфозы русской словесности. – СПб.: Амфора, ТИД Амфора, 2007. – 495 с.
7. Голан, А. Миф и символ. – 2-е изд. – М.: РУС-СЛИТ, 1994. – 375 с.
8. Домников, С.Д. Мать-земля и Царь-город. Россия как традиционное общество. – М.: Алетейа, 2002. – 672 с.
9. Ермолов, А.С. Народное погодоведение. – М.: Русская книга, 1995. – 432 с.
10. Соболев, А.Н. Мифология славян. Загробный мир по древнерусским представлениям (литературно-исторический опыт исследования древнерусского народного мирозерцания). – СПб.: Издательство «Лань», 2000. – 272 с.

Л.А. Блинова
 Дальневосточный федеральный университет
 г. Владивосток, Россия

L.A. Blinova
 Far Eastern Federal University
 Vladivostok City, Russia

«ЧУЖИЕ» ИДЕИ В ПОНИМАНИИ КАТЕГОРИИ СВОБОДЫ В ТВОРЧЕСТВЕ А.С. ПУШКИНА 1810-Х ГОДОВ

THE IDEAS BORROWED FROM THE WESTERN WORLD AND COMPREHENSION OF A FREEDOM CATEGORY IN PUSHKIN'S POETRY IN 1910 YEARS

В работе рассматривается одна из актуальных проблем в творчестве Пушкина – проблема «Россия и Запад». В свете данной проблемы анализируется ранняя лирика поэта – лицейская и петербургская, когда Пушкин, ориентируясь на античные, западноевропейские и русские сюжеты (падение Римской империи, Французская революция и казнь Людовика XIV, убийство российского императора Павла I), пытается осмыслить категорию свободы. В процессе анализа можно увидеть как ориентацию на «чужое», так и самостоятельные, оригинальные суждения юного Пушкина.

Ключевые слова: *свобода, просвещение, народ, Французская революция, Россия, Запад.*

The present article concerns one of the most essential problems in Pushkin's art. This is the problem of correlation between Russia and the Western world. Regarding this problem there was an attempt to view Pushkin's early lyrics (poems which were written during the lyceum period and later in Saint-Petersburg). In this period Pushkin was interested in ancient, western European and Russian subject matters such as the degeneration of the Roman Empire, the French Revolution, the execution of Louis XIV and the murder of Paul I. Referring to these subjects, he tried to comprehend the category of freedom. Analyzing we can observe appealing to the "alien" on the one hand and on the other hand an independent and original ideas in his lyrics.

The key words: *freedom, enlightenment, nation, the French Revolution, Russia, the Western world.*

Проблема отношений России с Западом была, есть и будет едва ли не самой «болевающей» в науке. И, как справедливо замечено, воззрения Пушкина в ней занимают «совершенно особое место» [9: 453]. В обширном море пушкинистики до сих пор нет единой точки зрения по поводу того, к какой из полярностей тяготеют взгляды А.С. Пушкина – к западничеству или славянофильству. Так, С.Л. Франк, с одной стороны, называет его «западником» [9: 453], находя для подтверждения своей мысли ряд убедительных аргументов, а, с другой, при осмыслении пушкинских суждений вынужден прийти к заключению, что типичным «западником» его назвать нельзя. С. Франк находит иные определения для понимания Пушкиным темы «Россия и Запад»: «Пользуясь позднейшим термином, можно сказать, что Пушкин был

убеждённым почвенником (курсив С. Франка – Л.Б.) и имел некую «философию почвенности» [9: 457]. В современных работах пушкинистов (И. Сурат) есть тенденция максимально приближать Пушкина к славянофильству. Сложность проблемы в том, что воззрения А.С. Пушкина по этому вопросу дают исследователям возможность подтверждения и той, и другой точки зрения. Истина в этом вопросе лежит, видимо, в особой природе пушкинского гения, в его способности органично соединять «своё» и «чужое», в его «всемирной отзывчивости», в уникальной способности быть Великим Учеником по отношению к чужому. Это его качество применительно к осмыслению темы «Россия и Запад» отмечено в своё время всё тем же С.Л. Франком, который сказал, что в пушкинском сознании «обнаруживается гениальная

способность <...> к синтетическому, примиряющему противоположности восприятию» [9: 464].

Одной из категорий, напрямую связанных с европейским Просвещением, была категория свободы. «Между свободой и просвещением – непреложная связь», – справедливо замечает И. Сурат. [6: 245]. Попробуем проследить, как эта «чужая» идея, связанная ещё с античными и западноевропейскими авторитетами, реализуется в ранней лирике А.С. Пушкина – лицейской и петербургской.

Идея освободительного движения была идеей, определяющей дух времени. Б. Реизов справедливо отметил: «Слово «свобода» в 19 веке было у всех на устах» [6: 109]. Обусловлено это было, в первую очередь, событиями во Франции, которые не могли не оказать влияния на российскую передовую молодежь: это и Французская революция, и приход к власти Наполеона, а затем Отечественная война 1812 года.

Г.М. Фридендер точно обозначил отношение Пушкина к Французской революции: «События Французской революции не были для Пушкина предметом отвлечённого исторического интереса. Отношение поэта к ним оставалось всегда тесно связанным с занимавшими его вопросами русской действительности, а также с насущными и злободневными вопросами жизни народов Европы и всего человечества» [10: 536].

Отношение Пушкина к событиям Французской революции было неоднозначным. Он был свидетелем того, как святые слова «Свобода. Равенство. Братство» обагривались кровью множества жертв террора. Пушкин осмысляет события Французской революции, исходя уже из собственного понимания свободы. Ключевыми текстами здесь, на наш взгляд, являются стихотворения «Лицинию», ода «Вольность», «Послание Чаадаеву» и «Деревня».

Понятие свободы для Пушкина являлось ключевым и определяющим. Исходя из него, он пытался осмыслить современность и дальнейшие пути развития России. Так, Б. Реизов отмечает: «Вместе со своим веком, вышедшим из французской революции, Пушкин в течение всей жизни думал о свободе личной и свободе общественной, стремясь к ней всей силой ума и души. Не удивительно, что в его сознании понятие свободы пережило сложную эволюцию и имело определяющее значение для его творчества» [6: 110].

В том, что понятие свободы для Пушкина являлось ключевым и определяющим, сомнений не возникает. Но встаёт другой вопрос: об эволюции этого понятия. Большинство исследователей (Г.П. Макогоненко, Н.Л. Степанов, С.М. Петров и др.), говоря об эволюции понятия «свобода» у Пушкина, единодушно проводят линию от лицейского эпикурейства, а затем юношеского бунтарства к зрелому осознанию свободы как неотделимой от нравственности главной категории жизни и творчества поэта. Такая точка зрения широко представлена в исследовательской литературе и во многом оправдана, однако требует уточнений. В работах современных учёных-пушкинистов (В. Вацура, В. Непомнящего) утверждается мысль о том, что при диахроническом прочтении этой темы можно отметить и определённый синхронический аспект, который также заявлен в творчестве Пушкина. Ориентируясь на работы учёных, мы попытаемся выявить этот аспект и проанализировать его с точки зрения интересующей нас темы.

Уже в раннем творчестве Пушкин пытался осмыслить тему свободы не только и не столько в «эпикурейском» либо же «бунтарском» ключе, но гораздо глубже и серьёзнее. Понятие свободы у Пушкина, на наш взгляд, эволюционирует «вглубь». Эта эволюция, без сомнения, обусловлена и внешними факторами. Но гораздо важнее тот «стержень», который изначально был в поэте, то, что волновало и тревожило его ещё в лицейские годы и в полной мере воплотилось в зрелом творчестве.

Для подтверждения данного наблюдения обратимся к ключевому тексту лицейского периода – стихотворению 1815 года «Лицинию». По поводу него Б. Реизов замечает: «В 1815 году Пушкин писал подражание Ювеналу. Рим пал во прах перед ничтожным Ветулием, Рим порабощён. «Я сердцем римлянин, кипит в груди свобода». Но этот римлянин легко находит выход своему негодованию: вместе со своим другом он удалится куда-нибудь подальше от «вечного города». В тенистой рощице на морском берегу он отыщет красивый, светлый дом, расположится в уютном уголке и, попивая вино, «не страшась народного волнения», в гремящей сатире изобразит «нравы сих веков». Свободолюбивый сын Рима ищет свободы у камелька за дедовским фиалом, куда не достигнет народное волнение. Патриотическое негодование

превращается в чистейший эпикуреизм, и свобода понимается как свобода от общественного долга, борьбы и неприятностей» [6: 110]. Исследователь заостряет прежде всего своё внимание на путях выхода лирического героя из сложившейся ситуации, что и приводит его к изложенным выше выводам. Однако достаточно внимательнее присмотреться к «патриотическому негодованию», чтобы найти в нём более глубокое понимание поэтом проблемы. Прочитывая текст, можно заметить, что поэт заостряет внимание не только и не столько на виновниках политического дискомфорта, когда любовник императора руководит Сенатом и всем народом («Спесиво развалясь, Ветулий молодой/ В толпу народную летит по мостовой» [4: 75]), сколько на том обществе, которое допустило подобную несправедливость: «квириты гордые» давно уже не горды, но трусливы, покорны и подобо-страстны. Они не в меньшей мере виноваты, а возможно, и в большей. Воспитав в себе рабов, они заслуживают такого правителя. В первой части стихотворения уже развивается та тема, которая в полный голос прозвучит в стихотворении 1823 года «Свободы сеятель пустынный». Это прежде всего проблема диалога, который немислим в подобной ситуации. В виду этого желание поэта удалиться из развращённого Рима вызвано не только «чистейшим эпикуреизмом», но и сознанием тщетности какого-либо увещевания «квиритов гордых». Свобода немислима в подобном обществе и потому поэт ищет её в уединении. Стихотворение «Лицинию» представляется нам одним из ключевых текстов в понимании данной проблемы именно потому, что уже в нём молодой Пушкин раскрывает проблему свободы не односторонне, но в её обусловленности несколькими факторами – не только внешней, но и внутренней свободы. Фактор внутренней свободы, который в дальнейшем станет основополагающим и важнейшим для Пушкина, уже здесь приобретает своё определяющее значение.

Ода «Вольность» 1817 года несёт открытый общественно-политический посыл. Несомненно здесь влияние Радищева, что отражено уже в названии. Л.А. Коган отмечает: «Вскоре, по мере сближения с радикально настроенным кругом молодёжи, участниками тайных антиабсолютистских обществ, понятие свободы приобретает у Пушкина ярко выраженную политическую окраску,

заметно демократизируется. В нём выдвигаются на первый план романтически-бунтарские и гражданственные мотивы, тесно связанные с сочувствием угнетённому народу» [2: 97]. Исследователь точно отмечает политическую окраску, что характерно для времени, и в то же время для него романтически-бунтарские и гражданские мотивы стоят в одном ряду, в то время как некоторые исследователи (А.А. Смирнов) разделяют эти семантические пласты. Как выражение романтического сознания эпохи А.А. Смирнов рассматривает первое послание Чаадаеву. Это желание приобщиться к идеям времени, есть оно и в «Вольности». Но в отличие от стихотворения «Чаадаеву», эта эйфория и романтически-бунтарский настрой не преобладают в «Вольности», а лишь сообщают ей дополнительный смысл, созвучный времени. На первый же план выходит осмысление категорий закона и беззакония, гражданских свобод и их реализации. Мы вслед за А.А.Смирновым попытаемся разграничивать эти семантические пласты. Очень важным представляется здесь замечание С. Поварцова о том, что в «Вольности» «опоэтизирована не идея цареубийства, а идея свободы (вольности), понимаемой в диалектической связи с верховенством закона» [3: 93]. Пушкин не приемлет нецивилизованных форм: потаенное, скрытое убийство Павла для него – позор. «Вином и злобой упоенны,/ идут убийцы потаенны,/ На лицах дерзость, в сердце страх» [4: 184]. Этот страх, вызванный открытой преступностью готовящегося злодеяния, и пытаются заглушить убийцы вином. Это не та политическая казнь, которая может быть совершена в рамках Закона, а потому оправдана, но тайное, скрытое злодеяние, которому нет оправдания. То же скажет он и о казни Людовика: «И се позорная порфира на галлах скованных лежит» [4: 184]. Эти строки явно перекликаются с возгласом Радищева: «О Франция! Ты ещё хождаешь близ Бастильских пропастей» [5: 203]. И Радищев, и Пушкин очень противоречиво относились к событиям Французской революции, и прежде всего потому, что чётко разграничивали понятия свободы гражданской, регулируемой и направляемой единым для всех законом, и свободы, ничем не ограниченной, ведущей к террору и неизбежному попранию прав других людей. И последняя для них воспринимается не как свобода, а как её нарушение.

Свобода в «Вольности» противостоит самодержавному, неограниченному, деспотическому правлению и призывает к равенству граждан перед лицом единого Закона, не только политического, но и нравственного, что не менее важно. Поэт призывает царей склониться под сень закона, властвовать согласно ему и не злоупотреблять властью, данной народом. Уже здесь «закон» для Пушкина имеет не только гражданское, но и нравственное значение. Г.М. Фридлендер справедливо указывает на то, что «вольность в его [Пушкина] понимании связана со свободой всех членов общества и их правом на счастье. Но это право может обеспечить только Закон. И притом закон не только политический (или юридический), но прежде всего закон нравственный, закон гуманности, от которого производным является и закон политический. Без опоры на нравственный закон вольность превращается в своеволие, а царь или диктатор – в деспота и тирана» [10: 538]. К «юношескому максимализму» здесь можно отнести ниспровергающий тиранов пафос и накал «Вольности», но никак не основную идею, глубоко осмысленную Пушкиным в традиции понимания радищевской свободы.

Л.А. Коган отмечает: «Как бы ни менялись представления поэта о путях и средствах её [свободы] достижения, она всегда оставалась для Пушкина высшей, абсолютной ценностью» [2: 97]. С этим утверждением нельзя не согласиться. И всё же определим, что же такое «свобода» в раннем творчестве Пушкина, что он вкладывает в это понятие.

Б. Реизов делает следующий вывод: «слово «свобода» означает у Пушкина два понятия: политическое и общественное, с одной стороны, и личное и бытовое – с другой. Эти два понятия резко отличаются одно от другого, но часто смешиваются: политическая вольность, воспетая в знаменитой оде, почти совпадает с свободой личной, свободой лени, пиров и равнодушия ко всему, кроме наслаждений» [6: 111]. Здесь мы добавим только одно: свобода для Пушкина – прежде всего естественное состояние человека. Это не столько свобода «лени и пиров», сколько свобода выбора, обусловленная нравственными потребностями человека. Потому что два этих понятия «часто смешиваются»: ещё в ранних своих произведениях Пушкин понимает, что свобода «внешняя», политическая, неотделима от «самостояния» – внутренней

свободы, без которой человек не может быть вольным в любом обществе. Вполне естественно, что «Вольность» рассматривается в контексте свобододобивой декабристской лирики. Иначе и не может быть, ведь в ней Пушкин выступает как сын своего времени. В «Вольности» он затрагивает и пытается осмыслить те проблемы, которые волнуют всё передовое дворянство. «Русский царь для него – символ самовластья, беззакония и жестокости, равно как и все европейские аналоги. Поэтика политических стихов Пушкина генетически близка лирике декабризма, во всяком случае, источник один и тот же, а исходные тезисы совпадают: тиран, узурпирующий народные массы, достоин кары; сам народ и все подданные царя суть не что иное, как рабы; основой гражданского общества должен быть закон» [3: 96]. Однако чрезвычайно важно здесь замечание П. Сакулина: «Даже молодой Пушкин, в пору своего декабризма, в сущности не пел гимнов революции, а только свободе» [7: 46].

Гражданская свобода понимается Пушкиным как диалог равного для всех Закона и свободной внутренне личности, убившей в себе раба, но живущей при этом в соответствии с моральными нормами, гуманистическими идеалами. Если погран закон гражданский – политической свободы не будет. Но если погран закон моральный, закон «лелеющей душу гуманности», то любая неограниченная свобода неизменно приведёт к террору. Два этих закона должны находиться в непрерывном диалоге, в противном случае нарушение этого золотого правила ведёт к самовластью, а затем и к бунту. Важнейшим в ряду ключевых текстов по отношению к рассматриваемой проблеме является также стихотворение 1819 года «Деревня». Оно подтверждает тот факт, что для Пушкина крайне важно соотношение свободы политической, гражданской и внутренней, нравственной. Долгое время двухчастная композиция «Деревни» комментировалась с явным пренебрежением к первой части: она представлялась исследователям как «пасторальная», малозначимая и прямо противопоставленная второй – открыто гражданственной. Такая точка зрения долго господствовала и в пушкинистике, и в школьной программе. Однако это не совсем верно. Уже в зрелый период Пушкин именно первую часть «Деревни» взял как особенно значимую для него в

«Современник». Многие учёные, в том числе В. Вацуро, обращают внимание на то, что вторая часть стихотворения, во-первых, носит открыто книжный характер, а во-вторых, ориентирована на Радищева. Если первая часть – «подвижные картины», то вторая – мысль. В первой части мы видим предельную сопричастность поэта, его состояния этой картине. Это некая гармония душевного состояния: «Приют спокойствия, трудов и вдохновенья,/ Где льется дней моих невидимый поток/ На лоне счастья и забвенья» [4: 201]. В первой части стихотворения поэт говорит о столь значимой для него внутренней свободе: «Я здесь, от суетных оков освобожденный,/ Учуся в истине блаженство находить,/ Свободною душой закон боготворить» [4: 202]. Тема нравственной свободы – это свобода творчества и составляющие этой свободы: истина, закон. Значение этих слов было неоднозначным. Истина – присутствие бога в душе человека, закон – это прежде всего божественный Закон. И в то же время мы наблюдаем гражданскую позицию автора. Вторая часть – чёткая адресация «другу человечества», то есть Радищеву: «Но мысль ужасная здесь душу омрачает: / Среди цветущих нив и гор/ Друг человечества печально замечает / Везде невежества убийственный позор» [4: 202]. Представляется интересным тот факт, что даже во второй, открыто гражданственной части, поэт причиной народных бед видит «невежества убийственный позор», т.е., опять же, категорию внутреннюю, противопоставленную гуманности и просвещению – поголовное невежество. Риторический вопрос в конце стихотворения предполагает ориентацию на множество размышлений вслед за Радищевым, он по сути дела поставил те вопросы, которые до сих волнуют мыслящих людей. Принципиальна последовательность двух частей «Деревни»: без свободы личной невозможна свобода гражданская. Интересно в этом ключе провести параллель между «Деревней» и вторым посланием Чаадаеву 1821 года: «В уединении мой своенравный гений/ Познал и тихий труд, и жажду размышлений./ Владею днем моим; с порядком дружен ум;/ Учусь удерживать внимание долгих дум;/ Ищу вознаградить в объятиях свободы/ Мятежной младостью утраченные годы/ И в просвещении стать с веком наравне» [4: 245]. На наш взгляд, «объятия свободы» в этом стихотворении представляют

свободу не гражданскую, а иную. Не зря они прямо противопоставляются «мятежной юности». Сравним со строками в первой части «Деревни»: поэт учится «свободною душой закон боготворить». На первое место выходит прежде всего «свободная душа».

Речь, таким образом, в первую очередь идёт о внутренней свободе, о свободной душе, и, как нам кажется, герой не призывает боготворить какой-либо земной, государственный закон – слишком бы противоречил этому контекст всей первой части. Здесь, думается, речь идёт о всеобщем законе, законе моральном, той самой «лелеющей душу гуманности», которая должна быть первоосновой всех земных законов. Таким образом, мы можем наблюдать синхронность ключевых понятий свободы, идущих уже от лицейского периода.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бонди С.М. Черновики Пушкина. Статьи 1930 – 1970 гг. / С.М. Бонди. – М. : Просвещение, 1978. – 231 с.
2. Коган Л.А. Пушкин и идея внутренней свободы (о философском значении «Из Пиндемонта») // Вопросы философии. – 1988. №5. – С. 95–109.
3. Поварцов С. «Цареубийственный кинжал» (Пушкин и мотивы цареубийства в русской поэзии) // Вопросы литературы. – 2001. №1. – С. 88–116.
4. Пушкин А.С. Сочинения. В 3 т. Т.1. Стихотворения; Сказки; Руслан и Людмила: Поэма / А.С. Пушкин. – М. : Худож. лит., 1985. – 735 с.
5. Радищев А.Н. Избранное / А.Н. Радищев. – М. : Молодая гвардия, 1949. – 392 с.
6. Реизов Б.Г. Понятие свободы у Пушкина // Вопросы литературы. – 1966. №12. – С. 109–133.
7. Сакулин П.Н. Пушкин и Радищев. Новое решение старого вопроса / П.Н. Сакулин. – М., 1920, с.46
8. Сурат И.З. Пушкин о назначении России // Пушкин в 21 веке. Сборник в честь Валентина Семёновича Непомнящего. – М. : Русский мир, 2006. – 640 с. – С. 239 – 257.
9. Франк С.Л. Пушкин об отношениях между Россией и Европой // Пушкин в русской философской критике: конец 19 – первая половина 20 века. – М. : Книга, 1990. – 527 с. С. 452–465.
10. Фридлиндер Г.М. Вольность и закон (Пушкин и Великая французская революция) // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – 1989. – Т. 48. №6. – С. 536–542.

А.Ю. Петухова

*Дальневосточный федеральный университет
г. Владивосток, Россия*

A.Yu. Petukhova

*Far Eastern Federal University
Vladivostok City, Russia*

КОМПОЗИЦИОННАЯ РОЛЬ ГЛАВЫ «ЗОЛОТЫЕ ВОРОТА» В КНИГЕ П. ВАЙЛЯ «ГЕНИЙ МЕСТА»

THE COMPOSITIONAL ROLE OF THE CHAPTER TITLED «GOLDEN GATES» IN THE BOOK TITLED «GENIUS LOCI» BY PETER VAIL

Глава «Золотые ворота», открывающая книгу П. Вайля «Гений места», играет важную роль в композиционной структуре книги, так как представляет собой своеобразный «вход» в особое художественное пространство, создаваемое автором в тексте.

Ключевые слова: *Золотые ворота, Лос-Анджелес, Сан-Франциско, Ч. Чаплин, Д. Лондон, пространство, гений, духовный знак.*

The chapter titled «Golden Gates» that opens the book titled «Genius Loci» by Peter Vail plays a major role in the compositional structure of this book. This chapter represents a so called entrance to a special imaginative space created by Peter Vail.

The key words: *Golden Gates, Los Angeles, San Francisco, Charles Chaplin, Jack London, space, genius, spiritual sign.*

Пётр Львович Вайль (1949 – 2009) вошел в литературу как автор тонких и увлекательных эссе. Основные темы его творчества – культура, ее влияние на жизнь человека, человек в окружающем его пространстве культуры, или, иными словами, самоидентификация личности в мировой культуре и мировой истории. Главная цель, которую поставил перед собой Петр Вайль, – формулирование собственного образа мира и его культуры, создание собственной картины мира. В новом видении мира и в оригинальном художественном воплощении этого видения заключается, на наш взгляд, новизна творчества П. Вайля.

«Гений места» – первая из книг, написанных П. Вайлем без соавторства с А. Генисом. Книга вышла в свет в 2001 году, став бестселлером и заметным явлением в литературной жизни России 2000-х годов. Необычная жанровая организация книги сразу привлекла внимание исследователей и критиков. Несмотря на то что сам Вайль определил её как эссе, исследователи и критики назвали книгу

«Гений места» «жанровым гибридом», дав ей множество разных определений: «кулинарно-литературоведческий путеводитель» [3], «туристическо-литературный справочник» [4], «сборник культурологических эссе гастронома-путешественника» [5]. В настоящее время вопрос о жанре книги «Гений места» остается нерешенным. Поэтому рассмотрение жанровой и композиционной организации книги является, на наш взгляд, задачей особой важности, требующей тщательного исследования. В первую очередь необходимо обратить внимание на необычную структуру этого произведения.

Знаменательно название книги. В авторском предисловии к книге П. Вайль говорит о том, что связь человека с местом его обитания «загадочна, но очевидна», а также поясняет, что гений места (*genius loci*) – это некий дух, который связывает интеллектуальные, духовные, эмоциональные явления с их материальной средой. Слияние человека с местом, их взаимное влияние друг на друга, взаимодействие друг с другом и стало предметом

авторского внимания в книге. Художник и его «место» не существуют отдельно друг от друга, по мнению П. Вайля: «На линиях органического пересечения художника с местом его жизни и творчества возникает *новая, неведомая прежде, реальность*, которая не проходит ни по ведомству искусства, ни по ведомству географии» [1: 8; курсив мой – А.П.]. Эта особая реальность, создаваемая автором в книге, и является основным объектом рассмотрения в данной работе.

На первый взгляд формальная структура книги кажется достаточно необычной. Книга состоит из 18 глав, каждая из которых посвящена двум городам одной страны или близких друг другу в географическом и культурном отношении стран, представляющим своеобразную пару. Например, глава «Город в раме» посвящена Толедо и Мадриду; в главе «Семейное дело» рассказывается о Флоренции и Палермо; глава «Марш империи» переносит читателя сначала в Вену, а затем в Прагу. Исключение составляет глава «Босфорское время», посвященная одному городу – Стамбулу. Так Вайль описывает 35 городов мира, попарно сравнивая их друг с другом. Последовательность расположения глав в книге нелинейна. Пространство, воссоздаваемое Вайлем, – не географически изображаемое пространство: глава, рассказывающая о США, соседствует с главой о Греции и Италии; главе о Японии предшествует глава о Дании и Норвегии.

Главным и особым знаком каждого города для Вайля становится некий его гений. Это тот или иной деятель культуры, жизнь и творчество которого несомненно связаны с данным местом. В число гениев городов, о которых пишет Вайль, входят главным образом знаменитые писатели, но есть и художники, композиторы, архитекторы, кинематографисты. Например, для Барселоны – это Гауди, для Рима – Петроний, для Милана – Висконти, для Буэнос-Айреса – Борхес. Все главы книги, помимо названий, имеют подзаголовки, отражающие структуру каждой главы: «Толедо – Эль Греко, Мадрид – Веласкес», «Верона – Шекспир, Севилья – Мериме», «Стамбул – Байрон, Стамбул – Бродский» и т.д. Каждый город, воспринятый через творческую личность, сопоставляется с другой парой «гений – место». Всего в книге 36 персоналий. Обращает на себя внимание то, что «гениями» городов

у Вайля становятся представители мировой культуры разных эпох – от античности до современности. Но это временное разнообразие не отражается на последовательности глав: в книге нет хронологической последовательности повествования.

Каждая глава представляет собой законченную часть книги, не связанную своим содержанием с предыдущей и последующей главами. Иначе говоря, главы книги никак не связаны друг с другом в событийно-временном плане. Первая глава – «Золотые ворота» – посвящена Лос-Анджелесу и Ч. Чаплину, а также Сан-Франциско и Д. Лондону. Затем из Соединенных Штатов Америки эпохи конца XIX – начала XX вв. автор переносит читателя в Афины и Рим многовековой давности, и следующая глава – «Квартира на площади» – рассказывает об античных авторах, Аристофане и Петронии. Далее следует глава «Улица и дом», посвященная Дублину и Лондону и, соответственно, Д. Джойсу и А. Конан-Дойлу. Таким образом, от античности автор вновь возвращается к эпохе, не столь отдаленной от нас. Все последующие 15 глав поочередно переносят читателя из города в город, из эпохи в эпоху, от «гения» к «гению», и каждый раз автор-повествователь начинает новый рассказ. К примеру, из рассказа о Токио и Киото никаким образом не вытекает повествование о Копенгагене и Осло, а творчество японских писателей К. Абэ и Ю. Мисимы никак не перекликается с творчеством скандинавов Г.-Х. Андерсена и Э. Мунка. Таким образом, мы видим, что в книге отсутствует хронологическая, географическая, событийно-временная последовательность повествования.

Очевидно, что вся эта причудливо меняющаяся картина творится писателем сознательно, в этом есть свой смысл. Закономерно встает вопрос о том, что лежит в основе той последовательности глав, которую мы наблюдаем в книге, а также – что составляет своеобразие сюжетного движения произведения. Особое значение, конечно, приобретает начальная глава, поэтому мы и обратимся к вопросу о месте данной главы – главы «Золотые ворота» – в композиционной организации книги «Гений места».

Глава «Золотые ворота» посвящается Америке, а именно Лос-Анджелесу и Сан-Франциско и их «гениям» – Чарли Чаплину и Джеку Лондону. Название главы символично и значимо.

Оно имеет непосредственное отношение к тому, о чем говорится в главе. Для самого П. Вайля Золотые ворота – это, в первую очередь, пролив, соединяющий залив Сан-Франциско с Тихим океаном, и одноименный мост через пролив. Но в читательском восприятии возникают и другие ассоциации, связанные с этим названием, поскольку в истории человечества название «Золотые ворота» возникло намного раньше. Памятники истории и архитектуры с таким названием есть и в Иерусалиме, и в Стамбуле (Константинополе), и в Киеве, и во Владимире. Золотые ворота в Киеве – главные ворота города, одни из трех крупных городских ворот, сооруженных еще при Ярославе Мудром, – предназначались для церемониального въезда в столицу. Этой же цели служили Золотые ворота во Владимире. В Стамбуле Золотые ворота находятся в южной части Константинопольских стен. Через них в город также входили императоры-триумфаторы, к ним был прибит щит князя Олега. В Иерусалиме за Золотыми воротами некогда начиналась дорога, ведущая к храму Гроба Господня. Таким образом, Золотыми воротами издавна называют некий вход в какое-то важное, значимое, знаменитое пространство.

В книге «Гений места» это «пространство» самой книги, та самая «новая реальность», возникающая при встрече «гения» с определенным местом. В то же время глава «Золотые ворота» открывает повествование о путешествиях по разным городам мира самого автора-повествователя. П. Вайль уехал из Советского Союза в 1977 году. «Конечным пунктом» эмиграции, как он сам пишет в книге, были США, Нью-Йорк. В США он провел большую часть своей жизни вне родины. Возможно, именно поэтому книга «Гений места» открывается главой, посвященной Соединенным Штатам. То, что в основу книги легли личные впечатления автора, полученные им во время пребывания в разных городах мира, а также его собственные, внутренние художественные ориентиры, придает лирическую проникновенность всему повествованию.

«Квинтэссенцией Америки» Вайль называет Калифорнию, о которой он рассказывает в главе «Золотые ворота». Именно здесь, по мнению писателя, сконцентрирован дух этой страны, куда и сейчас, как и много столетий назад, люди едут, стремясь изменить свою жизнь,

улучшить ее: «Во все времена в Америку ехали и едут за свободой и богатством, еще вернее – за свободой богатства, за беспредельными возможностями на земле, расстилающейся вдаль и вширь *чистым листом*, куда следует вписать свое имя и ряд цифр с нулями» [1: 11; курсив мой – А.П.]. Выражение «чистый лист» здесь использовано неслучайно. В Америку ехали «начинать жизнь с чистого листа», но с неперменной надеждой на успех. В подтексте повествования читается намек на судьбу самого автора.

Лос-Анджелес и Сан-Франциско – это не просто Америка, это американский запад. Калифорнийцев Вайль называет «американцами в квадрате». Мечтой этих людей был «не недостаток в будущем, а огромное богатство к вечеру» [1: 13]. Именно Калифорния ассоциировалась у американцев с золотом. Но истинным источником богатства, сохранившим за Калифорнией статус «золотого края», стало кино: «...Здесь первыми поняли: кино – это огромные деньги» [1: 13].

Поэтому воплощением духа Лос-Анджелеса в книге П. Вайля становятся Ч. Чаплин и голливудский кинематограф. Образ самого города создается через авторское восприятие фильмов и героев Чаплина, через впечатления, полученные автором в Лос-Анджелесе: «Этот диковинный город меняется с кинобыстротой... Это все равно не город, а что-то вроде страны с населением Голландии... Мелькание кадров мешает цельному впечатлению... Возможно, поэтому Лос-Анджелес – то место на земле, от которого у меня больше слуховых ощущений, чем зрительных» [1: 14-15]. Приемы, используемые Вайлем, отражают образ города. Автору требуется документальная, бухгалтерская точность, когда он знакомит читателя с голливудской «бухгалтерией» начала 20 века: сколько стоило тогда снять фильм, сколько получал Чаплин в начале своей кинокарьеры, а сколько – позже. «В арифметику стоит погрузиться, чтобы осознать: Голливуд не столько рос с годами как бизнес, сколько всеми силами старался удержаться на уровне, заданном с самого начала» [1: 15]. Голливудское кино Вайль рассматривает в первую очередь как бизнес и только потом как искусство, но именно оно становится для Вайля знаком Лос-Анджелеса.

П. Вайль убежден, что «гений» и «место» не могут не влиять друг на друга, и он доказывает

это, рассматривая особенности американского кинематографа, появившегося именно в Калифорнии, на американском западе: «Если б волею судеб кинематограф обосновался в Новой Англии, он оказался бы совершенно иным» [1: 17]. Не случайно часть главы «Золотые ворота», посвященная Лос-Анджелесу и Чаплину, названа «Калифорнийское кино». Дух Калифорнии, американского запада в кинематографе в наибольшей степени воплотился в жанре вестерна: «Так или иначе, дух Калифорнии, дух запада определил господствующий – нет, не жанр, а способ мышления кино, его мировоззрение, потому что вестерн – это позиция» [1: 18]. Герой вестерна – это всегда «волк-одиночка», даже если он защищает слабых и обиженных, а поэтика вестерна нацелена на человека, стремящегося к большому и быстрому успеху.

Вайль описывает не внешние признаки пространства города, а его духовные знаки. Для Лос-Анджелеса, в котором преобладает дух стяжательства, стремления к успеху и богатству, главным таким знаком является кино. Ч. Чаплин, ставший для Вайля «гением» этого места, «и есть самый влиятельный представитель Дальнего Запада – стремительный, безжалостный, неунывающий» [1: 18]. Трактовка чаплинского героя, выдвигаемая Вайлем в «Гении места», разительно отличается от традиционного представления о герое Чарли Чаплина как о «маленьком человеке» в жестоком мире капитализма. Вайль обращает внимание на то, что герой Чаплина «лупит вовсе не только хамов и богачей». Сам же Чаплин, полагавший, по словам Вайля, что «цель кино – вызывать смех», считал жестокость «неотъемлемой частью комедии». У Вайля возникает новый, неожиданный образ Чаплина и чаплинского персонажа: «Мотив один – удаль, лихость, самоутверждение» [1: 19]. Для Вайля чаплинский герой становится источником жестокости на экране, а создатель этого образа – «гением» города, в котором на первом месте оказывается власть денег, желание обладать материальными, а не духовными ценностями.

Образу Лос-Анджелеса противопоставлен образ не менее известного калифорнийского города – Сан-Франциско. Этот город в книге «Гений места» предстает как средоточие духа свободы. Об этом говорит уже само название этой части главы – «За туманом». Оно сразу вызывает в памяти читателя слова известной

песни барда Ю. Кукина, герой которой едет «за мечтами, за туманом и за запахом тайги». Похожие люди населяют и Сан-Франциско: «Сан-Франциско сделался столицей битников и хиппи логично: там, как и на всем западе, не существовало традиций пуританства, но укрепилась традиция безраздельной свободы» [1: 24]. Битниками называли представителей литературного и молодежного движения в США середины 1950-х – начала 60-х гг., которые провозглашали добровольную бедность, бродяжничество, эротическую свободу, отрешенность от социальных проблем. Хиппи пришли на смену битникам. Они с презрением относились к устоявшимся понятиям, критиковали ценности среднего класса и выражали протест против политических и социальных общепринятых норм, избрав для себя идеологию ненасилия, свободную от доктрин, ратующую за мир, любовь и свободу личности. Упоминание об этих движениях помогает Вайлю усилить, подчеркнуть дух свободы и раскрепощения в Сан-Франциско. Этим духом оказывается пронизано и само повествование в этой части главы, что позволяет автору упомянуть о том, что Сан-Франциско считается и гомосексуальной столицей Штатов.

Говоря о движении битников и хиппи, упоминая имена Э. Хемингуэя, Д. Керуака – писателей, чьи книги были особо популярны у американской молодежи 1950–60-х годов, актеров Д. Дина и М. Брандо, воплотивших образы молодых бунтарей в кино, т.е. деятелей искусства, породивших дух освобождения и раскрепощенности, Вайль передает ощущение этого духа, преобладающего в Сан-Франциско. Главным, самым ярким выразителем этого духа для автора становится Джек Лондон: «По сути, все книги Лондона – об инициации, это его сквозная тема. ... Результат Лондона не интересует – только процесс, дорога, приключение» [1: 26].

Личные воспоминания Вайля об этом городе придают повествованию лирическую окраску: «В этом городе вообще хорошо гулять, несмотря на перепады высот... Здесь – буквально – дышится легче, чем в других местах. ... Отсюда хорошо уезжать. Путешествиям на руку даже местный климат – круглый год одинаковая пиджачная погода, наскучив которой, в самый раз отправляться либо в холод Севера, либо в жару Южных морей» [1: 27].

В Сан-Франциско у писателя возникают множественные ассоциации: Калифорния, Аляска, Гавайи – места, где происходит действие книг Д. Лондона – могли бы стать российскими землями, но не стали. Эта ассоциативность усиливает в повествовании ощущение тяги к движению, путешествиям, освоению новых земель, познания неизведанного и придает повествованию особую динамичность.

Особое место в этой части главы занимает образ моста Золотые ворота. Для Д. Лондона он был символом начала пути в огромный мир, дающим возможность не останавливать движение. Вайль соглашается с Лондоном в понимании этого образа и многократно цитирует американского писателя: «Огромный мир открывается за сан-францисским мостом Золотые ворота. Этот образ у Лондона повторяется маниакально: «А Золотые ворота! За ними Тихий океан, Китай, Япония, Индия и... и Коралловые острова. Вы можете через Золотые ворота поплыть куда угодно...»; «А дальше – пароход, Сан-Франциско и весь белый свет!»; «Золотые ворота и в самом деле золотились в лучах заходящего солнца, а за ними открывались безмерные просторы Тихого океана» [1: 27]. Так создается ощущение магнетической энергии этого места – Сан-Франциско, где у самого автора-повествователя возникало, по его собственному признанию, вечное желание куда-то ехать, двигаться.

Как видим, образ Америки в книге «Гений места» получается сложным, неоднозначным, противоречивым. Глава «Золотые ворота» построена на контрасте. Лос-Анджелес и Чаплин – средоточие жизненного успеха, который понимается в первую очередь как богатство и популярность, для достижения чего нужно быть не просто энергичным и предприимчивым, а жестоким, агрессивным и даже свирепым, как герой Ч. Чаплина, «всеобщий любимец, маленький человечек в котелке, злой, как мышинный король» [1: 19]. Сан-Франциско и Д. Лондон воплощают другую ипостась Америки – дух свободы, стремление к движению, приключениям. Но в итоге вторая пара проигрывает первой: «Золотыми оказались совсем не те ворота: не мост в океанские просторы, а двери в мир грез, в миру – кинотеатр. Северная и Южная Калифорния разделили роли: в Сан-Франциско золото трансформировалось в туман и мечту, в Лос-Анджелесе туман и мечта – в золото» [1: 28].

Здесь необходимо упомянуть о том, что и заключительная глава книги, «Из жизни горожан», тоже посвящена США, Нью-Орлеану и Нью-Йорку, а также Т. Уильямсу и О. Генри соответственно. Казалось бы, в этой главе автор должен подвести итог, поставить некую точку в своем повествовании, установив, таким образом, определенные рамки, границы внутреннего пространства книги. Но он этого не делает. Вайль оставляет это пространство открытым, безграничным, подвижным, меняющимся. Границ у этого пространства и не может быть, потому что оно создается в сознании самого П. Вайля. «Творцы классики и классические города незыблемы. Зато меняешься ты, и как меняешься, становится понятно по ним», – сказал П. Вайль в одном из интервью. Именно он, повествователь, находится в центре этого пространства, он соединяет времена, расстояния, разные культуры, судьбы цивилизации со своей собственной судьбой.

Таким образом, мы могли убедиться, что глава «Золотые ворота» действительно имеет очень большое значение в композиционной структуре книги «Гений места». Первая глава оказывается знаменательным порталом, входом в особенное художественное пространство книги.

Это пространство создается писателем не описанием внешних признаков страны или города, поскольку это пространство культуры, пространство, исполненное особой духовной энергии, представленной в динамике мощных художественных противоречий, которые воплощены в образах гениев данного места.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вайль П. Гений места. – М.: Издательство Независимая Газета, 2001. – 488 с.
2. Иваницкая Е. Петр Вайль. Гений места. Сюита в прозе. – Знамя, 1999, №10. <http://magazines.russ.ru/znamia/1999/10/ivanick.html> Дата обращения: 17.06.2004.
3. Клех И. Путеводитель по Вайлю. <http://www.russ.ru/krug/kniga/99-07-12/klekh.htm> Дата обращения: 12.10.2004.
4. Шулпяков Г. Пропорция Вайля. – Новый мир, 1999, № 12. http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1999/12/shulp-pr.html Дата обращения: 10.10.2004.

Е.Е. Кобесова
 Дальневосточный федеральный университет
 г. Владивосток, Россия

E.E. Kobesova
 Far Eastern Federal University
 Vladivostok City, Russia

ПЬЕСЫ А. ВОЛОДИНА В ВОСПРИЯТИИ КРИТИКИ И ТЕАТРА

PLAYS BY A. VOLODIN IN PERCEPTION OF CRITICISM AND IN THE DIRECTOR'S INTERPRETATION

В статье рассматривается история сценического воплощения пьес А. Володина, выделяются основные этапы этой истории, анализируются оценки критиков, характерные для каждого этапа.

Ключевые слова: *критические обозрения, интерпретация, восприятие.*

The present article considers the theatre realization of plays by A. Volodin, researches the key point of their history, analyses the critics' reviews that characterize all the key history points.

The key words: *critical reviews, interpretation, perception.*

Александр Моисеевич Володин (1919-2001) – драматург, прозаик, поэт, лауреат Государственной премии России, премии «Триумф» и национальной премии «Золотая маска» в номинации «За честь и достоинство», призер международных кинофестивалей в Венеции, кавалер ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени.

Появление пьес А. Володина и постановка их на театральной сцене вызвали бурные споры. Выделим три этапа прихода Володина на театральные подмостки и вызванной им полемики.

Первый этап начинается с постановок пьесы «Фабричная девчонка» (1956). Из статьи Е. Суркова «Женька Шульженко, ее друзья и недруги» (1962) следовало, что многочисленные замечания в откликах критики на пьесу «Фабричная девчонка» вызваны были, главным образом, идейной незрелостью Володина и художественным несовершенством пьесы. Сурков, приступая к анализу пьесы «Фабричная девчонка», писал о «привлекательности Женькиной натуры, широкой, смелой», о «подкупающей ее прямоте <...> искренности, честности» [19:139], но был недоволен тем, что Володин неверно выбрал для современной драмы героиню, политически не подготовленную

для осознанной борьбы с общественными недостатками.

Но уже в октябре 1958 г. «Фабричная девчонка» нашла защиту в выступлении драматурга А. Арбузова на Всесоюзной конференции работников театров, драматургов и театральных критиков. Он высоко оценил талант Володина и предрек ему будущие успехи на советской сцене: «Держитесь, товарищ Володин, – время за вас!» [3: 449]. В своем выступлении Арбузов говорил об отношении Володина к созданному своим пером: «Драматург не только знает своих героев, он всерьез обеспокоен их судьбой», он «любуется ими», но в то же время «не хочет прощать им ничего» [3: 449]. Арбузов обращает внимание на то, что Володин не боится показать читателям недостатки героев, что «Володин хочет лечить правдой, а не возвышающим обманом» [3: 449].

В начале 1960-х годов В.С. Саппак в «Краткой литературной энциклопедии» писал о том, что в пьесе «Пять вечеров» автор «за кажущейся будничностью характеров и поступков рядовых современных людей стремится раскрыть их внутреннюю красоту, нравственную стойкость». Он обратил внимание на то, что герой Володина – «простой человек рядовой профессии» [20: 1021].

В эти же годы появляются статьи К. Рудницкого «Пьесы и сценарии Александра Володина» и С. Владимирова «Володин» («Очерки по истории русской советской драматургии. 1945-1967»). Рудницкий в своей работе высоко оценил выбор героев, особое отношение драматурга к людям. «Постоянная задача Володина – искать существенное там, где его не видно наблюдателю торопливому и невнимательному», – писал критик [17: 239]. А Владимир говорил о драматурге как о «внимательном наблюдателе современного быта, мастере меткой детали, поэтическом интерпретаторе обыкновенного» [7: 322]. Из суждения этого квалифицированного критика следует: Володин, изображая обыкновенного человека, поэтически раскрывал перед читателями гуманистические и духовно-нравственные проблемы общества.

Л.И. Тимофеев в 1971 г. в «Истории русской советской литературы» писал о разногласиях в понимании пьесы «Пять вечеров». Он замечал, что немногие из критиков (С.В. Владимиров) безоговорочно одобрили пьесу, увидев в ней «большое человеческое содержание», «отражение больших жизненных процессов, биение пульса времени» [21: 143]. Он отмечал также, что большинство писавших о володинской пьесе и ее постановках в Ленинграде и Москве (В. Голдобин, Л. Скорино и др.) «отказывали им в контакте с жизнью, с современностью и предъявляли суровый счет драматургу за ущербность, нравственную мелкоту и мещанскую ограниченность его героев – Тамары и в особенности Ильина» [21: 143].

В этом же 1971 г. вышел шестой том «Истории советского драматического театра», в котором хотя и упоминается о полемике вокруг «Фабричной девчонки», но излагается сложившееся высокое мнение о драматурге: «В творчестве Володина видны новые мотивы жизни, новый тип человеческого характера» [2: 69]. Критические баталии объясняются новизной творчества.

Историк драматургии 1960-1970 годов Я.И. Явчуновский в своей монографии «Драма вчера и сегодня» (1980 г.), в главе, посвященной творчеству Володина, «Быт и бытие», увидел заслугу драматурга в жанре: «Мы видим социально-психологическую драму, выводящую ее к новому типу «пьес жизни» [24: 65]. Далее критик пояснял, что «быт как подробность

жизни стал почвой, из которой произрастает древо конфликтных ситуаций» [19: 65]. По мысли критика, именно Володин смог обнаружить «дистанцию между повседневностью и возможным потенциалом личности, что и придает драме масштабность конфликта» [24: 65]. Мысль Явчуновского перекликается с суждениями К. Рудницкого и С. Владимирова: показывая быт как повседневное течение, можно вскрыть наиболее острые гуманистические и нравственные проблемы общества.

Известный режиссер Г. Товстоногов первым на сцене ленинградского БДТ им. Горького поставил пьесу А. Володина «Пять вечеров». Выступая в печати, Товстоногов утверждал, что драматические произведения Володина жизненны и актуальны: «Пьесы драматурга опираются на жизнь и на сегодняшнюю психологию людей, в них есть живое ощущение современности, стремление уйти от предвзятости в восприятии действительности». В володинских героях он видел «реальных, живых людей с их мыслями, чувствами, стремлениями» [22: 51].

В учебном пособии для вузов Б.С. Бугрова «Русская советская драматургия. 1960-1970-е годы» констатируется: в 70-е годы отечественная драматургия (А. Арбузов, В. Розов, Л. Зорин, А. Володин, Э. Радзинский) продолжает углубленное художественное исследование нравственной проблематики, духовного мира современного человека. Преобладающее место в театральном репертуаре занимает «бытовая психологическая драма», поскольку обращена преимущественно к сфере личной жизни человека и сосредоточена на выявлении его душевных переживаний. [6: 86]. Таким образом, к концу 70-х годов утверждается место Володина в ряду лучших отечественных драматургов.

Во второй половине 1980-х годов начался новый, 2-ой этап повышенного интереса театров и зрителей к пьесам Володина.

В 1986 г., в начале «перестройки», известный театровед М. Строева, определяя значение Володина в драматургии последних десятилетий, писала: «Володину интересна стала судьба не «правофланговых», а людей неприметных, живущих словно на обочине жизни. Они выходили с теневой стороны на солнечную, а те, кто прежде гарцевал посредине драмы, уходил в тень» [18: 218].

Через год А. Зверев в критической статье отметил, что в это время начинается «настоящий

бум володинской драматургии, ее возвращение». Критик заявил: «возвращение» состоялось потому, что «лишь теперь мы приблизились к драматургии по-настоящему, ощутив в ней нечто существенное для нашего сегодняшнего духовного самочувствия» [13: 228]. Пьесы Володина позволяют понять, насколько наступившее время, время перестройки, предоставляет возможности «осуществить заложенный в нас человеческий потенциал, наше свободное личностное развитие, <...> нашу индивидуальную неповторимость» [13: 229]. А если личность не состоялась, «кто и что несет вину за подобное положение? Засасывающий быт, бесконечная спешка? <...> Порядком вещей предопределенная <...> ограниченность выбора? Мы сами со всеми нашими слабостями, страхами, приступами усталости, порывами к покою ценою уступок?» [13: 229]. Эти «древние вопросы», новые для всякого поколения, по справедливому суждению Зверева, обнажились в период перестройки в пьесах Володина и объясняют их новый приход на сцену театров. Зверев пояснял, что людям необходимо было разобраться в самих себе, осмыслить качество жизни. И эта потребность, считает критик, должна подавить моральную апатию, бездуховность, которые поистине «уродуют человека» [13: 229].

В киноэнциклопедическом словаре 1987 г. отмечались основные черты драматургии Володина, о которых уже говорили критики раньше: «Психологичность, юмор, лиричность, стремление к философскому осмыслению жизни» [23: 78].

Ко второй половине 80-х годов ценность володинской драматургии уже не подвергается сомнению. Так, Л.Ф. Ершов в 1988 г. в учебном пособии для вузов «История советской литературы» писал, что Володин наглядно доказывает: «перипетии частной жизни могут реагировать на все события жизни общественной с достаточной чуткостью» [10: 456].

В это же время (1989 г.) появляется первая монография о творчестве драматурга – «Александр Володин. Очерк жизни и творчества» Т. Ланиной. Исследовательница утверждала, что пьесы Володина не принадлежат только к социально-бытовой эпохе его создания: «Творчество этого драматурга современно и даже злободневно, в нем одновременно присутствует большой запас долгосрочных гуманистических идей» [15: 284].

Со второй половины 90-х годов начинается третий этап интереса к пьесам Володина, который продолжается по сей день. Это интерес театральный (многочисленные новые постановки) и исследовательский.

В 1990-2000-е годы активизируется литературоведческое исследование творчества драматурга. В этот период вышли «Библиографический словарь» (1998 г.), в котором К.Ф. Бикбулатова написала о Володине интересную статью; монография И.В. Григорай «Особенности характеросложения в русской драматургии 50-70-х годов XX века» (2004 г.); учебное пособие Л.П. Кременцовой «Русская литература XX века» (2005 г.); учебное пособие О.В. Журчевой «Формы выражения авторского сознания в русской драме XX века» (2009 г.).

В библиографическом словаре в 1998 г. К.Ф. Бикбулатова обращала внимание не только на то, что писали о Володине прежде. Исследователь полагала, что драматург «вскрыл острый социальный конфликт между свободой личности и общественными стереотипами, встающими на пути ее самоосуществления» [5: 311].

И.В. Григорай в главе, посвященной Володину, писала о том, что на протяжении всего творчества драматурга можно выделить три главных типа героя – «творческая личность, подруга творческого героя и добрый человек». По справедливому суждению исследователя, существовала «непосредственная связь между названными типами и современностью, которая обеспечивала интерес к пьесам Володина широкой публики» [8: 173].

Л.П. Кременцова утверждала, что основополагающей чертой драматургии Володина является «интеллигентность»: «проявляется она в том, что Володин никогда не стремится навязать читателю свою точку зрения» [14: 438].

О.В. Журчева в своей монографии проследила развитие «лирического жанра» в драматургии и доказывала, что наиболее ярко этот жанр во второй половине XX века проявился в творчестве Володина. Исследовательница высказала интересную мысль: «внешняя борьба в пьесах Володина уступает внутреннему соотношению и борьбе двух начал: лирического и сатирического» [11: 11]. К сожалению, эта мысль не получила развернутого обоснования.

Новая волна театральных постановок по пьесам Володина вызвала и их новое критическое

обсуждение. Ряд театральных критиков (В. Аминова, Ж. Зарецкая, И. Рождественская, М. Дмитриевская, Ю. Акимова, Г. Заславский, Н. Каминская) в своих откликах обсуждали злободневность пьес Володина. По их мнению, правомерно обращение к ним театров в этот период. Справедливо было отмечено, что «в его пьесах что-то близкое, созвучное времени» [1], «слышны ноты лирики и сочувственного юмора» [12], замечены «элементы античной трагедии» [9]. Утверждалось, что «Володин – настоящий реалист, поэтому не писал счастливых финалов» [1].

Другие критики (Е. Алексеева, Ю. Яковлева, С. Ходнев, М. Квасницкая), напротив, полагали, что Володин не современен и его пьесы ничего уже зрителю не говорят: в них мы слышим «антикварные фамилии и события» [25], у героев видим «неясные цели», которые приводят к тому, что «они не могут найти своего места в жизни» [25]. Было и суждение о том, что в «Пяти вечерах» герои довольно «смешны, раз отложили свое счастье аж на 17 лет» [25]. Смешны, вероятно, потому, что непонятны – и герои, и время, в котором они живут.

Во Владивостоке пьесы А. Володина в течение последних пятидесяти лет не появлялись. Г. Островская помнит: когда-то на сцене Приморского драматического театра им. М. Горького уже шли «Пять вечеров». Однако постановка, вероятно, не была яркой, потому что о ней не сохранилось конкретных воспоминаний. О ней не упоминает и сама Островская ни в статьях, ни в книге «Образ жизни – театр». Поэтому можно считать, что именно в период третьего этапа прихода пьес Володина на театральные подмостки театр им. М. Горького впервые серьезно обратился к творчеству этого драматурга, поставив пьесы «Пять вечеров» (2006) и «С любимыми не расставайтесь» (2007). Примечательно, что правомерность постановки у владивостокских критиков сомнения не вызывала: в этот период пьесы были поставлены целым рядом театров. Согласно данным электронной энциклопедии «Википедии», «Пять вечеров» идет в «Московском театре на Малой Бронной (постановка С. Женовача), в Театре на Покровке (постановка С. Арцибашева), в Санкт-Петербургском государственном молодежном театре на Фонтанке (постановка И. Зубжицкой), в Московском театре «Современник» (постановка А. Огарева), в

Саратовском академическом театре драмы им. И.А. Слонова (постановка О. Харитоновой)». Пьеса «С любимыми не расставайтесь» поставлена в МХАТе им. Чехова, в Театре на Литейном в Санкт-Петербурге [26].

Актерская и режиссерская интерпретация володинских пьес в театре им. Горького носит ностальгический характер: перед нами не просто постановки, а напоминание о времени, в которое были созданы пьесы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акимова, Ю. С любимыми не расставайтесь // Театральный Петербург. – 2002. – 1 октября.
2. Анастасьев, А.Н. История советского драматического театра. В 6 томах/ А.Н. Анастасьев. Том 6. М.: Издательство «Наука», 1971. – С. 69-70.
3. Арбузов, А.Н. «Прекрасное должно быть величаво...» // Сказки... Сказки... Сказки Старого Арбата. Загадки и парадоксы А. Арбузова – М.: ЗебраЕ, 2004. – С.446-453.
4. Борев, Ю.Б. Эстетика. Теория литературы: Энциклопедический словарь терминов / Ю.Б. Борев. – М.: ООО «Изд-во Астрель», ООО «Изд-во АСТ», 2003. – 573 с.
5. Библиографический словарь А-Я. Русские писатели XX века / К.Ф. Бикбулатова. – М.: Просвещение, 1998. – С.309-311.
6. Бугров, Б.С. Русская советская драматургия 1960-1970-е годы // Б.С. Бугров. – М.: «Высшая школа», 1981. – 285 с.
7. Владимиров, С.В. Драматургия 1945-1954., Володин / С.В. Владимиров. – Л.: Издательство «Искусство», 1968. – С. 322-353.
8. Григорай И.В., Особенности характеросложения в русской драматургии 50-70-х годов XX века. / И. В. Григорай. – В-к.: Издательство Дальневосточного университета, 2004. – 240 с.
9. Дмитриевская, М. «... Он полуплакал, полуспал» //Петербургский театральный журнал.–2002.– октябрь.
10. Ершов, Л.Ф. История русской советской литературы / Л.Ф. Ершов. – М.: «Высшая школа», 1988. – С. 456-457.
11. Журчева, О.В. Эволюция драматургии Володина. Автореферат на соискание кандидата наук / О.В. Журчева. – М.: МГУ, 1994. – 15 с.
12. Зарецкая, Ж. Один день из жизни мирового судьи // Вечерний Петербург. – 2002. – 14 ноября.
13. Зверев, А. Огонек неизвестно откуда / А. Зверев. – М.: Новый мир, 1987. – 227 с.

14. Кременцова, Л.П. Русская литература XX века в 2 томах / Л.П. Кременцова. Том 2 1940-1990-е годы. – М.: АCADEMIA, 2005. – 460 с.
15. Ланина, Т. Александр Володин. Очерк жизни и творчества / Т. Ланина. – С-П.: Советский писатель. Ленинградское отделение, 1989. – 318 с.
16. Метченко, А.И., Петров, С.М. История русской советской литературы/ А.И. Метченко, С.М. Петров. – М.: Издательство «Просвещение», 1983. – С. 567.
17. Рудницкий, К. Пьесы и сценарии Александра Володина / К. Рудницкий. – Л.: Новый мир, 1968, № 1. – С. 239 – 245.
18. Строева, М. Мера ответственности // М. Строева. – М.: Современная драматургия, 1986, № 2. – С.218-235.
19. Сурков, Е. Женька Шульженко, ее друзья и недруги // Е. Сурков. Надраматургические темы. – М.: Советский писатель, 1962 г. – С. 129-172.
20. Сурков, А.А. Краткая литературная энциклопедия / В.С. Саппак. – М.: государственное научное издательство «Советская энциклопедия», 1962. – С.1021.
21. Тимофеев, Л.И. История русской советской литературы. – М.: Изд-во «Наука», 1971. – С. 143-145.
22. Товстоногов, Г.Режиссер и драматург / Г. Товстоногов. Зеркало сцены. Том 1: О профессии режиссера – Л.: Ленинградское отделение «Искусство», 1980. – 303 с.
23. Юткевич, С.И. Киноэнциклопедический словарь / С.И. Юткевич. – М.: «Советская энциклопедия», 1987. – 670 с.
24. Явчуновский Я.И. Драма вчера и сегодня. – Саратов: Изд-во Саратов. Ун-та, 1980. – С. 59-70.
25. Яковлева, Ю. С мещанами не расставайтесь [Электронный ресурс] // Коммерсант. Спб. – 2002. – 1 октября. – Режим электронного доступа: <http://mospan-s.narod.ru/love1.html> (дата обращения: 15.03.11).
26. Википедия. Володин Александр Моисеевич [Электронный ресурс]: свободная универсальная Internet-энциклопедия.

В.И. Стародумова

*Дальневосточный федеральный университет
г. Владивосток, Россия*

V.I. Starodumova

*Far Eastern Federal University
Vladivostok City, Russia*

МОТИВ СМЕРТИ КАК ЦИКЛООБРАЗУЮЩИЙ В АЛЬБОМЕ «ВЕЧНЫЙ ПОСТ» А. БАШЛАЧЁВА

THE DEATH MOTIF AS A CYCLE FORMING MOTIF IN THE ALBUM TITLED «ETERNAL FAST» BY A. BASHLACHYOV

Мотив смерти выступает в качестве одного из принципов объединения отдельных стихотворений в циклическое художественное единство в альбоме «Вечный пост» Александра Башлачёва. Посредством этого мотива выстраивается полноценный лирический сюжет.

Ключевые слова: *рок-поэзия, Башлачёв, мотив, цикл.*

The death motif is one of the integration principles of separate poems in a cyclic imaginative unity in the album «Eternal Fast» by Alexandr Bashlachyov. The whole lyrical plot is created with the help of this death motif.

The key words: *rock poetry, Bashlachyov, motif, cycle.*

Как рок-поэт А. Башлачёв оставил около шестидесяти стихотворений творческого наследия и внёс огромный вклад в развитие рок-поэзии. Литературоведы обратили внимание на поэзию Башлачёва в начале 1990-х годов, в результате чего были написаны три кандидатских диссертации, три монографии и более семидесяти научных статей о его творчестве. Наиболее изученными аспектами на сегодняшний день являются мифопоэтика, вариативность и тематическое своеобразие [1: 350-358]. Проблема циклизации рок-поэзии была поставлена профессором Ю.В. Доманским, но поэзия Башлачёва в этом аспекте до сих пор не рассматривалась, хотя циклизация у Башлачёва является, на наш взгляд, наиболее интересным примером циклизации в рок-поэзии.

Под литературным циклом в данной работе мы понимаем «группу произведений, составленную и объединённую самим автором и представляющую собой художественное целое» [2: 482]. Альбом мы рассматриваем как одну из разновидностей цикла и определяем вслед за Ю.В. Доманским как «концептуальное жанровое образование в рок-музыке» [3: 99]. Альбом обладает всеми особенностями

лирического цикла, а именно: «авторские контексты; единство композиций, входящих в альбом, обусловлено авторским замыслом; отношения между отдельными композициями и альбомом можно рассматривать как отношения между элементом и системой; альбом озаглавлен самим автором, что даёт право рассматривать альбом как „аналог лирического цикла“» [4: 100].

Обратим внимание на ещё одну особенность альбома: вариативность состава входящих в него песен, т.е. каждое произведение может существовать как в отдельности, не теряя смысловой завершённости, так и может быть встроено автором в другой альбом или «вторичный авторский» цикл («составленный из «суверенных», уже напечатанных стихотворений» [5: 14]).

Мы обратились к альбому «Вечный пост», записанному в апреле 1986 г., так как именно этот альбом, на наш взгляд, отражает концепцию философского и религиозного мировидения поэта, приведённую в систему именно в этот период. В «Вечный пост» вошли девять песен 1985–86 гг.: «Посошок» (сентябрь 1985), «Все от винта» (апрель 1985), «Сядем рядом»

(декабрь 1985), «Когда мы вместе» (март 1986), «Вечный пост» (март 1986), «Всё будет хорошо» (январь 1986), «Имя Имён» (март 1986), «На жизнь поэтов» (январь 1986), «Как ветра осенние» (декабрь 1985).

В заглавие цикла автор вынес название пятого произведения – «Вечный пост». Именно в нём обозначена кульминация лирического сюжета всего цикла. Лирический герой цикла – поэт-пророк – в центральном произведении достигает высшей точки духовного развития. Он предстаёт во всём цикле в различных ипостасях: зеркало, икона, ангел чернорабочий, странник, Христос и т.п. Все воплощения лирического героя объединяются мотивом смерти, который в той или иной степени проходит через весь цикл, являясь одним из мотивов, создающих лирический сюжет.

Мотив смерти в «Вечном посте» начинает звучать с первого же произведения – «Посошок»: *Отпевайте немых! А я уж сам отпою. / А ты меня не щади – срежь ударом копья.* Лирический герой «Посошка» прощается с жизнью и готовится перейти в мир иной. В тексте стихотворения находят отражение русские обряды прощания с человеком, отправляющимся в дальнюю дорогу: выпить на посошок и зашить мешок с вещами [6]. В названии «Посошок» мы видим двойственность: с одной стороны, посошок – это часть обряда прощания [7: 437], с другой – уменьшительно-ласкательная форма слова *посох*, который является важным атрибутом дальней дороги. Кроме того, первым вариантом названия «Посошка» был «Блюз ладьи», в названии и в самом стихотворении образ ладьи можно рассматривать как поэтический знак, сопровождающий мотив дороги, который созвучен у Башлачёва с мотивом смерти.

Важным сюжетообразующим компонентом является отпевание, которым провожают в последний путь мёртвых: *Отпевайте немых, а я уж сам отпою.* Лирический герой отказывается от отпевания, так как может *отпеть* себя сам – своими песнями. Ещё один важный компонент сюжета, сопровождающий мотив смерти, – оплакивание – находит отражение в следующих строках: *А я ещё посолил, рюмкой водки долил, / Размешал и поплыл в преисподнем белье.* Соль и водка (для нас здесь важно такое свойство водки, как горечь), смешиваемые поэтом, преобразуются в горькие слёзы, по которым поэт плывёт в мир иной (*в преисподнем белье*).

Мотив плача – один из важнейших элементов системы мотивов смерти в поэзии Башлачёва – соединяется с мотивом дороги. У Башлачёва это дорога – река, соединяющая мир живых с миром мёртвых: *Перевязан в венки мелкий лес вдоль реки.* Венок кроме ряда других ритуальных значений также является атрибутом смерти.

Подплыв к *последней заставе*, поэт встречает стража мира мёртвых, который не выпускает его: *У последней заставы блеснут огоньки, и дорогу штыком преградит часовой.* И поэт вступает со стражем в разговор, который служит переходом к *мотиву отпущения грехов*: *Отпусти мне грехи! Я не помню молитв. Если хочешь – стихами грехи замолю.* Вновь подтверждается наша позиция, что лирический герой – поэт, а поэт в образной системе Башлачёва идёт своими особыми дорогами, что вновь находит подтверждение в тексте: он может замолить грехи не молитвой, а стихами, и это возносит его до уровня божественного или, по крайней мере, святого, о чём свидетельствуют следующие строки: *И наша правда проста, но ей не хватит креста / Из соломенной веры в «спаси-сохрани».* / *Ведь святых на Руси только знай выноси! / В этом высшая мера. Скопыхорони.* Башлачёв показывает поэта-святого, не вмещающегося в рамки *креста* и гибнущего, что заставляет нас искать *мотив святости*, обретаемой поэтом через смерть. Обозначим компонент сюжета «Посошка» как *прощание поэта с жизнью, переход в мир иной*, важный для построения единого общего сюжета цикла.

Если в «Посошке» в основе был путь к смерти по воде, то во втором стихотворении «Все от винта» – путь воздушный: *Я знаю, зачем иду по земле, / Мне будет легко улетать* (1 строфа). Здесь *лёгкая смерть* представлена в противопоставлении с жизнью, наполненной смыслом. Именно в этих строках заложено определение смерти, которое в дальнейшем разворачивается в стихотворении. Этот же мотив повторяется в седьмой строфе, и связан он с образом лирического героя и всех, кого поэт ему уподобляет: *Мы – пасынки птиц. И в последней, восьмой строфе: Нам нужно лететь... А ну от винта! Все, все от винта.* Призыв к полёту содержится и в названии стихотворения. Идея осмысления поэтом своей жизни и осознания того, что не следует бояться смерти, сопровождает мотив дороги, смерти, которая становится

освобождением, полётом от действительности: *Ну что ты? Смелей! Нам нужно лететь.* Во второй строфе возникает осознание близости смерти: *Без четверти смерть, объединяясь с мотивом жажды жизни.* Во втором стихотворении лирический герой формируется как поэт или певец (эти термины у Башлачёва схожи): *Как хочется жить... Не меньше, чем петь. / Свяжи мою нить в узелок.* Нить у Башлачёва символизирует жизнь, можно предположить, что связывание нити в узелок есть указание на смерть. Таким образом, сюжетообразующим компонентом цикла в стихотворении «Все от винта» выделяется *призыв к полёту-смерти.*

В «Сядем рядом» намечается новое звучание мотива смерти – забвение и возвращение – имеющее важное значение в сюжете цикла: *Нас забудут, да не скоро, А когда забудут, я опять вернусь.* С мотивом смерти здесь тесно связан обычно противопоставляемый, но в данном тексте сопутствующий и продолжающий его *мотив жизни*, воплощённый в образе колоса: *Нить, как волос. Жить, как колос. Размолотит колос в дух и прах один цепной удар.* Смерть в этих строках воплощена в образе цепного удара, выбивающего из олицетворённого колоса *дух и прах* (трансформация фразеологизма *в пух и прах* с целью показать духовную и тленную стороны человека – колоса). Далее образ удара не только становится воплощением смерти, но и уменьшает свою силу до *любого удара: Дай мне голос – И я любой удар приму, как твой великий дар.* В «Сядем рядом» заключена идея возвращения поэта после смерти и после того, как о нём забудут на земле.

Нельзя не упомянуть о реминисценциях из стихотворения Сергея Есенина «Дорогая, сядем рядом» [8: 139], в котором мотив смерти занимает значительное место, хотя у Башлачёва он разрешается иначе. Есенин упоминает о смерти в связи с памятью о мёртвых: *Ищут тех, которых помнят. Их давно уж нет на свете.* И в связи с напоминанием живым о неизбежности смерти: *Месяц на простом погосте / На крестах лучами метит, / Что и мы придём к ним в гости.* Слова *придём в гости* наталкивают на мысль о временном характере не только жизни, но и смерти. Эту идею развивает и преобразует Башлачёв. Когда поэт вернётся после забвения, он переделает всё, что было им создано, на новый лад, что находит подтверждение в восьмой строфе: *Но завтра – утро.*

Всё сначала... Заплетать на тонких пальцах недотрогу-нить.

Смерть в этом стихотворении становится порогом, через который необходимо перешагнуть поэту для продолжения жизни, но уже в ином качестве. Назовём эту часть сюжета *осмыслением бытия поэта.*

В следующем стихотворении «Когда мы вместе» мотив смерти тесно связан с мотивом любви: *Когда мы вместе – нам не страшно умирать.* Мотив смерти трансформируется в *мотив страха перед смертью* и повторяется в стихотворении дважды – в третьей и седьмой строфе, параллельно с мотивами разлуки и страха перед жизнью: *Когда мы врозь – мне страшно жить.*

В последней строфе мотив смерти обретает знаковое значение: *Мой крест – знак действия, чтоб голову сложить / За то, что рано умирать, За то, что очень славно жить.* Свою смерть лирический герой – поэт – видит как знак судьбы, необходимый для дальнейшей жизни людей, для того, чтобы другие осознали ценность жизни: *За то, что очень нужно жить. Осознание назначения поэта посредством любви – идея компонента сюжета цикла в стихотворении «Когда мы вместе».*

Произведение «Вечный пост» мы выделяем как драматический центр лирического сюжета, где мотивы жизни и смерти объединяются идеей цикла. Недаром название этого стихотворения автор вынес в заглавие цикла, которое «относясь ко всем стихотворениям сразу, тем самым объединяет их в единое целое» [9: 32]. В стихотворении «Вечный пост» мотив смерти не является доминантным, тем не менее он связан с *мотивами осуждения и любви: Не суди ты нас, на Руси любовь [...] Испокон сродни чёрной ереси. На клинках клялись. Пели до петли.* Лирический герой в этом произведении объединяет в себе образы странника, Христа и уже поэта-пророка, поэта видящего и знающего суть и смысл бытия. Он странствует *по Руси по мамушке*, видит страдания народа, осознаёт сущность увиденного и молится за русский народ, который обладает рядом признаков, один из которых связан с мотивом смерти – это легкомысленное отношение к жизни, полной страданий, которое приводит к смерти (*мотив легкомысленного отношения к жизни*): *Пели до петли и живи, как есть, в три погибели.*

Компонентом общего сюжета цикла выделим *прозрение поэта*.

Последние стихотворения цикла: «Всё будет хорошо», «Имя Имён», «Жизнь поэтов» и «Как ветра осенние», – приводят мотив смерти к смысловому завершению, он начинает звучать на новом уровне.

«Имя Имён» несёт в себе мотив смерти через образы крови, Страшного суда и собственно Имени Имён, он встраивается в лирический сюжет в третьей строфе: *Кровь на снегу – / Земляника в январском лукошке*. В шестой строфе вновь появляется образ крови: *Да не отмоешься, если вся кровь да как с гуся беда, и разбито корыто*. Общей идеей этой части цикла назовём *отрешение от страха перед смертью*.

Цикличность образа семи кругов беспокройного лада как подготовка для перехода на следующую ступень бытия поэта ясно видна в композиции стихотворения «На жизнь поэтов»: мотив повторяется в конце каждой из пяти строф, акцентируя внимание читателя на тонкости грани между жизнью и смертью поэта и повторяемости такой судьбы в истории. В финальной строфе образ семи кругов беспокройного лада разрешается переходом поэта из низшей (жизни) в высшую, недоступную каждому субстанцию бытия: *Короткую жизнь – Семь кругов беспокройного лада – Поэты идут. И уходят от нас на восьмой*. Мотив смерти сопоставляется с музыкальным образом, ведь семь кругов лада – это гамма, определяемая музыковедами как *звукоряд в пределах октавы, в котором ступени лада идут последовательно одна за другой* [10: 19]. По аналогии с гаммой поэт, уходя на следующую высшую (в музыкальном строе гаммы звукоряд идёт от низких нот к более высоким) ступень бытия, переходит в следующую октаву: *И уходят от нас на восьмой*.

В названии «На жизнь поэтов» содержится реминисценция к лермонтовскому «Смерть Поэта» (неправильный вариант «На смерть поэта»). Между этими названиями-антиподами стоят образы жизни и смерти. Но Башлачёв не столько противопоставляет своё произведение лермонтовскому, сколько продолжает размышлять на тему, заданную Лермонтовым, развивать её, выводя из судьбы конкретного поэта (у Лермонтова это Пушкин) поэта как образ собирательный, создавая формулу жизни по-

эта, одной из основополагающих элементов которой является смерть.

Во второй строфе содержатся образные характеристики поэта, разграничивая его духовную (*святая вода*) и телесную (*пустой кисель неживой* [воды – В. С.]) ипостаси. Мотив смерти связывается здесь с *мотивом святости поэта*. Вторая образная характеристика открывается через перефразированный фразеологизм: *И дышать полной грудью на ладан*, где полнокровная жизнь поэта окрашена близостью смерти.

Далее появляется образ *кровоточия* как мирской преднамеренной смерти, к которой поэты идут осознанно: *Поэты идут до конца. И не смейте кричать им: – Не надо!* Кроме того, смерть поэта показана Божественным промыслом (*Ведь Бог... Он не врёт, разбивая свои зеркала*), и мотив смерти связывается автором здесь с *мотивом Божественной воли*.

В четвёртой строфе Башлачёв, продолжая контрастный идейный строй, развивает *мотив неверия в смерть и неизбежности её преднамеренного осуществления поэтом*: *Не верьте концу. Но не ждите иного расклада*. Здесь же вновь появляется *мотив святости*; поэт искупает страданиями и смертью грехи, совершённые при жизни: *А что там было в пути? Метры, рубли... / Неважно, когда семь кругов беспокройного лада / Позволят идти, наконец, не касаясь земли*.

В пятой строфе звучит *мотив распятия*, продолжая предыдущий связанный со смертью поэта мотив святости, и завершает образ поэта-святого: *Не жалко распять, для того чтоб вернуться к Пилату*. Смерть здесь не противопоставлена жизни, она лишь продолжает нить, служа переходом на следующий этап существования. Здесь выделим сюжетным компонентом цикла *святость поэта*.

В завершающем цикл стихотворении мотив смерти приобретает мистическую окраску. «Как ветра осенние» звучит итоговым напевом жизни поэта, его страхов, любви, сомнений, вере, оно подводит итог всему, что прожито. Появляется *страх перед смертью* как проявление мотива смерти сначала совсем молодого поэта, который ещё не успел выполнить своего предназначения в жизни: *Я не знал, как жить, ведь я ещё не выпек хлеба*, в конце стихотворения – более зрелого поэта, который уже написал свои песни.

Образ ветров осенних мы рассматриваем как символических предвестников смерти, а ветер – как один из символов дороги. Слова как *ветра осенние* повторяются в начале каждой строфы, что создаёт ощущение цикличности, повторяемости: *Как ветра осенние подметали плаху* (готовили место для смерти поэта, противопоставляя *мотиву жажды жизни: И хотел я жить, и умирал – да сослепу, со страху*); *заметали небо* (отнимали свет, заставляли тревожиться о том, что ещё ничего не создано); *подули ближе* (приблизили смерть); *закружили голову* (заставили задуматься о смерти), *и ну давай кружить* (заставили думать только о смерти, бояться её). Вновь появляется мотив жизни, но условие жизни становится предметом выживания: *я сумел бы выжить, / Если б не было такой простой работы – жить*. Мотив смерти завуалирован здесь в частице *бы*.

В четвёртой строфе ветра выступают в роли жнецов смерти: *жали – не жалели рожь* – подводили итог жизни, заставляли задуматься о том, что сделано. Далее Башлачёв расширяет *мотив подведения итогов* уверенностью в оправданности жизни поэта: *Ведь тебя посеяли, чтоб ты пригодился*. И причина смерти становится незначимой: *Ведь совсем не важно, от чего помрёшь*.

В последней пятой строфе предвестники смерти *уносят моё семя* – дают надежду, что созданные песни будут жить после смерти поэта. Появляется образ воскресения и *мотив новой жизни: Листья воскресения да с восточки – весны*. В финальных строках из первой строфы возвращается мотив жажды жизни: *Я хочу дожить*. Завершающий компонент сюжета определим следующим образом: *смерть как переход на высшую ступень бытия*.

В итоге мы выстроили следующую систему внутренних связей между текстами на сюжетном уровне [11: 16] альбома (нумерация представлена в порядке, установленном автором):

1. Прощание с жизнью, переход в мир иной.
2. Призыв к полёту-смерти.
3. Осмысление бытия поэта.
4. Осознание назначения поэта посредством любви.
5. Прозрение поэта.

6. Отрешение от страха перед смертью.
7. Святость поэта.
8. Смерть как переход на высшую ступень бытия.
9. Воскресение.

Таким образом, одним из принципов объединения отдельных стихотворений в циклическое художественное единство в альбоме «Вечный пост» выступает мотив смерти, посредством которого и выстраивается полноценный лирический сюжет. Покидающий земной мир поэт переосмысливает смерть, прозревает и, окидывая последним истинным взглядом жизнь, понимает, что смерть – это лишь новая ступень жизни, она не страшна, потому что за ней следует новая ступень – новая жизнь, которую Башлачёв соотносит с воскресением.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Наумов Л. Александр Башлачёв: человек поющий. СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 2010 г.
2. Дарвин М.Н. Цикл. // Введение в литературоведение. Литературное произведение: основные понятия и термины. М.: Высшая школа, 1999 г.
3. Доманский Ю.В. Циклизация в русском роке. // Русская рок-поэзия: текст и контекст 3. Тверь, 2000 г.
4. Там же. С. 100.
5. Мирошникова О.В. Анализ лирического цикла и книги стихов // Каноническая структура и маргинальная форма циклизации в поэзии последней трети XIX в. Омск, 2001 г.
6. Щепанская Т.Б. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции, 2003.
7. Последняя рюмка водки, вина, выпиваемая перед уходом. Словарь русского языка. Гос. изд-во ин и нац. словарей: М., 1959 г. Т. 3.
8. Есенин С.А. Полн. собр. соч. в пяти томах. Т.2.
9. Фоменко И.В. О поэтике лирического цикла. Калинин, 1984.
10. Сеженский К. Краткий словарь музыкальных терминов, Л.: Гос. муз. Изд-во, 1950.
11. Мирошникова О.В. Анализ лирического цикла и книги стихов // Каноническая структура и маргинальная форма циклизации в поэзии последней трети XIX в., Омск, 2001 г.

Е.Д. Джола
 Дальневосточный федеральный университет
 г. Владивосток, Россия

E.D. Dzhola
 Far Eastern Federal University
 Vladivostok City, Russia

ВЫБОР ДЕЙСТВУЮЩИХ ЛИЦ В ПЬЕСЕ А. ПЛАТОНОВА «УЧЕНИК ЛИЦЕЯ»

THE CHOICE OF ACTORS IN PLATONOV'S PLAY "STUDENT OF LYCEUM"

В статье рассматривается пьеса А. Платонова «Ученик Лицея», которая посвящена лицейским годам А.С. Пушкина. В пьесе драматург стремится показать процесс духовного возмужания Пушкина, который из «питомца нег и Аполлона» превращается в великого русского поэта. Определяющим фактором «выбора» действующих лиц пьесы для автора явилась прежде всего глубина их отношений с поэтом, сила взаимного духовного воздействия, близость душевных побуждений и сокровенных мыслей, которая нашла свое отражение в стихах самого А.С. Пушкина.

Ключевые слова: *драматическое действие, А. Платонов, А.С. Пушкин, Царскосельский лицей, поэтическое окружение, лицейское братство, фактическая достоверность.*

The present article discusses A. Platonov's play entitled «Student of Lyceum» devoted to the Lyceum years of A.S. Pushkin. In the given play the play writer tries to show the process of spiritual maturity of Pushkin who grows from «the child of bliss and Apollo» up to the great Russian poet. A. Platonov goes towards the creation of the poetic world based on the realities of Pushkin's life and motives of his works but with his own clear view of things. The determining factor of the «choice» of actors for A. Platonov was primarily the depth of mutual spiritual interaction, spiritually close motives and the most precious thoughts that are reflected in the poems.

The key words: *dramatic action, A. Platonov, A.S. Pushkin, the Tsarskoye Selo Lyceum, poetic environment, lyceum fraternity, actual reliability.*

Пьеса А. Платонова «Ученик Лицея», написанная в 1950 году, посвящена лицейским годам А.С. Пушкина. Автор сознательно выбирает «переходный» возраст поэта. Драматург стремится показать процесс духовного мужания Пушкина, который из «питомца нег и Аполлона» превращается в великого русского поэта.

С одной стороны, А. Платонов, следуя основным принципам классической драмы, предельно концентрирует действие на перипетиях судьбы юного поэта, используя причинно-следственный тип связи и линейный способ развития драматического действия. Перед зрителем (читателем) предстает Пушкин со своими идеями вольности и лицейского братства, который входит в неизбежное противоречие с духовной атмосферой российской империи, закономерно оказывается в немилости у «его величества» и отправляется в свою первую ссылку. Платонов создал историко-биографическую пьесу, основанную на известных

фактах. Исследователи В. Свительский и В. Скобелев писали, что «подбор событий и действующих лиц в произведении о необычном ученике Лицея почти хрестоматиен. Все хорошо известно и про Арину Родионовну, и про дружбу с Чаадаевым, и про экзамен в Лицее...». С другой стороны, они отметили «пренебрежение буквальным подобием» [10: 139].

В другой статье В. Свительский (уже в соавторстве с С. Сергиенко) повторяет ту же мысль: «Напрасно здесь искать документальную достоверность, или объективность. Юный Пушкин – в центре, его голос звучит постоянно. Но живой облик гения возникает скорее из его гениального творчества, чем из известных фактов. Платонов пошёл по пути создания поэтического мира, построенного на реалиях жизни Пушкина и мотивах его творчества, но с явным, нескрываемым присутствием собственного взгляда на вещи. Перед нами – драматургическая фантазия на основе эпизодов

из юности поэта. Поэтический образ молодого гения окрашен субъективностью самого Платонова. Платонов откровенно пренебрегает фактической достоверностью в деталях ради более высокой, сущностной правды». В этой статье было обращено внимание на несоответствие изображенного историческим и бытовым реалиям. В частности на то, что невозможно собрать в людской дома Ольги Сергеевны Пушкиной вместе Александра Сергеевича, Василия Львовича Пушкина, Чаадаева, датского посла: «Хотя Пушкины и переехали в 1814 году в Петербург, они не принадлежали к высшему свету и явно не могли принимать у себя послов иностранных держав. Кроме того, лицеистов в первые годы обучения из лицея не выпускали, а действие происходит не позднее 1814 года. Дома же Ольги Сергеевны просто не могло существовать, так как сестра поэта была на год старше брата, а замуж вышла только в 1828 году. Трудно себе представить, чтобы высокие праздничные гости могли появиться в людской» [9: 126].

Действительно, если обратиться к свидетельствам известных пушкинистов М. А. Цявловского и Л. Черейского, то выясняется, что Василий Львович, Пушкин и Чаадаев не могли встретиться 20 декабря 1814 года (время первого действия пьесы). Дядя поэта с 10 декабря 1811 года по 25 марта 1816 года жил в Москве [3: 18; 14: 349; 12: 44, 108]. Знакомство Пушкина с Чаадаевым произошло в 1816 году у Карамзиных [12: 111]. Чаадаев служил в Царском Селе с 5 апреля 1816 года [14: 483].

Не могла состояться и встреча Пушкина с Жуковским – героем второго действия, которое происходит в Лицее за день до экзамена (январь 1815 года). Это знакомство стало возможным в мае – июне 1815 года [14: 156]. Третье действие происходит в тот же день, что и второе, «в комнате в квартире Чаадаева». Действующие лица (кроме вымышленных): Чаадаев, Пушкин, Дельвиг, Кюхельбекер, Пущин, Василий Львович, Екатерина Андреевна Карамзина. Место действия, как и присутствие Чаадаева, Василия Львовича, Екатерины Андреевны Карамзиной в это время в Царском Селе, невозможны. Знакомство Пушкина с Карамзиной состоялось не до «переводного экзамена лицеистов «младшего возраста» в «старший», а через полтора года после (в 1816 году) [12: 111], и не у Чаадаева.

Четвертое действие пьесы – лицейский экзамен. Действующие лица: Энгельгард, Державин, Пушкин, Кюхельбекер, Дельвиг, Ольга Сергеевна, Василий Львович, Карамзина, Чаадаев, Арина Родионовна, Фома. Примечательно, что, по свидетельствам пушкинистов М.А. Цявловского и Л. Черейского, на экзамене 8 января 1815 года из родственников Пушкина был не Василий Львович, а Сергей Львович, из гвардейских офицеров не Чаадаев, а «поручик князь Долгоруков, поручик граф И.Е. Меллин, поручик П.Х. Молостов» [12: 87-88]. Несоответствие фактам очевидно. А. Платонов не включал в круг действующих лиц тех, кому Пушкин не посвящал своих стихов.

Пятое действие происходит в гостиной и людской в доме Ольги Сергеевны в Петербурге весной 1820 года. Действующие лица: Ольга Сергеевна, Василий Львович, Карамзина, Арина Родионовна, Пушкин, Кюхельбекер, Пущин, Дельвиг. Отъезд Пушкина из Петербурга произошел 6, 7 или 9 мая 1820 года [12: 209, 656]. Пущин в это время был в Бессарабии, Василий Львович находился в Москве [12: 207, 210]. Ольги Сергеевны вместе с Александром жила у родителей, и Арина Родионовна, по-видимому, жила там же.

Возникает закономерный вопрос: почему А. Платонов ввел в пьесу именно этих действующих лиц одновременно?

По всей вероятности, автору важно было для концепции его пьесы о Пушкине собрать вместе тех, кто, как сказано в статье «Пушкин и Горький», «остались с ним в поэзии навсегда» [5: 310]. Их слова и поступки в пьесе точно соответствуют и их образу в пушкинской поэзии.

Василий Львович Пушкин – дядя великого Пушкина – по мнению Н.И. Михайловой, «был первым стихотворцем, которого узнал юный Александр Пушкин» [4: 142]. Дядя часто бывал в Москве в доме брата Сергея Львовича, приводил с собой известных литераторов. Его увлеченность поэзией, постоянные разговоры о книгах, о театре не могли не повлиять на будущего поэта, как и сама поэзия Василия Львовича. Биограф Пушкина П.В. Анненков, определяя место дяди в жизни поэта, говорит о том, что Василий Львович «считался влиятельным литератором... Он заслуживал благодарности литераторов за неослабное свое хлопотание около них и около русской литературы вообще, в течение добрых 25-ти лет» [3: 37-38]. Общение с Василием Львовичем имело и другую

привлекательную сторону: доброта и веселость этого человека создавали особую атмосферу. И.И. Пущин в своих «Записках» вспоминал о том, как до открытия Лицея он бывал на Мойке, где Александр жил вместе с дядей, как Василий Львович водил их гулять в Летний сад, возил на ялике на Крестовский остров [8: 34].

Привезя в 1811 году племянника в Петербург с тем, чтобы определить в Лицей, дядя ходил с ним на вступительные экзамены. Василий Львович позаботился о том, чтобы познакомить племянника с лучшими поэтами – В.А. Жуковским, К.Н. Батюшковым, П.А. Вяземским. Он «радовался» тому вниманию, которым окружили они Александра, гордился успехами начинающего поэта. Известно послание Пушкина к Василию Львовичу, в котором он, вполне закономерно, утверждал его в звании «дядя на Парнасе».

«Я не совсем еще рассудок потерял
От рифм бахических – шатаюсь на Пегасе –
Я не забыл себя, хоть рад, хотя не рад.
Нет, нет – вы мне совсем не брат:
Вы дядя мне и на Парнасе» (1816) [6: 150].

Это определение переходит в другое, более проникновенное обращение к дяде – «отец» – в стихотворении 1817 года, написанном незадолго до выпуска из лицея, когда «Пушкин колебался в выборе между гражданской и военной службой». В первой редакции послание начиналось следующим текстом:

«Скажи, парнасский мой отец,
Неужто верных муз любовник
Не может нежный быть певец
И вместе гвардии полковник?» (1817) [13: 646].

О той роли, какую занимал Василий Львович в жизни Пушкина, пишет Н.И. Михайлова в книге «Парнасский мой отец»: «Для А.С. Пушкина со смертью Василия Львовича ушла в прошлое часть его собственной жизни – с ним были связаны детство, Лицей, первые шаги в поэзии; да и потом, в послелицейские годы в Петербурге, в годы южной и Михайловской ссылки дядя по-своему участвовал в жизни и творчестве племянника» [4: 142].

Наиболее близким и созвучным из всех современных Пушкину поэтов в первый период его лицейского творчества становится Жуковский. «Это был поэт-учитель, поэт-предшественник и одновременно старший друг, вступающийся за Пушкина во многих эпизодах его бурной короткой жизни» [3: 318]. Д.Д. Благой отмечает, что

«Пушкин всегда считал Жуковского величайшим мастером поэтического слога» [2: 74]. Несмотря на разницу возраста и несходство нрава, «их уравнивало и соединяло, – по мнению В.В. Кунина, – единство призвания, и оба они оставили нам собою высокий пример верности этому призванию» [3: 319]. Глубоко серьезные и подлинно взволнованные строки воспоминаний о личной встрече и беседе с Жуковским, звучат в послании «К Жуковскому» (1816).

«Благослови, поэт!... В тиши Парнасской сени
Я с трепетом склонил пред музами колени...
Могу ль забыть я час, когда перед тобой
Безмолвный я стоял, и молнийной струей
Душа к возвышенной душе твоей летела
И, тайно съединясь, в восторгах пламенела...» [7: 423].

Это послание, в котором была описана ситуация ученика, просящего благословения у учителя перед выбором жизненного пути, написано в связи с «подготовкой шестнадцатилетним поэтом издания сборника своих стихотворений» [13: 699]. Это было не единственное выражение «первой платонической поэтической любви, глубокого проникновения миром благоухающей романтики Жуковского» [2: 122], которые составили важный момент в творческом развитии Пушкина. В последующие годы поэт не раз обращался в посланиях к своему учителю, посвятив Василию Андреевичу ряд стихотворений: «К Жуковскому» (1816), «Жуковскому» (1818), «К портрету Жуковского» (1818), «Записка к Жуковскому» (1819). И в одном из них – «К портрету Жуковского» – предсказал ему бессмертие.

«Его стихов пленительная сладость
Пройдет веков завистливую даль,
И, внемля им, вздохнет о славе младость,
Утешится безмолвная печаль
И резвая задумается радость» (1818) [7: 60].

В.Г. Белинский, осмысляя творчество Пушкина в статьях, посвященных поэту, справедливо замечает: «Муза Пушкина приняла произведения предшествующих поэтов и возвратила их миру в новом преображенном виде... В Жуковском, как и в Державине, нет Пушкина, но и весь Жуковский, как и весь Державин, в Пушкине» [1: 186]. А.В. Тыркова-Вильямс, биограф Пушкина, делится своими наблюдениями, указывая на поэтическую преемственность: «Если прислушаться к юношеской поэзии Пушкина, в ней можно найти чужие отрывочные фразы,

строчки, слова. Жуковский послал Батюшкову «в подарок пук стихов» (1812). Пушкин послал сестре «в подарок пук стихов» (1814). Василий Львович Пушкин в послании к Жуковскому пишет: «Я вижу весь собор безграмотных славян» (1811). Его племянник, тоже в письме к Жуковскому, переделал: «Спесивых риторов безграмотный собор» (1817)» [11: 128].

«Воспоминания в Царском Селе» (1814) были для Пушкина своего рода «экзаменом на поэта», который Пушкин блестяще выдержал, – вспоминал И.И. Пущин. [8: 48]. Из его «Записок» мы узнаем о том, что выступление Пушкина произвело колоссальное впечатление не только на всех присутствующих, но и увенчалось благословением великого Державина: «Читал Пушкин с необыкновенным оживлением. Слушая знакомые стихи, мороз по коже пробегал у меня. Когда же патриарх наших певцов (Державин) в восторге, со слезами на глазах бросился целовать и осенил кудрявую его голову, мы все, под каким-то неведомым влиянием, благоговейно молчали. Хотели сами обнять нашего певца, его не было: он убежал!...» [8: 48]. Позднее Пушкин сам будет вспоминать эту знаменательную встречу в послании «К Жуковскому» (1816).

«...И славный старец наш, царей избранный,
Крылатым гением и грацией венчанный,
В слезах обнял меня дрожащею рукой,
И счастье мне предрек, незнаемое мной» [7: 423].

В.Г. Белинский охарактеризовал лицейские стихотворения и те, которые были написаны Пушкиным вскоре по выходе их Лицея как «переходные», указывая на «живую историческую связь Пушкина с предшествовавшей ему литературой» [1: 212].

Лицейское братство, лицейская дружба в жизни Пушкина оставила неизгладимые следы. Особенно близкими и дорогими для Пушкина – на всю жизнь – стали Пущин, Дельвиг, Кюхельбекер. С Пущиным Пушкин подружился еще до вступительных экзаменов, и эта дружба была неизменной до кончины великого поэта. В Лицее их комнаты были рядом, и это также способствовало сближению серьезного и рассудительного Пущина с пылким и увлекающимся Пушкиным. Свою любовь и преданность другу поэт высказал в ряде стихотворений, написанных еще в Лицее: «К Пущину» (1815), «Воспоминание (К Пущину)» (1815), «Вот здесь лежит больной студент» (1817) и «В

альбом Пущину» (1817) – накануне окончания Лицея.

«Вспомни быстрые минуты первых дней,
Неволю мирную, шесть лет соединенья,
Живые впечатленья
Младой души твоей,
Печали, радости, размолвки, примиренья,
И дружбу первую, и первую любовь...» [7: 491].

С Кюхельбекером Пушкина связывала долготлетняя дружба. Пушкин ценил в нем его любовь к поэзии, литературный вкус и широкую эрудицию. Первое опубликованное стихотворение «К другу стихотворцу» (1814), написано в традиционной форме – александрийским стихом. Обращено, по мнению пушкинистов (в частности Т.Г. Цявловской), к Кюхельбекеру [13: 686].

«Арист, не тот поэт, кто рифмы плесть умеет
И, перьями скрыпя, бумаги не жалеет.
Хорошие стихи не так легко писать,
Как Витгенштейну французов побеждать» [7: 276].

Своему другу Дельвигу поэт также посвящал стихотворения, среди которых «К Дельвигу» (1815), «Дельвигу» («Любовью, дружеством и ленью...», 1817), «Послание Дельвигу» (1827). По свидетельству Л.А. Черейского, Дельвиг и Пушкин были неразлучны и в послелицейское время, «дружба поэтов прервалась лишь со смертью Дельвига» [15: 26].

Прощаясь с Лицеем в 1817 году, Пушкин посвятил своему другу задушевное стихотворение «Разлука», в котором обязался быть верным всему «святому братству».

«Где б ни был я: в огне ли смертной битвы,
При мирных ли берегах родимого ручья,
Святому братству верен я» [6: 163].

С Чаадаевым Пушкина роднит «жажда вольности». Знакомство состоялось летом 1816 года у Карамзиных и продолжалось в Петербурге до высылки поэта на юг (май 1820). Свободолюбивая натура поэта нашла свое выражение в посланиях: «К Чаадаеву» (1818), «Чаадаеву» (1821), «Чаадаеву» («К чему холодные сомнения?...», 1824) и в надписи «К портрету Чаадаева» (1820). По словам исследователя Л.А. Черейского, Пушкин и Чаадаев беседовали «на литературные и философские темы... Но главной темой их бесед была самодержавная Россия со всеми ее теневыми сторонами: крепостное право, отсутствие свободы и угнетающая атмосфера, царившая везде. Друзья были

единодушны в необходимости посвятить Отчизне «души прекрасные порывы» [15: 66].

Безусловно, не мог Андрей Платонов не ввести в драматическое действие образ знаменитой няни Арины Родионовны, замечательной сказочницы и певуньи, благодаря которой будущий поэт соприкоснулся со стихией русской народной сказки, народной песни, красочной народно-бытовой речи. Навсегда с Пушкиным остался образ «прелести таинственных ночей» детства, когда он засыпал, убаюкиваемый тихим говором «мамушки – няни», шепотом сказывавшей ему народные сказки. Об этом юный Пушкин вспоминал в одном из своих ранних стихотворений, посвященных няне – «Сон» (1816).

«... детских лет люблю воспоминанье.
Ах! Умолчу ль о мамушке моей,
О прелести таинственных ночей» [7: 418].

Живой образ Арины Родионовны был запечатлен Пушкиным в стихотворениях последующих лет: «Зимний вечер» (1825), «Подруга дней моих суровых» (1826), «Вновь я посетил тот уголок земли» (1835). По словам Д.Д. Благого, «в лице няни над детской кроваткой Пушкина словно бы склонялась народная, крестьянская Россия» [2: 43].

К Ольге Сергеевне Пушкин обращался в одном из самых ранних посланий «К сестре» (1814). Она видится поэтом «задумчивой Светланой», окруженной любимыми книгами.

«Чем сердце занимаешь
Вечернею порой,
Жан-Жака ли читаешь,
Жанлиса ль пред тобой,
Иль с Греем и Томсоном
Ты пронеслась мечтой
В поля, где от дубравы
В дол веет ветерок...» [6: 29].

В Лицее Пушкин тосковал по своему «другу бесценному» и мечтал о свидании с ней. По свидетельству Л.А. Черейского, «сестра часто навещала брата в Царском Селе и позднее, до высылки поэта на юг, жила с ним под родительским кровом». Пушкинист приводит слова А.П. Керн, хорошо знавшей семью Пушкиных, которая свидетельствует, что поэт «никого истинно не любил, кроме няни своей и потом сестры» [15: 16].

С Екатериной Андреевной Карамзиной Пушкина связывают особые отношения. Молодой поэт познакомился с ней летом 1816 года в Царском Селе, и сохранил свои добрые чувства

до последних минут жизни. Как указывал Л.А. Черейский, «одну из немногих, Пушкин посвятил Карамзину в историю своей семейной драмы и перед смертью пожелал ее видеть и проститься с ней». [15: 82-83].

Таким образом, жизнь Пушкина, его становление как поэта не может быть понято вне связи с жизнью людей, которые ему были близки и дороги. Определяющим фактором «выбора» действующих лиц для А. Платонова явилась прежде всего глубина взаимного духовного воздействия, близость душевных побуждений и сокровенных мыслей, которая нашла свое отражение в стихах и дневниковых записях самого поэта. Окружение Пушкина, его друзья были людьми, с которыми он не только делился мыслями и чувствами, но и от которых получал постоянный ответный отклик, «импульс» к творчеству.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белинский В.Г. Сочинения Александра Пушкина. – М.: Худож. лит, 1985. – 560 с.
2. Благой Д.Д. Творческий путь Пушкина (1813 – 1826). – М.; Л.: АН СССР, 1950. – 580 с.
3. Друзья Пушкина: Переписка; Воспоминания; Дневники. В 2-х т. Т.1. – М.: Правда, 1984. – 640 с.
4. Михайлова Н.И. «Парнасский мой отец». – М.: Сов. Россия, 1983. – 192 с.
5. Платонов А.П. Пушкин и Горький / Величие простых сердец. – М.: Московский рабочий, 1976. – С. 292 – 313.
6. Пушкин А.С. Сочинения в 3-х т. Т. 1. – М.: Худож. лит, 1985. – 735 с.
7. Пушкин А.С. Собр. соч. В 10-ти т. Т.1. – М.: Худож. лит, 1974. – 744 с.
8. Пушин И.И. Записки о Пушкине. Письма. – М.: Сов. Россия, 1988. – 559.
9. Свительский В., Сергиенко С. А.С. Пушкин в сознании Андрея Платонова // Подъем. – Воронеж, 1987. – № 2. – С. 119-128.
10. Свительский В., Скобелев В. Радостное состояние поэзии // Подъем. – Воронеж, 1976. – № 6. – С. 139-144.
11. Тыркова-Вильямс А.В. Жизнь Пушкина: В 2 т. Т.1: 1799 – 1824. – М.: Мол. гвардия, 2002. – 471 с.
12. Цявловский М.А. Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина 1799-1826. – Л.: Наука, 1991. – 784 с.
13. Цявловская Т.Г. Примечания к стихотворениям Пушкина 1813-1824 гг. / Пушкин А.С. Собр. соч. В 10 т. Т.1. – М.: Худож. лит., 1974. – С. 646.
14. Черейский Л.А. Пушкин и его окружение. – Л.: Наука, 1989. – 544 с.
15. Черейский Л.А. Современники Пушкина: Документальные очерки. – Л.: Наука, 1981. – 270 с.

В.В. Грекова

*Дальневосточный федеральный университет
г. Владивосток, Россия*

V.V. Grekova

*Far Eastern Federal University
Vladivostok City, Russia*

«МИТТЕЛЬШПИЛЬ» ДУХА И МАТЕРИИ (АНАЛИЗ ОДНОГО РАССКАЗА В. ПЕЛЕВИНА)

MITTELSHPIL OF SPIRIT AND MATERIAL (ANALYSIS OF ONE STORY BY V. PELEVIN)

На основе анализа указанного рассказа автор формулирует эстетические и идейные принципы творчества одного из самых ярких представителей современной русской литературы – Виктора Пелевина. В статье делается вывод о том, что в основе этих принципов лежит наложение различных реальностей, пересечение разных эпох, взаимодействие противоположных начал.

Ключевые слова: *постмодернизм, Инь-Ян, стык реальностей, фантом, метаморфоза, эзотерическое содержание.*

The author of the present article analyses the esthetical and conceptual principals of art by one of the most outstanding representatives of the contemporary Russian literature, Viktor Pelevin. The article concludes on the basis of these principals, the basis is made of interaction of different realities, interaction of different epochs, interaction of opposite commencement points.

The key words: *postmodernism, Yin-Yang, realities coincidence, phantom, metamorphosis, esoteric contents.*

Большинство критиков относят В. Пелевина к постмодернистской школе: «постмодернистской ориентации В. Пелевин не скрывает, а наоборот, настаивает на ней» [3: 116]; «постмодернизм – это то, как пишет В. Пелевин» [1: 230]. Но есть и другие мнения о его творчестве: «полное название Пелевинской школы будет Русский Классический Пострефлексивный Постмодернизм» [4: 68]; «В. Пелевин – представитель поп-арта» [2: 52]. Однако, на наш взгляд, творчество писателя настолько разнообразно, что не укладывается в строгие рамки какого-либо одного направления.

Критика пелевинских текстов также весьма многочисленна. «Писать о Пелевине может доставить истинное удовольствие любому рецензенту, критику, литературоведу или эссеисту. Нет, наверное, сегодня более цельного писателя, все творчество которого легко структурируется и разлагается на легко анализируемые, но в то же время будящие мысль конструкции. В. Пелевин как будто специально пишет для

последующего анализа его произведений рецензентами» [4: 67].

Действительно, основной темой пелевинского творчества можно считать буддистский тезис «мир – это только мое впечатление». Однако В. Пелевин развил его гораздо глубже, чем может показаться на первый взгляд. Для него любая проблема сводится к тому, что человеку часто навязывают это впечатление, заменяют его чужим, а он этого не осознает.

В данной статье мы попытаемся на основе анализа взаимоотношений героев с реальностью проследить развитие главной темы писателя – положение человеческой личности как несвободной и зависимой, чтобы установить аналогии с реалиями сегодняшнего дня, которые, вероятно, и обусловили популярность В. Пелевина. И источником материала для анализа был избран рассказ «Миттельшпиль».

Одна из тем, которые разрабатывает В. Пелевин, – тема исторического рубежа России: перехода ее от советской власти к новой

эре – демократии. Хотя советская власть и не смогла изменить реальность, она видоизменила сознание людей, и именно такие люди, находящиеся в плену у собственного сознания, являются героями многих произведений писателя. Проблема их не в том, что они боятся карательной системы и четко следуют линии вождя, а в том, что они не понимают, что их существование виртуально, так как обусловлено чужой волей.

Эта тема показана во многих произведениях В. Пелевина, в числе которых – рассказ «Миттельшпиль».

Герои рассказа – две девушки «легкого поведения», Люся и Нелли, работающие за валюту и прячущие ее в журнале «Молодая гвардия». Знакомство героинь вводит нас в атмосферу некой странной реальности: «Люся внимательно поглядела на собеседницу: ямочки на щеках, чуть вздернутый нос, подчеркнутые ресницы – Люсе казалось, что она уже видела где-то это лицо, видела много раз» [5: 146]. Так в рассказ входит тема ирреального существования.

Они попадают в странную ситуацию, очутившись в автобусе двух морячков, пытающихся их убить, но, оказавшись в какой-то момент сильнее, благополучно избегают смерти и скрываются дома у Нелли. «Он снял пилотку и провел ладонью по тускло блеснувшему черепу. Автобус свернул на боковую дорогу – узкую, с какими-то бетонными дотами по бокам – уже, кажется, вокруг был не город, а сельская местность; на небе, как глаза давешнего француза, выпукло горели холодные развратные звезды, и шум мотора показался вдруг странно тихим, а может, просто исчезло гудение ехавших вокруг грузовиков» [5: 150].

В. Пелевин играет с читателем, подчиняя себе ход его мыслей, заставляя его воспринимать содержимое текста абсолютно иначе. Ситуация, в которую попадают героини, видится Люсей словно со стороны. «На чехле мотора, превратившемся в странного вида алтарь, горели четыре толстых свечи. В центре образованного ими квадрата поблескивала раскрытая шахматная доска, на которой, далеко вклиниваясь друг в друга, стояли черная и белая армии; их ряды были уже довольно редки, и Люся, чьи чувства предельно обострил ужас, вдруг ощутила весь драматизм столкновения двух непримиримейших начал, представленных грубыми деревянными фигурками на

клетчатом поле – ощутила, несмотря на полное равнодушие к шахматам, которое она испытывала всю жизнь» [5: 152]. Далее игра усложняется. Девушки оказываются бывшими партийными работниками, причем мужчинами. Нелли рассказывает свою историю: «Читаю в «Литгазете», что есть такой мужик, профессор Вишневский, который операцию делает... гормоны разные колет, ... и психика изменяется, а мне как раз психику старую трудно было иметь» [5: 164].

Но, несмотря на то что герои претерпели изменения и внешние, и внутренние, суть этих изменений только физическая; психика, образ мышления, мировоззрение – все осталось «старым», советским, о чем Нелли вскользь упоминает в разговоре с Люсей: «Иногда, знаешь, кажется, что я так и иду по партийной линии» [5: 167]. Люся прекрасно понимает, что она – советский человек, и любое напоминание о прошлой жизни вызывает у нее ностальгию и даже слабую судорогу по спине, будь то «старая песня «Аббы» – что-то про трубача, луну и так далее...» [5: 142] или, например, фреска на потолке валютного ресторана: «Люся задержалась на секунду у мраморного ограждения, чтобы поглядеть на расписной потолок – в его центре была огромная фреска, изображавшая, как Люся смутно догадывалась, сотворение мира, в котором она родилась и выросла и который за последние несколько лет уже успел куда-то исчезнуть: в центре огромными букетами расплывались огни салюта, а по углам стояли титаны – не то лыжники в тренировочных, не то студенты с тетрадами под мышкой, – Люся никогда не разглядывала их, потому что все ее внимание притягивали стрелы и звезды салюта, нарисованные какими-то давно забытыми цветами, теми самыми, которыми утро красит еще иногда стены старого Кремля: сиреневыми, розовыми и нежно-лиловыми, напоминающими о давно канувших в Лету жестяных карамельных коробках, зубном порошке и ветхих настенных календариках, оставшихся вместе с пачкой облигаций от забытой уже бабушки» [5: 144].

То же самое происходит и с «морячками» с подводной лодки. Они оказываются бывшими советскими девушками – точно такими же фальшивыми манекенами старого пошиба с устаревшей системой ценностей.

Название рассказа – немецкое слово «Mittelspiel» – можно перевести как «средняя

игра», «игра на середине»: герои не живут, а играют в жизнь, проходящую на сломе эпох, и уже не принадлежат ни одной из них.

В сознании таких людей происходит неприемлемая борьба между советским и постсоветским мирами: их жизненные стереотипы сломаны, правила нарушены, они брошены на произвол судьбы. Пытаясь приспособиться к сложившейся ситуации, они хотят уничтожить в себе все старое, атрофированное, но, не умея этого, терзают себя еще сильнее. Все возвращается рефреном, подобно мелодии в финале рассказа: «Семь лет в стальном гробу-у, – тихо запел он навстречу новому дню и набегающей дороге, широкой и пустой, как жизнь» [5: 170].

Пелевинские герои в этом рассказе как будто являются диапозитивами в проекторе; либо кадры проектируются на экран, либо, при его отсутствии, луч растворяется в темноте. Руководителем процесса в данном случае является читатель: как он повернет проектор, с какой стороны взглянет на экран, так и отпечатается изображение в его сознании. Вот как комментирует эту ситуацию критик А. Генис: «В героях В. Пелевина больше и от насекомых, и от людей. Собственно, между ними вообще нет разницы, насекомые и люди суть одно и то же. Кем их считать в каждом отдельном эпизоде, решает не автор, а читатель» [1: 230].

В рассказе отображаются сочетания реальностей, миров, внешних оболочек, автора интересует ситуация их пересечения, жизнь «на стыке» или нечто запредельное.

В. Пелевин обживает стыки меж реальностями. В месте их встречи появляются колоритные художественные эффекты – одна картина мира, накладываясь на другую, создает третью, отличную от первых двух. Писатель, живущий на сломе эпох, населил рассказ героями, обитающими сходу в двух мирах – Советии и новом мире, где правит капитал. Эпизод с коммунистами-оборотнями – только частный вариант более общего мотива перевоплощений (с этим мотивом мы встречаемся и в других рассказах В. Пелевина, в частности, в «Проблеме верволка в средней полосе»). В «Миттельшпиле» принципиально не то, кем были герои, и не то, кем они стали, – важен сам факт перемены. Граница меж мирами неприступна, её нельзя пересечь, потому что сами эти миры есть только проекция нашего сознания. Единственный метод перебраться из

одной реальности в другую – поменяться самому, претерпеть метаморфозу. Способность к ней становится условием выживания в стремительной чехарде фантомных реальностей, сменяющих друг друга.

А. Генис пишет: «Проза Пелевина – это вещи сны, сны ясновидца. /.../ произведения нынешней прозы /.../ необходимы и важны сейчас. И число их, думаю, будет возрастать конкретно сейчас, в напряженный момент нашей духовной истории, ибо, согласно совсем многозначной формуле того же Достоевского, «бытие лишь тогда и начинает быть, когда ему грозит небытие» [1: 230].

Философская идея, затронутая в этом рассказе, является столь фундаментальной, до такой степени глубоко архетипической, что она присутствует практически в каждом произведении постмодернизма. Но В. Пелевин нашел для раскрытия идеи неожиданную форму, которая как нельзя лучше подходит для него. Дело в том, что автор посвятил рассказ принципу Ян – Инь. Мужское, светлое, твердое и так далее противостоит женскому, темному, мягкому в любой паре взаимоотношений, какие когда-либо возникали на Земле. Но Пелевин выбрал отношения не двух мужчин и не двух женщин, а двух пар трансвеститов.

В паре из двух мужчин один всегда играет ведущую собственно мужскую роль (Ян), а другой – женскую (Инь). В паре женщин одна всегда лидирует (Ян), а вторая за первой следует (Инь). Здесь же автор, помимо того, что показал лидирование внутри двух таких пар, еще и сравнил их между собой, предварительно вернув наизнанку.

На основную конструкцию рассказа наложены фоновые проблемы, расположенные внутри парных конфликтов, но выходящие далеко за рамки самих пар. В отличие от большинства других современных авторов В. Пелевин создает конструкции своих творений так, что символические архетипические фигуры становятся очевидными чуть ли не для любого самого непосвященного в мистические сферы читателя. За это свойство писателя вполне можно упрекнуть в избыточном увлечении литературным конструктивизмом.

В. Пелевин стал культовой фигурой прежде всего потому, что он уловил нерв времени: он очень точно отобразил реальность, или, скорее, множество реальностей, существующих в

современном мире. Дело в том, что с развалом СССР период доминирования одной реальности над всеми сферами жизни закончился – второстепенные, ранее незаметные, новые миры заняли свое место в гонке за лидерство, почуяв благоприятную почву под ногами. Конечно же, огромную роль играет и талант В. Пелевина – образы, которые он создает, живут уже вне его книг – в сознании читателя.

В. Пелевин, и это, на наш взгляд, бесспорно, – искуснейший мастер, потрясающе одаренный писатель; чтение его произведений доставляет именно эстетическое удовольствие, духовное наслаждение. Язык текста легкий и непринужденный, не отягощен ни длительными монологами, ни утомительными описаниями, ни речевыми клише. Автор мастерски играет с текстом: «Над широким полем расплывалась бледная зимняя заря. По пустому шоссе ехал маленький зеленый автобус. Иногда ему навстречу выскакивало ярко-красное название колхоза на придорожном щите, затем мимо проносились несколько стоящих у обочины безобразных домов, а потом появлялся щит с тем же названием, только уже перечеркнутым жирной красной чертой» [5: 167].

В рассказе В. Пелевин сознательно деформирует изображение, подчиняя его своим дидактическим целям. При этом он не ломает, а строит. Пользуясь теми же обломками советского мифа, что, к примеру, и Сорокин, он возводит из них фабульные и концептуальные конструкции. «И кличку эту ты мне придумала – за что? За то, что я в рот тебе смотрел, протоколы собраний перепечатывал каждый вечер до одиннадцати? А ведь у меня тоже в партию очередь подходила... Господи, да все по-другому могло бы... Ты знаешь, о чем я второй год мечтаю? Чтоб прокатить мимо твоего райкома на пятисотом мерседесе, в крутом навороте – и чтоб Цырук, ты то есть, шел там со своими татарскими усиками и портфелем с протоколами собраний – чтоб, значит, просто посмотреть на него с заднего сидения, в глаза, и взгляд так дальше, на стену... Не заметить. Понимаешь?» [5: 165].

В. Пелевина интересуют сами симптомы. Для него сила советского государства выражается вовсе не в могуществе его зловещего военно-промышленного комплекса, а в способности материализовать свои фантомы.

Окружающий мир для В. Пелевина – это череда искусственных конструкций, где мы

обречены вечно блуждать в напрасных поисках «сырой», изначальной действительности. Все эти миры не являются истинными, но и ложными их назвать нельзя, во всяком случае до тех пор, пока кто-нибудь в них верит. Ведь каждая версия мира существует лишь в нашей душе, а психическая реальность не знает лжи.

Проза В. Пелевина строится на неразличении настоящей и придуманной реальности. Тут действуют непривычные правила: раскрывая ложь, мы не приближаемся к правде, но и умножая ложь, мы не удаляемся от истины. Сложение и вычитание на равных участвуют в процессе изготовления вымышленных миров. Рецепт создания таких миражей заключается в том, что автор варьирует размеры и конструкцию «видоискателя» – раму того окна, из которого его герой смотрит на мир. Все главное здесь происходит на «подоконнике» – на границе разных миров.

Всякая граница подчеркивает, а иногда и создает различия. При этом она не только разделяет, но и соединяет. Чем больше границ, тем больше и пограничных зон, где возникают условия для такого смежного сосуществования, при котором не стираются, а утрируются черты и своей, и чужой культуры. Граница порождает особый тип связи, где различия, даже непримиримый антагонизм, служат скрепляющим материалом.

Итак, В. Пелевин – философ и бытописатель пограничной зоны. Он обживает стыки между реальностями. В месте их встречи возникают яркие художественные эффекты – одна картина мира, накладываясь на другую, создает третью, отличную от первых двух. Писатель, живущий на сломе эпох, населяет свои рассказы героями, обитающими сразу в двух мирах. Эпизод с коммунистами-оборотнями – лишь частный случай более общего мотива превращений. В «Миттельшпиле» важно, не то, кем были герои, и не то, кем они стали, – важен сам факт перемены. Граница между мирами неприступна, ее нельзя пересечь, потому что сами эти миры есть лишь проекция нашего сознания. Единственный способ перебраться из одной действительности в другую – измениться самому, претерпеть метаморфозу. Способность к ней становится условием выживания в стремительной чехарде фантомных реальностей, сменяющих друг друга.

Собственно, граница – это провокация, вызывающая метаморфозу, которая подталкивает героя в нужном автору направлении. В. Пелевин использует в рассказе синхронический принцип, чтобы истребить случай как класс. В его тексте не остается ничего постороннего авторской цели. Поэтому все, что встречается на пути героя, заботливо подталкивает его в нужном направлении. Как в хорошем детективе или проповеди, каждая деталь тут – предзнаменование, подсказка, веха.

В поэтике В. Пелевина не может быть ничего постороннего замыслу потому, что в его мире случайность – непознанная (до поры до времени) закономерность. Текст В. Пелевина не столько повествование, сколько паломничество. Тут все говорит об одном, а значит, и автору, в сущности, безразличен предмет разговора: не материал важен, а его трактовка.

Глубинный смысл обнаруживается в любом, в том числе и самом тривиальном сюжете; чем более он избит, тем ярче и неожиданнее оказывается скрытое в нем эзотерическое содержание.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Генис А. Беседа десятая: Поле чудес. Виктор Пелевин // Звезда. – 1997. – № 12. С. 230.
2. Кузнецов С. Самый модный писатель // Огонек. – 1996. – №35 – С. 52 – 53.
3. Курицын В. Русский литературный постмодернизм. – М.: ОГИ, 2000. – 288 с.
4. Немзер А. Как бы типа по жизни. Роман Виктора Пелевина «Generation «П» как зеркало отечественного инфантилизма // Время МН, 1999, 26 марта. – С. 67 – 69.
5. Пелевин В.О. Все рассказы. – М.: Эксмо, 2008. – 512 с.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ КУЛЬТУРНЫЕ ЦЕННОСТИ В РЕГИОНАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

NATIONAL CULTURAL VALUES IN REGIONAL SURROUNDINGS

УДК 008:02

И.В. Поздеева

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
г. Москва, Россия*

I.V. Pozdeeva

*Moscow State University named after M.V. Lomonosov
Moscow City, Russia*

КНИЖНЫЕ ТРАДИЦИИ, НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР

THE BOOK TRADITIONS, NATIONAL IDENTIFICATION AND INTERACTION OF CULTURES

Отталкиваясь от тезиса о том, что любой межкультурный диалог невозможен без осознания его участниками своей национальной идентичности, автор обращается к традициям российской книжной культуры, прослеживает историю издания в России книги, воспитывающей и обучающей, прежде всего обучающей родному языку как неотъемлемому компоненту социальных, культурных и цивилизационных процессов.

Ключевые слова: *книжная культура, традиция, национальная идентичность, книгопечатание, учебная книга, азбука, часослов, псалтырь.*

Having considered the statement that any cross cultural dialogue is impossible without participants' understanding of their national identification, the author addresses the traditional Russian book culture, researches the Russian history of book printing, the book that cultivates and educates, the book that teaches mainly the mother tongue as an integral element of all the society, culture and civilization processes.

The key words: *book culture, tradition, national identity, book printing, academic book, ABC book, Horologium, Psalmbook.*

Сегодня социально-культурное развитие большинства так называемых «развитых» стран оказалось в тисках парадоксального взаимодействия двух явлений, затрагивающих фактически все общества и государства.

С одной стороны, налицо глобализация финансово-экономической деятельности, политической жизни и культуры, наступление «массовой культуры», завоевывающей большую часть средств массовой коммуникации.

С другой стороны, в большинстве стран мира, в том числе в России, и на уровне гуманитарных наук, и на уровне общественного сознания растет понимание острейшей необходимости выработки представлений о национальной идентичности, создания теоретического обоснования, позволяющего строить и сохранять национальную культуру, национальную самобытность, неповторимость духовного богатства и материального быта народов.

Очевидно, что и в основополагающем направлении взаимодействия культур – взаимобучении национальным языкам – важнейшей проблемой остается умение представить национальную идентичность своего народа, что невозможно сделать без апелляции к особенностям иной культуры, иной идентичности. В этом – одна из основ нашего диалога, самой его возможности.

Страны Азиатско-Тихоокеанского региона объединяет принципиальное стремление, активно обновляясь, опираться на национальные традиции. При обсуждении вопроса о роли русского языка и русской культуры в диалоге этих стран уместно поразмышлять об издревле сложившихся богатых традициях обучения языку и в государственной, и в церковной, и в социально-культурной жизни российских народов задолго до наступления Нового времени. Тем более что чрезвычайно устойчив расхожий миф об исторической невежественности этих народов. Он живуч не только за рубежами России. Отголоски его нередко можно найти по сей день и в сознании наших соотечественников.

Всякое обращение к культурным традициям средневековой Руси немедленно выводит на первое место такое понятие, как «книжная культура», ибо оно лежит в основе изучения «длительных цивилизационных трансформаций». Ведь именно книга признана «ключом» к пониманию европейской культуры, развитие которой было обусловлено историческим развитием письменности [1: 12-16]. В эпоху широкого распространения в обществе книжной культуры и использования печатной книги именно эти обстоятельства являлись не только признанными катализаторами общественной жизни, но и наиболее точным ее отражением. Тем самым книга – «идеальное» отражение и духовной, и житейски-бытовой сторон национального менталитета.

Наиболее четко, обобщая данные о «поле истории книги в XX веке», пишет об этих процессах академик Болгарской Академии наук Анна Гергова: «Глобализация – пока еще только призыв. Все желают сохранить свое культурное многообразие, а ведь именно книжное самовыражение зафиксировало ценности и стремления народов, наций, цивилизационных общностей. Книга и письменная коммуникация являются факторами идентичности» [2: 611].

Есть и вторая, хорошо известная причина кажущегося парадоксальным сегодня бурного роста интереса общества и науки к истории книги. Речь идет, естественно, о влиянии на судьбы книжной культуры современной мировой глобальной сети широчайших информационных коммуникаций. Уже первые шаги в развитии Интернета вызвали у многих уверенность в скорой гибели книги, чего вовсе не произошло. Хотя в ряде важнейших направлений культуры, которые изначально обслуживала книга, например в образовании, возникли не только новые возможности, но и сложнейшие проблемы. Все это побуждает активнее изучать теоретико-методологические, социальные и исторические аспекты развития книжной культуры.

Не случайно член-корреспондент РАН В.И. Васильев приходит к выводу о том, что в науке еще не выработано четкое определение, «но складывается представление о книжной культуре как особом феномене, выступающем как продукт общественных процессов, важнейший фактор, стимулирующий развитие общества, цивилизации» [3: 87-89].

В.И. Васильев проанализировал формулировки, предложенные исследователями проблемы, и счел наиболее удачным определение, близкое и автору данных строк. Оно принадлежит профессору С.А. Пайчадзе, который видит в понятии книжной культуры «уровень, достигнутый книжным делом в сочетании с исторически сложившимися традициями» [курсив мой – И.П.], притом – «в конкретной стране», «на определенной ступени развития общества» [3: 21]. Современная наука считает понятие «традиция» неотделимым от понятия «культура», без него невозможно обращаться к самому феномену культуры, в каком бы из многочисленных аспектов мы его ни рассматривали. Тем более, когда мы изучаем

книгу как важнейший факт и фактор национальной идентичности. И в книговедении, и в исторической науке в целом применительно к книге русского Средневековья, а затем и церковнославянской книге Нового времени возник термин *традиционная книга* как основа по преимуществу древней русской книжной культуры – «вместилище вечных идей» [4: 166–168]. Именно традиционные «вечные истины» русской книги – один из путей национальной самоидентификации, преодоления «западного европоцентризма и восточного изоляционизма» [2: 606], и в то же время – доказательство постоянного взаимодействия культур, получающего в книге и выражение, и устойчивую фиксацию.

В этом состоит и главная задача данной работы: поставить вопрос о книжных традициях прошлого на материале, особенно важном для филологической аудитории. Речь идет о книгах, используемых для обучения важнейшему фактору национальной идентичности – языку, этому универсальному инструменту сохранения и воспроизводства традиций собственной идентичности и взаимодействия с другими культурами.

Особо хотелось бы подчеркнуть универсальный характер проблемы, о которой далее пойдет речь.

«Традиция – это естественная плоть культуры, в которую человек погружен, это и язык восприятия и выражения, – пишет А.Р. Нурутдинова, осмысливая мнение Кэндзо Тангэ о традициях японского общества. – Традиция – это часть реальности индивидуума так же, как и часть реальности общества» [5: 25].

Блестящий знаток восточных культур, ученик св. Николая Японского академик Н.И. Конрад подробно исследовал особую роль традиции в жизни народов Дальнего Востока, подчеркивая, что подъем, рост и восприятие нового были в этих культурах «основаны на развитии традиции», на традиционализме [6: 164–165]. Чтобы, говоря о книге для обучения, можно было утверждать появление традиций, «составляющих культурный потенциал общества», необходимо доказать факт широкого распространения книгопечатания.

Исследования в области истории русской книги, принципиальный пересмотр концепции, отрицавшей историко-культурное значение раннего московского книгопечатания,

позволяют говорить о сложившихся уже достаточно рано в России прочных традициях постоянного внимания к изданию и повсеместному распространению книги для обучения и грамоте, и вере. Давно показано, что уже в XVIII в. «книга – детище культуры и главный ее строительный материал» [7: 323].

Исследования последних десятилетий позволяют говорить применительно уже к XVII столетию о самом широком распространении печатной книги в России, как в географическом, так и в социальном аспектах [8a; 8b]. Документально подтверждено, например, что в 1618–1652 гг. на Московском печатном дворе было выпущено не менее 283 изданий общим тиражом от 350 до 370 тысяч экземпляров [8a: 41–42].

Судя по документам Архива приказа книг печатного дела, только в 1621 – 1624 гг. в 36 городов Поморья и Северо-Востока, Северо-Запада, Замоскворецкого края и в низовые волжские города было развезено 3755 экземпляров шести изданий, вышедших с 05.12.1621 по 22.01.1624 года. В том числе было отвезено: 450 книг – в Ярославль, 391 – в Нижний Новгород, 305 – в Вологду, по 260 – в Казань и в Кострому, 250 – в Псков и Новгород и т.д. [8a: 41–42].

Вышесказанное подтверждается результатами исследования В.П. Пушкова, который, изучив документы Печатного двора, подсчитал (отвечая за каждый факт!), что только с 01.09.1636 по 01.09.1637 гг. в книжной лавке Печатного двора книги приобрели жители 72 городов России с уездами, насельники 23 монастырей и пустыней вне Москвы, 24 московских монастырей, приказные чины 23 учреждений, служилые и посадские люди. Всего за этот год было сделано 2213 покупок представителями белого (35,1% всех покупок) и черного (13,8%) духовенства, знати и иерархов (13,9%), служилыми и приказными (13,8% и 13,4%), работниками Печатного двора (4,3%), посадским и зависимым населением (4,3% и 1,3% – т.е. 96 и 29 покупок) [8b: 105]. Из 283-х вышеупомянутых московских изданий 1618–1652 гг. 75 раз были изданы книги для обучения, общий тираж которых, как минимум, составлял около 105 тыс., треть всего известного суммарного тиража [8a: 36]. Книги в лавке типографии, по указам царя и патриарха, продавались долгое время без наценки, а «почем в деле стали».

Поражают новые сведения о московском книгопечатании второй половины XVII века, и прежде всего – об издании книг для обучения. Всего в эти годы было напечатано 410 изданий тиражом более миллиона (1 012 430) экземпляров. 143-мя изданиями, суммарным тиражом более полумиллиона экземпляров (536 420), были напечатаны семь типов книг для обучения [9: 216]. Именно эти книги обеспечили грамотность сотен тысяч русских людей, а в конечном счете – и успех петровских реформ, и наступление новой эпохи, Нового времени российской истории.

Вопрос о роли языка древнерусской книжности в формировании национальной идентичности достаточно сложен, однако нет сомнений в его решающей роли в становлении идентичности культурной и религиозной. Необходимо подчеркнуть, что и сегодня церковнославянский язык остается (в определенной степени) языком Русской Православной Церкви и русского старообрядчества.

Первой книгой для обучения была Азбучка «малая», или «на листу» (8 листов – 16 полос текста). До последнего времени в российских собраниях не было зафиксировано ни одного подлинного экземпляра книги для «начального учения». Все 258 тысяч Азбук второй половины XVII в. были зачитаны. Экземпляр Азбучки, изданный в 1687 г., недавно был обнаружен в Англии [10. № 145]. А в 2002 г. при описании книжного собрания Ярославского музея-заповедника найден первый известный в современной России экземпляр этой книжечки, напечатанный в сентябре 1686 г. [11. № 24. Приложение; 9. Цв. илл. 14–15].

Состав ее традиционен для рукописных списков Азбуки более ранних эпох. В этот состав входили только краткая «начинательная» молитва, собственно азбука из 46 букв, слоги по алфавиту гласных и согласных, важнейшие слова «под титлами», «число церковное» от единицы до 10 тысяч и «Имена просодиям». (Здесь и далее при цитировании церковнославянских текстов сохраняются только те особенности написания, которые можно передать современной орфографией.) Полное название Азбуки – «Начальное оучение человеком, хотящим учиться книг божественнаго писания» [11. Цв. илл. 14]. Цена этой книжечки фактически в течение всего XVII в., несмотря на сложности, переживаемые государством, оставалась

неизменной – одна-полторы копейки, в то время как самой низкой категории наемных рабочих (ярыжным) платили в день 8 копеек [8: 210]. То есть Азбуку, очевидно, могло купить большинство жителей России. На иные социальные слои были рассчитаны «Азбуки с прибавкой», или Буквари – от знаменитых букварей, изданных в типографии В.Ф. Бурцова в 1634–1637 гг., до вершины «азбучной» книги, увидевшей свет на излете XVII века, – Букваря Кариона Истомина и Леонтия Бунина (1696 г.), «открывшего новую эпоху в истории русской учебной книги» [12b: 245].

Однако представители всех социальных слоев русского общества XVII в. после Азбуки или Букваря учились по двум книгам, обеспечивающим не только грамотность, но и воспитание христианское и гражданское. Первой из них был Часовник (Часослов), содержащий тексты неизменяемых суточных служб, которые прихожане слушали во время богослужения почти ежедневно.

Именно эти тексты в самом обобщенном виде содержали основы православного вероучения, в том числе социальные, эстетические, этические его постулаты [8:19-21]. Книгопечатанием эта традиция была воспринята из значительно более раннего времени (напомним, что первой славянской печатной книгой был именно краковский Часослов 1481 г.). Все – и царские, и крестьянские – дети учились читать по Часовнику, который очень скоро получил на Печатном дворе именованье «учебный». Именно в этой книге впервые (в издании 1643 г.) появилось печатное предисловие, являющееся методическим пособием в полном смысле слова. Оно называлось «Наказание ко учителем, како им учити детей грамоте и како детям учиться божественнаго писания и разумения» и было обращено в равной степени и к учителю, и к учащемуся.

Не менее замечательно с точки зрения традиций московской учебной литературы XVII в. предисловие к изданию Часослова 1686 г. Оно написано ярко и образно, формулирует цели образования и цели издания Учебного часослова, обращено и к родителям, и к самим детям. Прежде всего подчеркивается необходимость учиться именно «в златое время детства, яко в весне жизни», когда особенно важно «засеять» «нивы сердец». «Сего ради, – говорится далее, – во общую ползу... печатася сия книга..., да

учащиеся дети писмен чтению, купно обыкнув молится Господу... Юже книгу, вы, родители е благочестивии, яко началоположение жития... чадом вашим вручаити к оучению...». Обращение же к самим «чадам» заканчивается словами, объясняющими задачу и смысл обучения, причину выбора Часослова в качестве первой учебной книги, которая способна воспитать отношение к слову как святыне: «Радосно приемлюще ю [Эту книгу – *И.П.*], тщитесь честе и разумети напечатанная, да и чтуще – молитесь, и молящесь – чтете... Ибо молитва есть глаголение к Богу, чтение же – Божия к вам беседа» [9: 209-210].

Последней книгой, завершающей образование большинства грамотных русских людей, была Псалтырь – «книга книг», «царь книга» (преподобный Василий Великий) христианских цивилизаций, сыгравшая неопределимую роль в становлении личности, менталитета, искусства и многих культурных традиций. Эта книга столетиями на примере всех возможных оттенков взаимоотношения личности Бога и личности человека, на примере всех доступных человеку эмоциональных состояний учила не только любить и понимать «ближнего как самого себя», но и понимать собственную личность.

Псалтырь учебная (малая, келейная) была в каждой грамотной семье, она использовалась не только как важнейший текст общественного богослужения, но и как «кладезь учености» своего времени, и как основное домашнее чтение, заменяющее посещение церковного богослужения, ею благословляли невесту, по Псалтыри гадали. Именно Псалтырь была источником многих «вечных истин», которые стали крылатыми выражениями, вошли в русский язык, в классическую литературу, не отрицаются обществом и сегодня. Насколько высоко было искусство слова, звучавшего с амвона, и как ценились тексты Псалтыри, говорит «Указ» «Смотри разумно, како глаголати Псалтырь», обнаруженный в рукописной Псалтыри 1562 г.: «Первое, что молвити всякое слово; второе, всякое слово домолвити; третье, на строках ставити е; четвертое, умом разумети словеса, что молвити; пятое, пословицы знати, да памятовати, которое слово како молвити: сверху ли голосом ударити слово или прямо молвити и поставити, или снизу почати да кверху поставити. А всякое слово почати духом ясно, чисто,

звонко, равнем гласом ни высоко, ни низко... А весь сеи указ умом да языком, да гласом содержится и красится во всяком человеце...» [13. № 116: 205–206].

Часовник и Псалтырь во второй половине XVII в. издавались соответственно 36 и 35 раз, что составило 132 тысячи экземпляров Часовника и 93 600 – Псалтыри [9: 206–207].

Таким образом, эти основные книги для обучения выделяются даже в синкретичной культуре и книге русского Средневековья как самые «всеобщие» и часто используемые в общественном и личном богослужении, домашнем чтении, быту. Именно столь широкие функции Часовника и Псалтыри обеспечили неизменность основных принципов обучения по ним на протяжении долгих столетий, а в старообрядческой среде – и сегодня.

Учебная Псалтырь неоднократно сопровождалась специальными предисловиями – и вышеназванным «Наказанием» к учителям, и текстом Сказания черноризца Храбра о создании св. Кириллом славянской азбуки. Текст этот подчеркивал единство традиций культуры западно- и восточнославянского христианского мира.

Еще одна важная особенность текстов, избранных в качестве основных при традиционном обучении, – это то, что они по самому своему существу воспринимались радостно или с раскаянием и печалью, но всегда эмоционально и лично.

Именно книги для обучения вере и грамоте в традиционной культуре являлись и остаются важнейшим инструментом сохранения, передачи и воспроизводства традиции (наряду с устной словесностью, о которой, к сожалению, в данном контексте можно только упомянуть).

Однако наивысшим достижением московского книгопечатания XVII в. в области учебной книги было, как это широко и давно признано, издание в 1648 г. существенно дополненной справщиками Печатного двора Грамматики Мелетия Смотрицкого.

Обширное предисловие к Грамматике – чисто русское историко-философское сочинение, в котором авторы прослеживают традиции «учения книжного», начиная с Иисуса Христа и апостолов. Они показывают образцы учености на примерах многих учителей христианства, которые «всю эллинскую мудрость прошед в конец» и «мнози грамматики и прочих

книг философского учения... упражняхуся и от страны в страну... пути шествуя, учения ради творяху» [14: 9]. Московские издатели характеризуют Грамматику как «первую от седми наук свободных» [14: 387–388], являющуюся «дверью» в любые другие знания.

В данном контексте нет необходимости повторять выводы историографии о значении этой книги [15: 22; 16: 40–44; 17: 72–73] в подготовке российского общества к Новому петровскому времени. Остановимся только на «самохарактеристике» книги, изданной, как уже было сказано, в 1648 г. и блестяще демонстрирующей основные традиции *всей* русской книжной культуры. Едва ли сегодня, на уровне современных представлений о языке и культуре, можно создать более высокий, содержательный и точный гимн книге, написанный от лица ее самой. Он озаглавлен «Похвальная словеса сея блаженныя и святыя книги Грамматика... якобы от лица ея быти речеными...».

По своему содержанию и глубине эта хвала гораздо масштабнее того, что можно процитировать. Но даже то, что прозвучит далее, покажет высоту и особенности традиционного понимания смысла обучения и задач учебной книги, засвидетельствует древность этих традиций: «Подобает бо любящим себе, и ищущим мене, честную науку, мудрую Грамматику, с прилежанием внимати. Понеже бо младенцем есть яко питательница... Детищем же яко хранительница... Отрочатам же яко быстрозрительная наставница... всяко вопрошает и ведатися понуждает, юношом яко целомудренная учительница, мужем яко любимая сожительница, и престаревшимся яко всечестная собеседница. Купно же всем... яко второродительница... Еже к плоти учением слова, и к слову зрением смысла, и к смыслу происхождением действия... все мое – учение и умение, и разумение, и умышление, и уложение, и положение, и всякое... строение и составление...» [14: 40–44].

Перед нами изложение основных принципов традиционного учебника (и шире – традиционного знания): святость слова (письменного, печатного, изреченного), необходимость понимания, всеобщность значения грамматического знания, радостное восприятие этого знания всеми «притекающими» и, наконец, характерная для всех книг, издающихся в том числе и для обучения, мысль о практическом значении

именно данной книги, заключенного в ней знания. В расширенной Азбуке-Букваре об этом говорит наличие самых необходимых каждому верующему молитв, замененных позднее на «орацей» – поздравления родителям по случаю основных религиозных праздников. В старообрядческих общинах, сохранивших традиционное обучение детей, всегда также выдвигаются практические и понятные детям стимулы: тем, кто лучше читает Часовник, доверяют чтение на богослужении в храме (молитвенном доме), поручают читать Псалтырь в важные моменты жизни семьи и др.

Несомненно, на русскую учебную книгу XVII в. оказали серьезное влияние педагогические идеи Европы, особенно Я.А. Каменского, произведения которого были, без преувеличения, широко известны в России того времени. Однако справедливо пишет А.П. Богданов, говоря о вышеупомянутом целенограммированном Букваре Истомина и Бунина: «В развитии идей Каменского Истомин пошел дальше... Лицевой Букварь не имел прямых аналогий в европейской педагогике в целом. Это оригинальное учебное пособие, увенчавшее развитие традиции...» [12b: 239]. И далее автор утверждает, что «с минимальными изменениями» традиция, созданная в XVII в. и адресованная Истоминим тогдашним «отрокам и отроковицам, мужем и женам», используется в русских учебных учреждениях и сегодня.

Недавно опубликован примечательный факт использования Грамматики [10: 106]. На экземпляре этой книги в Оксфордской библиотеке обнаружена запись, очевидно, близкая по времени к выходу издания и сделанная в Англии человеком, который сообщает о себе: отец его родился в «Дарбиджирь 4 верс[т]ъ от Цестерфиль Англинской симли, мат моя родилася на Москве Роской земли».

В заключение хотя бы упомянем еще об одном традиционном принципе учебной книги этого времени: воспитании представлений о единстве человека и природы, всего окружающего мира. В издании Учебной псалтыри, напечатанной на Московском печатном дворе 20 сентября 1645 г., читаем: «Яко мал некий мир есть человек, вся имея в себе, яже великого мира: всякаго же украшения благосчетание есть лепо» [18: 16об.–17].

Не свидетельство ли все это тому, что так хорошо обобщил Умберто Эко: «Все культуры

дают почву побегам иных, как далеких, так и близких культур, самое важное – как эти побеги прививаются» [19: 425–426].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Feather J. The Book in History and the History of the Book // *The Journal of Library History*. 1986. Vol. 21, № 1. P. 12 – 16.
2. Гергова А. Исследовательское поле книги во второй половине XX в. // *Федоровские чтения*. 2005. М.: Наука, 2005. С.605-613.
3. Васильев В.И. История книжной культуры: Теоретико-методологические аспекты. М.: Наука, 2004. 111 с. См. также: Васильев В.И., Самарин А.Ю. Книжная культура в теоретическом, историческом и практическом аспектах // Куфаев М.Н. Проблемы философии книги: книга в процессе общения. М.: Наука, 2004. С. 9 – 14; Васильев В.И. Исследования по истории книжной культуры как комплексная многоаспектная научная задача // *Проблемы современной книжной культуры: Материалы «Круглого стола» 14 марта 2003 г.* М.: Наука, 2003. С. 5–9.
4. Панченко А.М. Русская культура в канун петровских реформ / Отв. ред. Д.С. Лихачев. Л.: Наука, 1984. 205 с.
5. Нурутдинова А.Р. Ритуал и фольклор как один из аспектов эстетического и одического поведения в Японии. // *Единство гуманитарного знания: новейший синтез: Материалы XIX международной научной конференции* М.: РГГУ, 2007. 398 с.
6. Конрад Н.И. Культура Китая второй половины XVII и XVIII в. // *Избранные труды*. История. М.: Наука, 1974. С. 162 – 169.
7. Краснобаев Б.П., Черная Л.А. Книжное дело // *Очерки русской культуры XVIII в.* М.: Издательство Московского университета, 1987. Ч. 2. С. 323.
8. 8а. Поздеева И.В. Историко-культурное значение деятельности Московского печатного двора в первой половине XVII в. // Поздеева И.В., Пушков В.П., Дадыкин А.В. Московский печатный двор – факт и фактор русской культуры. 1618–1652 гг.: От восстановления после гибели в Смутное время до патриарха Никона: Исследования и публикации. М.: Издательство объединения «Мосгорархив», 2001. 544 с. С. 9-49.
9. 8b. Пушков В.П. Деятельность Московского печатного двора по распространению духовной литературы в 7145 (1636/37) году // Там же. С. 74-116.
10. Поздеева И.В. Издания Московского печатного двора для обучения вере и грамоте 1652-1700 гг. // *Федоровские чтения 2007 г.* М.: Наука, 2007. С. 201-219.
11. Cyrillic Books printed before 1701 in British and Irish Collections: Union Catalogue / Compiled by R. Cleminson, Ch. Thomas, D. Radoglavova, A. Voznesenskiy. [London]: British Library, 2000. 172 p. №145.
12. Кириллические издания Ростово-Ярославской земли. 1493–1652 гг.: Каталог. Ред. И.В. Поздеева. Ярославль–Ростов, 2004. 630 с. № 24, Приложение.
13. 12а. Пушков В.П. Книжный рынок Москвы в начале 60-х годов XVII в. (по материалам архива Приказа книгопечатного дела) // *Федоровские чтения*. 2003. М.: Наука, 2003. С. 166-175.
14. 12b. Богданов А.П. Учеба царских детей в XVII в. и издания государственных типографий // Там же. С. 224-256.
15. Описание рукописей Иосифо-Волоколамского монастыря из Епархиального собрания ГИМ / Сост. Т.В. Дианова, Л.М. Костюхина, И.В. Поздеева // *Книжные центры Древней Руси. Иосифо-Волоколамский монастырь как центр книжности*. Л.: Наука, 1991. С. 122–415.
16. Смотрицкий Мелетий. Грамматика. М.: Печатный двор, 02.02.1648. (ОРКиР НБ МГУ. 9Er7 Инв.953-20-69.). 378 л.
17. Мечковская Н.Б. Ранние восточнославянские грамматики. Минск: Изд-во «Университетское», 1984. 158 с.
18. Нимчук В.В. Грамматика Мелетия Смотрицкого – пермина давнього мовознавства // *Смотрицкий Мелетий. Грамматика. Факсим. изд.* Киев. «Наукова думка», 1979. 251 с.
19. Атанасов П. Грамматика Мелетия Смотрицкого и болгарские книжники // *Русско-болгарские связи в области книжного дела*. М.: Наука. 1981.
20. Псалтырь учебная. М.: Печатный двор, 20.09.1645. 460 л.
21. Эко Умберто. Корни Европы // *Полный назад: «горячие войны» и популизм в СМИ*. М.: Эксмо, 2007. С. 425–426.

Т.А. Арташкина

*Дальневосточный федеральный университет
г. Владивосток, Россия*

T.A. Artashkina

*Far Eastern Federal University
Vladivostok City, Russia*

ПРОБЛЕМА ТРАНСФОРМАЦИИ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОЙ РЕВОЛЮЦИИ

THE PROBLEM OF THE AUTHENTIC CULTURAL VALUES TRANSFORMATIONS IN THE INFORMATION REVOLUTION SITUATION

В статье ставится проблема трансформации отечественных духовных и культурных ценностей в современных условиях функционирования глобальной системы массовой коммуникации. Автор даёт неоднозначную оценку указанному процессу, подчёркивая его парадоксальность и диалектичность, выделяет факторы, которые его определяют, делает вывод о возможности его негативных последствий.

Ключевые слова: *культура, ценность, информационная революция, информационная культура, трансформация ценностей, унификация ценностей, средства массовой информации, воздействие.*

The present article researches the problem of the authentic spiritual and cultural values transformations in the contemporary situation of the global mass media system functioning. The author gives an ambiguous assessment of the mentioned process emphasizing its paradox and dialectics, the factors characterizing this process; the author concludes on its possible negative effects.

The key words: *culture, value, information revolution, information culture, values transformation, values unifying, mass media, influence.*

Понятие «культура», складываясь исторически, имеет в настоящее время логический статус категории. Смысловые, ценностные и предметные продукты творческой деятельности человека осваиваются и репродуцируются в рамках той или иной социальной общности, а культура служит для человека способом отражения, понимания, объяснения и освоения мира. Не случайно В.С. Степин подчёркивает, что «программы деятельности, поведения и общения, составляющие корпус культуры, представлены многообразием различных форм: знаний, навыков, норм и идеалов, образцов деятельности и поведения, идей и гипотез, верований, социальных целей и ценностных ориентаций и т.д. В своей совокупности и динамике они образуют исторически накапливаемый социальный опыт» [12]. Однако в условиях информационной революции наблюдается формирование качественно иного типа культуры, который начинает активно взаимодействовать с ее традиционными типами, что уже привело

к ситуации фундаментальных изменений в культуре.

Наблюдаемая ныне информационная революция – пятая по счету. *Первая такая революция* связана с возникновением речи у прачеловека, т.е. возникновением способов формулировать свою мысль в звуковых символах и сообщать ее другому члену своего общества. Появился могущественный канал передачи информации, обогащения знаний и опыта, предупреждения об опасностях. *Вторая информационная революция* – изобретение письменности, что произошло после неолитической революции и в какой-то мере явилось ее результатом. Изобретение знаковой системы кодирования информации и ее закрепления на материальном носителе многократно умножило возможность накапливать, передавать и воспринимать знания и опыт, информацию о важнейших событиях. Возникли первые информационные фонды – прообразы современных библиотек. Эта революция явилась

основой для нового общественного разделения труда, когда появились группы людей, профессионально занимающихся информационной деятельностью (писцы, чтецы, учителя и т.д.). *Третьей информационной революцией* является изобретение книгопечатания, позволившего тиражировать рукописи в сотнях и тысячах экземпляров, удешевить книги и сделать их доступными широкому кругу пользователей. Следствием такой революции можно считать огромный шаг, сделанный в интеллектуальном прогрессе и образовании. *К четвертой информационной революции* необходимо отнести изобретение и распространение радио и телевидения, что позволило сократить расстояния, передавать, не считаясь с границами, необходимую информацию в звуковом или образном виде, создавать растущее информационное поле, охватывающее весь земной шар. В этот исторический период человек становится гражданином мира. *Современная информационная революция*, пятая по счету, переложила на плечи компьютерной техники монотонный умственный труд по сбору, хранению, переработке, передаче и приему информации.

Переход на информационные технологии породил новые социокультурные явления, получившие в литературе названия «экранная культура» и «информационная культура». Данные понятия оказываются взаимосвязанными прежде всего в силу своего происхождения: явления, фиксируемые ими, порождены компьютерной техникой. А.В. Прохоров, К.Э. Разлогов и В.Д. Рузин, прослеживая генезис явления, которое они назвали «экранной культурой», отмечают, что это явление относится к тому же ряду, что и «книжная культура», поскольку следующим шагом после книги является появление компьютерной страницы. Таким образом, «культура компьютерной страницы» есть не что иное, как трансформированная книжная культура, определенный итог эволюции книги [10: 18]. При переходе от письменной культуры к экранной возникает новое – экранное – мышление, для которого характерно «сращивание» логического и образного, понятийного и чувственно-наглядного восприятия информации. Именно «экранная страница» становится основой нового типа культуры. В данном случае мы сталкиваемся с одним из наиболее ярких феноменов, иллюстрирующих переплетение технологических, культурных

и мировоззренческих новаций, которые столь характерны для последних десятилетий XX в.

Экранная культура, хоть и создана человеком, существует объективно и вне его. Информационная культура не только охватывает экранную культуру (последняя представляет собой всего лишь одно из средств и один из способов существования информационной культуры), но и характеризует определенный уровень интеллектуального развития человека. Информационная культура в широком смысле сыграла большую роль в развитии человеческой цивилизации, т.к. ее активный характер способствовал преобразующей деятельности человека. Формирование информационной культуры значительно меняет представления человека о природе, обществе и о себе самом. Понятие «информационная культура» базируется на двух фундаментальных категориях: «информация» и «культура». Исходя из этого, можно выделить «культурологический» и «информационный» подходы в трактовке этого понятия. В рамках первого подхода такая культура рассматривается как способ жизнедеятельности человека в информационном обществе, как составляющая процесса формирования культуры человечества. В рамках второго подхода большинство определений подразумевает совокупность знаний, умений и навыков поиска, отбора и анализа информации, т.е. всего того, что включается в деятельность, направленную на удовлетворение информационных потребностей. В большей степени нуждам сегодняшнего дня отвечает подход, в рамках которого информационная культура признается одной из граней общечеловеческой культуры или информационной компонентой человеческой культуры в целом. При такой трактовке информационная составляющая как бы «пронизывает» весь корпус культуры, принадлежа к тем ее «несущим конструкциям», которые обеспечивают логическую целостность культуры.

Постмодернизм является признаком эпохи начавшихся изменений. Как состояние сознания, постмодернизм затрагивает сферу мироощущений, т.е. ту область, где на первый план выходит не рациональная мысль, а глубоко эмоциональная реакция человека на окружающий его мир. Информационные технологии «работают» с текстами, но последние передаются уже не столько словесно, сколько

с помощью образов. Данные технологии действуют как симулякр электронных образов, т.е. таких образов, которые репрезентируют что-то, несуществующее на самом деле, как, например телевизионная картинка, созданная разными манипуляциями с помощью специального программного обеспечения [6: 161]. Электронная технология позволяет с необычайной легкостью трансформировать различные кинокадры. Многократная запись, обратное движение видеопленки, спецэффекты, придающие изображению «рваный характер» – всё это дает режиссеру огромные возможности для игры с пространством, сменой планов и дистанций [3]. Да и сама технология конструирования информационного кадра определяет его мозаичный, фрагментарный характер. Способ, каким передается сообщение, определяет не только восприятие этого сообщения, но и в дальнейшем накладывает отпечаток на мироощущение индивида [7]. На смену линейному способу мышления, установившемуся после изобретения печатного станка, приходит глобальное восприятие через образы телевидения и другие электронные медиумы.

Понятие интертекстуальности, введенное в 1967 г. Юлией Кристевой и ставшее впоследствии одной из основных характеристик постмодернизма, имеет ряд значений. В наиболее употребительном значении интертекст – это культурно-исторические коды, способы передачи и восприятия текстов, причем как вербального, так и невербального плана [8]. Интертекстуальность информационных технологий заключается в том, что они генерируют не линейно-вербальные тексты, а аудиовизуальные знаки, которые тоже являются текстами, но уже воспринимаемыми особым, тактильным образом. В данном контексте интертекстуальность означает и включение одного текста в другой, и способ его передачи и восприятия.

Эмоциональная сфера индивидуальной психики, включающая такие специфические человеческие чувства, как любовь, дружба, сопереживание, гордость, стыд и т.п., формируется под воздействием норм и идеалов общественного сознания, в процессе развития культуры человечества. Однако интертекстуальность визуальных образов, широкое использование средствами массовой коммуникации виртуальной реальности, порождаемое

ими же отчуждение сознания, эмоциональная реакция человека на создаваемый в СМИ мир – все это привело в конечном итоге к тому, что в современном российском обществе наблюдается активный процесс мифологизации индивидуальной картины мира, а следовательно, и индивидуального сознания.

Содержание соответствующих современных кинофильмов, телепередач и проч. во много раз быстрее отражает последние научные достижения, гипотезы, догадки, необъясненные наукой феномены, чем это было в прежние исторические эпохи. Однако в современных отечественных средствах массовой информации гуманитарная картина мира является главной, определяющей, что накладывает особый отпечаток на подбор информации и комментарии к ней. Наиболее динамично на современные научные достижения и гипотезы, не объясненные наукой феномены, а также постоянно возникающие социальные проблемы реагируют научно-фантастическая литература и современный кинематограф, технические возможности которого, спецэффекты, помноженные на соответствующее содержание и порождающие эффект присутствия в реальном мире, становятся очередным средством формирования особой, специфической виртуальной реальности. Воздействие виртуальной реальности на сознание человека – фактор, который способствует развитию информационных технологий и является одновременно как положительным, так и отрицательным.

В отечественных СМИ действует механизм научно-популярных фильмов, прежде всего англо-американского производства, демонстрируемых по телевизионным каналам. Однако достижения отечественной науки в таких фильмах представляются очень редко, а сведения географического, исторического или этнографического характера, сведения о культуре народов нашего Отечества отсутствуют вовсе. Все это указывает на процесс трансформации отечественных культурных ценностей в средствах массовой коммуникации.

Понятия «ценность» и «ценностная ориентация» широко используются в литературе для указания на человеческое, социальное и культурное значение определенных явлений действительности. Эти же понятия стали неотъемлемой частью разного рода дискуссий о путях развития российского общества и российской

государственности. Ценность – положительная или отрицательная значимость объектов окружающего мира для человека, социальной группы, общества в целом. Такая значимость определяется не самими по себе свойствами этих объектов, а их вовлеченностью в сферу человеческой жизнедеятельности, интересов и потребностей, социальных отношений. Критерии и способы оценки этой значимости, выраженные в нравственных принципах и нормах, идеалах, установках, а также целях жизнедеятельности, тоже могут быть отнесены к ценностям. Основное содержание ценностных ориентаций – политические, философские, нравственные убеждения человека, глубокие и постоянные привязанности, принципы поведения.

В настоящее время возникают новые концепции понятия ценностей, связанные с новым пониманием законов их развития, переоценкой ценностей прошлого, новой концепцией культуры, осознанием ценностей будущего общества. Ценностям приписывается внеличностный, надличностный, а в ряде случаев и внеисторический характер. В.Л. Абушенко отмечает, что они трактуются как порождаемые культурой и (или) трансцендентно задаваемые содержания, вплетаемые в изменчивое многообразие социальной жизни как ее инварианты, позволяющие связывать разные временные модусы (прошлое, настоящее, будущее); семиотизировать пространства человеческой жизни, наделяя все элементы в нем аксиологической значимостью; задавать системы приоритетов, способы социального признания, критерии оценок; строить сложные и многоуровневые системы ориентации в мире; обосновывать смыслы [2: 798]. В новой концепции культура – это не только система ценностей, но она может рассматриваться и как совокупность навыков по созданию и потреблению ценностей, их усвоению, т.е. восприятию, пониманию, оценке, сохранению и распространению. И такая система навыков формируется в современных условиях, прежде всего под воздействием средств массовой информации.

Одним из признаков массовой коммуникации является систематическое распространение информации с целью утверждения духовных ценностей данного общества. Средства массовой информации могут навязывать свои представления, вкладывать

мысли непосредственно в сознание человека. Большую роль играет сенсационность подачи материала. Человек, находясь в информационном поле, может жить в виртуальном мире и неадекватно воспринимать реальность. А. Моль еще 30 лет назад подчеркивал, что СМИ фактически контролируют всю нашу культуру, пропуская ее через свои фильтры, выделяют отдельные элементы из общей массы культурных явлений и придают им особый вес. То, что не попало в каналы массовой коммуникации, почти не оказывает влияния на развитие общества [9]. Последнее замечание приобретает особую актуальность в свете рассматриваемой проблемы.

Занимая шестую часть суши, Российская Федерация раскинулась от Балтийского моря до Тихого океана. Однако на российском телевидении вся история такой огромной страны представлена в основном историей средней полосы России. Но история России не заканчивается в районе Поволжья или Уральского хребта. Например, жители российского Дальнего Востока узнают очень много интересного об истории, культуре, образе жизни соседних стран Азиатско-Тихоокеанского региона и совсем ничего не знают (разумеется, кроме последних известий из информационно-новостных передач) о тех местах, где они живут не один десяток лет. Телезрители с удовольствием смотрят телепередачи о заповедных местах, например, Соединенных Штатов Америки, но даже не знают, сколько заповедников и заказников расположено на территории только одного Приморского края. И дело даже не в сухой информации, которую можно найти в соответствующем справочнике, а в способе подбора и передачи информации в тех же средствах массовой коммуникации.

С ростом интенсивности информационных обменов растет скорость развития знаний. В таком процессе, помимо плюсов, имеются и свои минусы. Благодаря телекоммуникационным системам и информационным технологиям события и открытия воспринимаются и распространяются в мире мгновенно. Однако люди, потребляющие и использующие информацию, не просто живут в разных странах и регионах. Они принадлежат разным историческим и культурным эпохам. Тем самым в сознании отдельных людей причудливым образом сочетаются пласты культур разного характера

и уровня развития. В современном информационном обществе национальные традиции очень быстро разрушаются, что приводит в конечном итоге к изменению цивилизационных установок. Несомненным достоинством информационных технологий является то, что эти технологии резко снижают возможности культурного монополизма, создавая относительно независимое множество субкультур, которыми невозможно управлять из одного центра. Однако парадокс заключается именно в том, что те же средства массовой информации, трансформируя культурные ценности, в конечном итоге приводят к их унификации.

Л.Н. Воеводина отмечает: «Социальная реальность, предметы повседневного быта, артефакты искусства, собственные переживания, испытываемые индивидом, нуждаются в некоторой упорядоченности, отборе, классификации и типизации по определенным признакам, в соотнесении друг с другом для понимания, осмысления и интерпретации действительности. Стремление упорядочить разнообразные и разноуровневые структуры действительности закреплено в человеческом сознании и предстает как одно из доминантных свойств психики» [4]. И представители гуманитарной культуры, сотрудничая со средствами массовой коммуникации, выполняют именно эту функцию. Но при этом хотелось бы сослаться и на авторитет И. Ионова, утверждающего, что «во-первых, один объект может (и должен) эксплицироваться разными теориями, во-вторых, нет возможности оторвать субъекта познания от объекта, субъект всегда воздействует на объект /.../ Идет постоянный перелив значений в зависимости от позиции исследователя, от смены этих позиций. /.../ Следовательно, любая истина в истории относительна. Двигаться возможно только в рамках этой относительности от более относительной, методологически не проработанной, случайной истины к истине, полученной в результате разумной, соответствующей современной парадигме процедуре получения научного знания» [5]. Незнание, непонимание или игнорирование неотделимости субъекта познания от объекта в гуманитарном познании приводит в конечном итоге к манипуляции общественным мнением, а следовательно, и к трансформации культурных ценностей, поскольку мани-

пулирование есть процесс информационного воздействия на общественное мнение.

Итак, наблюдаемая ныне информационная революция привела к двум взаимосвязанным и взаимообусловленным процессам: мифологизации индивидуальной картины мира и трансформации культурных ценностей. В отечественных средствах массовой информации трансформация культурных ценностей осуществляется под воздействием следующих факторов:

- выключение отдельных типов культурных ценностей из информационного поля российской культуры;
- исключение информации о культуре целых регионов из информационного поля российской культуры;
- унификация культурных ценностей под воздействием зарубежных, прежде всего англо-американских образцов;
- информационное воздействие на общественное мнение в форме манипуляции.

Подобная трансформация ценностей российской культуры значительно сужает возможности культурного диалога между странами и прежде всего между странами Азиатско-Тихоокеанского региона, имеющими определенные, а в некоторых случаях – и весьма существенные, предпочтения в таком диалоге.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абушенко В.Л. Ценностные ориентации // Новейший философский словарь / сост. А.А. Грицанов. Минск: Изд-во В.М. Скакун, 1998. С. 798.
2. Абушенко В.Л. Ценность // Новейший философский словарь / сост. А.А. Грицанов. Минск: Изд-во В.М. Скакун, 1998. С. 798-799.
3. Вартанов А.С. От фото до видео. М.: Искусство, 1996. 220 с.
4. Воеводина Л.Н. Современные мифы в системе социальной коммуникации [Электронный ресурс] / Высшая школа культурологии. Режим доступа: <http://www.hischool.ru/modules.php?name=Encyclopedia&op=content&tid=657>
5. Ионов И.Н. Методологические проблемы изучения российской цивилизации и русская философская традиция // Материалы Независимого теоретического семинара «Социокультурная методология анализа российского

- общества» [Электронный ресурс] / руков. А.С. Ахиезер; ред.-сост. Е.В. Туркатенко. Режим доступа: <http://scd.centro.ru/index.html>
6. Кроузер А., Кук Д. Телевидение и торжество культуры // Комментарии. М., 1997. № 11. С. 160-168.
 7. Маклюэн М. Робкий гигант // Телевидение вчера, сегодня, завтра: сборник статей. Вып. 1. М.: Искусство, 1987. С. 158-164.
 8. Маньковская Т. Интертекстуальность // Современный философский словарь. М.: Наука, 1996. С. 128-129.
 9. Моль А. Социодинамика культуры: пер. с фр. М.: Прогресс, 1973. 406 с.
 10. Прохоров А.В., Разлогов К.Э., Рузин В.Д. Культура грядущего тысячелетия // Вопросы философии. 1989. № 6. С. 17-30.
 11. Степин В.С. Культура // Новейший философский словарь / сост. А. А. Грицанов. Минск: Изд. В.М. Скакун, 1998. С. 344-346.
 12. Степин В.С. Культура [Электронный ресурс] // Новейший философский словарь / сост. А.А. Грицанов; Институт философии РАН. Минск: Изд. В.М. Скакун, 1998. Режим доступа: <http://www.philosophy.ru/edu/ref/slvrm.htm>

Е.С. Бабкина

*Тихоокеанский государственный университет
г. Хабаровск, Россия*

E.S. Babkina

*Pacific National University
Khabarovsk City, Russia*

**ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО И РЕКЛАМНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
РОССИЙСКИХ ЭМИГРАНТОВ КАК ЯВЛЕНИЕ ИНТЕГРАЦИИ
В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО СЕВЕРО-
ВОСТОЧНОЙ АЗИИ 1920-1940-Х ГГ.
(НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА РЕКЛАМНЫХ ОБЪЯВЛЕНИЙ
В ДЕТСКОМ ЖУРНАЛЕ «ЛАСТОЧКА»)**

**BUSINESS AND ADVERTISING ACTIVITIES OF THE RUSSIAN IMMIGRANTS
AS AN INTEGRATION PHENOMENON IN THE SOCIAL AND ECONOMIC
SPHERES OF NORTH-EAST ASIA DURING THE 1920-1940 YEARS
(BASED ON THE ADVERTISEMENT ANALYSIS EXAMPLE
FROM THE CHILDREN'S MAGAZINE TITLED «SWALLOW»)**

В статье представлен анализ рекламных объявлений на страницах периодической печати русского Китая 1920-1940-х гг., который позволяет оценить вклад русских эмигрантов в развитие экономики Северо-Восточной Азии, дает представление о роли российских предпринимателей в создании условий для социальной адаптации эмигрантов, их интеграции в общественную жизнь и экономику страны пребывания.

Ключевые слова: *дальневосточная эмиграция, предпринимательство, реклама, детская периодика.*

The advertisement analysis of the periodical press of so called Russian China during the 1920-1940-s is aimed at evaluating the Russian immigrants' contribution to the economic development of North-East Asia, at showing perception of the Russian entrepreneurs' role in creating conditions for the immigrants' adaptation and their integration to the social and economic spheres of the host country.

The key words: *the Far Eastern emigration, business, advertising, children's periodicals.*

Печатная продукция стала для эмигрантов самым действенным и фактически единственным средством эффективного продвижения своих товаров и услуг на местном рынке. Русские эмигранты Азии были в своем большинстве слишком бедны, чтобы основать радиостанцию: «для её организации необходима была государственная лицензия, и по тем временам она не обладала большим радиусом действия» [1: 96].

Обязательной составляющей периодики того времени, в том числе и детской, стала реклама. Несмотря на утверждение Марка Раева, о том, что она «не была эффективной и играла

даже в газетах и журналах второстепенную роль» [5: 97], реклама, очевидно, всё же оказывала реальную помощь в поддержании жизнедеятельности издания и издательства, окупая затраты на выпуск и распространение печатной продукции. Поэтому, помимо произведений, предназначенных непосредственно малышам, содержание многих детских изданий включало и тексты, прямо адресованные взрослым, – рекламные объявления.

Реклама в эмигрантских СМИ явилась не только источником дохода, но и стала своеобразным отражением истории становления и развития предпринимательской деятельности

русских за рубежом, создавая представление о духовных и материальных потребностях самих изгнанников.

Русские эмигранты в Северо-Восточной Азии проявили исключительную деловитость и приспособляемость. Об этом говорит многообразие их торговой и промышленной деятельности, которая протекала в далеко не благоприятных условиях. Прежде всего, сказывалась неопределённость эмигрантского существования и уверенность в скором возвращении на родину. Помимо того, большинство русских эмигрантов не имели сколько-нибудь значительных капиталов, необходимых для создания деловых предприятий. Изыскание же кредитов было связано с огромными трудностями. Наконец, деловая жизнь тормозилась правовыми ограничениями, которые практиковались китайскими властями. Беженцам пришлось работать в условиях «постепенной ликвидации русского влияния, а впоследствии и в обстановке правового давления со стороны представителей власти Чжан Изо-мина и Чжан Сюэ-ляна, принимавшего временами формы прямого натравливания низов китайского населения для того, чтобы вынудить русских предпринимателей к передаче дел в китайские руки, чаще всего самим носителям власти» [1: 377].

Русских эмигрантов, прибывших в Маньчжурию после революции 1917 года, условно можно назвать предпринимателями второго поколения. Несмотря на многочисленные трудности, их деятельность во многом была подготовлена соотечественниками-предшественниками, приступившими к освоению китайского рынка ещё в конце XIX – начале XX века.

Русское население Китая до 1917 года состояло преимущественно из людей инициативных. Они явились пионерами иностранной торговли, содействуя развитию края и устанавливая связи между Маньчжурией и Европой и иными отдалёнными рынками. Постройка КВЖД, война 1904-1905 гг. привели в Маньчжурию активных россиян, благодаря энергии которых возникла частная торговля, а позднее появились и многочисленные промышленные предприятия. Представители московских фабрик и заводов, обосновавшись, открыли здесь торговлю железно-скобяными и техническими товарами. Позднее появились

представительства водочной, сахарной, кожевенной и других отраслей русской заводской промышленности.

В дальнейшем на местном рынке возникли самостоятельные предприятия, связанные с теми или иными крупными фирмами России. В числе первых владельцев таких торгово-промышленных начинаний имелись и бывшие служащие КВЖД. Кроме того, торгово-промышленные кадры вырастали за счёт притоков деловых людей из России, которые охотно стремились в Маньчжурию.

Одним из основателей российского предпринимательства в Восточной Азии по праву можно считать И.Я. Чурина, начавшего свое дело в Харбине ещё в период постройки КВЖД. О масштабах предпринимательской деятельности фирмы «Чурин и К^о» в Северо-Восточной Азии можно судить по количеству рекламных объявлений в местной эмигрантской прессе. В каждом номере детского иллюстрированного журнала «Ласточка» на протяжении двадцати лет его существования размещались объявления о товарах и услугах, праздничных распродажах, устраиваемых фирмой и т.п. Широкий ассортимент и приемлемые цены обеспечили стабильное положение компании на азиатском рынке, а активная благотворительная деятельность И.Я. Чурина и его преемников снискали глубокое уважение не только в среде эмигрантов, но и у местных властей.

На долю предпринимателей первого поколения выпали огромные трудности: им приходилось работать в условиях бездорожья, среди малокультурного населения, настороженно, а иногда и враждебно относившегося к пришельцам. Некоторых эти трудности сломили, но те немногие, кто сберег свои предприятия вопреки невзгодам, прочно обосновались на китайском рынке. «Среди них были Чурин, Кулаев, Марков, Добровы, бр. Поповы, бр. Воронцовы, Слинкин, М.И. Фрид, Кабалкин, Гурченко, Ковальский, Дыновский, Л.Ш. Скидельский, Дризины, Миндалевич, Боннер, бр. Соскины, Кабалкин, Кислов, Петерц, бр. Шевченко, Барский и др. Эти предприниматели испытали на себе покровительственную политику русской Императорской власти, оказавшей мощную поддержку предприятиям, попавшим в разряд полезных с точки зрения государственных интересов» [1: 377].

Коммерсанты второго поколения – русские эмигранты, оказались в условиях ещё более сложных, нежели их предшественники, но предприятия, основанные ими в Китае после 1917 года, как ни парадоксально, оказались наиболее жизнеспособными. «В огромном большинстве они выдержали напор неблагоприятных обстоятельств, тогда как русские предприниматели первого поколения утратили большинство своих дел» [1: 380].

Стремление наших соотечественников к самореализации на чужбине, обусловленное не желанием славы и богатства, а поисками хлеба насущного, привело к поразительным результатам. Не имея возможности вернуться на родину, русские предприниматели в эмиграции пытались продолжить начатое в России дело. Некоторым это удавалось. Их коммерческая деятельность оказала сильнейшее влияние на экономику Китая, став весомой частью ее культуры в целом. Об эффективности деятельности россиян в Маньчжурии можно судить по деятельности фирмы «Бриннер и К°».

«Фирма «Бриннер и К°» раньше работала во Владивостоке и Приморской области. Основателем фирмы был /.../ Юлий Иванович Бриннер. Начало деятельности фирмы во Владивостоке относится к 1880 году. /.../ Появление в Приморской области большевистской власти положило предел всякой деятельности частных предприятий, имущество которых было также отобрано большевистской властью. Фирма «Бриннер и К°» должна была эмигрировать в Маньчжурию и начать здесь свою деятельность. В 1926 году в Харбине открылось первое отделение фирмы. В следующем, 1927 году потребовалось открытие отделения фирмы в Дайрене, а затем /.../ в Мукдене и других населённых пунктах.

В пределах Маньчжу-Ди-Го деятельность фирмы сосредоточена, главным образом, в транспортно-пароходной сфере. Прежние деловые связи фирмы вскоре наладили её работу с рядом иностранных стран /.../» [1: 382].

В условиях политической неустойчивости, несовершенства денежной и налоговой системы, острой конкуренции в сфере товарного производства, русские эмигранты в Маньчжурии сумели не только отвоевать значительные рыночные ниши у национальных товаропроизводителей, но и создать свои собственные.

Внимательное изучение природных ресурсов края и его растущих многообразных потребностей активизировало техническую мысль российских эмигрантов. Так, сотрудниками фирмы «Бриннер и К°» был изобретен новый строительный материал, в дальнейшем успешно применяемый на всей территории Северо-Восточной Азии: «Острая нужда городского населения в строительных материалах побудила деятелей фирмы изыскивать новые материалы, годные для строительства, помимо уже существующих в стране. Поэтому фабрикой был изобретен особый строительный материал /.../, так называемый «коакенит». Для выработки этого материала и распространения его на местных рынках фирмой в 1938 г. было организовано акционерное общество «Коакенит» /.../. Для производства «коакенита» ныне существует три завода – в Харбине, Мукдене и Ейко (Корея)» [1: 382].

Значительным рыночным завоеванием и несомненным успехом российского предпринимательства в эмиграции стали лесоперерабатывающая промышленность и животноводство, налаженные братьями Воронцовыми.

«Коммерческая работа родных братьев М.М. и Д.М. Воронцовых началась в Маньчжурии в 1898 году и продолжалась 45 лет непрерывно. Эта работа началась выполнением небольших подрядов по постройке КВЖД, но впоследствии братья Воронцовы специализировались по поставке лесных материалов и сделались почти монопольными поставщиками их для Западной линии. /.../ Бр. Воронцовы оставили большой след в области молочного хозяйства. В Трёхречье и на Западной линии ими открыта сеть маслобойных заводов и сыроварен. /.../ Интересны и поучительны опыты бр. Воронцовых в основной области народного хозяйства в Барге – овцеводстве. /.../ В 1917 г. бр. Воронцовыми был создан завод для разведения рысаков орловской породы. /.../ В 1924 г. Воронцовы выстроили и оборудовали винокурный и водочный заводы в Хайларе производительностью 100 тыс. ведер в год. В 1926 г. ими была выстроена мельница на ст. Якэши. Там же в 1929 г. выстроена электрическая станция. В 1933 г. В Хайларе Воронцовы построили мукомольню. В 1929-30 гг. г. Воронцовы выстроили в Харбине рефрижератор, в то время единственный в городе. В том же году организовано было в окрестностях Харбина молочное

хозяйство, устроен в Харбине лесопильный завод» [1: 381-382].

Коммерческая деятельность россиян в изгнании сводилась не только к заботам о собственном благополучии. Бремя, выпавшее на долю русской эмиграции, было чрезвычайно тяжело, а для многих даже непосильно. Подавляющее большинство беженцев фактически вели борьбу за существование. Нужна была широкая и систематическая помощь, которая проявлялась в благотворительной деятельности общественных организаций и частных предпринимателей.

В 1920-1940 гг. для многих российских торгово-промышленных предприятий крупного, среднего и малого бизнеса негласной обязательной статьёй доходов стали добровольные пожертвования, причем, по эмигрантским меркам, немалые. «Сделав ребёнку хороший подарок, Вы сделаете и доброе дело, поддерживая своим заказом нуждающуюся русскую семью» [3: л. 60], « /.../ абоненты этой библиотеки не только получают дешёво книгу, но и дадут возможность бедным получить книгу бесплатно» [4: л. 21 об.] – рекламные объявления подобного содержания из номера в номер публиковались в местных эмигрантских изданиях (в том числе изданиях для детей).

Вместе с тем благотворительность не могла решить неослабевающую на протяжении почти четверти века проблему безденежья и безработицы в среде эмигрантов. Требовалась более весомая поддержка. Лучший вид помощи, не требующий значительных затрат, – содействие в получении заработка тысячам нуждающимся. Сельское хозяйство, пищевая промышленность, транспорт, лесная, добывающая промышленность, медицинские товары – вот далеко не полный перечень сфер хозяйственной деятельности, в которых российские предприниматели предложили своим соотечественникам, пожалуй, самый желаемый и наиболее рациональный вид помощи – рабочие места, позволившие им работать и самостоятельно существовать.

Создание рабочих мест крупными российскими предпринимателями (И.Я. Чурин, Ю.И. Бриннер, бр. Воронцовы) и владельцами менее солидных фирм (Б.И. Палей, Р.С. Райхель, И.И. Гайстер, Н.Г. Молчанов, З.М. Бенцианов) [4: л. 21 об., 62 об., 73] внесло значительный вклад в процесс социальной адаптации эмигрантов.

Ежедневная работа в русскоязычном коллективе, с применением привычных методов управления и средств производства, явилась консолидирующим фактором, способствующим сохранению национальных традиций, защищающим образ мышления русских беженцев от трансформации под влиянием внешней среды.

Несомненным успехом российского предпринимательства в эмиграции явилось русское издательское дело. Значение русскоязычной печати для социальной адаптации беженцев имело едва ли не первостепенное значение среди прочих факторов, влиявших на вхождение в иную культуру, в новое, зачастую враждебно настроенное общество.

Старейшими и солиднейшими издательствами русского Китая были «Наука», «Заря», «Русская Маньчжурская книготорговля», «Русь» (М.В. Зайцева), «Русское Дело», «Пламя» (книгоиздательство работало на базе книжного магазина с тем же названием), «Русская книга» (Мукден), издательство Л. М. Абрамовича, предлагавшие читателю книги, относящиеся к самым разнообразным отраслям знания.

Помимо крупных фирм существовало множество малых частных предприятий, специализирующихся на книготорговле: магазины «Экспресс», «Восток», контора по выписке журналов и газет Н.Г. Молчанова (Модягоу), книжный магазин С.М. Фоменко «Школа», книжный киоск «Сотрудник школ» [4: л. 62 об., 73], книжные магазины П.Д. Ваганова, Г.Т. Лоншакова, Е.Г. Макарова [2: 154]. Все они, в свою очередь, активно использовали другие печатные издания для продвижения своей продукции на местном рынке.

Эмигрантские издательства регулярно размещали на страницах своих изданий рекламные объявления о переиздании русской классики, выходе в свет произведений российских авторов. Большим спросом пользовались дореволюционные издания. Особенную потребность изгнанники испытывали в книгах для детского чтения. Ассортимент детской книги был крайне скуден. Фонды местных библиотек и читальных залов были ограничены. Книгообмен с Советской Россией был затруднен, а в силу идеологизированности детских изданий 1920-1930-х гг. и вовсе нежелателен. Поэтому многие эмигрантские издательства предпочитали выпускать произведения своих известных

современников, начавших творческий путь ещё в дореволюционной России. Так, реклама книжного магазина «Русь» сообщает о продаже произведений К. Чуковского «Крокодил» и С. Чёрного «Живая азбука» [4: л. 21 об.]. Созданные в 1915 и 1914 годах, эти произведения, вероятно, явились одними из немногочисленных детских книг, которые стали верными спутниками юных эмигрантов. Анализ содержания рекламных объявлений на страницах детского иллюстрированного журнала «Ласточка» позволяет утверждать, что ассортимент детской книги в дальневосточном зарубежье не обновлялся на протяжении многих лет.

Наряду с издательской деятельностью самостоятельной прибыльной статьей дохода русских предпринимателей в Маньчжурии стало библиотечное дело. Ведущими исследователями распространения русской книги в странах АТР С.А. Пайчадзе, Т.В. Кузнецовой, Б.С. Елеповым установлено, что в конце XIX – начале XX вв. русская диаспора в Харбине сумела организовать не менее 15 специальных и общественных библиотек (без учета библиотек учебных заведений, воинских частей и церквей).

Рекламные публикации «Ласточки» 1920-1940-х гг. позволяют увидеть национальную многоликость российских изгнанников в Китае, жизнь которых не могла быть полноценной без удовлетворения культурных запросов. Сохранению национальных традиций и духовной связи с этнической родиной способствовала национальная книга:

«Общественная бесплатная Библиотека-читальня, основанная грузинами (Пристань, Заводская, № 59, уг. 1 линии), открыта с 11 до 1 ч. и с 5 до 7.

Условия пользования книгами: месячная плата за книгу 40 ц. Причём неимущие имеют право пользоваться совершенно бесплатно /.../ » [4: л. 21 об.].

Рекламные тексты журнала для детей младшего возраста «Ласточка» естественным образом отразили образ жизни и потребности

наших соотечественников, эмигрировавших после революции 1917 г. в Китай. Крупному и малому бизнесу в Северо-Восточной Азии суждено было стать одним из существенных факторов, способствовавших организованной консолидации российских беженцев. Как правило, русские эмигранты, приходившие к решению начать предпринимательскую деятельность, объединялись в небольшие коллективы. Возникавшие в результате объединительные тенденции тормозили процесс социального расслоения эмиграции, способствовали её сплочению не только на культурной, языковой, но и на экономической основе.

Открытие собственного дела или приобретение фермерского хозяйства русскими изгнанниками, хотели они того или нет, фактически означало прощание с мечтой о возвращении на родину. С этого момента ассимиляция и аккультурация русских эмигрантов начинали идти усиленными темпами. Рекламные объявления на страницах периодической печати русского Китая 1920-1940-х гг. (в том числе детской) позволяют оценить, насколько велика была роль предпринимательства в создании условий для социальной адаптации российских эмигрантов, их интеграции в общественную жизнь и экономику страны пребывания.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Великая Маньчжурская империя. К десятилетнему юбилею. – Харбин: Издание Государственной организации Кио-ва-кай и Главного Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской Империи, 1942. – 418 с.
2. Великий Харбин: Коммерческий указатель. – Харбин, 1933. – С.154.
3. Ласточка: журнал / ред. Е.С. Кауфман. – Харбин: «Заря», 1939. – ГАХК, НСБ, инв. № 3025.
4. Ласточка: журнал / ред. Е. С.Кауфман – Харбин: «Заря», 1933. – ГАХК, НСБ, инв. № 3028.
5. Раев М. Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции 1919-1939. – М.: Изд-во «Прогресс-академия», 1994. – 296 с.

В.А. Королёва

*Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН
г. Владивосток, Россия*

V.A. Korolyova

*The Far East Peoples History, Archeology, Ethnography Institute
The Russian Academy of Sciences Far Eastern Branch
Vladivostok City, Russia*

ИСКУССТВО МУЗЫКИ И ТЕАТРА КОРЕЙЦЕВ КАК ФЕНОМЕН РЕГИОНАЛЬНОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ 1860-1930-Х ГГ.

THE MUSIC AND THEATRE ARTS OF THE KOREANS AS A PHENOMENON OF THE REGIONAL ARTISTIC CULTURE OF THE RUSSIAN FAR EAST IN 1860-1930 YEARS

Автор рассматривает разнообразные проявления художественной деятельности российских корейцев и объединяет их в специфический феномен региональной культуры, характеризующийся такими признаками, как территориальность и взаимодействие с другими культурами. В статье выдвигаются критерии, определяющие внутреннюю дифференциацию региональной культуры, приводятся сведения о вкладе корейцев в российское искусство.

Ключевые слова: *региональная художественная культура, история искусства, искусство корейцев, культурный ландшафт, территориальность культуры, взаимодействие культур.*

The author considers various expressions of the Russian Koreans' artistic activities, defines them as one single phenomenon of the regional culture characterized with such features as territoriality and interaction with other cultures. The article states some criteria for the internal differentiation of the regional culture, points out the Koreans' contribution to the Russian art.

The key words: *regional artistic culture, the arts history, the Korean art, cultural landscape, culture territoriality, cultures interaction.*

Освоение Россией территории Дальнего Востока, в том числе в современных административно-территориальных рамках Приморского края, с исторической точки зрения весьма непродолжительно (это самый «молодой» российский регион), но чрезвычайно насыщено сложными диалогическими процессами социокультурной адаптации. С одной стороны – диалога природы и социума, а с другой – взаимодействия и взаимовлияния этносов, совместно осваивающих территорию, что способствовало формированию уникального культурного ландшафта и целостности многополярного культурного мира.

Взаимопонимание и взаимодействие переселенцев как диалог культурных идентичностей протекало в рамках российской культуры,

которая ценностно-нормативно скрепила их воедино в этом мире, определила направление в развитии по сути целостной системы субкультур (культур различных сообществ, этнокультур), расположенных в едином социокультурном пространстве.

В формировании концепции дальневосточной художественной культуры ведущая роль принадлежит не только искусству, но также, несомненно, и истории, связующей нитью восстанавливающей преемственность – диалог – между разными поколениями и этническими группами дальневосточников. Особая роль фактора «исторического времени», в сложной взаимосвязи с геополитическим фактором, что в совокупности определило специфику дальневосточного культурно-исторического типа в

целом и регионального типа художественной культуры в частности, рассмотрена автором в монографии «Музыкальная культура Дальнего Востока России. Книга первая. На рубеже эпох (1880-е-1917) – (1917-1920-е)».

В заявленной же постановке проблемы исследования высвечивается необходимость особого ракурса диалога между историей и искусством. Культурное наследие, искусство российских корейцев является оригинальным историческим источником – «художественной летописью» 145-летнего проживания на территории России переселенцев из Кореи и их потомков, для которых Россия (прежде всего российский Дальний Восток, в частности – Приморье) стала второй Родиной.

Вглядываясь в события не столь далёкого прошлого, мы пытаемся уяснить специфику художественной жизни корейских переселенцев, художественной картины мира крестьян-новосельцев, отражающей опасения и надежды, ценности и предпочтения, в целом строй души и особенности самосознания. И обнаруживаем, что не только отдельные образцы творчества, но целые пласты художественной жизни этой важной этнической группы дальневосточного населения России бесследно утеряны вследствие репрессий (в том числе в отношении корейской творческой интеллигенции) и депортации российских корейцев в 1937 г. в республики Средней Азии и Казахстан. И потому художественная культура российских корейцев «дальневосточного периода», в частности – музыкальная, театральная – сегодня представляет собой *terra incognita*. В том числе и для самих корейцев, вновь устремившихся на дальневосточную территорию России после распада СССР из республик Средней Азии и Казахстана, для корейской студенческой молодёжи, обучающейся в Высшем колледже корееведения Дальневосточного федерального университета и других дальневосточных учебных заведениях.

Как ни странно, корейское музыкальное искусство и театр как часть мировой художественной культуры также почти неизвестны не только широкой публике, но и специалистам. Но без понимания исторического пути музыкальной культуры Кореи невозможна и реконструкция художественной картины мира в процессе культурной адаптации корейских переселенцев при освоении территории

дальневосточного региона России, осознания значения и места музыкальной культуры корейцев в контексте генезиса регионального типа отечественной художественной культуры.

Взаимозависимость значительных изменений структуры культурного ландшафта региона и трансформации социокультурного феномена искусства как его важной составляющей, рассматриваемая автором в исследованиях, способствует осознанию культурного наследия дальневосточников как результата реализации культурного потенциала групп переселенцев на российском Дальнем Востоке. Культурный потенциал, в свою очередь, осознаётся как фактор жизнеспособности, характеризующийся готовностью и способностью к активному саморазвитию, своевременному и адекватному ответу на многочисленные вызовы природной и социальной среды, взаимодействию с другими национальными общностями, т.е. как показатель степени и специфики процесса адаптации.

Сам процесс творчества аккумулировал в себе впечатления, события и факты, взятые из действительности, а творчески переработанный «жизненный материал», в свою очередь, воспроизводил новую реальность – художественный мир, в котором воплотилась нравственная и эмоционально-ценностная сущность культуры. Соответственно, художественная деятельность – с учётом мотивации, характера, содержания и форм творчества, корейцев, приспособляющихся к новым условиям жизни и запечатлевающих в произведениях искусства свои беды и радости, тревоги и надежды, на наш взгляд, может рассматриваться в качестве одного из средств этносоциокультурной адаптации.

Убедительность данным заключениям в отношении художественной деятельности корейских переселенцев придаёт отмечаемый исследователями факт: они находились в более выгодном положении по сравнению с русскими переселенцами. Районы расселения корейцев на территории Дальнего Востока России расположены на географически близкой территории со сходными климатическими условиями. И разработанная корейцами на протяжении многих веков система земледелия, соответствующая определённому климату и почвам, получила весьма успешное применение на новосельческой территории.

Поэтому главной адаптационной проблемой для корейских переселенцев являлась этносоциокультурная проблема, выдвигавшая, прежде всего, необходимость формирования собственной культурной среды посредством художественной деятельности на новой территории, постепенно (начиная со второй половины XIX в.) включавшейся в общее культурное пространство, орбиту функционирования художественной культуры Дальнего Востока России.

Векторы художественной деятельности (как одной из форм общественной деятельности) направлены на преобразование социальной среды, но, с другой стороны, предполагают изменения и самого деятеля, то есть процесс социокультурной адаптации включал не только культурную деятельность по приспособлению среды, но и встречный процесс изменения под действием модифицирующейся социокультурной среды самих корейцев.

Многолетняя адаптация корейцев в инокультурной среде включала процессы овладения русским языком, приобщения к различным сферам русской культуры и искусства. Корейцам, проживающим в городской среде, приходилось приспособляться к новым условиям быстро растущих на российском Дальнем Востоке русских городов, новым формам трудовой деятельности и досуга, когда художественная деятельность осуществлялась в процессе активного межкультурного взаимодействия с русскими.

Кроме того, нужно отметить, что темп урбанизации российского Дальнего Востока обусловил одну из специфических черт динамики регионального типа культуры, а именно – формирование культурного пространства в условиях одновременного протекания процессов активного функционирования традиционной народной художественной культуры и генезиса профессиональной – новационной (рождения авторской песни, новаторских форм театра).

Анализ выявленного репертуара художественной деятельности корейцев в Приморье показал устойчивость положения фольклорной культуры в структуре художественной культуры. Такое положение определялось широкой востребованностью традиционного репертуара среди корейских переселенцев и их потомков. Охватывающая всех членов общины традиционная художественная деятельность –

в виде «музыкально-драматического компонента» действа шаманов и их помощников, «скоморошеской традиции» кваньдэ, выступлений музыкантов деревенских оркестров, танцоров, а также включения в общий ритуальный или праздничный процесс – характеризовалась преимущественно активной формой и обладала важными социальными функциями. Эта деятельность была неотъемлемым элементом повседневной жизни корейских крестьян – новосельцев и их потомков; средством выражения самоидентификации в полиэтнической региональной социокультурной среде; обретения определённого местоположения в многополярном мире дальневосточной художественной культуры.

В целом же отметим, что фольклорное искусство на данном историческом этапе адаптации корейцев в инокультурном российском пространстве было представлено достаточно многочисленными видами и жанрами народного творчества, убедительно демонстрирующими содержание и активную положительную динамику социокультурного процесса.

Традиционная музыкально-театральная культура переселенцев имела развитую структуру, включая: жанровое многообразие музыки как неотъемлемого компонента обрядов и праздников; «профессиональное» направление в музыке устной традиции, представленное рядом «профессиональных» творцов-исполнителей – кваньдэ; исполнение в жанре пхансори переложённых на литературную основу древних легенд в рамках концертных выступлений на олимпиадах художественной самодеятельности, что свидетельствует и о развитии в новой культурной среде феномена вторичной формы бытования фольклора – «фольклоризме».

Исключительную значимость в формировании нового мировоззрения российских корейцев имело песенное направление. Этапами в развитии этого важного процесса послужили процессы создания и функционирования образцов песенного творчества в традиционном и новационном видах с широкой жанровой классификацией, включающей привнесённый на новую российскую территорию корейский музыкальный фольклор; рождение песен о разлуке с Родиной; песни об освободительной борьбе с Японией за независимость Кореи; песни о партизанской борьбе против

иностранных интервентов в Приморье и далее создание новых массовых патриотических и лирических (в т.ч. свадебных) песен корейских авторов-дальневосточников.

Песенные примеры, свидетельствующие о тесном исторически обусловленном взаимосоприкосновении и взаимовлиянии дальневосточных культур – корейской и японской, корейской и русской – являются иллюстрацией значительных изменений художественного мышления корейских переселенцев.

Новые творческие направления и формы художественной деятельности в театральной и музыкальной концертной сферах способствовали продуктивным поискам новой проблематики и экспериментам в создании театральных жанров, новой синтетической модели театра; радиоконцерты – ознакомлению аудитории дальневосточников с музыкальным (песенным) творчеством корейцев, а затем – через трансляцию концертов на радио Москвы – самой широкой радиоаудитории страны; художественная самодеятельность – открытию новых талантов, пополнению рядов корейской художественной интеллигенции.

Особенности структуры фольклорного и профессионального искусства российских корейцев как неотъемлемого элемента дальневосточной региональной художественной культуры России, в значительной степени определяющей её специфику, можно определить исходя из сложности соотношений типов художественного продуцирования, более корректно определяющихся оппозицией признаков традиционность-новационность, профессионализм-непрофессионализм, нежели привычной иерархией уровней художественной культуры: традиционная – любительская – профессиональная.

Корреляция данных признаков определила особенности художественного продуцирования, а затем и функционирования в сочетаниях, последовательность которых зеркально отразила структурную эволюцию художественной деятельности российских корейцев в дальневосточный период:

– традиционное непрофессиональное (народное) искусство как элемент повседневной, бытовой культуры (народные праздники, обряды);

– традиционное профессиональное искусство (деятельность шаманов, «скоморошеская»

традиция кваньдэ, отчасти участие в деятельности деревенских народных оркестров и выступления в концертах с фольклорными произведениями – форма известная как «фольклоризм» или «неофольклоризм», спектакли корейского театра по инсценировкам классических фольклорных и литературных сюжетов);

– нетрадиционное (новационное) профессиональное искусство (корейский ТРАМ, новационные (новаторские) спектакли корейского театра нового направления на материале советской драматургии А. Арбузова, В. Билля-Белоцерковского, К. Тренёва).

При этом в деятельности корейских театралов в период становления нетрадиционного профессионального искусства необходимо дифференцировать сторону сугубо «утилитарную» (агитационно-пропагандистскую) и профессионально самоценную. Здесь, как и всегда, импульс динамике развития творчества задавала активная социальная практика. А с другой стороны, важным способом и своеобразным критерием, показателем социокультурной адаптации на российском Дальнем Востоке выступала сама художественная деятельность корейцев Дальнего Востока России, являющаяся одновременно следствием и инструментом формирования мировоззренческих установок в советской культурной политике – в соответствии с трансформацией российского государства и общества.

Существенные особенности содержания художественных образцов (воспроизводство художественного инварианта – канона, а затем создание новых жанров), динамики направлений и форм развития художественной деятельности и механизма функционирования (различные формы распространения и потребления художественных ценностей) на протяжении каждого исторического этапа изучаемого времени в различных социально-политических и экономических условиях демонстрируют модернизацию художественной картины мира российских советских корейцев – крестьян, рыбаков, шахтёров, учителей, творческой интеллигенции, отражают процессы в этническом самосознании, политической и гражданской активности российских корейцев.

Именно в художественной – в том числе музыкальной и театральной – деятельности переселенцев и их потомков на Дальнем Востоке

России рассматриваемого периода ярко проявился определяющий, «знаковый» фактор формирования региональной художественной культуры как системы – территориальность искусства, которая, будучи важным компонентом культурного ландшафта, проявляется, прежде всего, через региональную избирательность и специфичность искусства, через предпочтение локального места производства и функционирования уже готовых произведений искусства. То есть весь процесс трансформации музыкальной модели мира корейцев – как механизм социокультурной адаптации и вхождения в пространство художественной культуры Дальнего Востока – осуществлялся в определённой природной и социокультурной среде, которая оказала как непосредственное, так и опосредованное воздействие на характер и свойства художественных произведений.

Модель музыкально-театральной культуры корейцев на Дальнем Востоке России сложилась из нескольких составляющих:

– творческих субъектов – отдельных личностей и групп людей, наделённых способностями к художественному творчеству, – актёров, режиссёров, драматургов, музыкантов-исполнителей, композиторов, дирижёров, руководителей оркестров, музыкально-драматических коллективов;

– произведений искусства, создаваемых триадой «художник-автор (композитор, драматург) – интерпретатор-соавтор (дирижёр, режиссёр) – исполнитель (музыкант, певец, актёр)» и поддерживаемых публикой;

– формальных и неформальных центров по подготовке мастеров искусства – коллективов корейских духовых и камерных оркестров, отдельных театральных кружков, затем студии при корейском театре, для нескольких артистов корейского театра обучение во ВГИКе на актёрском и режиссёрском отделениях;

– ресурсов и материалов, необходимых для создания произведений.

Функции региональной модели творческой деятельности корейцев на Дальнем Востоке России определились решением задач в художественном произведении с помощью текста, музыкальной и речевой интонаций, музыкального инструментария, различных средств выразительности по отражению реального и воображаемого географического и культурного пространства – Дальнего Востока России

и Кореи (образов настоящей и исторической Родины); выявления взаимосвязей феномена территориальности искусства корейцев с социокультурной и природной средами, с формированием общего культурного пространства на Дальнем Востоке России.

При этом необходимо учитывать характер и степень сохранности народных художественных традиций; богатство культурного наследия и разнообразия сохранившихся памятников культуры, запечатлённых в музыке и пьесах, исполняемых в концертных залах, театрах, на различных концертных площадках, представленных в музейных коллекциях музыкального инструментария, реквизита, театральной атрибутики, инвентаря, в книгах и др.; степень развития связей с другими национальными и региональными культурами (русской, японской, китайской и др.).

В результате региональная музыкальная культура корейцев – как определенное ценностно-смысловое единство, имевшее основополагающее значение для стабилизации духовной жизни в период освоения новой территории, длительной адаптации к инокультурным условиям в последующий период социально-политической модернизации государства и коренной перестройки всего уклада жизни корейского населения, – представляет многоуровневое явление, включившее традиционное народное (фольклор) и традиционное профессиональное искусство, нетрадиционное народное творчество, а также нетрадиционное (новационное) самоценное профессиональное искусство (музыкальное, театральное).

Сегодня мы отчётливо осознаём, что потенциал художественной деятельности корейцев на Дальнем Востоке России реализовывался и в выполнении функций механизма активной культурной адаптации корейских переселенцев и их потомков, и в качестве показателя специфики регионального культурного ландшафта и культурно-исторического типа российского Дальнего Востока. «Золотым временем» значительного развития корейской культуры многие исследователи справедливо называют дальневосточный период от начала XX в. до депортации в 1937 г.

Более того, в истории «отечественной корейской культуры», в художественной и именно музыкально-театральной сфере представлено много ярких, талантливых её творцов,

внёших значительный вклад в её развитие. Широкой известностью не только в нашей стране, но и за рубежом пользуются солистка Большого театра Людмила Нам, солистка балета театра им. К.С. Станиславского и В.И. Немировича-Данченко Светлана Цой. Очень популярны в России стихи и песни поэта и барда Юлия Кима, певца Валерия Пака.

Большой интерес к творчеству и уважение к личности безвременно ушедшего из жизни Виктора Цоя испытывают все, кто знал его при жизни и кто открывает для себя сегодня пронзительные, «завораживающе шаманские» интонации его песен – яркое явление социокультурной ситуации 1980-х гг., стремительно несущейся к закату, агонизирующей советской эпохи. Не случайно имя Виктора Цоя всегда звучит в числе глашатаев времени наряду с именами Владимира Высоцкого, Игоря Талькова. В кругу современных эстрадных звезд достойное место занимает Анита Цой.

Культура и искусство корейского народа вызывает глубокий интерес российских исследователей. История дальневосточной региональной театральной культуры в целом и в частности история корейского театрального искусства в российском культурном пространстве на примере деятельности в Приморье корейского театра в далекие от нас 1930-е гг. до сих пор волнует и интересует нас.

Тема становления и развития корейского театра на Дальнем Востоке России представляется весьма актуальной не только в контексте российского культурного пространства, но и потому, что это особая страница истории искусства корейского народа в сложном и порой трагическом XX веке. Гастроли корейских музыкально-театральных коллективов, встречи творческой молодежи всегда находят искренний отклик у самых широких слоев российской публики. О концертах артистов КНДР красноречиво рассказывают многочисленные репортажи и заметки приморских журналистов на страницах газет 1950-х – начала 1960-х гг., во второй половине 1980-х гг. Встречи с творчеством музыкантов и артистов Республики Корея на протяжении 2000-х гг. становятся всё более регулярными.

Интерес представляет сравнительный анализ театрального искусства российских корейцев и творчества художественных коллективов из КНДР и Южной Кореи, гастролировавших в Приморье.

В настоящее время весьма перспективной, на наш взгляд, может стать идея возрождения в Приморье, где концентрация корейского населения самая высокая в России, корейского национального театра.

П.Ю. Самойленко*Приморское территориальное управление Росохранкультуры
г. Владивосток, Россия***P.Yu. Samoilenko***The Russian Culture Affairs Administration of Primorye Territory
Vladivostok City, Russia*

ПРОБЛЕМЫ ВВОЗА-ВЫВОЗА КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ С ТЕРРИТОРИИ ПРИМОРСКОГО КРАЯ В СТРАНЫ АТР

THE PROBLEMS OF THE CULTURAL VALUES IMPORT/EXPORT TO/FROM PRIMORYE TERRITORY TO THE ASIA-PACIFIC COUNTRIES

В статье представлена динамика процессов ввоза-вывоза культурных ценностей и предметов культурного назначения с территории Приморского края в страны АТР и в обратном направлении, дана оценка этих процессов и проблем, связанных с ними, сделаны выводы о перспективах развития кросс-культурного обмена на приграничных территориях.

Ключевые слова: культурные ценности, предметы культурного назначения, ввоз-вывоз, Росохранкультура, кросс-культурный обмен, Азиатско-Тихоокеанский регион.

The article presents the dynamics of the cultural values and cultural objects import/export processes from Primorye territory to the AP countries and vice-versa, the article gives the assessment of these processes and problems, the author concludes on the cross cultural exchange perspectives on the bordering territories.

The key words: cultural values, cultural objects, import-export, the Russian Culture Affairs Administration of Primorye Territory, cross cultural exchange, Asia-Pacific Rim Countries.

Приморский край, как приграничная территория, имеет устойчивые связи со странами Азиатско-Тихоокеанского региона, что выражается в активном кросс-культурном обмене между Приморьем и такими странами АТР и Северо-Восточной Азии, как Китай, Республика Корея, Япония. Ярким показателем этого обмена являются стабильно развивающиеся в последние годы ввоз и вывоз культурных ценностей и предметов культурного назначения.

Культурные ценности – это, как правило, созданные более 50-ти лет назад произведения живописи, «нерядовые» иконы, антикварные книги, монеты, антикварное оружие. Предметы, созданные в более поздний период, а также вещи, произведённые более 50-ти лет назад, но предназначенные для массового потребления, как правило, оцениваются экспертами как предметы культурного назначения.

Основу вывозимых из Приморского края предметов культурного назначения составляют современные картины приморских

художников (как профессионалов, так и любителей) и предметы декоративно-прикладного искусства – в частности, резные изделия из кости животных. Кроме того, периодически вывозятся монеты, марки и другие предметы коллекционирования, а также сувенирное оружие. Одна культурная ценность (старинная книга) в 2005 г. была запрещена к вывозу контролирующим органом – Приморским управлением Росохранкультуры, поскольку является редким изданием [1].

Ежегодно из Приморского края за рубеж вывозится несколько десятков культурных ценностей и свыше тысячи предметов культурного назначения. «Рекордным» за последнее время был 2005 год, когда в Приморском крае было оформлено на вывоз две с половиной тысячи предметов культурного назначения [Там же]. В 2006-2007 гг. объемы вывоза культурных ценностей и предметов культурного назначения остаются стабильными. Чаще всего культурные ценности и предметы культурного

назначения из Приморья отправляются в страны Азиатско-Тихоокеанского региона, реже – в Европу, страны СНГ.

Стоит отметить, что в последние годы заметно увеличилось число работ, вывозимых приморскими авторами для участия в международных арт-проектах (в основном это выставки в странах АТР). Это наглядно свидетельствует о высоком мастерстве и востребованности приморских художников за пределами России. Поток перемещаемых культурных ценностей и предметов культурного назначения, в основной своей массе – произведений живописи и графики, является ярким показателем развития сотрудничества Приморья с Китаем и другими странами Азиатско-Тихоокеанского региона, в особенности Северо-Восточной Азии.

В то же время в Приморский край ежегодно ввозится несколько сот культурных ценностей [Там же]. Их ввоз в последние годы также стабилен. В основном это антикварное огнестрельное и холодное оружие, ввозимое из США, Европы, стран АТР; оно приобретает все большую популярность на формирующемся антикварном рынке края.

Поскольку, в соответствии с нормами действующего законодательства, регулирующего ввоз-вывоз культурных ценностей, существует понятие «современные предметы культурного назначения серийного и массового производства», на которые не распространяется действие закона о ввозе и вывозе и не выдаются разрешительные документы, то можно говорить о том, что параллельно с потоком ввоза и вывоза культурных ценностей и предметов культурного назначения идет поток перемещения через границу серийных и массовых предметов культурного назначения, практически не учитываемый контролирующими органами, хотя он и гораздо больше потока регистрируемого. Вместе с тем, указанный поток товаров культурного назначения сам по себе является важнейшим механизмом кросс-культурного обмена и формирования устойчивых связей работников культуры, искусства и сопредельных гуманитарных сфер.

При этом территориальные органы Росохранкультуры и их эксперты иногда определяют художественные ценности моложе 50-ти лет как культурные ценности (учитывая имя, государственные награды, звания автора;

участие произведения в выставках, редкость и уникальность и прочие факторы).

Временный вывоз современных произведений искусства за последние десять лет также значительно вырос в Приморском крае, это, как правило, выставки, проводимые как профессиональными объединениями работников искусств (например, Приморским отделением Союза художников России), так и государственными учреждениями культуры. Временный вывоз культурных ценностей из Приморского края ежегодно составляет несколько сот предметов.

Основным направлением вывоза культурных ценностей и предметов культурного назначения в АТР остается Китай – в первую очередь его северо-восточные провинции Хэйлунцзян и Цзилинь. Факт расширения сотрудничества в данном направлении является положительным, во-первых, потому, что приморские авторы хотя бы за счёт интереса китайских граждан сегодня имеют возможность заработать на жизнь своим творчеством. Во-вторых, приморские художники часто получают приглашение работать в КНР (в основном в качестве преподавателей изобразительного искусства). Таким образом, российская школа изобразительного искусства подтверждает свое высокое качество и востребованность. В-третьих, экспорт в Китай предметов культурного назначения и культурных ценностей является показателем реального сотрудничества между двумя странами.

С другой стороны, из Китая на российскую территорию ввозится огромное количество низкопробных предметов культурного назначения, предназначенных для массового потребления. Таким образом, на сегодняшний день можно говорить о том, что наблюдается определённый дисбаланс в качестве ввозимых и вывозимых предметов культурного назначения – более качественные и эксклюзивные работы экспортируются, а не импортируются.

Перспективы развития Приморского края как субъекта Федерации, одного из регионов Дальневосточного федерального округа, наиболее интегрированного в Азиатско-Тихоокеанский регион, планируемое в 2012 году проведение форума организации Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС) во Владивостоке, развитие различных проектов приграничного

сотрудничества, таких как, к примеру, проект Приграничного торгово-экономического комплекса (ПТЭК), должны придать особую динамичность и процессам культурного обмена между Приморским краем и странами Азиатско-Тихоокеанского региона, в частности ввозу-вывозу культурных ценностей. В Приморском крае существует свое богатое культурное наследие, сложившиеся школы различных направлений в искусстве, в особенности богатый опыт накоплен приморскими художниками, поэтому можно надеяться, что развитие международного сотрудничества будет способствовать и дальнейшему кросс-культурному обмену.

Можно прогнозировать, что наиболее активно сотрудничество будет развиваться с

Китаем, Республикой Корея и Японией. Хочется надеяться, что будет не только осуществляться ввоз-вывоз культурных ценностей, но и активизируется проведение выставок – как привозимых в Приморье из стран АТР, так и организуемых крупнейшими учреждениями культуры края за рубежом. Это позволит обогатить культурную жизнь Приморья, российского Дальнего Востока и сопредельных государств.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архив Приморского территориального управления Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в области охраны культурного наследия (Приморского территориального управления Росохранкультуры).

С.А. Баубекова

*Дальневосточный федеральный университет
г. Владивосток, Россия*

S.A. Baubekova

*Far Eastern Federal University
Vladivostok City, Russia*

НАРОДНЫЕ ЧТЕНИЯ В ПРИМОРСКОЙ ОБЛАСТИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

THE PUBLIC READINGS IN PRIMORSKAYA OBLAST IN THE END OF THE 19-TH CENTURY – IN THE BEGINNING OF THE 20-TH CENTURY

Деятельность научных, просветительских обществ и библиотек Дальнего Востока России в конце XIX – начале XX в. оказала значительное влияние на формирование и развитие региональной книжной культуры. В работе рассматривается исторический опыт оценки качества учебной литературы Ученым Комитетом Министерства Просвещения. Научное исследование посвящено истории деятельности научных и просветительских обществ, проведения народных чтений, организации библиотечного дела и внешкольного образования в Приморье.

Ключевые слова: *народные чтения, история формирования библиотек, просветительские общества, оценка качества учебников.*

The activities of various scientific and educational societies in the Russian Far East in the late 19th and the early 20th centuries got a significant influence on the formation and development of the regional culture. The present article examines the historical experience of evaluating the textbooks quality. The purpose of this research is to explore the history of the activity societies and the libraries of Primorskiy kray.

The key words: *public readings, textbooks quality, activity societies history, libraries history.*

Изучение русского языка и русской культуры не представляется возможным без воспитания культуры чтения. Формирование сознания в процессе образования всегда опирается на научные, учебные книжные издания и произведения художественной литературы. Поэтому библиотеки становятся центром духовного единения и развития нравственных основ общества. Исследование исторического развития особенностей народных чтений на Дальнем Востоке дает возможность увидеть закономерности процессов формирования и развития книгоиздания, распространения и использования научной и учебной литературы народным образованием и просветительской деятельностью общественных организаций.

Данное исследование опирается на документы из фондов Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного исторического архива Дальнего Востока и Государственного архива Приморского

края, Хабаровского краевого музея им. Н.И. Гродекова. Чтение научных трудов С.А. Пайчадзе, Т.В. Прудкогляд, С.В. Коваленко способствовало выявлению особенностей характера формирования книжной культуры на юге Дальнего Востока посредством проведения народных чтений.

В XIX в. возник вопрос о всеобщем образовании, который был тесно связан с изданием, распространением и использованием произведений печати. В 1830 г. президент вольного экономического общества П.С. Мордвинов предложил учреждение публичных библиотек в городах империи с целью предоставления всякой возможности приобретать сведения в науках и искусствах, открытия доступа к научным знаниям широким слоям населения России [13: 799–801].

В России в период 1866–1901 гг. многие земства развивают «энергичную учебно-просветительскую деятельность» [6: 682]. В

городах и провинциях открываются начальные школы: земская и церковно-приходская. По типу Западно-Европейских и Северо-Американских Народно-крестьянских высших школ в середине 1890-х гг. в столичных и провинциальных городах России зарегистрированы первые опыты чтения публичных университетских курсов. Активизация деятельности научных и просветительских обществ в России способствовала развитию народного просвещения. Организация народных чтений, устройство народных библиотек и читален, строительство и открытие народных домов рассматривались как форма внешкольного образования. Однако создатели народных университетов сталкивались с рядом политических и экономических трудностей.

Комплектование библиотек зависело от личных качеств и творческих способностей жителей и общественных деятелей определенных регионов России, от их эрудиции, образованности, заинтересованности в развитии культуры населения.

Основу читающей публики во время открытия и освоения дальневосточной земли представляли офицеры, переселявшиеся по долгу службы. Адмирал Кроун, обращаясь в письме к управляющему Морским Министерством, пишет, что библиотека во Владивостоке приобрела для служащих особенное значение, ведь книга являлась не только развлечением, но и собеседницей, другом и учителем [7: Л. 7].

На далекой окраине России библиотеки особо нуждались как в материальной, так и в духовной помощи. На содержание библиотек обычно просили государственные субсидии. Одним из источников пополнения фондов библиотек испокон веков являлись средства Правления общественных организаций, меценатов, дарителей. Приезд Великого князя Алексея Александровича в Приморскую область 1873 г. значительно повлиял на развитие культурной жизни Дальнего Востока. Желая, способствовать образованию разумно и практично составленных библиотек и книжных складов в главных центрах Приморской области, Великий князь Алексей Александрович, кроме книг, переданных его высочеством в библиотеку Владивостока, поручил передать начальнику Ханкайского округа пятьсот пятьдесят рублей для открытия библиотек в селе Камень-Рыболов и в г. Софийского.

В 1882 г. на средства, пожертвованные Великим Князем Алексеем Александровичем была устроена библиотека Южно-Уссурийского Окружного Управления в с. Никольском (как центре Южно-Уссурийского края), которой безвозмездно заведовал Столоначальник Поллицейского Управления Октаев. Из его отчета было известно, что книгами для чтения пользовались не только жители с. Никольского, но и проживающие в других селениях округа. В рапорте от 31 декабря 1883 г. был представлен каталог книг, журналам и газетам. В каталоге было представлено 116 наименований классических произведений русской и зарубежной художественной и научной литературы. Среди полных собраний сочинений Ломоносова, Державина, Карамзина, Пушкина, Белинского, Гоголя, Лермонтова и других классиков русской и зарубежной литературы встречаются произведения мало известных писателей. Например, книги по краеведению – Максимов «Сибирь и Каторга», «Лесная глушь», «Бродячая Русь»; Черкасов «Записки охотника»; Мичи «Путешествие по Амуру и Восточной Сибири»; Боголюбский «Очерк производства Нерчинского Горного Округа с 1703–1871 гг.» и др. Значительную часть библиотеки составляли сочинения авторов зарубежной литературы – Бокль «История цивилизации в Англии», Коллинз «Черная яса», Пирс Этто «Невиновен», Смайлес «Характер», Гете «Путешествие в Италии», Де-Женульях «Тайна огня», Сэгрив «Из-за любви к женщине» и др. Интерес представляют исследования дальневосточного края Буссэ, Потанина, Пржевальского, Крашенинникова, Алябьева, издававшиеся как отдельными произведениями, так и в сборниках Известий Российского Императорского Географического общества.

В каталоге книг, журналам, газетам Библиотеки Южно-Уссурийского Окружного Управления за 1879–1883 гг. зарегистрировано 27 наименований журналов и газет, например, ежемесячный журнал «Дело» выписывался ежегодно с 1879 г.; с 1881 г. подписка увеличилась, в библиотеку начали поступать «Русская старина», «Журнал гражданского и уголовного права»; в 1883 г. кроме названных журналов фонд библиотеки дополнили «Вестник Европы», «Отечественные записки», «Восточное обозрение», «Русский архив», «Всемирная иллюстрация», «Владивосток» и др.

Освоение Дальневосточных рубежей сопровождалось организацией общеобразовательных учреждений и деятельностью различных научных и просветительских обществ, которые помогали формировать читательский интерес, влияли на восприятие и понимание исторических событий, русской культуры, классической художественной литературы и искусства, открывали и формировали библиотеки.

12 декабря 1886 г. с целью распространения просвещения и образования в народе было организовано Общество Народных чтений во Владивостоке. В его общественной деятельности активно участвовали гласные Владивостокской Думы. Первые годы существования Общества лекции в основном носили церковно-патриотический характер. Концепция лекционных занятий полностью зависела от мировоззрения, идей и убеждений руководителей Общества, состав которого периодически переизбирался [7: Л. 4]. По инициативе председателя Общества народных чтений Горохова в 1887 г. открылся Владивостокский городской бесплатный кабинет для чтения в Городской Управе.

19 февраля 1895 г. Общество Народных чтений активизировало свою просветительскую деятельность с целью повышения уровня образованности народа, стремящегося к знаниям. В течение года в Городском Училище было проведено 29 встреч с читателями, на которых членами Общества были проведены чтения по различным предметам. Одним из интереснейших разделов чтений является знакомство слушателей с содержанием художественных произведений, проводились беседы на исторические темы в духе патриотического воспитания, большой популярностью пользовались чтения, посвященные проблемам естественнонаучного знания в области биологии, географии, астрономии и других наук. По отчету, в Приморском обществе народных чтений было зарегистрировано 114 человек. Общее количество слушателей, согласно отчету, 257 человек. Слушателями чтений являлись мещане, чиновники, учащиеся народных школ, училищ и других учебных заведений Владивостока [8: Л. 348–349]. Изучению истории деятельности научных и просветительских обществ посвящены публикации наших современников [1].

23 января 1896 г. состоялось Общее Собрание Общества Народных чтений под

председательством Горохова, на Собрании был утвержден устав Общества и принято предложение об открытии общественной бесплатной библиотеки-читальни для народа, на средства Общества. Ответственным за библиотеку избрали Горохова.

В отчете Общества Народных чтений словами особой благодарности отмечен владелец газеты «Владивосток» Ремизов, печатавший для Общества 4000 объявлений, избирательные записки, входные билеты, списки членов Общества и др.

В 1898 г. устав Общества Народных чтений был принят, вследствие чего начинается активизация просветительской деятельности: организуются воскресные школы, курсы иностранных языков для взрослых, проводятся общеобразовательные лекции, вечера, карнавалы, спектакли, выписывается марксистский журнал «Образование». Правление Общества Народных чтений открывает центральную библиотеку и ряд ее отделений на окраинах города.

Внутренняя борьба государственной политики, Министерства Внутренних Дел, с революционными настроениями общественности определяла особенности региональной цензуры и контроля публичных чтений. По утвержденному положению Комитета Министров в 1900 г. был установлен порядок их проведения, как средств начального образования, с разрешения директора народных училищ. Народные чтения, устраиваемые отдельными лицами, обществами, общественными учреждениями, фабриками, заводами должны были производиться по печатным сочинениям, одобренным Министерством Народного Просвещения, и по допущенным изданиям Комиссией народных чтений [11].

В 1883 г. Ученый Комитет России установил три вида рецензирования книг, поступающих на его рассмотрение. Оценивая внутреннее достоинство сочинений, определил три степени соответствия содержания книг учебным программам образования: книги рекомендованные отличались выдающимися научными открытиями, представляли особенно удобную методику обучения предмету, имели особое значение для ведения учебного процесса по сравнению с подобными однородными изданиями, им отдавалось предпочтение в использовании педагогами и учащимися школ.

Одобренные книги соответствовали по содержанию и изложению учебного материала требованиям и условиям народного образования, но не выделялись по качеству и уровню знания от многих других книг того же разряда. Допущенными являлись книги не достаточно качественно подготовленные по содержанию и изложению, но способные приносить пользу в обучении, особенно, если они предоставляли знания по мало изученному предмету, который не имеет достаточного количества пригодных сочинений. Одобренные Ученым Комитетом книги делились по назначению на три разряда – учебные руководства (учебники), учебные пособия и другие издания, предназначенные для хранения и использования фундаментальными и ученическими библиотеками.

Ученый Комитет Министерства Просвещения, контролируя качество образования, пришел к убеждению, что в качестве учебных пособий необходимо одобрять только те издания, которые полностью отвечают своему предназначению и без которых в школе учебный процесс невозможен, чтобы не давать повода преподавателям предъявлять к учащимся чрезмерные требования и нагружать их непосильной работой. К таким изданиям относились: литературные произведения русских и иностранных писателей, хрестоматии, словари, сборники математических задач, географические и исторические атласы. Все прочие издания, предназначенные для более подробного и всестороннего изучения того или иного предмета, Ученый Комитет одобрял для библиотек учебных заведений [3: Л. 1].

Россия начала XX в. находилась в состоянии демократического реформирования и активизации народного сознания. Большинство руководителей общественных и партийных организаций видели выход Российского государства из кризиса только в революции, которая тщательно готовилась средствами периодической печати и их просветительской деятельностью.

Анализируя противоречия духовно-нравственных основ русского народа и плачевного состояния общественного сознания 1917 г., Максим Горький утверждал, что «революция только тогда плодотворна и способна обновить жизнь, когда она совершается духовно – в разуме людей». Созидание революционного движения он видел в разумном проявлении естественно накопленных творческих сил

народа, которые вносят в жизнь новые мысли, новые чувства [4: 7].

Внутренняя борьба государственной политики, Министерства Внутренних Дел, с революционными настроениями общественности определяла особенности региональной цензуры и контроля публичных Народных чтений. Из публикации в газете «Владивосток» от 24 февраля 1902 г. известно, что Военный Губернатор объявил постановление, запрещающее всякого рода сходки, сборища, митинги, с предписанием полиции прекращать их всеми мерами, даже с помощью войск [7: Л. 5]. В целях государственной безопасности были вынесены запреты на литературные публикации, если в художественном творчестве находили использование служебных материалов и документов [12: Л. 12].

1905–1908 гг. характерно активизируется и развивается деятельность Общества Народных чтений при поддержке Городского самоуправления: активизируется деятельность народного театра, строится и открывается Народный Дом во Владивостоке. Военное положение привлекло к общественной деятельности преподавателей.

После некоторого затишья в работе Общества Народных чтений и смены его руководства, с 1912 г. Общим собранием, Правлением и Комиссиями продолжали развиваться просветительно-образовательные мероприятия: библиотеки, вечерние курсы и лекции для взрослых, дневные чтения и беседы, проведение творческих членских вечеров, спектаклей, литературно-музыкальных и детских утренников, праздничных ёлок.

В истории развития деятельности Общества Народных чтений 1886–1915 гг. можно заметить полную смену личного состава членов Общего Собрания. В 1915 г. заметно повысилась посещаемость Народного Дома, что зафиксировано в суммарном отчете – 55229 человек, в среднем ежедневное посещение составляло 151 человек. В 1914 г. общая посещаемость была равна 38382 человекам, а средняя – 105 человекам в день.

Первоначально заведование и работа в библиотеках была организована на общественных началах, а в дальнейшем, в результате развития библиотечного дела и пополнения фондов заведующему библиотекой назначалось жалование.

С 22 мая 1915 г. Образовательная Комиссия начала организацию и проведение популярных систематических чтений по воскресным дням. Программа утренников состояла из двух отделений: с целью всестороннего развития личности в первом отделении проводились вокально-музыкальные и декламационные номера, чтения художественных произведений известных русских и зарубежных писателей. Во втором отделении в течение 40–50 минут проводились научно-популярные чтения на темы: «Труд и здоровье», «Народные дома и земства», «О причинах народной нищеты», «Любовь к природе», «Национально-патриотические элементы в произведениях Лермонтова», «Внешкольное образование и народный театр», «Период беззаботного смеха в творчестве Н. В. Гоголя» и др.

Курсовая комиссия Общества народных чтений составила программу вечерней общеобразовательной подготовки взрослого населения Владивостока по русскому языку, арифметике, геометрии, черчению, истории и географии. Организаторы курсов столкнулись с экономическими трудностями (курсы были платными), непригодностью помещений для проведения уроков, неблагоприятной обстановкой военного времени.

Книги библиотеки Общества Народных чтений систематизировали по отраслям знания. Наиболее читаемыми авторами считались Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский, И.А. Гончаров, А.М. Горький, А.И. Куприн, И.С. Тургенев, А.П. Чехов и др. Самыми популярными журналами являлись «Современный мир», «Русское богатство», «Нива» [10].

В годы Гражданской войны на Дальнем Востоке фонды и книжные собрания общественных, военных библиотек были переданы в библиотеку им. Н.В. Гоголя. Наиболее ценные издания не выдавались до установления Советской власти [2: 18].

Благодаря географическому положению Приморской области в обществе активно развивалось изучение восточных языков, культуры малых народностей Дальнего Востока и стан Азиатско-Тихоокеанского региона, что способствовало укоренению русского языка и русской культуры. О развитии народного образования в крае особенно заботился шталмейстер Н.Л. Гондатти. Направление научной деятельности Восточного института во Владивостоке было изменено в сторону практического изучения

русского языка. Научные общества получили возможность развивать свою издательскую деятельность. На краеведение было обращено особое внимание [5].

Музей общества изучения Амурского края во Владивостоке являлся научным областным центром. Ежегодно на его базе проводились научные исследования учеными, приезжающими из европейской России в Приморскую область. Например, летом 1917 г. в музее работала группа ученых (доцент Ливанов, ассистент Павленко и студентка Пономарева) по изучению фауны залива Петра Великого под руководством профессора Казанского университета Остроумова. Геологи Виттенбург, Анерт, Криштафевич, Дервиз; зоолог Пермского университета Федотов, хранитель Тифлисского музея Рошковский, приезжая в командировки на Дальний Восток способствовали пополнению музейного фонда новыми интересными и ценными коллекциями.

Члены ревизионной комиссии Э. Граф, П. Маскаленко, С. Широкогоров отмечали, что в 34 год деятельности Общества изучения Амурского края политические вопросы поглотили все, что отрицательно сказалось на научной деятельности всех общественных организаций. В 1918 г. фонд библиотеки этого научного общества составил 23654 экземпляров, среди которых 10535 книг, 8048 русских журналов, 2085 иностранных периодических изданий, 2986 дублетов. Библиотекой пользовались члены научных обществ, ученые, приезжающие из России для изучения особенностей дальневосточных рубежей, профессора русских университетов, студенты Восточного института для выполнения зачетных работ, «некоторые случайные лица» [9: 16].

Организация библиотек на Дальнем Востоке явилась основным средством распространения грамотности, использования научного знания, формирования духовно-нравственных ценностей в условиях становления и развития издательских предприятий, книготорговой сети, при ограниченности доступа к информации и литературе. Общество Народных чтений выполняло цели и задачи по воспитанию хорошего вкуса к литературе и театру, а также способствовало распространению демократических взглядов. Библиотеки-читальни являлись местом не только интеллектуального отдыха, но и политической борьбы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андриец, Г. А. Народные чтения в городах Дальнего Востока России кон. XIX – нач. XX в. // 85 лет высшему историческому и филологическому образованию на Дальнем Востоке России : материалы научной конференции. Ч. 1. Сб. трудов Института истории и философии ДВГУ. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2003. С. 73–81.
2. Библиотека: взгляд в историю / сост. Л. Г. Осадчук. – Владивосток, 2007. 132 с.
3. Выписки из журнала Ученого Комитета Министерства Народного Просвещения о порядке одобрения учебников и учебных пособий 1883–1896 г. // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ) Ф. 586. (В. К. Плева). Оп. 1, Д. 180. 11 л.
4. Горький, М. Революция и культура // Культура и свобода : сб. первый. – Петроград, 1918. С. 7–14.
5. Записки Приамурского отдела Императорского общества Востоковедения / под ред. Л. Г. Ульяницкого. – II-й год издания. – Вып. III. 1915 г. Хабаровск, 1916. 274 с. ; +X с. ; ил.
6. Малый энциклопедический словарь. Т. 3 / репринт. воспр. изд. Ф. А. Брокгауз – И. А. Эфрон. – М. : «Терра», 1994.
7. «Материалы об «Обществе народных чтений» 1886–1917 гг. Сведения о морской офицерской библиотеке 1873 г. и городской библиотеке 1908–1916 гг.» // Государственный архив Приморского края (ГАПК) Ф. р-530. Оп. 1. Д. 103. 16 л.
8. Обзор фонда «Приморское областное правление». Отчет Приморского общества народных чтений о своей деятельности 6 апреля 1896г. – 30 сент. 1896 года // Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ) Ф. 1. Оп. 1. Д. 1479. 398 л.
9. Отчет Общества изучения Амурского края (Владивостокского отделения Приамурского отдела Русского Географического общества) за 1917 г. Владивосток, 1919. 29 с.
10. Отчет о деятельности Общества Народных чтений в г. Владивостоке за 1915 г. / сост. Н. Джеппо. – Владивосток: «Дальний Восток», 1915. 36 с.
11. Приморское областное правление г. Владивостока. Указы Сената, циркуляры, постановления, распоряжения и положения Комитета Министров и Министерства внутренних дел о правилах создания обществ народных чтений и по др. вопросам // РГИА ДВ Ф. 1. Оп. 11. Д. 19. 121 л.
12. Приморское областное правление 1862–1917 гг. Циркуляры МВД, Амурской казенной палаты и приказы Военного губернатора Приморской области о запрещении печатать в периодических изданиях секретные сведения и др. вопросам 23 дек. 1899–21 сент. 1900 гг. // РГИА ДВ Ф. 1. Оп. 13. Д. 188. 19 л.
13. Энциклопедический словарь: Т. Ша Бергеръ – Бисы / под ред. И. Е. Андреевского ; изд. Ф. А. Брокгауз (Лейпциг), И. А. Эфрон (СПб.) – СПб., 1891.

РЕЦЕНЗИИ

REVIEWS

К ВОПРОСУ О ДОСТОВЕРНОСТИ НАУЧНОЙ КРИТИКИ

ON THE ISSUE OF SCIENTIFIC CRITICISM CREDIBILITY

Первушина Е.А. Сонеты Шекспира в России: переводческая рецепция XIX–XXI вв.: монография. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2010. – 354 с. ISBN 978-5-7444-2387-2.

Pervushina E. A. William Shakespeare Sonnets in Russia: translation reception of the 19-21 centuries: monography. – Vladivostok: the Far Eastern Federal University Publishing House, 2010. – 354 p. ISBN 978-5-7444-2387-2.

В монографии профессора Дальневосточного федерального университета Елены Александровны Первушиной представлен развёрнутый историко-литературный обзор отечественных переводов сонетов Шекспира – от XIX столетия до наших дней. Такое обширное и подробное исследование истории русской сонетианы Шекспира предпринято в нашей науке впервые. Отметим также, что Е.А. Первушина самостоятельно разработала периодизацию в истории русской сонетианы Шекспира, обратившись к изучению многих белых пятен в этой истории.

Явление поэтического перевода автор рассматривает как проблему сравнительного литературоведения, производя свой анализ в свете актуальных функционально-рецептивных

подходов. Это позволяет ей выйти за пределы узко фактографических подходов в сопоставлении оригинальных и переводных произведений и сделать важные выводы о художественном своеобразии переводной литературы в целом и об особых законах её исторического развития. Важность выполнения исследований в рамках дескриптивного переводоведения, ставящего во главу угла сопоставление переводных текстов (“target-orientedness”¹) для выявления законов связи между переводческими переменными, была подчеркнута известным израильским теоретиком перевода Гидеоном Тури, считающимся создателем этого нового и

¹ Toury G. *Descriptive Translation Studies and Beyond*. – Amsterdam / Philadelphia: John Benjamin's Publ. Co., 1995, p.25.

перспективного направления, зародившегося на рубеже XX и XXI веков, и очень отрадно, что такие исследования с успехом проводятся в нашей стране в переводоведческой школе профессора Р.Р. Чайковского и теперь получили развитие в концепции Е.А. Первушиной.

Следует также отметить серьёзную позицию автора монографии в его взгляде на высочайший потенциал отечественной словесности, представленный не только в оригинальных произведениях русских авторов, но и в переводах иноязычных писателей, рассматриваемых в сложном историко-литературном контексте различных художественных систем – от романтизма до постимпрессионизма. Важны намеченные Е.А. Первушиной литературоведческие ориентиры в анализе поэтических переводов, связанные с жанрово-стилевыми особенностями сонета и цикла сонетов. Основной вывод исследовательницы состоит в том, что результатом отечественной переводческой рецепции знаменитых сонетов, которая постоянно открывала нового и многоликого Шекспира, стало соиздание выдающегося феномена переводной литературы. Русская сонетиана Шекспира в процессе своего становления и развития постепенно обрела способность в значительной мере быть самостоятельным и самоорганизующимся итогом грандиозного культурно-эстетического диалога. В итоге можно с уверенностью говорить о теоретической значимости рецензируемой монографии, в которой просматриваются новые возможности сравнительного литературоведения.

Работа Е.А. Первушиной уже нашла своих заинтересованных читателей. Её первая презентация состоялась в сентябре 2010 г. на заседании международной конференции «Шекспировские чтения 2010», после чего Шекспировская комиссия РАН направила в ректорат ДВФУ благодарственное письмо. Книга была удостоена серебряной медали на региональной выставке «Печатный двор» в номинации «Научная монография». В декабре 2010 г. прошла новая презентация для общественности Владивостока в Приморском государственном музее им. В.К. Арсеньева¹. Информация о монографии была представлена на страницах журнала «Вестник гуманитарной науки»² и на официальном сайте академического проекта

«Русский Шекспир»³ и др., а в интерактивной энциклопедии «Википедия» к статье «Сонеты Шекспира» появилась ссылка на эту работу⁴.

Исследование Е.А. Первушиной заметили и высоко оценили многие авторитетные специалисты, доктора филологических наук: заместитель председателя Шекспировской комиссии РАН профессор И.С. Приходько (ИМЛИ РАН), профессор Ю.Б. Орлицкий (РГГУ), профессор А.С. Либерман (Миннесотский университет, США), профессор Б.-М. Ингемансон (Вашингтонский государственный университет, штат Вашингтон, США) и др. Доктор филологических наук, профессор Н.Т. Пахсарьян (МГУ им. Ломоносова) представила монографию Е.А. Первушиной на страницах «Реферативного журнала» ИНИОН РАН (2011, № 3). Учёный секретарь Шекспировской комиссии РАН, кандидат филологических наук, доктор философии Н.В. Захаров отметил в своей рецензии: «Глубокое и оригинальное исследование Е.А. Первушиной является значительным событием в современной отечественной компаративистике»⁵.

Правда, появился и отрицательный отзыв на монографию Е.А. Первушиной, написанный доктором филологических наук О.Г. Дилакторской, которая категорично заявила, что «солидный по объёму труд весьма немного дал нового для дальнейшего исследования проблемы восприятия сонетов английского классика в русском культурном сознании»⁶. Естественно, столь суровая оценка требовала серьёзных и принципиально обоснованных возражений, однако в данном отзыве мы их не увидели.

Прежде всего бездоказательным выглядит утверждение, что автор монографии «не сформулировал собственной концепции».

³ URL: <http://www.rus-shake.ru/menu/news/9708.html>

⁴ URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%BE%D0%BD%D0%B5%D1%82%D1%8B_%D0%A8%D0%B5%D0%BA%D1%81%D0%BF%D0%B8%D1%80%D0%B0

⁵ Рецензия размещена на сайтах научно-информационной базы данных «Русский Шекспир» (<http://www.rus-shake.ru/menu/news/9726.html>), электронной энциклопедии «Мир Шекспира» (<http://www.world-shake.ru/ru/news/4238.html>), электронном портале журнала «Знание. Понимание. Умение», входящем в перечень изданий, рекомендуемых ВАК (<http://www.zpu-journal.ru/news/detail.php?ID=692>) и на других адресах.

⁶ Дилакторская О.Г. Реплика по поводу книги о сонетах Шекспира в России // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2010, № 4. – С. 155. Далее, ссылаясь на текст реплики, мы ограничимся указанием в скобках страницы, на которой расположен цитируемый фрагмент.

¹ См.: <http://www.rus-shake.ru/menu/news/9609.html>.

² URL: <http://vestnik.rsuh.ru/article.html?id=623669/>

Е.А. Первушина изложила её во введении и в первой, теоретической, главе монографии («Переводная литература как проблема сравнительного литературоведения»), установив методологическую базу своей работы в обращении к проблемам восприятия и функционирования художественного произведения. В монографии представлен обстоятельный аналитический обзор соответствующих научных подходов: герменевтических принципов интерпретации, утверждавших важность категории понимания; идей феноменологии о созидательной открытости в соотношении параметров восприятия («горизонта» текста и «горизонта» интерпретатора); литературоведческого признания диалогической природы литературного творчества и креативной роли читателя в раскрытии и умножении потенциальных смыслов произведения. Известно, что на пересечении названных подходов произошло формирование рецептивной эстетики, направившей исследовательское внимание на изучение творческого характера воспринимающего сознания. В русле именно этого – функционально-рецептивного – направления Е.А. Первушина разворачивает своё исследование, говоря о необходимости изучения переводческого восприятия и преобразующего воссоздания оригинальных произведений, т.е. *переводческой рецепции* одного из самых репрезентативных образцов переводной множественности в русской словесности – отечественной сонетианы Шекспира. На эту проблематику чётко указывает и название работы, первая часть которого уточняется второй: «Сонеты Шекспира в России: переводческая рецепция XIX–XXI вв.».

Но О.Г. Дилакторская неточно прочла авторское название книги: поставив в его центре не двоеточие, а точку, она таким образом сделала уточнение другим, отдельным предложением и потому сочла возможными собственные предположения о двух аспектах исследования: «Составное заглавие монографии позволяет предположить два ракурса профессионального исследования и отнести его к области либо зарубежного литературоведения, либо русского. Что является предметом исследования – сонеты Шекспира или русские переводчики со своим восприятием их?» [с. 154]. На наш взгляд, очевидно: автор монографии собирается говорить не о сонетах Шекспира,

а о *сонетах Шекспира в России*. Не менее очевидно и то, что *отечественного* исследователя невозможно причислить ни к какой области *зарубежного* литературоведения. Но далее О.Г. Дилакторская обескураживает ещё больше: она попросту не замечает в монографии ни введения, ни теоретической главы и первой называет вообще-то вторую главу книги, к тому же очень неточно представив её содержание¹. В отзыве совершенно не комментируются категории и понятия, заявленные автором монографии основополагающими, – переводческая рецепция, переводная литература, переводная множественность, переводческие стратегии, жанровая переводческая трансформация, сонет, сонетный цикл и др.

Избегая необходимой в таких случаях научной полемики, О.Г. Дилакторская предпочитает заявить об отсутствии у Е.А. Первушиной концепции и ограничиться назидательным пересказом хорошо известных положений книги Ю.М. Лотмана «Анализ поэтического текста» и упреками в научной несостоятельности отдельных терминов, используемых в работе. Однако некоторые из этих – кстати сказать, широко употребляемых – слов (реализмоцентризм, шекспироцентризм) вовсе не являются специальными терминами, а протест О.Г. Дилакторской против выражения «текст без берегов» вызывает желание посоветовать автору реплики познакомиться с одним из положений эстетики постмодернизма. Это принцип сплошной текстуализации реальности, известный именно как «теория текста без берегов». «Если термин “реализм без берегов”, – утверждает О.Г. Дилакторская, – предполагает “внедрение” реалистических деталей в модернизм, постмодернизм, соц-арт, примитивизм, экспрессионизм и т.д., т.е. очевидно оправдание метафоры “без берегов”, то термин “текст без берегов” трудно комментировать» [с. 154]. Как не вспомнить написанное М.В. Вербицкой в её монографии ещё 10 лет назад: «Создаётся впечатление, что весь мир живёт сейчас в безграничном гипертекстуальном, или интертекстуальном, пространстве. Была эпоха “реализма

¹ У Е.А. Первушиной глава называется «Становление русской сонетианы Шекспира в XIX в.», О.Г. Дилакторская утверждает, что эта глава посвящена «изучению состояния переводческой деятельности в России в XIX в.» [с. 154].

без берегов”, теперь наступила эпоха “текста без берегов”»¹.

Не менее бездоказательно заявление О.Г. Дилакторской о том, что автор монографии «не выявил новые тексты переводов, не обнаружил в своем анализе новые пути эволюции» [с. 154]. Видимо, автору реплики было проще опять не заметить в книге Е.А. Первушиной обстоятельно развёрнутую хронологическую таблицу (с. 342–353), отразившую историческую картину русской сонетианы Шекспира. Наряду с известными именами здесь представлено множество новых авторов. Напомним, что в книге впервые предложена периодизация истории русских переводов Шекспира и рассмотрены особые принципы этой периодизации. Научные редакторы сборника статей, выпущенного по материалам международной конференции «Шекспировские чтения 2010», на которой Е.А. Первушина апробировала эти идеи, назвали предложенную ею периодизацию одним из научных достижений автора в области шекспирологии².

Отдельного замечания заслуживают библиографические ссылки, приведённые в отзыве. Не заметив названных Е.А. Первушиной имён многочисленных зарубежных и отечественных исследователей сонетов (с. 5) и желая продемонстрировать собственные познания в области шекспирологии, О.Г. Дилакторская называет труды, которые, по её представлению, должны были представить научные достижения в изучении шекспировских сонетов. Но всё это очень давние, созданные ещё на заре шекспироведения работы общего характера, к тому же посвящённые вовсе не сонетам. Англичанин У. Хэзлитт (1778–1830) в произведении, упомянутом в ссылке, писал о характерах драматических произведений Шекспира; француза И. Тэна (1828–1893) интересовало культурно-историческое истолкование творчества Шекспира в целом. Из трудов французского историка, литературного критика и политика Ф. Гизо (1787–1874) О.Г. Дилакторская выбрала для ссылки работу историко-социологического характера – «Шекспир и его время», шекспироведы гораздо больше ценят

другие его статьи³. Датский критик и историк литературы Г. Брандес (1842–1927) – автор биографии Шекспира, о сонетах в ней сказано очень коротко.

Другая подборка библиографических ссылок приведена О.Г. Дилакторской с целью показать, как не нова Е.А. Первушина в доказательстве того, что «Шекспир любовный сюжет своих сонетов адресовал не “смуглой даме”, а мужчине», поскольку «этот вывод давно прозвучал в европейском шекспироведении» [с. 154]. Сразу отметим, что Е.А. Первушина упоминает указанные вопросы в свете *литературоведческой* проблемы поэтических адресатов и анализирует, напомним, не сами сонеты Шекспира⁴, а их восприятие русскими переводчиками. Но О.Г. Дилакторская указывает в своей ссылке далёкие от литературоведения труды, созданные на стыке психологии и сексологии. Первым примером «европейского шекспироведения» она называет работу *американской* исследовательницы Ив Кософски Седжвик, которую в США считают основоположником изучения гей-культуры.

Наконец, невозможно не заметить, как много неточностей в отзыве О.Г. Дилакторской. Прежде всего в написании оригинальных фамилий и иностранных слов. Так, в фамилии У. Хэзлитта переставлены буквы (вместо «Hazlitt» написано «Halzitt»), в фамилии Ф. Гизо подменена буква (вместо правильного F. Guizot написано F. Guisot); неправильно воспроизведена фамилия Ив Кософски Седжвик: в ней, во-первых, пропущена буква g, а во-вторых, непонятно почему в середине имени этого – одного – человека поставлена точка и вместо «E. Kosofsky Sedgwick» в отзыве видим «E. Kosofsky. Sedwick» [с. 154]. Есть у О.Г. Дилакторской и фактические ошибки: искажено название статьи А.Л. Зорина: она называется «Сонеты

¹ Вербицкая М.В. Теория вторичных текстов. – М.: МГУ, 2000. – С. 3.

² Шекспировские чтения. Науч. совет РАН «История мировой литературы» / гл. ред. А.В. Бартошевич. – М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2010. – 404 с. См. также: <http://www.worldshake.ru/ru/news/4253.html>.

³ Об этом см.: Реизов Б. Шекспир и эстетика французского романтизма: («Жизнь Шекспира» Ф. Гизо) // Шекспир в мировой литературе. Л.: Худож. лит., 1964. – С. 157–197; Луков Вал. А. Гизо и Шекспир // Шекспировские штудии XIV: Шекспир: разноязычный контекст: сб. науч. трудов. – М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2009. – С. 35–40.

⁴ Е.А. Первушина не ставила своей целью анализ указанной проблемы, но на с. 92–93 своей монографии указала современных специалистов-литературоведов, осуществивших обстоятельный и системный обзор зарубежной и отечественной исследовательской литературы. См: Луков Вл. А.; Флорова В.С. «Сонеты» Уильяма Шекспира: от контекстов к тексту (К 400-летию со дня публикации шекспировских «Сонетов»). М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2009. – 94 с.

Шекспира в русских переводах», а не «Сюжеты Шекспира в русских переводах», как это написано в отзыве. Упомянутый А.Л. Зорин неверно определен открывателем имён переводчиков XIX в. – шекспиоведам хорошо известно, что эти имена были установлены не им и гораздо раньше¹. Видный историк западноевропейской литературы, основоположник отечественной шекспиологии, профессор Н.И. Стороженко, бывший вице-президентом Шекспировского общества в Лондоне и председателем Общества любителей российской словесности в Москве, в реплике переключен в переводчики сонетов. Библиографический очерк Н.Н. Бахтина назван здесь словарем и пр.

Полагаем, что О.Г. Дилакторской следовало внимательнее прочесть не только рецензируемую ею монографию, но и собственную рецензию, поскольку в настоящем виде её отзыв исключает возможность корректной научной полемики.

¹ См.: Шекспир: Библиография русских переводов и критической литературы на русском языке. 1748–1962 / сост. И.М. Левидова; отв. ред. М.П. Алексеев. – М.: Книга, 1964. – 709 с.; Шекспир и русская культура / под ред. М.П. Алексеева – М.; Л. : Наука, 1965. – 823 с.

СОБЫТИЯ

EVENTS

Н.С. Мильячук

руководитель исполнительного комитета АТАПРЯЛ

N.S. Milyanchuk

Asia-Pacific Russian language and literature teachers Association executive committee head

ВО ВЛАДИВОСТОКЕ ПРОШЛА IV-Я МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «РУССКИЙ ЯЗЫК И РУССКАЯ КУЛЬТУРА В ДИАЛОГЕ СТРАН АТР»

THE RUSSIAN LANGUAGE AND THE RUSSIAN CULTURE IN THE ASIA PACIFIC COUNTRIES DIALOGUE THE 4-TH INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE TOOK PLACE IN VLADIVOSTOK CITY

26–28 апреля 2011 г. в Дальневосточном федеральном университете (г. Владивосток) прошла IV-я международная научно-практическая конференция «Русский язык и русская культура в диалоге стран АТР».

Организаторами конференции стали

- Фонд «Русский мир»
- Азиатско-Тихоокеанская ассоциация преподавателей русского языка и литературы (АТАПРЯЛ)
- Дальневосточный федеральный университет
- Морской государственный университет им. адмирала Г.И. Невельского
- Владивостокский государственный университет экономики и сервиса.

В программу мероприятий, направленных на пропаганду и распространение русского языка и русской культуры, вошли:

- IV-я международная научно-практическая конференция «Русский язык и русская культура в диалоге стран АТР»
- круглый стол «Русский мир в странах АТР»
- научно-методический семинар «Актуальные проблемы современной филологии» – мастер-классы ведущих специалистов из Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого, Института русского языка им В.В. Виноградова РАН, Института русской литературы РАН (Пушкинского дома), Университета иностранных языков Хангук (Республика Корея) и Хэйлунцзянского университета (КНР).

Почётными гостями мероприятий стали:

- В.Н. Истратов – к.и.н., заместитель исполнительного директора Правления фонда «Русский мир»
- Ким Хён Тхэк – профессор Университета иностранных языков Хангук (Республика Корея), лауреат медали им. А.С. Пушкина
- Т.В. Шмелёва – д.ф.н., профессор Новгородского университета им. Ярослава Мудрого
- М.М. Павлова – д.ф.н., старший научный сотрудник Института русской литературы РАН (Пушкинского дома)
- С.О. Савчук – к.ф.н., старший научный сотрудник Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН
- Во Куок Доан – к.ф.н., зав. кафедрой практического русского языка Ханойского университета (Вьетнам)
- Цзя Сьюйцзе – профессор Института русского языка Хэйлунцзянского университета (КНР)
- Бай Вэньчан – заместитель директора Института русского языка Хэйлунцзянского университета (КНР).

Пленарное заседание конференции открыл президент АТАПРЯЛ, директор Дальневосточного филиала фонда «Русский мир» А.Н. Зубрицкий. Затем прозвучали пленарные доклады:

- Т.В. Шмелёвой «Традиционное и новое в русском синтаксисе (об идеях В.А. Белошапковой)»
- С.О. Савчук «Национальный корпус русского языка: возможности, проблемы и перспективы развития»
- М.М. Павловой «У истоков русского символизма: новые материалы из поэтического архива Фёдора Сологуба»
- Ким Хён Тхэка «О русской литературе в Корею»
- Во Куок Доана «Русский мир во Вьетнаме»
- Е.А. Первушиной «Переводческая рецепция как феномен межкультурной коммуникации».

На конференции работало 6 секций.

В центре внимания участников секции 1 «Актуальные проблемы современной русистики» была проблематика описания служебных слов русского языка. В ряде докладов нашло

отражение новое видение служебных слов: представлены их функциональные классы, показаны стилистические возможности, продемонстрированы оригинальные методики лексикографического описания. В ходе работы секции дана высокая оценка деятельности дальневосточных русистов в данном направлении, отмечено, что благодаря этой деятельности описание служебных слов вышло на качественно новый уровень, о чём свидетельствует готовящийся к печати 2 том «Словаря служебных слов русского языка».

Всекции 2 «Этнокультурное сознание – язык – коммуникация» были представлены исследования когнитивных механизмов, отражённых в лексической системе языка, в художественных текстах, в интернет-коммуникации, в живой разговорной речи полиязычного социума. Большая часть выступлений была посвящена региональному аспекту функционирования языка: отражению особенностей, связанных с географическим положением Приморского края, уровнем и характером его экономического развития и социальной структурой. В ходе дискуссии неоднократно подчёркивалась актуальность и продуктивность исследований языкового существования в рамках регионального направления, так как они позволяют выявить не только региональную специфику, но и общие закономерности развития русского языка.

На заседании секции 3 «Мировой литературный процесс: Запад – Россия – Восток» обсуждались самые разнообразные литературоведческие проблемы и рассматривался чрезвычайно широкий по историческому охвату художественный материал: от произведений классической русской литературы XIX в. до творчества современных рок-поэтов. Авторы докладов обращались к изучению тематического воплощения мировоззренческих позиций писателей, анализу художественного строя драматических произведений, поднимали вопросы художественного своеобразия постмодернистской эссеистики и интертекстуальной насыщенности текстов, затронули проблемы поэтической циклизации. Особый интерес вызвали доклады, представлявшие региональный материал: дальневосточный фольклор, феномен дальневосточного декадентства 1920-х гг.

В докладах секции 4 «Теория и практика преподавания русского языка как иностранного

на современном этапе» рассматривались актуальные проблемы методики преподавания РКИ учащимся из стран АТР. Выступающие затронули вопросы формирования устойчивых навыков произношения, обучения поисковому чтению, формирования социокультурной, лингвистической и профессиональной компетенции лингвистов-инофонов. В ходе работы секции был представлен интересный методический опыт, предложены новые виды работ по аудированию, обучению грамматике и страноведению и принято решение о создании совместного сборника методических материалов, обобщающих опыт преподавания русского языка студентам из стран АТР, накопленный в Дальневосточном регионе.

В работе секции 5 «Современные проблемы филологического образования» принимали участие учителя русского языка и литературы школ города, преподаватели вузов, специалисты Приморского краевого института переподготовки и повышения квалификации работников образования. Проблематика докладов имела ярко выраженный междисциплинарный характер: рассматривался культурологический подход к изучению литературы в школе, теория и методика интегративных уроков, психология и методика воспитания читателя-школьника и развития его языковой личности. Однако наиболее острый интерес вызвало обсуждение проблем подготовки учащихся и учителей к итоговой аттестации по русскому языку и литературе. Участники секции единодушно отмечали, что роль учителя-словесника в современной школе становится миссией, служением: именно урок русского языка и литературы часто является единственным средством воспитания патриотизма, формирования национального сознания ученика – через восприятие красоты слова приходит уважение к родному языку и своему народу.

Впервые на конференции работала молодёжная секция «Русский язык и русская культура глазами молодых исследователей». Работа секции проходила на двух площадках: на базе Морского государственного университета

им. адмирала Г.И. Невельского – с участием русских и иностранных студентов Института русского языка и литературы ДВФУ и МГУ им. Невельского; на базе Владивостокского государственного университета экономики и сервиса – с участием китайских студентов Института русского языка и литературы ДВФУ и ВГУЭС. Доклады молодёжных секций отличались активным стремлением к научному поиску и глубоким интересом к вопросам межкультурного взаимодействия народов, функционирования языка в новых социальных условиях, отражения этнокогнитивных механизмов в языке и художественной литературе.

Одним из центральных событий конференции стал круглый стол «Русский мир в странах АТР». В нём приняли участие преподаватели и учёные из Китая, Южной Кореи, Вьетнама, Индии, Индонезии, благодаря деятельности которых и формируется русскоязычное и руссиеориентированное пространство в Азиатско-Тихоокеанском регионе. В ходе дискуссии отмечалась динамика интереса к России в странах региона и обсуждались факторы, которые её обуславливают, выдвигались идеи и целые проекты, способствующие реальному расширению границ Русского мира, и определялись проблемы, препятствующие этому процессу, вносились предложения, направленные на решение этих проблем. Участники круглого стола с удовлетворением отмечали результативность деятельности Дальневосточного филиала фонда «Русский мир» – с его открытием процесс распространения русского языка и русской культуры в страны АТР обрёл целенаправленный и системный характер.

Всего на конференции выступило 97 докладчиков из 7 стран, представлено 16 вузов.

Участники всех секций единодушно отмечали актуальность научной проблематики конференции, высокий уровень представленных научных исследований и методических разработок, широкое представительство участников (по странам, научным направлениям, профессиональным категориям), отличную организацию работы.

Вестник
Азиатско-Тихоокеанской ассоциации
преподавателей русского языка и литературы
№2-3

Главный редактор: Стародумова Е.А., д.ф.н., профессор

Редакционная коллегия:

Прияткина А.Ф., д.ф.н., профессор
Богданова О.В., д.ф.н., профессор
Крапивник Л.Ф., д.ф.н., профессор
Чаплыгина И.Д., д.ф.н., профессор
Шестопалова В.И., к.ф.н., профессор
Первушина Е.А., к.ф.н., профессор
Рублёва О.Л., к.ф.н., профессор
Соколова И.В., к.ф.н., доцент
Милянчук Н.С., к.ф.н., доцент

Компьютерная вёрстка и дизайн обложки – Л.А. Харитонова
Корректор – Н.С. Милянчук

Подписано в печать 20.08.2011
Формат 60x84 ¹/₈. Усл. печ. л. 29,5 уч.-изд. л. 25
Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии издательства «Дюма»
690080, Приморский край, г. Владивосток, ул. Борисенко, 100-Б, оф. 44